

Телюк
Ирина
Викторовна

(1952–2010)

Окончила Московский институт электронного машиностроения (1975), Заочный народный университет искусств (1996) и Академию живописи Университета

Натальи Нестеровой, мастерские народных художников РФ Кулакова В. А., Кузнецова А. В. и Алимова С. А. (2002).

Была членом Московского союза художников с 2002 г. (секция монументально-декоративного искусства).

Начала выставяться с 1995 г. Участница ряда выставок в ЦВЗ «Манеж» (2002, 2007), МГВЗ «Новый Манеж» (2002), ЦДХ на Крымском валу (2002–2010), МДХ на Кузнецком мосту, 11 (1999, 2004, 2006, 2009) и некоторых других выставочных залах и музеях Москвы. Персональные выставки прошли в Сероцке (Польша, 1999), ЦДЛ (Москва, 2003) и выставочном зале МСХ на Старосадском, 5 (Москва, 2007).

Работала в области живописи, станковой и книжной графики, мозаики. Ею выполнены иллюстрации к поэтическим книгам Сергея Телюка: «Сказание о сколотах» (1996), «Сказания о праславянах» (1997), «Кое-что о Юливане» (1998), «Книга вторая. Страна родная» (1999), «Книга легенд» (2001), «Предначертание» (2004), «И отчалит кораблик, привет...» (2006); а также к «Знамкам зодиака» (2002) Белы Риго (перевод с венгерского С. Телюка).

Награждена дипломом МСХ (2004), лауреат VIII Артиады народов России за графические циклы последних лет (2006).

Получила благодарность от Министра культуры и массовых коммуникаций РФ за большой вклад в развитие и сохранение культуры и искусства (2008).

Ирина Телюк ВСЁ, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ СКАЗКИ

Ирина Телюк
ВСЁ, ЧТО
ОСТАЛОСЬ
ОТ СКАЗКИ

The background is a painting of a Siamese cat with light-colored fur and darker brown points on its ears, face, and paws. The cat has large, bright yellow eyes and is looking directly at the viewer. The background behind the cat is a deep blue sky with swirling, concentric patterns, suggesting a night sky with a full moon or a bright sun. The overall style is painterly and expressive, with visible brushstrokes.

Ирина Телюк

ВСЁ, ЧТО
ОСТАЛОСЬ
ОТ СКАЗКИ

Измерю

Ирина Телюк

ВСЁ, ЧТО
ОСТАЛОСЬ
ОТ СКАЗКИ

Москва
«РАДУГА»
2012

Под общей редакцией Сергея Телюка

В оформлении обложки использована картина
Ирины Телюк «Ночной дозор»

ISBN 978-5-905485-11-4

© И. В. Телюк, 2012 г.

© С. Ю. Телюк, 2012 г.

*60-летию Ирины Телюк
посвящается...*

ЗАЩИТНИЦА

С сердечной теплотой берусь за перо – написать об Ирине Телюк. И с глубокой тяжестью на сердце. Слишком мало времени прошло с момента прощания. Слишком остра боль памяти. А ещё потому, что овдовели мы с Сергеем почти одновременно, – висела беда над обоими. О смерти Ирины я сказать моей жене не рискнул – боялся расстроить. Самой-то ей оставалось быть на этом свете – считанные дни.

Теперь они обе – там. Возможно, перекинутся знаками таинственного потустороннего бытия? На этой стороне – встречались, общались, перекидывались суждениями... О её работах, о Серёжиных стихах, о моих статьях... И о той родословной повести под названием «Ветви», которую мы с Шурой уже близили к концу... Да конец опередил наши тексты.

И, конечно, мы смотрели работы Ирины: живопись, графику. И в ходе поездок по городам России, организованных с помощью ДИМСИ (организация, возросшая на пепле комсомола), Ирина вела кружки рисования, приобщая к кисти и перу одарённых детей. И в рамках Московского Союза художников (Ирина активно участвовала в работе организации – была секретарём выставочной комиссии секции монументально-декоративного искусства). Мы знали её листы и полотна, следили за её поисками, хотя по соображениям такта не отваживались на безапелляционные суждения.

Однажды всё-таки я на суждение решился. Дело в том, что мы с женой оказались её, Ирины, моделями – на парном портрете. Вступая в диалог со своим изображением, я хотел избежать такой тривиальности как признательность за честь оказаться на полотне (Пушкин этот сюжет исчерпал своим «зеркалом», которое «льстит»).

Я как-то исхитрился избежать признания, что речь идёт о нашем с женой портрете, – спрятался за «место действия». А оно было довольно экзотичное: Гданьск – прямо-таки в Городской Ратуше.

В подзаголовке я выдал место действия:

«Размышления перед полотном Ирины Телюк, избравшей московскую семейную пару в Гданьской Ратуше».

Далее я развивал свой авторский сюжет, исходя из знания живописных работ Ирины:

«Причём тут Гданьская Ратуша? Какими судьбами оказались в её стенах муж и жена, явно нездешние? Почему не нашлось у Ирины Телюк для их парного портрета какого-нибудь нейтрального фона?

Ответ: потому что никакого нейтрального фона Ирина Телюк вообще не знает. Её мир заполнен, заселён, обжит до состояния, когда любая деталь сразу вызывает цепочку культурных ассоциаций.

Но, в отличие от гипернаблюдательных постструктуралистов, Ирина Телюк исходит не из чувства хаоса, в котором непоправимо перемешаны детали, судьбы и души, не из абсурда невменяемого времени, всё уже пережившего и всё пережевывавшего до состояния сто раз переваренной жвачки, и не из ужаса пропастей и разрывов, пронизывающего наличную реальность у многих современных художников, – а из того, что в

этом хаосе космос «спрятан». Он даёт о себе знать: теплотой тона, композиционным строем, юмором фактуры. То есть качеством живописи.

Хаотическая тень Конца Света, покрывшая Землю при Всемирном Потопе, композиционно укрощена тем, как правилен и прочен силуэт ковчега, как спокойна фигура праотца Ноя.

Безумная ярмарка тщеславия, обуявшая художников, которые тащат свои полотна на Выставком, подсвечена улыбкой: хаос на картинках приручён, он всегда может быть приручён. Он приручаем по природе.

Даже самая горько безнадёжная картина Ирины Телюк – «Слепые» – компенсирует безнадёгу не только ритмами: ритмом шагов, ритмом палок в руках слепых, но и стрелкой «Выход», показывающей, что люди идут «не туда». Смысл: они-то идут неправильно, и для них в это мгновение «выхода нет», но в принципе выход – есть!

Теперь я возвращаюсь к семейной паре на фоне гданьской росписи. Полотно разделено на тёмную и светлую половины. Семейный союз никогда не воплощается у Ирины Телюк в очевидных объёмах; фигуры разделены; их общение требует нравственного усилия; это усилие требуется и от зрителя, на помощь которому приходит геральдика = иероглифика, заполняющая фоны.

Муж представлен на фоне то ли травяных орнаментов, то ли рыбок, парящих в эфире. Имя героя – Лев – может только добавить юмора к фигуре этого травоядного мыслителя.

Жена – на своей автономной тёмной половине – сцеплена с каким-то воинственным средневековым «крулем». Смотрит она не на мужа, а в сторону. Дис-

контакт?! Отнюдь! Она настороже: не грозит ли мужу опасность? Её зовут Александра, что расшифровывается: защитница мужей.

Вот и Ирина Телюк в моём сознании – защитница. Защитница мужей, защитница человекoв, защитница людей – в мире, где люди ждут Всемирного Потопа, несут показать друг другу картинки-оберёги от бессмыслицы, а то и шествуют вслепую, оберегаемые стенами, дверьми и надписями, какими бы абсурдными они ни казались». (17.07.2008)

Ещё одно моё суждение о работах Ирины – о её иллюстрациях к праславянским стихам Сергея Телюка – помещено в послесловии к дневнику Ирины.

Дневник

Я читаю её дневник, любовно подготовленный к печати Сергеем. Дневник этот может встать в ряд свидетельств о времени... Не о том, канувшем в века, о котором оставила исповедь другая художница – Мария Башкирцева, а о времени нынешнем, едва взвившемся в послевоенном оттаивании – и уже готовом отступить перед теми, кто идёт следом.

Я ограничусь далее краткими комментариями к дневнику Ирины Телюк – к тем точкам её исповеди, которые кажутся мне существенными для понимания её судьбы, – и судьбы её поколения, пришедшего в этот мир на переломе от сталинской к послесталинской эпохе (а лучше сказать: от военного времени и его инерции в делах и душах – к осторожному оттаиванию в мир). От ситуации осаждённой крепости – к контактам с миром (в судьбе Ирины это Китай, Румыния...). От комсомольской юности – к оттепельной молодости. От

лихих стройотрядов студенчества – к профессионализации...

Работа, работа, работа...

Любовь. Творчество. Жизнь

Родословие

В родословном древе, созданном Ириной и Сергеем, – сто двадцать листочков-клеточек, с двадцатью примечаниями. Из этих двадцати – шесть я откомментирую сам. Вот они:

4) Убит на фронте в 1914 году.

*7) Погибли на Великой Отечественной войне
1941–1945 годов...*

8) Умерли в детском возрасте.

11) Покончил с собой.

И ещё, чтобы отбить кладбищенский озноб:

5) ...жили до 80–90 лет.

*6) ...отпраздновала 100-летие со дня своего
рождения...*

Природа заряжает этих людей на долголетие. История косит их без пощады. Спрашиваю: какой характер должен выработаться в этом кровавом покосе?

Вот эпизод, отвечающий на мой вопрос:

Серёжа за ужином по-доброму смеялся над тем, что я заварку из чашки (холодную) вылила обратно в заварочный чайник. А я вспомнила маму, как она даже лишнюю спичку не зажигала, если горела конфорка – брала уже использованную и зажигала от неё. Некоторые считают, что это шутка –

«экономить на спичках». Но всё зависит от благосостояния...

А вот в 1932–1933 годах (когда на Украине был страшный голод, неурожай, смертность) брат Семёна Никаноровича – не знаю, как зовут, надо уточнить – оставил на вокзале своих двух детей, дочь и сына, на лавочке, сказав, что пошёл купить гостинец. Так хоть была надежда, что их подберут и отправят в детдом (кстати, что и случилось, но только они попали в разные детдома и встретились уже взрослыми семейными людьми после смерти родителей)...

В 1945-м мои родители познакомились. Мама вышла замуж за папу и уехала от родителей навсегда. Но очень любила и жалела их, помогала, как могла, в том числе и деньгами. Последний раз видела отца в 1953-м (?), проездом из Китая. А бабушка приезжала после его смерти в Москву, где они с мамой не могли насмотреться друг на друга, ходили вместе из комнаты в комнату, сидели рядышком, взявшись за руки, прогуливались около дома. Бабушки, впрочем, как и мамы с папой, уже нет в живых...

Вот к каким воспоминаниям привела экономия заварки...

Последняя фраза замыкает этот эпизод дневника лучше, чем это сделал бы опытный историк. Или психолог. Или литератор.

Автор дневника – и историк, и психолог, и литератор. Но прежде всего, конечно, художник: живописец, график, колорист...

Школа

Решила посмотреть по video техники Платова и Осёмкина. Смотрела и училась, как лепится форма, объём,

решается освещённость, разделение на холодные и тёплые тона. У старых мастеров мазков не видно (тем паче с экраном), зато у них очень чётко, даже в некоторых случаях пестровато, ломаются плоскости...

Именно «плоскости» ломаются и сращиваются у меня при просмотре работ Ирины. Может, оттого, что наш с женой двойной портрет она разнесла на две «плоскости». Вся эта «пестроватая» реальность мыслится ею как диалог плоскостей – человеческих общностей, сюжетов, осознанных и завершённых жестов.

Как быть, если эти плоскости не гармонируют, а спорят между собой?

Вспомнила ещё один интересный момент из вчерашнего чтения. Когда Л. Пастернак пришёл к Л. Толстому с иллюстрациями «Войны и мира», для уточнения деталей. Автор, плохо помнивший свой роман, высказал мысль о развитии сюжета (правильную и для живописи), обобщив: «Всё развёртывается само собой, одно следует из другого с естественной закономерностью самой жизни». И ничего ни прибавить, ни убавить...

Толстой помогает осознать высший закон художества: всё происходит как бы «само собой» – при условии, что художник понимает естественный ход самой жизни. Вот этот-то ход самой жизни всем существом своим и стремится понять художница Ирина Телюк. Хотя жизнь иногда заставляет замирать перед выбором.

Выбор

18 ноября 1995 года. Суббота. Выборы – через месяц. В «Новостях» – бюллетень для голосования.

За кого будем голосовать? Мы не знаем программ большинства партий, но из информации, получаемой по TV, из прессы, разговоров с людьми – думается, за Гайдара, Явлинского, Черномырдина или Борового. Впрочем, последний («Партия экономической свободы»), по-моему, не прошёл, хотя он нам симпатичен как человек и как умница. Мне даже иногда кажется, что если бы Серёжа обратился к нему за помощью в издании книги, то он помог бы.

Если за Гайдара – то по привычке, он олицетворение демократии за последние годы, но не лидер (я имею в виду не данные, а манеру держаться, общаться).

Если за Явлинского – то, скорее, по слухам о его удачных реформах у Немцова в Нижнем Новгороде.

Если за Черномырдина – то за его стабильность, чтобы не было потрясений и кардинальных перемен. Пусть работают, ведь если придут новые люди, то им придётся всё заново набивать себе, прежде чем о нас думать. А у теперешних – уже всё есть.

А в общем, за Россию – за её, а значит, и нашу свободу!

Хотя хотелось бы, конечно, чтобы центристы объединились против крайних, но не получится – никто не хочет уступать...

О, первокрещение наше в купели демократии! О, сладостные плоскости, ломающиеся в дебатах! О, томление гражданственности перед выбором! И Гайдар хорош, и Немцов хорош, и Явлинский с Черномырдиным... Вот тотчас бы и решилась!

И фиг с ним?!

Но тут вылезает из сценического окна «деус» и обрушивает электоральную пирамиду:

Серёжа вчера записал интервью с Никитой Михалковым. Сегодня ещё раз посмотрим: умный, интересный, оригинальный режиссёр, человек. Радовались его шуточкам и открытиям типа: «Русским может быть тот, у кого чего-то нет, но не так нет, чтоб было, а ТАК НЕТ, чтобы и ... (фиг) с ним»...

До выборов неделя. Вчера в аналитической программе «объясняли», что Явлинский – левый (?), а Черномырдин, Гайдар – правые. КРО – центристы. Совсем запутали...

Никита не запутывает – он рубит: если у нас, русских, ничего нет, то и не надо! У нас так изначально. У нас так бытийно. Всему миру сопереживаем, всем чужим мнениям отзываемся, а на себя плевать хотели!

Хорошо, честно сказано. Русский авось: на печке доедем, на жар-птице долетим! Широка страна моя родная! Неиссякаемый лейтмотив русского безграничья-безответности: «А если что не так, не наше дело!» И Никита, и Булат, и ещё целая армия философов-мудрецов – обожают разглагольствовать на эту тему (сам грешен). Но нужно одно уточнение. Это наше самоощущение – «если нету, то и фиг с ним» – должно быть (и является) предметом непрерывной саморазъедающей рефлексии. Без этой рефлексии (о том, что «нет и не надо») нет и не надо нам ни русской судьбы, ни русского характера. Печь, на которой мы победоносно сидим или демонстративно лежим, сотрясается от эмоций...

От каких эмоций? От тревоги, преследующей нас на протяжении тысячелетней истории (и на протяжении безграничья нашего, где кто только не гулял), – тревога эта и прикрыта, уравновешена, заклята нашим молодецким наплевизмом.

Чутким сердцем Ирина ловит эту непреходящую опасность.

Защитить будущее!

Серёжа закончил четвёртую строфу «Сказания о Невриде». Ему ночью приснилось название всех частей: «Сказания о праславянах»...

А пока Серёжа пишет пятую строфу, с энтузиазмом. Читаю с большим наслаждением. Представляются лесные дебри, оборотни, скифская конница цепью идёт по тропам в неизведанные края Невриды. Интересный, экзотический, а главное – познавательный материал...

Материал не столько познавательно бесспорный – (Сергей Телюк нередко даёт волю фантазии, и я его понимаю), сколько интуитивно-спорный (и потому так притягивает). К ста двадцати листкам семейного родословного древа прибавляется сто двадцать тысяч древес – история народа, вынесшего из этих зарослей такую загадку, как русский характер! Иллюстрируя историософские штудии Сергея Телюка, Ирина Телюк проникается его тревогой:

Сергей, увязывая свои исследования для сказаний с набегамы – с VIII в. до н. э. по XIII-XIV вв. н. э. (киммерийцы, скифы, готы, сарматы, татары и др.), – пришёл к выводу, что в этом и есть наши корни. Более двух тысяч лет находиться под угрозой набегов, грабежей, рабства – это и породило широкий русский характер, дескать, эх, трава не расти сегодня и плевать на завтра! Жить одним днём!

И сколько бы великих писателей, философов, историков ни пытались сформулировать русскую идею, – без учёта прошлого это невозможно!

В прошлом и загадка, и разгадка нас самих и нашего будущего!

Будущее – оно брезжит загадочно из дебрей прошлого. Из складочек дневника наследницы этих неуловимых богатств. Из арсенала воительницы.

Вечер прошёл в разговорах за бокалом шампанского и у TV. Серёжа периодически возвращался к диалогу Гайдара и представителя Зюганова (коммунистов). Как был озлоблен и просто агрессивен юрист-коммунист! Страшно доверять таким власть. Фанатизм не уступает ни логике, ни разуму, ничему.

Это запись 1995 года. Впереди – ещё 15 лет тревог, забот, мыслей, полотен, листов, записей.

Соотечественники

20 июля 1998 г., понедельник, ~ 12:00.

Что побуждает делать записи? Возможно, накопленное время впечатлений за какой-то отрезок времени (большой или маленький), которые жаль забыть, жаль растворить в небытие. Людям, которые не имеют такой памяти, какой обладал, например, Владимир Набоков («Другие берега»), приходится делать отдельные зарисовки.

Так и сейчас. Последней каплей, перегрузившей память, был утренний разговор Серёжи с Андреем Андреевичем Вознесенским.

Андрей Вознесенский и Никита Михалков, Николай Старшинов и Александр Аронов, Татьяна Бек и Анна Гедымин, Лола Звонарёва и Евгений Весник – в дневниках Ирины, вроде бы сплошь заполненных за-

ботами быта и мелочами повседневности, – возникают фигуры «первого ряда» текущей культурной истории, штрихи, которые будут интересны будущим портретистам. Иногда присутствие знаменитого имени очерчено одной фразой, иногда – онемением после единственной фразы.

22 марта 1998 г. (воскресенье). Вчера умерла Уланова...

Двадцать дней молчания после этой фразы. Потом – течение дел и забот возвращает к дневнику. И гигантская очередь в музей имени Пушкина оживляет вкус к полотнам. «Сезанн в русском авангарде»! Гардероб переполнен, пускают, когда освобождаются номерки. Полсотни работ: из Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Филадельфии, Чикаго, Бостона, Вашингтона... Пять портретов мадам Сезанн... Юбка! Полосатая юбка!

Каждая полосочка – это картина! Мадам Сезанн с общих позиций некрасива, но как красива живопись (и овал, и глаза) – и всё-таки как мадам Сезанн красива! А её портрет [1890 год] в жёлтом кресле! [Мне очень захотелось, как бы в ответ Сезанну, написать портрет Ани Гедымин, у которой тоже дома большие жёлтые кресла – и маленькая Аня действительно смотрелась бы миниатюрно.] Кажущиеся незаконченными два [1885 и 1886 года] её портрета. И последний портрет – 1892 года – с распущенными волосами...

Живительное, оживляющее искусство!

Одна запись приводит меня в настоящий восторг:

19 ноября 2003 г. (среда). 22:55. Наши забили гол: сборная Уэльса – сборная России, 0:1!!! Если мы выиграем, то

попадём в финальный турнир чемпионата Европы по футболу, если нет, то – мимо!

Браво, Ирина! Не помню уже, мимо или не мимо полетели наши мячи в ворота противников, – но жизненная энергия, выплеснувшаяся в этой записи, попадает точно в цель.

Люблю

Мне остаётся прокомментировать последнее, потрясшее меня, послание Ирины Сергею – из больницы. Через 10 дней после запоздалой, безнадёжной уже операции. Короткая эсэмэска:

Я тебя люблю. Ирина.

Если знать обстоятельства, когда это написано, – можно подумать, что, смертельно обречённая, она просит о защите.

Но если знать её характер, то понимаешь, что не о защите просит она, а своей любовью хочет поддержать Сергея, не дать ему отчаяться, – защитить его.

Защитница.

Лев Аннинский

ИРИЗДАТ

І. ДНЕВНИК

(3.11.1995—3.03.2004)

3 ноября 1995 г. (пятница)

(16:00–18:00, Москва, Б. Черёмушкинская, д. 2, корп. 1, кв. 159). Вчера наконец-то удалось завершить работу над иллюстрациями (или «картинками», как мы их называем дома) к поэме Серёжи «Сказание о сколотах». Работа заняла более полутора месяцев, и в результате получилось четыре картинки: по одной к каждой из трёх песен и общая карта действий, происходящих в Сказании. Серёжа уже отвёз в фирму, с которой заключён договор на издание (та же, что зимой-весной 1994/1995 годов делала макет «Книги первой»): сначала текст Сказания, затем две иллюстрации и карту, а сегодня фото (чёрно-белое, где мы вдвоём) и оставшуюся первую иллюстрацию. Я её переделала по замечаниям Натальи Константиновны Смирновой (моего педагога в Заочном народном университете искусств – ЗНУИ, факультет «Станковая живопись»), а именно: группу старцев, коленопреклонённого главного героя Колаксара, морды коней. И ещё я пришла (ранее) к заключению, что фигуры выразительны без лиц и один пробный рисунок пришлось переделывать.

Кстати, идея с вазой на первых планах всех иллюстраций полностью принадлежит Серёже. Я думала сделать по-другому – в виде иконок (с центральной фигурой посередине и житием по кругу). Но отказалась от

этого ввиду сложности сюжетов, недостаточности материалов и, главное, ограниченности во времени, ведь Сергей после «протяжек» в толстых журналах с обещаниями принять решение по публикациям до конца октября вдруг заторопился с идеей издания, чтобы на исходе года книга «увидела свет» по старым ценам. [Расходы на книгу составляют по договору 500 \$ (~ 300 макет и 200 типография, при курсе 1 \$ = 4,5 тыс. руб.) + фото (50 тыс. руб. за три ч/б на «Цветном бульваре»; 30 тыс. руб. за три цветные на «Савёловской».)]

Сейчас я уже рада, что выполнила эти иллюстрации, хотя не знаю откликов друзей и реакции профессионалов.

Сначала не думала братья, а предлагала нанять опытного художника. Но когда Анатолий Поляков (РИФ «РОЙ») сообщил Серёже, что две «картинки» кому-то обошлись в 250 \$, мы приуныли. И так половину денег на издание придётся занимать...

Но, убедившись в поддержке друзей и знакомых, Серёжа решил делать книгу. Он договорился по телефону со своим «шефом» Сергеем Бочкарёвым – у него трудовая книжка Сергея – через две-три недели даст полтора миллиона; а я – с моей давней школьной подругой Валентиной Сидоровой, которая собирает средства на образование дочери Ксении, может быть даже в Европе, например, в Сорбонне. (И стал ненавязчиво агитировать меня, мол, посоветуйся с преподавателями и т. д.)

Я решила попробовать, не давая ему окончательно утвердительного ответа. Прочла «Историю...» В. Гобарева. Полистала книги (энциклопедии). Расписала каждую песню на возможные сцены, композиции. Хотелось

сделать: центральную, по одной – сверху и снизу (это влияние Госзнаковских сказок Билибина), и по две боковых. Всего для каждой иллюстрации получалось по семь штук. Последняя песня – о Мадае – легла более-менее, а вот с первой и второй сразу возникли трудности (много схожих событий – битвы). Надо было думать о сокращении числа сцен до двух-трёх основных. И тогда Серёжа предложил просто гениальную идею с песочными часами – с перетеканием сюжетов между вазами сверху вниз... И понеслось.

Дело стало за техникой рисунка. Тут советы Натальи Константиновны, литература о книжной иллюстрации, включая В. Фаворского, которые она мне дала, привели к выводу, что надо искать свой стиль – на грани примитивизма и стилизации. В этом отношении очень интересными оказались книги по средневековью («Эпоха средневековья в костюмах») и Древнему Египту, а также о Сергии Радонежском (её я подарила Серёже на день рождения, ещё работая в РосКЦИТО – Российском координационном центре информационных технологий в образовании).

Стиль икон близок и понятен. В ЗНУИ купила книгу «Иконы» и методичку по рекламе. Постепенно образовались карандашные варианты. И хотя перьев и туши не нашлось в магазинах, вновь помогли друзья и знакомые: Володя Щетинин (Серёжин друг по МАДИ), Ваня Пашков (мой нынешний сослуживец по Новому гуманитарному университету Натальи Нестеровой, студент – ведёт базу данных по зарплате преподавателей, а с октября 1994-го пробуетеся в Останкино на ВКТ по своей журналистской специальности), да девочки с моей прежней работы – РосКЦИТО – Галочка Воробьёва с Ираидушкой Фировой при вечно непотопляемой Ирине Гавриловне Иголкиной. В туши всё

стало выглядеть резче. Пришлось отказаться от лишних линий. Ввести больше условностей по мотивам икон (облака, земля, скалы, цветы, деревья, река, ров... да и фигуры тоже).

У Натальи Константиновны после очередной консультации возникли замечания с предложениями: мне, чтобы не было богохульства, – исправить ритуальный камень, напоминающий «Троицу» Рублёва с обратной перспективой, сделав его обычным, а Серёже – из тех же соображений в строке «молодое тело чутко...» заменить «тело» на «сердце». Что мы и сделали.

Сейчас всё уже позади. Только растёт нетерпение – скорее увидеть результат. Как всё будет смотреться и читаться? Ведь это не только первая большая форма у Серёжи и мой дебют как художницы, но и заявка на тему, на форму, на приоритет.

Уже боюсь ошибиться, кто вперёд – то ли Серёжа сам решил, то ли бард и его друг по МАДИ Сергей Демидов предложил поэтическое переосмысление истории, т. е. написать целый цикл историй в поэтической форме.

Серёжа думает в будущем сделать главу о киммерийцах (т. е. до VII в. до н. э.), а в завершении всего написать о сарматах (III-II вв. до н. э.), чтобы закончить историю праславян целиком.

Далее, по его словам, можно условно разбить историю славян, россиян на: 1) наша эра до Рюрика; 2) от Рюрика до Романовых; 3) Романовых подробно; 4) советский период, может быть, даже на примере семей Телюк, Глинки и т. п.

Вот такие планы. Как сказала Наталья Константиновна Смирнова, на всю жизнь хватит и ему (Серёже), и мне (как художнику).

4 ноября 1995 г. (суббота)

(11:00) Вчера вечером Серёжа с большим удовольствием записал на видеомагнитофон (видеоплеер?) «Сентиментальное путешествие в страну «Битлз». Сейчас в нашей семейной видеотеке уже около или чуть более 50-ти плёнок (для ориентации в них составлен каталог). Записи периодически смотрим сами (особенно старые фильмы), показываем гостям. Многие просят переписать. Некоторые, например, о художниках, я использую в своей работе-учёбе. Наши знакомые из деревни Ильинский погост (художник Андрей Апухтин) и Куровской (профессиональный футболист и художник Андрей Шагаров) брали посмотреть. А зам. декана ЗНУИ использует их для подготовки материалов.

Когда Серёжа смотрел о Битлах, то на слова Андрея Макаревича («Машина времени») о том, что вот только в 40 лет они попали на родину своих кумиров, сказал с грустью: «А мы не попадём, наверное...»

И ещё. Вчера же я записала т/фильм Алексея Габриловича «Футбол нашего детства», для Серёжи, большого футбольного болельщика московского «Динамо». Фильм не столько документально-познавательный (что мы ценим в домашней видеотеке), сколько ностальгический. И Серёжа буквально заставил меня пересмотреть его концовку, где на поле выходят оставшиеся в живых футболисты и диктор поимённо перечисляет составы команд матча «Динамо» – ЦДКА (40-х годов), при этом вместо уже умерших игроков показывались пустые трибуны (эти кадры производят очень сильное впечатление). Серёжа волновался, глаза блестели. Ему очень хотелось, чтобы и я почувствовала трагизм ситуации. А мне больше всего было жалко его самого – за переживания.

(~ 22:00) Благодаря тому, что два Андрея (Апухтин и Шагаров) не приехали в Москву для совместного похода в Пушкинский музей, на выставку рисунков пяти веков Европейского искусства (якобы вывезенную из Германии), я и Серёжа, настроенные на духовное, поехали в ЦДХ. Походили там по залам с картинками художников, которым, по Пименову из предисловия к книге Л. Пастернака «Записки разных лет», не хватает требований к высокому профессионализму, где «иной раз теряется граница между настоящей непосредственностью и весьма посредственным дилетантизмом». Но всё же нам понравились две выставки: молодых художников Москвы (до 14.11.95) и, особенно, Сергея Андрияки.

Нас поразила как техника картин-акварелей Андрияки, так и его работоспособность при изумительно высоком уровне (множество работ датированы нынешним 1995 годом), кропотливость, точность, оригинальность в сочетании с русской традиционностью и, конечно, эмоциональность, любовь к русской природе, истории, Москве. Хотелось подолгу рассматривать, любоваться каждой работой, но выставка такая большая и весомая!.. И хотя ему – Сергею Андрияке – всего 37 лет, он уже 20 лет работает в технике акварели. Сравнивая его работы с известными мне художниками, отмечу: линейность рисунка схожа с линейностью Шишкина, гамма цветов (особенно осенних) схожа с гаммой Левитана – но это не они, хотя в доброй русской традиции.

Мы не удержались и приобрели каталог за 45 тыс. рублей (при моём окладе в 330 тыс. рублей это было существенным). Случилось так, что автор находился рядом, среди многочисленных посетителей, ведь шли первые, ещё не обустроенные дни (2 ноября состоялся

вернисаж, и пока отсутствовала книга для отзывов, а также при нас развешивались афиши по этажам ЦДХ). И Серёжа презентовал ему экземпляр «Книги первой» в обмен на автограф в каталоге. Андрияка оказался воспитанным – полистал книжку, одобрительно отозвался о её оформлении и поблагодарил. Чуть позже я подумала, что, может, стоило написать наш телефон – вдруг он прочтёт и ему захочется поделиться впечатлениями? Но Серёжа меня успокоил – не стоило.

До сих пор удивляюсь. На натюрморте до двух метров выписаны как маслом атласная скатерть, на ней – фруктовые излишества (дыни, арбузы, лимоны...), подносы, ножи. Кажется, что его можно разделить на десяток изысканных натюрмортов. На Сергея больше всего произвела впечатление «Панорама города Берна 1991 г.», где, по его утверждению, морозный день, и «лежащий сухой снег осыпается с красных крыш» – эта светлая панорама очаровательна.

При выходе из ЦДХ в киоске приобрели букинистический экземпляр «Записок разных лет» Л. О. Пастернака 1975 года издания (ещё 40 тыс. рублей). Бюджет пострадал основательно, но какое удовольствие дома, в уюте, полистать, почитать наперегонки! Тем более что его сын Борис Пастернак – один из немногих поэтов, очень уважаемых Сергеем. И всё, что его касается, интересно. Да и в музее частных коллекций запомнились работы Леонида Пастернака: в кругу семьи, дебютантка, юбилейные.

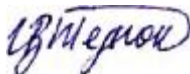
Кстати, в ЦДХ, в киоске, видели сборник стихов Александра Аронова (он такой же подписал Серёже). А сегодня в тамошнем «Китайском ресторанчике» должен быть концерт Вероники Долиной, но мы решили не ходить. Серёжа устал (с утра на ногах), и обстановка незнакомая...

Пару дней назад Сергей купил деревянную рамочку для нашей не подошедшей для книги цветной фотографии и со словами «Я так давно мечтал об этом» поставил обрамлённое фото в книжный шкаф. Теперь мы «смотрим» на себя такими, какими мы были в четверг 26 октября 1995 года – счастливыми, относительно молодыми, полными надежд и планов, строящими свой мир, каким мы его видим или хотим видеть.

Перед сдачей моих иллюстраций в издательскую фирму «Солист» Серёжа вдруг серьёзно стал настаивать на их подписи, или значке автора. Я сначала отмахнулась, но, просмотрев «учебники» Натальи Константиновны Смирновой (ЗНУИ), изучив опыт других художников, сдалась. Появились варианты:

Я остановилась на первом, т. к. он менее всего нарушает линию рисунков (что мне понравилось у Фаворского – *W*). Так они и «ушли» с моими первыми значками *И*. Что, в общем-то, не так далеко от моей подписи в жизни

и на картинах маслом

Может быть, это пижонство? Но в этом есть свои маленькие радости. Тем более что я себя не отношу к художникам-профи и не претендую на строгое прочтение моих работ. Вот!

5 ноября 1995 г. (воскресенье)

(~ 22:00) К сожалению, человек предполагает, а Бог располагает. Подошло время занимать деньги – скоро платить за макет (остаток) и типографию. Сергей позвонил тёзке-«шефу», но (я как чувствовала) у того ЧП на работе (какой-то кабель порвали – штраф три млн.), да и машину надо чинить. Значит, сейчас помочь не может, хотя позже, возможно, получится... Будем надеяться! (Но я – не очень.)

Позвонила Валентине Сидоровой – послезавтра поеду, после того как навещу с Любашей Прунтовой внучатого племянника Андрюшу. Конечно, я занервничала из-за денег, начала ворчать. Серёжа замкнулся. А, собственно, что случилось? Ведь пока, спасибо однокласснице, выход есть. Я очень (почему, сама не знаю) верю Валентине. Она одна из немногих, кто (как мне кажется) понимает, что мы делаем. Ещё раз спасибо ей за это.

А на улице – зима. Снег лёг сразу с первого числа и так и не сходит, только подмораживает ночами, днём же – слякотно. Вышли с тенниса – снег под ногами искрится, дышится легко, темно (правда, сейчас уже круглая луна).

Грех жаловаться на погоду. Лето – тёплое и длинное. Почти два месяца провели в Ильинском погосте за работой (поэма, этюды, грядки, консервирование) с интересными разговорами с друзьями, заглядывавшими на огонёк – то Наташа Шумянкова (Петрова) с дочкой Танюшкой, то Апухтин с Шагаровым. Да ещё разнообразил всё двоюродный брат Лёша (Скороходов) – своей «развесёлой» жизнью. А осень! Впервые за мои сознательные 40 лет – сухая, тёплая, до +10°, +15° в октябре, солнечная, голубонебая и жёлто-шуршащая...

И вот зима. Успеешь соскучиться по снегу, искоркам под фонарями. Да и настроение неплохое: у Серёжи такой прогресс за два года – я же в теннисе топчусь на одном месте, игра больше от настроения, чем от техники получается (либо нет). Лучше всего, конечно, в паре с тренером Борисом. С Серёжей – местами, в зависимости от наших стараний. За полтора часа напрыгаешься так (и «намахаешься» тоже), что дойти до метро ещё хватает сил, но хочется поскорее сесть. А вот на «Академической» вставать и передвигать ногами проблематично, но, расходившись, с орешками, не спеша, доходим до дома. Сегодня радовались, как удобно с новой обмоткой прилипает к руке рукоять ракетки. Обмотка, как вычитал с этикетки Серёжа, фирмы, что поставляет их для Агасси. Не знаю, на сколько нас хватит, но сейчас мы уже на пределе, оплачивая теннис за троих – вместе с Серёжиной дочкой Вероникой – это 210 тыс. рублей в месяц (+ 30 тыс. за мячи). Ничего, если что – встанем на лыжи.

Чуча-кот лежит рядом на диване и подставляет сонно животик для поглаживания. Серый, полосатый, пушистый, беспородный Чуч. Все мы Чучи. Кот – Ушастый Чуч, я – Глазастый Чуч, Серёжа – Большой Чуч. Андрей – Маленький Чуч – сейчас за стенкой, в своей вчера убранной комнате общается с Олей. Они молоды – у них многое впереди. А у нас? Мы нашли своё место, но успеем ли реализоваться? Надо больше работать.

И не важны выборы в очередную Думу. Конечно, мы пойдём и проголосуем, скорее всего, за Борового, а может, за Гайдара, Явлинского или Черномырдина. Ведь им всем не до нас. Как, впрочем, и нам не до них...

6 ноября 1995 г. (понедельник)

(~ 20:00) Кажется, начинаем входить в рабочий ритм. С утра ещё раскачивались, но уже к 11-12:00: Сергей – в гостиной перепечатывал «Остервенело лают вдогонку наглые псы...»; я – в спальне готовилась к работе (чистила палитры, разбирала этюдник, с лета лежавший под диваном, и мыла баночки с растворителями). В голове уже третий день маячил натюрморт с цукини. Когда я их достала из корзины со шкафа, два кабачка пожелтели и стали такими колоритными: яркие полосы, изогнутые формы и шарообразные носы. Вспомнила о крынке, подаренной Серёжиным другом-однокурсником по МАДИ Володей Щетининым, и решила не тянуть с удовольствием – изобразить и её. Правда, связи между ними – никакой. Меня опять тянет к красивости, но будем это считать учебным натюрмортом (после двухмесячного перерыва).

Пока готовилась, Сергей закончил печатать и дал почитать «глазами» то, что до этого воспринимала только на слух. На страничке было ещё два других стихотворения (про дебильё и «Пробуждение», написанные в октябре). Я перечитала предыдущие, а затем – прочла последнее. «Ну что?» – с нетерпением и надеждой спросил меня Серёжа, как будто я могла раскритиковать его в пух и прах. Но мне этого пока делать не приходилось, т. к. его стихи мне близки. И чем дольше мы вместе живём, говорим, смотрим – тем ближе наши ощущения от окружающего мира.

К чему мы стремимся? К гармонии. Гармонии во всём: в самих себе – со своей душой, работой, семьёй; в окружении – с друзьями, родственниками; в спорте.

Гармонии духовной и физической. Гармонии с природой. А для этого надо её и их понимать, знать и, конечно, уважать. Может быть, мы так безоговорочно принимаем новую жизнь, потому что она даёт нам возможность в этом разобраться?

Гармония, а не крайности – вот что может радовать в жизни. Крайности всегда отсекаются природой, они не жизненны. Только в комнатных условиях выживают кошки с короткими лапами или без шерсти, а лесные адаптированы: подшёрсток от морозов, пятна и полосы для маскировки – всё, чтобы вписаться в природу. Так почему же люди (здоровые и этикие цари природы) сами для себя устраивают крайности – фашизм, коммунизм, национализм, революции, перевороты? Серёжа высказал эту мысль, увидев по ТВ торжественный вечер к 78-й годовщине Великой Октябрьской революции, с очередным докладом Зюганова перед стариками-фанатами (которые в жизни и представить себе не могут ничего лучше застолья к 1 мая и 7 ноября, с утопическим лозунгом: «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям»). В этом докладе Зюганов грозился не отдать своего золото-красного цвета. «Золото» – непонятно. А вот «красный»! «Варшавянка»: «...кровью мы наших врагов обогрим». Красный – цвет крови. Власть завоёвывать – с кровью, удерживать – опять-таки с кровью. Все те, кто не такие как они – враги, а значит – проливать их кровь! Серёжа говорит, что исторически красные знамёна (чуть ли не со средних веков) – это белые, на которые брызгала кровь обезглавливаемых вождей врагов, отчего полотна становились красными. А потом в Америке эта идея была вывернута наизнанку: красным стало знамя от крови рабочих, что было взято на вооружение большевиками.

И под знамёнами погибели, а не жизни людей: одних – оболванивали; других – изгоняли или уничтожали; а третьи, то ли по глупости, то ли из страха – на протяжении 70-ти лет исправно ходили на демонстрации солидарности со своими палачами – в моральном и физическом смысле.

Пока есть время, Серёжа пишет на «видео» хоккейный матч сборных СССР и Канады 1972 года (интересно, что в российских архивах эти плёнки уже уничтожены, и добывать их пришлось через Канадское телевидение). В то время, оканчивая школу, как вспомнил Серёжа, они спорили о том, кто выиграет и с каким счётом. И после первых пропущенных шайб он подумал: «Ну всё, поехали...» А я? Я тогда уже училась в МИЭМ, на втором курсе.

А сегодня? Сегодня в «Вестях» показывали похороны Исхака Рабина (Израиль), убитого 27-летним студентом-экстремистом. Он считал, что высокая цель оправдывает его перед заповедью «не убий». Но что он защищал? Ему 27 лет, он мало пожил на той земле, из-за которой убил человека. Это уже фанатизм. Возможно, его дед или отец это сделали бы из мести. А откуда у такого молодого человека столько ненависти?

7 ноября 1995 г. (вторник)

(21:00) Провернула сегодня два больших дела: посмотрела маленького внучатого племянника Андрюшу, Танечкиного сына, которому 13 ноября исполнится два месяца, и съездила к Валентине Сидоровой за деньгами для оплаты типографии.

У моей сестры Наташи я познакомилась с родителями Виктора – Танечкиного мужа, бывшими строителями (папа на пенсии, мама ещё работает), что близко нам, т. к. Сергей – тоже бывший строитель, впрочем, как и его родители Юрий Пантелеймонович и Татьяна Алексеевна. Родители Виктора очень понравились – люди простые, искренние и с юмором. Маленький Андрюша тоже посидел с нами за столом – Танюшка кормила его из бутылочки, потом он спал. Все дружно решили, что Андрейка похож на моего Андрея. Вот только ямочки на щёчках – у меня на левой щеке одна, а больше ни у кого в семье их нет. Зато у родственницы со стороны отца Любаши Прунтовой ямочки на месте, и очень симпатичные. Хотели посидеть часик, а просидели три-четыре. Посмотрели свадьбу по «видео». Ната дала мне тыкву для натюрморта.

К Валентине Сидоровой добралась уже к пяти вечера. Её дочка Ксения болела, температура до 39°. Мы поговорили на кухне, и я забрала деньги. Что бы мы делали без неё?

Вернулась домой – день прошёл. А ведь 7 ноября – день застолья Октября! Кое-где прошли демонстрации с флагами, показали Зюганова, Анпилова, который пообещал, придя к власти, сгноить врагов в лагерях! А накануне даже торжественное заседание показали, как раньше – с длинным докладом Зюганова, гимном СССР и концертом. Люди – при деле.

А мы – в своём мире. Утром по ТВ девушка читала свои стихи о Моцарте и Сальери. Сергею они не понравились. Спросила, почему. «Это не стихи – в них есть рифма, но нет поэзии». – «А что такое стихи?» – «Стихи – это некая ритмизованная форма, содержащая, кроме смысла, ещё и чувства, переживания».

8 ноября 1995 г. (среда)

(~ 19:40) Пришлось изменять композицию натюр-морта: вместо глиняной крынки очень неплохо вписалась Наташина тыква. А в результате – до масляных красок дело не дошло, грунтовала картон по рисунку.

Серёжа сегодня с утра какой-то нахохлившийся, куたается в кофту (в комнатах прохладно). Сидит в кресле у окна в своей любимой позе – подперев щёку. Тишина.

Во время работы посторонние шумы мешают ему сосредотачиваться, и он прикрывает двери, оставляя щёлки для кота. А когда я прохожу через его комнату, он или не реагирует, или косится на меня, скоро ли я уйду.

Иногда – заглядываю ему через плечо. Сегодня, например, ко вчерашним трём строкам прибавилось ещё несколько – может быть, тех же, но с продолжением. Работая над стихотворением, Серёжа исправляет слова, зачёркивая их, и при чрезмерном количестве исправлений, отделив чертой, переписывает последний вариант всего стихотворения. Бывает, стихотворение своими вариантами занимает не одну страницу. Когда же считается, что работа закончена, с полностью выверенным текстом он, радостный, идёт ко мне со словами: «Хочешь послушать?» (промежуточные варианты не читаются). Усаживается рядом в кресло: «Готова?» Я киваю. Серёжа поднимает брови, вытягивает губы трубочкой и начинает читать, мелодично, медленно и очень торжественно. Закончив чтение, тут же интересуется: «Ну как?» И если следует: «Хорошо», – то начинается выпытывание, а что хорошо. Я, по степени занятости, отвечаю односложно или сразу указываю на непонятные места, слова, двоякий смысл и т. д. и т. п.

Он впитывает каждое моё слово и порой просто жалко, что я так мало могу объяснить ему свои ощущения. Я пытаюсь вслушаться в себя. Чаще стихотворение тут же читается второй, а то и третий раз. Что я поняла, что я почувствовала – вот что интересует его. Но читать «глазами» пока ещё не даёт. Только перепечатав, зачастую на другой день, Серёжа протягивает мне лист, где уже выстроились такие же ровненькие, но написанные ранее строки других стихотворений. Я беру лист и иногда читаю не последнее, а всё с самого верха. Дохожу до нового – и читаю его сходу. Потом второй, третий раз... И опять говорю, что глаз режет. Изредка Серёжа объясняет, что имел в виду. Чаще, когда я выпытаю, что он хотел сказать тем или иным словом, выражением или целым стихотворением, он переводит мои вопросы мне же. Тогда я начинаю гадать, высказывать разные варианты, на что он твердит: «почти» или «не совсем» и т. п.

Большая часть его произведений мне понятна, и я, не требуя объяснений, иногда могу поспорить, не согласиться. И чем больше узнаю его, тем интереснее вникать в стихи, даже те, которые были написаны «до меня» – представляю ситуацию, толчок для их написания.

К творчеству Серёжа относится серьёзно. Любит оттачивать слова – по несколько раз справляясь в словарях (ударений, толковых, иностранных слов, энциклопедиях), сравнивая с другими знакомыми случаями у поэтов-классиков.

При такой работе с книгами он от бессистемного заглядывания в них пришёл к кропотливому изучению кого-либо из авторов в «объёме» (как он выражается). При этом анализирует, систематизирует, выбирает

особенности. С некоторыми своими открытиями или интересностями бежит ко мне, говорит громко и возбуждённо, жестикулирует, радостно улыбается. И это входит в привычку – делиться информацией: он мне – о поэзии, поэтах; я ему – о живописи, художниках. Так через «объёмы» у него прошли: Пушкин, Лермонтов, Фет, Тютчев, Есенин – это кого я увидела и помню. Сейчас, кроме них, рассказывал мне о Корнилове, Северяnine, Б. Пастернаке, Мандельштаме, Ахматовой, Цветаевой – их отдельные сборники он проштудировал, радуясь каждой свежей, оригинальной рифме, мысли, поэтике, и нещадно ругая «проходные» стихи... В оценке поэтов Серёжа максималист. Современных классиков – Евушенко и Вознесенского – на сегодня не считает эталонными поэтами. Да, раньше у них встречались стихи высокой пробы, но теперь... Возможно, исписались, или обленились, или распылились на нечто околопоэтическое...

После вечера Аронова в Доме Цветаевой, где вновь начал работать кружок поэтов-шестидесятников «Меридиан», у Серёжи не получилось подойти к Александру со словами радости и похвалы, т. к. ему понравились стихи про котов, дальние районы, дом, кухню и т. п. Особенно про котов – такие тёплые, свежие, непосредственные и в то же время поэтичные. Кстати, на этом же вечере (куда мы попали случайно, прочитав в «Московском комсомольце» объявление типа «кому делать нечего, приходите») Серёжа познакомился лично с Сергеем Мнацаканяном – зав. отделом поэзии «МК», подарил ему свой сборник.

Через некоторое время мы случайно узнали, что в «МК», в «Турнире поэтов» напечатали стихи Серёжи. Причём обнаружилось это весело: Валентина Сидорова

после телефонного разговора со мной попросила передать поздравления Сергею с публикацией. – «Какой?» – И тут всё раскрылось. Да и Сергей Мозалёв (ещё один из их, включая Щетинина, неразлучной троицы однокашников по институтской группе), прилетев в Москву и купив первую попавшуюся газету (а ей была «МК», именно тот номер) в Шереметьево-2 на развороте наткнулся на стихи... Конечно, публикации дают хорошее настроение и заряд бодрости для работы. Все они – в «Литературной газете», «МК», «Смене», «Москве» – важные вехи, этапы. Изматывающие надеждами хождения по редакциям – дело необходимое, но морально тяжёлое. Не все это выдерживают. Пробовал Володя Пустовитовский – не смог. Даже забрать стихи – нужно мужество. Серёжа эти хождения относит к одной из сторон жизни поэтов. Так, с сентября (как начался сезон) он обошёл журналы со «Сказанием...»: «Новый мир», «Москва», «Октябрь». И так получилось, что в «Новый мир» Серёжа отнёс вторую и третью части, а в «Москву» – первую и вторую. Пока оба издания молчат. Единственное, в «Новом мире», когда узнали о готовящейся книге, просили не подводить их и не издавать раньше выхода публикации, если она будет. Но всё равно – молчат.

9 ноября 1995 г. (четверг)

До понедельника я дома, т. к. за вчерашнюю переработку мне дали на пятницу выходной, и я могу усиленно заняться творчеством. С утра взялась за воплощение этого в жизнь. Недолго думая, решила закрепить (или восстановить) успехи лета – сделать натюрморт с цукини и тыквой в виде проработанного

этюда «А ля прима» (*A la prima*): беря цвет в полную силу, в свободной манере, широкими мазками, так, как в августе за день (не считая карандашной подготовки) был сделан этюд «Красная и чёрная рябина». Размер этюда значительно больше предыдущего, поэтому работу завершить не успела. Пока этюд выполнен наполовину – цукини, тыква и основа корзины. Окончание завтра, но навыки восстанавливаются (хотя после двухмесячного перерыва, из-за подготовки иллюстраций, был страх, что они утеряны безвозвратно)! Главное – отдаться своим ощущениям и впечатлениям, делать не «головой», а «глазами». Когда стало смеркаться – где-то в 16:00 – пришлось прекратить писать.

После обеда засела за чтение Л. Пастернака. Много неожиданных моментов проявляется в том времени. Так, к 1890-му году передвижники стали тормозом в живописи – их преданность жанровости стала приносить ущерб развитию русской живописи и графики. Однако некоторые из передвижников осознавали это: так, например, Репин вышел из Союза. Интересно мнение Л. Пастернака об уровне русских художников в рисунке. Он считал, что за исключением Репина, Серова, Поленова, В. Васнецова – передвижники были дилетантами, их интересовал только «сюжет».

Вечером позвонил Саша Климов и пригласил нас в субботу к 17:00 в Малый зал ЦДЛ. Там будет презентация коллективного сборника, о котором мы читали в «МК» (тираж 300 экз., необычный формат), в нём и Сашины стихи. По цепочке Серёжа позвонил Володе Пустовитовскому, Славе Васину и ещё кому-то – но мало кто сможет: один – Володя – работает на рынке, другой – переезжает, третий – Толик Поляков – сидит с ребёнком. А я – пойду с удовольствием...

10 ноября 1995 г. (пятница)

Когда я дописывала этюд, Серёжа принёс на второе прослушивание (первое было вчера) новое стихотворение «Обычное дело – осенняя скука...», которое у меня проассоциировалось с воспоминаниями о детстве (кокетство, город, снега, тесто) за исключением колкого холода, т. к. в детстве всё связано с мамой – а это уют. Холод, видимо, при недостатке ласки. Может, у детдомовских, у сирот, у детей с жёстким воспитанием это так, но в моём прочтении стихотворения – слова о холоде в диссонансе с остальными. Правда, Серёжа сказал, что подумает над этой строкой. Затем перепечатал его на лист (следующим за «Остервенело лают собаки...») и поставил «ХІ.95».

Этюд с цукини и тыквой закончен. Как-то сразу стало нечего подправлять, и значит, этюд завершён, т. к. в том стиле, в каком я его делала, он выведен от начала до конца полностью.

11 ноября 1995 г. (суббота)

Утром Серёжа продолжал читать прозу Пушкина (затем прилёг на диван), а я делала зарисовки. С Чучей такой номер не прошёл – позировать он не умеет и не хочет. Очень трудно будет с ним, а ведь как он красив: его форма законченна и элегантна в любой позе, особенно на подоконнике – недаром говорят «кошка на окошке». Очень плохо у меня с рисунком, очень! Взяла учебники: надо дальше «рыть землю» и больше, и чаще... каждый день.

Расстроилась. Стала смотреть теннис по TV, «Кубок кремля» – так там сегодня вылетел последний русский: сначала Волков, затем Ольховский, Чесноков (в первом круге), Кафельников (в полуфинале, тоже мало радости) – всех выбил Вацек.

Пошли на вечер в ЦДЛ, и тут – неудача. Когда рассаживались, очень озабоченный Саша Климов дважды промелькнул по залу, на ходу пожав руку Сергею. Перед самым началом, положив несколько книжек на стол президиума сказал: «Сборники можно брать, если кому интересны мои стихи», – и ушёл. Потом объяснили, что у него горе – умер близкий человек. Серёжа сразу встал и пошёл за сборником, который называется «Сердце в мышеловке». Надо будет почитать.

На сами же «Поэтические прогулки в весёлой компании...» – остались. Надо отдать должное: все поэты начинали выступление со стихов Саши Климова, а затем переходили к чтению своих. Я записывала фамилии и для зрительной памяти делала наброски в блокнотике. Но при освещении сбоку это оказалось трудным занятием. Я ещё раз убедилась, что совсем не умею рисовать. Пыталась уловить хоть что-то характерное, но всё у меня получилось одинаковое, кроме усов и длины волос. Когда мы шли домой и обсуждали вечер, Серёжа сказал, что, конечно, группой пробиваться легче, чем в одиночку. Но в одиночку – закаляется характер.

Я так поняла, что Саша Климов – лидер среди семи выступавших человек, в том числе двух бардов-исполнителей Ирины Ракиной и Александра Косенкова, которые пели песни на стихи участников. Одним из гвоздей программы была Лена Исаева, написавшая драму в стихах, которую поставили в театре (Серёжа

сказал, что в недавнем «МК» было её стихотворение и сообщение о театре, чуть ли не «вахтанговском»). Она читала тихо и практически без эмоций. Далее читали: Сергей Гловюк, Наташа Богатова, Серёжа Строкань, Ирина Ермакова.

Вечер открывал Тимур Зульфикаров – очень мрачно, я даже испугалась, что мы попали на чернушное или политическое сборище (но – обошлось). А вели его две поэтессы: Наташа Богатова и Ирина Ермакова. Они дарили выступавшим цветы, и перед каждым объявляли, что «не стоит представлять всем известного поэта». Может, Серёжа действительно прав насчёт коллективного прорыва: на людях они хвалят друг друга, правда, возможно, в рабочей обстановке – критикуют? Хотелось бы верить, но – это вряд ли.

К сожалению, я не столь тонко оцениваю поэзию: слышу ляпы, но не успеваю за всем содержанием – лишь слышу музыку стиха, и прихожу в себя только в его конце. Т. е. я слышу первую и последнюю строки. Вот «глазами» могу разобраться подробнее. И стихи мной воспринимаются лучше, если они уже знакомы...

Я немного поворчала на Серёжу за то, что опоздали и не успели посмотреть книжные киоски. Отчего осталось ощущение неудовлетворённости.

Завтра Серёжа будет звонить Саше Климову (может, нужна помощь?). Он вспомнил, как в период их разводов они вместе ездили в Лужники: гуляли, смотрели спортивные мероприятия...

Да и наше посещение после одного из «Праздников «МК» Саши и Тани (его второй жены), живущих на «Пионерской», как-то сблизили нас. Хотя и видимся редко.

12 ноября 1995 г. (воскресенье)

(~ 11:00) Ещё немного о вечере (такими вечерами живёшь некоторое время, а вспоминаешь через годы). В результате совместных выступлений оказались спеты и прочитаны стихи Саши Климова: «Свеча», «Есть дни...», «Когда-то небрежной земли ученик...», «Когда я ухожу в горизонт...»

Исполнительница Ирина Ракина смотрелась подомашнему в длинном чёрном платье в талию, распущенными пушистыми, свободно лежащими волосами и с гитарой. По её собственному признанию, она была не «при голосе» – голос высокий, и низкие ноты шли тяжело. Волновалась, возможно, оттого, что у микрофона сидел оператор в наушниках и с диктофоном. Или от зрительского внимания: одно дело петь в узком кругу, другое – в заполненной зале. Немного закашливалась и комкала проигрыши, но в целом – неплохо. Больше всего радовались сами поэты, слушая песни: «Свеча» (сл. А. Климова), «А в основном...» и «Вот зима кончилась...» (сл. Е. Исаевой), «Север мучает...» (сл. Н. Богатовой), «Мне страшно с непокрытой головой...», «Шарманщик» и «Памятник» (сл. И. Ермаковой).

Бард Александр Косенков вместе с Леной Исаевой написали спортивную песню для передачи «Теперь уже не помнят стадионы», а с Сергеем Гловюком – песню «Лебедь белая, время тает...»

Закончились выступления чтением стихов, вернее, японских коротких форм (не знаю названия) поэтессы Йоко ... (уточню когда-нибудь), которые мне понравились («...жаба на груди меж двух Фудзиям...»).

В течение полутора часов было легко и не скучно.

А сегодня после завтрака мы взялись за вчерашний «улов»: сборники стихов Саши Климова-Южина и Лены Исаевой. По ходу чтения (каждый своего), перебивали друг друга высказываниями по поводу стихов и близлежащих тем.

Серёжа ещё вчера прочёл Исаеву («интересно пишет, но не всё равноценно»). Сегодня её читала я. Стихи очень чувствительные, лирические, с «искоркой» – как говорит Серёжа. Мне очень нравятся, за исключением некоторых, где есть напыщенность, ссылки на Орфея, Христа и других библейских персонажей. Я думаю, что просто не хватает воображения, и от бессилия или желания («эго») показать начитанность – притягиваются за уши Чацкие, Эдипы, Афродиты и прочие...

С Сашей Климовым и легче, и тяжелее. Я перед сном наобум начала читать его стихи и вскоре сникла. Запутавшись в первой половине одного из них («мерцание скопца»), я решила, что переутомилась и на сегодня хватит. Каково же было моё удивление, когда утром Сергей, со свежей головой, читая сборник, сделал упор на это стихотворение – отметив, что и хороший поэт Саша Климов до конца не дотягивает. Его стихи густые (о чём и предупреждал Евгений Рейн в предисловии). А что касается упомянутого стихотворения, то оно, неясное вначале для читателя, блестяще завершено:

*Я мать своих детей...
Я господарь,
Я зародил, –
Ты народила.*

Такие стихи хорошо читать вслух. Эффектная концовка затмит невнятное начало.

Прекрасное стихотворение «Птенец», которое мы летом слушали у Саши дома, оказывается, посвящено Сергею Гловюку, выступавшему на вечере. В целом моему Сергею сборник понравился. А я-то как рада. Мне уже казалось, что Серёжа просто «ворчун-зануда» в стихах, т. к. всех критикует и отвергает. Об этом я с радостью и сообщила ему: «Я знаю уже двух современных поэтов, которые тебе нравятся – Аронов и Климов».

И ещё. У Наташи Богатовой в одном из вчерашних стихотворений, где она летает над городом, среди перечисляемых объектов есть «арки подворотен»... Серёжа отметил, что данное словосочетание из перечисления выпадает (или требует дополнительного разъяснения), т. к. летать над подворотнями нельзя – и странно, что она этого не почувствовала...

Вчера же, когда мы шли из ЦДЛ по скользкой горке от Садового кольца к «Баррикадной», Серёжа отстаивал короткую форму стиха, где всё должно быть чётким и отточенным, тогда как в длинной форме проскальзывают неточные слова, размытые сюжеты, от которых портится впечатление, забывается начало. Его не тянет на длинную форму стиха, хотя и пробует себя в поэмах-сказаниях, «но это другое»...

«Климов мне ближе многих, ведь мы с ним из одной «школы» Викторова. Только он более динамичен. Можно было бы устроить совместное чтение стихов с общей нитью: он одно – я два коротких в ответ. Так у нас было в Старом Осколе, где мы с одним московским поэтом наперебой читали стихи у костра. И, понимая, что говорим об одном и том же, чувствовали в этом какое-то соревнование». (Серёжа)

(~ 20:00) [Викторов, как мне рассказывал Сергей, руководитель литобъединения «Весы», вначале перестройки уехал в Израиль. До сих пор Серёжа вспоминает его с теплотой и благодарностью. Слушая в январе 1993 года Сашу Климова в том же зале ЦДЛ, на презентации его книжки из коллективного сборника «Триптих», Серёжа с Толиком Поляковым, отмечая высокий уровень стихов, подчёркивали: «Наша школа!!!»]

Ходили на теннис без Вероники, а она – на день рождения к подруге. Сегодня пришло много знакомых: Виктория Рукина, её подруга (забываю имя) с мужем Николаем – играли. А вот Валентину Ивановичу Кузьмину, другу Вики, поиграть не удалось, т. к. он, оказывается, не предупредил заранее о своём намерении тренера Боря, и ему пришлось уйти. Я играю с переменным успехом. Сегодня неплохо получалось с Борей, Николаем и Серёжей. Хорошо, что я не играла с женщинами – теряюсь. У Сергея большие успехи, начинает играть с азартом, свободнее. Усталые, но довольные вернулись домой.

А дома Андрюша с Олей никак не расстанутся: ни в будни, ни в выходные! У Оли последний класс – тяжёлый год.

Позвонила художнику Саше Бухарову – уточнила, когда будут его выставки: портрет – 15 ноября; «Джордж Вашингтон» – 28 ноября (уточнить: можно ли взять Polaroid?) в ЦДЛ.

Серёжа за ужином по-доброму смеялся над тем, что я заварку из чашки (холодную) вылила обратно в заварочный чайник. А я вспомнила маму, как она даже лишнюю спичку не зажигала, если горела конфорка –

брала уже использованную и зажигала от неё. Некоторые считают, что это шутка – «экономить на спичках». Но всё зависит от благосостояния.

Мама иногда рассказывала. В 1933 году (ей было шесть лет) вместе с родителями, сестрой Таней и братом Иваном, продав дом-хату (то ли в Ахтырке, то ли в Сумской области – в общем, где-то на Украине) за ведро брюквы (я не ошиблась в цене – ведро, а брюква – корнеплод типа свёклы), без паспортов, которых у крестьян не было (ведь их выдавали с разрешения сельсовета), всё бросив, решили добираться на Дальний Восток – в Хабаровск. В маминых рассказах дедушка – Семён Никанорович Балычев – совершил подвиг. Когда приходили то ли белогвардейцы, то ли анархисты, то ли бандиты или ещё кто – его связали и повесили за руки. И так он провисел, пока его не сняли красные. В моём представлении это был героический казак в шапке, сдвинутой на бок.

А вот в 1932–1933 годах (когда на Украине был страшный голод, неурожай, смертность) брат Семёна Никаноровича – не знаю, как зовут, надо уточнить – оставил на вокзале своих двух детей, дочь и сына, на лавочке, сказав, что пошёл купить гостинец. Так хоть была надежда, что их подберут и отправят в детдом (кстати, что и случилось, но только они попали в разные детдома и встретились уже взрослыми семейными людьми после смерти родителей).

Мой же дедушка – Семён Никанорович – добрался с семьёй до Хабаровска, но его жена – моя бабушка Праксovia Ивановна – была на грани истощения, еле передвигалась (последняя стадия дистрофии?). Семёну Никаноровичу пришлось «выправлять» документы в дальней деревне (там было меньше бюрократии), где

вместо жены уговорил представиться соседку, которая при выписке паспортов и свидетельств о рождении детей, не помня всех данных, переврала годы и даты. В результате чего мама стала на год старше (не 1927 года рождения, а 1926-го – что позднее ей, в отличие от других женщин, нравилось, т. к. мой папа – Виктор Павлович Горячев – был старше её на одиннадцать лет, по новому же, выходило, на десять). Дедушка устроился сторожем (достоверность должностей не гарантирую) на мясокомбинат – там давали кости. И ещё он работал сторожем-завхозом в школе, где они и жили. Голодали. Бабушка Паша – так её звали – болела. Моя мама, Анна Семёновна, рассказывала: «Помню, вечером мы, трое детей, сидели у котла, а мама варила, что-то мешала, мешала. А мы ждали. Мама сказала, чтобы мы спали, а когда будет готово – она нас разбудит. И мы, согревшись, заснули под монотонное помешивание. А мама мешала камни в котле...» Потом, окрепнув, Прасковья Ивановна ходила со старшей дочерью (Аней) по деревням, меняя что-то на еду или просто прося милостыню. В одной деревне была свадьба, и в неразберихе моей маме удалось стащить целую буханку чёрного хлеба!

И ещё, чуть позже, перед самой войной, мама пошла в училище связи. Когда война началась, их – 15-летних – отправили на лесоповал, на корчёвку. В слякоть ли, холод – они выходили на просеки и работали по колено в ледяной жиже без сапог, почти босиком. На день выдавали полбуханки. Мама отрезала четвертинку и, высушив, прятала в мешочек – для дома. А навещая родителей и сестру, отвозила им этот подарок. Ваня же, уйдя на фронт с сибирскими отрядами, в 1943 году был смертельно ранен под Сталинградом (будучи наводчиком зенитки) и госпитализирован в Саратов, где и скончался.

Я с сыном Андреем искала могилу моего дяди – Ивана Семёновича Балычева. Но на братской могиле мы нашли «И. С. Булычева», сфотографировали. Маму, решившую, что в фамилии сделана ошибка, это успокоило. Но папа справлялся повторно в архиве МО и получил ответ, что это не тот. Папа так и не сказал об этом маме.

В 1945-м мои родители познакомились. Мама вышла замуж за папу и уехала от родителей навсегда. Но очень любила и жалела их, помогала, как могла, в том числе и деньгами. Последний раз видела отца в 1953-м (?), проездом из Китая. А бабушка приезжала после его смерти в Москву, где они с мамой не могли насмотреться друг на друга, ходили вместе из комнаты в комнату, сидели рядышком, взявшись за руки, прогуливались около дома. Бабушки, впрочем, как и мамы с папой, уже нет в живых...

Вот к каким воспоминаниям привела экономия заварки.

[Найти листочек с деревом мамы.]

13 ноября 1995 г. (понедельник)

Серёжа позвонил в «Октябрь», но там сказали, что «Сказание...» (первая и вторая части) не подходит. В «Новом мире» – пока молчат. У меня же сердце щемит, когда я слушаю эти разговоры. Серёжа старается быть спокойным в общении с очередными редакциями. Иногда перекидывает подборку из одного журнала в другой. Я молю Бога: пусть хоть иногда публикуют – для тонуса, чтобы не терялась работоспособность. Забирая рукописи в изданиях, Сергей иногда спрашивает:

«Стихи вам не подходят по уровню или по тематике?» В последнее время говорят, что по тематике. В начале 90-х говорили более открыто, мол, не хватает социальной направленности, «чернухи» – чем тогда и была забита вся периодика. Всё-таки как хорошо, что мы делаем эту книгу!

Я предложила Серёже в дальнейшем, после «Книги второй», сделать сборник избранного (как он хотел) с цветной обложкой или суперобложкой – что дешевле. А на неё вынести репродукцию картины маслом, которую я уже представляю в общем виде: Серёжа в кресле за чтением, писанием или машинкой на фоне окна с цветами и Чучей на подоконнике. Я даже сделала два наброска. Надо делать этюды с кота и Серёжи, но у меня всё упирается в рисунок. Разве что – попробовать в цвете. Представляется что-то (начиталась Л. Пастернака и импрессионистов) немного нечёткое, но живое: освещённые листы книги, окно, тёмный профиль Сергея и силуэт Чучи.

И ещё одна идея. Сначала пришла её половинка – написать парную картину с «Цукини и тыквой» в холодных, но светлых тонах. «Цукини...» были в гармонии родственных цветов (жёлто-зелёных). А если взять: крынку, яйца, хлеб – с салфетками пастельных тонов? Далее идея вылилась в четыре – по временам года – натюрморта: лето – красно-зелёный – ягоды, фрукты (контрастные цвета); цукини – осень; крынка – зима; а весна – надо думать, может быть, редиска или просто первая зелень, тонкая и свежая. У меня как раз есть четыре одинаковых формата – из тех, что привезла Наташа, Серёжина сестра. Завтра начну, если Серёжа успеет купить или найдёт яйца (желательно белые) и чёрный хлеб, в крайнем случае, возьму картошку.

После всех этих задумок решила посмотреть по video техники Пластова и Осьмёркина. Смотрела и училась, как лепится форма, объём, решается освещённость, разделение на холодные и тёплые тона. У старых мастеров мазков не видно (тем паче с экрана), зато у них очень чётко, даже в некоторых случаях пестровато, ломаются плоскости. Во всём нужна гармония – так говорит и к этому всегда стремится Серёжа, и я за ним.

За Осьмёркиным пошла запись о художнике-графике Сергее Харламове. Я её смотрю не в первый раз. Причём первым проявил к ней интерес Сергей – особенно к тем философским мыслям, к тому кредо, которые выдвигал художник. Я сначала интересовалась живописью и на графику не обращала внимания. После работы над иллюстрациями стала по-другому смотреть на графические работы и больше видеть. У нас, оказывается, есть работа Сергея Харламова в книге о Сергии Радонежском – икона с мощами. О ней также говорилось в передаче. Как всё в жизни связано, и – мир порой представляется с неожиданной стороны, открываются гармонии, которых ранее не замечала, проходя мимо них каждый день.

Сергей Харламов считает, что имя человеку даётся свыше. И он интересуется великими Сергиями: Радонежским, Есениным.

А я задумалась: какое имя было бы у меня по святам? И что оно значит? И как у меня изменилась бы судьба с другим именем? Ведь даже папа, когда шёл регистрировать, хотел меня назвать Ольгой, а потом вдруг изменил решение и назвал Ириной. Да и дату придумал – записал восьмого марта, а когда я родилась на самом деле? Где-то около того... Одно утешает, что я всё равно «рыба». Да и место рождения со временем

изменил: Порт-Артур (Китай) на Москву (СССР). И получается, что от моего действительного дня рождения ничего не осталось, и в живых, кто бы мог ответить на мои вопросы, уже никого нет.

Вчера искала в бумагах «древо» моей мамы, подобие которого я записала со слов тётки Татьяны Семёновны после маминых похорон в мае 1988 года (на отдельном листе, подобно тому, что сделал в своё время папа). И не нашла. Это ужасно. Плохая память. Возможно, когда стала набирать дневник воспоминаний отца на компьютере, я вытащила этот лист и переложила его в укромное место. Оказалось, очень укромное для всех. Так пропадает память поколений. Недаром о русских говорят: «Иван, родства не помнящий». Безалаберное отношение к предкам. Хочется, но не можетя восстановить родословное древо моё. Хочется и изобразить любимых людей на портретах – теперь по памяти, по фото. И, может быть, я ещё сделаю всё это, мучающее меня словно невыполненный долг перед родителями. Но надо учиться рисовать.

Серёжа посвятил «Сказание...» родителям и их поколению – видно, у него тоже было что-то подобное. А я чем могу? Тем, что рисую, пишу Ильинский погост, церковь, дом. Хотелось бы написать и портреты родителей – вместе или отдельно. Вспомнить их характерные позы, любимые занятия.

Отец, наверное, с газетой, в очках, и взгляд поверх них. В синей рубашке, джемпере с пуговицами, за столом, в кухне, где можно и перекурить «Беломор».

Мама, может, лежит на диване в бирюзовом халатике с короткими рукавами и розочками. А рядом палочка, штопка на стуле и баночка из-под халвы с нитками,

«грибок», подушечка с иголками, ножницы. Она штопает Андрюшины носки.

А вместе? Может, как они машут нам с Андреем из окна на Большой Филёвской улице? А мы, уже пройдя два дома, всё оглядываемся на уже просто светлые пятна – силуэты в окне и тоже машем, машем.

Может, поэтому и я всегда машу в окно всем, кто выходит из моей квартиры. Да и сама оглядываюсь на окна, откуда теперь уже мне машет Серёжа. И всё же есть связь с тем окном на Большой Филёвской. И опять всё упирается в моё неумение рисовать.

Ещё есть интересные варианты с деревней. Почему-то там и мама, и папа вписываются в сад очень гармонично: мама стирает на столике у терраски, папа и мама в беседке, мама в беседке, папа у дома на лавочке, на ступеньках террасы, на террасе.

14 ноября 1995 г. (вторник)

Сегодня первый из нерабочих вторников. Наталья Константиновна Смирнова сказала, что за третий курс ЗНУИ у меня осталось одно занятие. Следовательно, надо поусиленнее подготовиться – сделать хорошие выпускные работы. Поэтому в НГУ, где я работаю, взяла второй выходной, кроме четверга.

Сделала карандашную разметку и загрунтовала картон под зимний натюрморт: крынка, буханка, яйца, салфетки, доска. Пока ему сутки сохнуть – продолжила чтение Л. Пастернака: закончила вторую часть «Моих встреч» и начала третью, «Встречи с Л. Н. Толстым». Очень познавательно.

◊ Узнала о талантливом художнике Ник. Дм. Кузнецове, как пишет о нём Л. Пастернак, барине, гостепри-

имном хозяине, друге Репина, Поленова, Васнецова (ещё с Одессы). А родная дочь Маруся (от Гали-«наймитки», ставшей его женой) Мария Николаевна Кузнецова-Бенуа – звезда парижской оперы.

◇ О том, как Шишкин учил Л. Пастернака технике офорта, и ввёл ученика, превосшедшего учителя ученика, в Училище.

◇ Об Н. Н. Ге, бывшего другом Толстого и моложе его на три года, считавшего Л. Пастернака своим продолжателем и написавшим его на картине с Л. Н. во время чтения рассказов.

◇ Особенно нов и интересен оказался рассказ о бесребренике Н. Ф. Фёдорове из Румянцевской библиотеки, который вёл аскетический образ жизни, был философом, встречался с Толстым, Соловьёвым.

◇ О встрече с Рильке; его женой стала скульптор, ученица Родена; Рильке первый сообщил Л. Пастернаку о молодом таланте его сына Бориса, представленного ему ещё в десятилетнем возрасте, и выходе в Париже его стихов на французском.

◇ О том, что Л. Пастернак своей бодрой улыбкой во время вступительных экзаменов случайно оказал помощь Н. Крымову после просмотра его работы «Юпитер».

◇ Об историке Ключевском и политэкономе Чупрове, на лекции которых сбегались все студенты Московского университета.

◇ Как по фотографии писал портрет Коковцева (председателя Киевско-Воронежской ж/д), после чего узнал, что слово «художник» – «худо» – «чудо».

◇ О художнике Ловисе Коринте, который и частично парализованный писал картины, прижимая палитру к груди.

◇ О художнике Максе Либермане, который затаил неприязнь к Л. Пастернаку за критические замечания при избрании его президентом Берлинской академии художеств.

Но особенно оказалась мне близка и интересна часть о Льве Толстом. С одной стороны о его ласковости, простоте – результате духовной работы над собой, в том числе над обузданием громадного темперамента; с другой стороны – такие странные цитаты с выставки передвижников (?!): «В натуральную величину, мне кажется, надо писать вещи важные, значительные по содержанию, исторические события и т. п.»

И – как судьба определяет пути: Л. Пастернака не приняли в Московскую академию художеств из-за того, что его соперницей на единственное место была графиня Толстая – дочь Льва Толстого Татьяна. Но всё что ни делается – к лучшему: Л. Пастернаку пришлось учиться в Мюнхенской академии художеств, после чего он оказался в Москве, где ему предложили преподавать в Училище. И вот он стал преподавателем у своей бывшей конкурентки. Правда, Л. Пастернак высоко отзывается о таланте молодой художницы, которая из-за оказания помощи отцу (вместе с сестрой и матерью вела переписку произведений и корреспонденции) редко посещала Училище.

Л. Пастернак полюбился Л. Толстому, он одобрил его работы по иллюстрированию «Войны и мира» и позже заказал ему иллюстрации к «Воскресенью».

Серёжа перепечатывал часть стихотворений для новой подборки в периодику, а позже ездил к нотариусу – оформлял доверенность для поездки Вероники в Париж со школой.

15 ноября 1995 г. (среда)

(18:15) На вернисаж к Саше Бухарову решили идти в четверг, когда у меня свободный день.

Сегодня начала зимний натюрморт. С буханкой и доской как-то сразу пошло, а вот на крынке застряла – перетемнила. Завтра возьмусь за тарелку и салфетки, а к крынке вернусь в конце. Я поняла, что именно первое впечатление – верное. А чем дольше присматриваешься, тем хуже видишь цвет (глаз устаёт). В какой-то учебной литературе я прочла, что необходимо каждый час делать небольшой перерыв, или отвлекаться на что-то другое, или совсем откладывать намеченное, если не идёт сразу. Как бы моя задумка не осталась лишь мечтой. Завтра покажет. Главное не бояться брать цвета, но и не спешить. Анализировать.

Серёжа с утра подготовил подборку для журнала и уехал раньше меня. Мы решили в книге «Сказание о сколотах» дать контактный телефон – Серёжа прозвонился в издательство, где, кстати, сообщили, что на следующей неделе надо будет встретиться по поводу завершения макета.

На работе, за чаем (моим любимым, из бергамота), когда я возвращала свой студенческий для исправления «заочного» отделения на «очное», поговорили с Натальей Святославовной Бабкиной – можно сказать единственной «подружкой» в НГУ, т. к. ни с кем больше я тут не сошлась.

Оказывается, у Натальи Святославовны в детстве была склонность к рисованию. И отец отдал её в студию при Доме архитекторов, куда она ездила с бабушкой, пока та была в силах (со временем занятия

пришлось бросить). Позже, проведя много времени в больнице (из-за травмы позвоночника в результате аварии), она, конечно, захотела стать врачом. Но не поступила в медицинский и за компанию с подругой пошла в технический вуз – МИЭМ (тогда заочный машиностроительный). Так и проработала всю жизнь инженером. А недавно астролог, составлявший её гороскоп, сказал, что у неё нереализованные гуманитарные способности – и что всё надо менять. Как же всё бросить, если семья включает внуков и две работы? Не получается, и приходится жить, не реализуя свои способности. Жалко! Может, хоть на пенсии попробует? Дай Бог! А смогу ли я выразить себя?

Сергей проездил в журнал «Москва» без толку. Нужного человека не было. Приехал домой и слёг с горлом и слабостью. Померила температуру ему (36,4°) и себе (37,3° – ?).

Вспомнила ещё один интересный момент из вчерашнего чтения. Когда Л. Пастернак пришёл к Л. Толстому с иллюстрациями «Войны и мира» для уточнения деталей. Автор, плохо помнивший свой роман, высказал мысль о развитии сюжета (правильную и для живописи), обобщив: «Всё развёртывается само собой, одно следует из другого с естественной закономерностью самой жизни». И ничего ни прибавить, ни убавить...

16 ноября 1995 г. (четверг)

(~ 20:00) Мой учебный день – четверг – прошёл с большой пользой. С утра, часов с 10:00 до 14:00 занималась натюрмортом. Дописала тарелку с яйцами, салфетки, фон. Завтра подправлю крынку и блики.

Объёмность и материальность более-менее (крынка не в счёт), а вот с тональностью... Выдерживать определённый колорит всей картины ещё трудно. Увлекаюсь цветностью, импрессионизмом.

Серёжа сегодня решил переработать одно своё стихотворение, посвящённое мне. Заменял слова более точными и пришёл ко мне читать, когда я дописывала «зимний натюрморт». И этот вариант я поняла сразу, в отличие от предыдущего, а, казалось бы, заменено всего несколько слов: «задохнуться, как от удушья» на «содрогнуться от невозможности» и «тщетных» на «рьяных».

ПОСВЯЩЕНИЕ

И. В. Т.

Интуитивно, по звуку, на говор,
 словно младенец, не знающий слов,
 я уловлю позывные любимой
 из миллионов подобных миров.
 Это несложно. Прислушаться надо.
 Тихо войти в приоткрытую дверь.
 И ощутить за порогом тревогу,
 и нестерпимость грядущих потерь.
 И содрогнуться от невозможности
 в рьяных попытках себя оправдать
 за безучастность, за невнимательность,
 за неумение сопереживать.

А после обеда ходили в ЦДХ на выставку Александра Бухарова и его друзей.

Приятно рассматривать картины, когда знаешь художника, его работы. Но на этот раз Саша несколько

удивил: он опять в поиске – решил совместить пуантилистический фон с гладкой реалистической живописью. Причём фон – даже не покрашенный грунт – создаёт воздух, словно разбавленный точками. К выставке он готовил семь портретов девушек: пять из них – в ЦДХ, два – на «Речном вокзале», в выставочном центре «Динамо». Названия картин в ЦДХ: «Понедельник», «Вторник», «Четверг», «Суббота» и «Воскресенье». Картины обрамлены «рамами» из фото натурщиц. «Понедельник» – озорная девушка, молодая женщина, подросток, сорванец с хвостиком и большими глазами. «Вторник» – с таксой, вытянутым лицом и ассиметричной причёской. «Четверг» – роскошная монголка со свечой, горящим шаром в руках. «Суббота» – русская красавица с тяжёлой косой на голове, русыми волосами. «Воскресенье» – тучная брюнетка на фоне стилизованной шахматной доски.

Второй художник – Вадим Мещанинов – скорее плакатист. Его герои – агрессивны, вызывающи, то же и картины – броские, как аппликации, даже ярче фото, которые их обрамляют. Чувствуется динамика, темперамент автора.

Нам, кроме Саши, понравился Сергей Некрасов с его живописью под старину (картины: «Голова человека»?, «Московская Джоконда», «Что есть истина?» и «Московская Эйфелева башня»). И – очень неплохая графика на тонированной бумаге Алёны Ливень (карандаш, пастель). Но нежные цвета её картин дисгармонировали с фото, забивающими соседствующую графику.

Фоторамки выполняли: Вячеслав Краснопёров, Андрей Харитонов, Сергей Бабенко...

Выставка связана с французской фирмой и якобы со вторника (21.11.95) будет продолжена показом причё-

сок моделей прямо в зале. Затем она переедет во Францию (?). Дай Бог им удачи!

После зала Саши Бухарова (№ 15) ещё раз заглянули на выставку Андрияки. Увидела натюрморт с фонариками, оказывается, они называются физалисами: пять веток в керамической шарообразной вазе, приплюснутая тыква с полосками, три куса тыквы и серебряный нож – на коричнево-красной скатерти.

Некоторые картины рассматривали вблизи. При кажущейся небрежности линий получается точная передача – в работе чувствуется свобода и уверенность, ощущение цвета.

В субботу 18 ноября в 12:00 будет встреча с художником. Было бы интересно сходить (каталог репродукций стоит уже 60 тыс.).

Спустившись в фойе, мы обошли книжные киоски, но (имея в кошельке около 14 тыс. до зарплаты) просто любовались ими.

17 ноября 1995 г. (пятница)

Подправила зимний натюрморт.

Хотела поехать за зарплатой, но – деньги задерживают до вторника.

На работе читала «Воспоминания» Т. Л. Сухотиной-Толстой. Оказывается, у Л. Н. было 13 детей (но многие умерли в детстве). Последнего они родили в 1888 году, когда жене было за 40 лет.

Вечером позвонил Саша Климов, поговорил с Серёжей о похоронах отца. Серёжа предложил собраться у нас их компанией («Весы»). Хорошо бы это приурочить к выходу нашей книги.

У Андрея вечеринка (в честь дня студентов?): Дима Трунькин и две девочки. Надеюсь – без ночёвки.

Серёжа весь вечер спрашивает: «Ты меня любишь?» Я целую его нос, лоб, губы, глаза: «Конечно дорогой!» Через полчаса опять... Что-то у него на душе тяжело.

18 ноября 1995 г. (суббота)

Сегодня «домашняя суббота» – т. е. целый день мы не выходим из дома. Занимаемся делами, читаем, смотрим TV, разговариваем.

Я немного поработала: очередной набросок. Серёжа в кресле. Очень хочется написать хоть жанровый этюд: Серёжа за работой. Иногда кажется, что если начать цветом, то получится (в отличие от рисунка). Но это маловероятно.

Андрея с Олей отправили к 12:00 по бесплатному приглашению в Дом кино (на «Белорусской») на просмотр фильма – как оказалось «Шырлы-мырли», с участием Угольниково и др. Интересен отзыв Андрея, что если бы это был не коммерческий фильм, то было бы лучше (переигрывают).

Просматривая программу TV на следующую неделю, мы обнаружили интересную передачу в субботу и воскресенье (25 и 26 ноября) – премьеру английского фильма о «Битлз» (шесть серий) 1995 г. Серёжа очень обрадовался, ведь это его любимый ансамбль и он даже уже записал о них две плёнки с TV, а тут сразу шесть серий, да ещё отличного качества – Англия. Пришлось отказаться от намерений сходить на «Трилогию» в Театре на Юго-Западе. Свои два билета отдадим Андрею с Олей, а два других – Веронике с кем-нибудь (другом

или подругой). Правда, я извинилась перед Светочкой Довгер за отменённое обещанное мероприятие, сказав, что не смогу пять-шесть часов высидеть в душном зале (я это выдумала из-за Серёжи). Но она поняла и – согласилась. Да и Серёже так будет легче.

Сегодня в Новостях показывали бюллетень для голосования – 17 декабря – в Государственную Думу. В нём более 40 (сорока) партий и объединений!!! Опять крайности, то одна партия, то – десятки (а не прошло ещё 20!). За кого будем голосовать? Мы не знаем программ большинства партий, но из информации, получаемой по TV, из прессы, разговоров с людьми – думается, за Гайдара, Явлинского, Черномырдина или Борового. Впрочем, последний («Партия экономической свободы»), по-моему, не прошёл, хотя он нам симпатичен как человек и как умница. Мне даже иногда кажется, что если бы Серёжа обратился к нему за помощью в издании книги, то он помог бы.

Если за Гайдара – то по привычке, он олицетворение демократии за последние годы, но не лидер (я имею в виду не данные, а манеру держаться, общаться).

Если за Явлинского – то, скорее, по слухам о его удачных реформах у Немцова в Нижнем Новгороде.

Если за Черномырдина – то за его стабильность, чтобы не было потрясений и кардинальных перемен. Пусть работают, ведь если придут новые люди, то им придётся всё заново набирать себе, прежде чем о нас думать. А у теперешних – уже всё есть.

А в общем, за Россию – за её, а значит, и нашу свободу!

Хотя хотелось бы, конечно, чтобы центристы объединились против крайних, но не получится – никто не хочет уступать.

Дочитывала воспоминания Л. Пастернака о Л. Толстом. Согласна, что талант в человеке предполагает непосредственность восприятия, почти детского – такого, как у Л. Н. при виде обезьянок в окне. И я стала анализировать Серёжины поступки. Радость при виде уснувшего в «калачике» кота Чучи, всепрощение его проказ, которые иногда просто выводят меня из себя (порча наших и чужих вещей: перчаток, сумок, книг, документов, одежды, обуви, посуды, обоев и пр.).

А в деревне Серёжа дружил с Лашкой, Лашей, Глафирой – собакой моей сестры Наташи. Рыжая, усагая, глазастая Лаша отвечала ему взаимностью. Он называл её Чучей. Да и всех живых тварей мы теперь зовём Чучами (даже букашек, любых зверей, бездомных и «домных» животных).

19 ноября 1995 г. (воскресенье)

Хорошая усталость после тенниса. Ванна. Отдых. Вика Рукина сегодня похвалила нас за техничность. Я удивилась. Но стараюсь же (может, это видно со стороны?). Хотя занимаюсь с 1987-го – когда после смерти папы врач посоветовал заняться спортом (т. к. на нервной почве стали болеть суставы).

Вот Серёжа молодец – он всего-то ракетку держит с 1993-го. За два года так научиться! Он очень упорный и обязательный.

Сегодня с утра продолжала читать Л. Пастернака, его отдельные заметки. У меня что-то проясняется со сложившимися в те годы группировками художников:

- передвижники;
- Мир искусства (Санкт-Петербург);

– Общество 36 художников (Москва);

– Союз русских художников.

Л. Пастернак помог мне решить вопрос с авангардом. «И в наше время живопись, пройдя через все «измы» и выродившись в простую бессмысленность – вроде наклейки газетной бумаги на холст или езды по холсту на велосипеде, – исчерпав всю свою энергию на подобные выдумки, должна будет встать и обязательно встанет на путь изучения и передачи **правды** в природе вещей и натуры и тем самым выйдет из застойного тупика. Через стремление к заложенному в человеке от природы чувству правды, чувству натуры, через портретное искусство, живопись, да и все виды изобразительного творчества выйдут на здоровую, правдивую и настоящую дорогу».

Это радует, что такой большой мастер, каким был Л. Пастернак, верил в выход искусства из тупика – ведь любая крайность это тупик (в чём мы убеждаемся не только в искусстве). И, возможно, после 70 лет официального застоя (конечно, не отбрасывая отдельных достижений, хотя бы Осьмёркина, Пластова и др., но не принимая таких как Глазунов, даже Шилов – краснота, фальшь) в конце этого века, вернее, тысячелетия и вначале следующего – будет всплеск, прорыв. Ведь количество переходит в качество, но на новом витке развития цивилизации.

Мои соображения о рисунке были подтверждены в отдельной статье, где приводятся высказывания Микеланджело, Энгра, Делакруа, а также сами размышления Л. Пастернака.

[И ещё: писать натюрморты и пейзажи может и дилетант, но он не может сделать портрета!]

Говоря об английском художнике Тёрнере, Л. Пастернак называет его предшественником импрессионизма.

стов. Мне Тёрнер очень нравится – его воздушность, неоднозначность. И то, что о нём говорит Л. Пастернак, я полностью поддерживаю.

Вечером – КВН, чтение. Серёжа читает Пушкина. Жалеет Чучу, намочившего на удлинитель, называет его шкодливым ребёнком и гладит.

Веронике отвезли «Что делать?» Чернышевского. Неужели его ещё изучают, даже как не лучший пример «окололитературины»?

20 ноября 1995 г. (понедельник)

(~ 15:40) Кое-что интересное из книги Т. Л. Сухоиной-Толстой «Воспоминания» (для памяти, сравнения, проверки, уточнения, осмысления и т. д.).

«...Фета мы (дети. – И. Т.) не любили. Нам не нравилась его наружность: маленькие, резкие чёрные глаза без ресниц с красными веками, большой крючковатый сизый нос, крошечные, точно игрушечные, выхоленные белые ручки с длинными ногтями, такие же крошечные ножки, обутые в маленькие, точно женские, прюнелевые ботинки; большой живот, лысая голова – всё это было непривлекательно...»

«...Мои родители очень любили его. Было время, когда папа находил его самым умным из всех его знакомых и говорил, что, кроме Фета, у него никого нет, кто так понимал бы его и кто указывал бы ему дурное в его писаниях...»

Читая про Агафью Михайловну, бывшую крепостную, горничную бабки Л. Толстого – прослезилась. До чего яркими бывают личности, невзирая на состояние и образование. Одно из качеств, ценимых мной – душа.

Даже не всякая яркая личность имеет её в достаточной степени. А вот при их сочетании – человек необыкновенный. Иногда их даже называют странными. Так и Агафья Михайловна.

Как вспоминает Татьяна Львовна, в 1870 году Л. Н. стал серьёзно изучать греческий язык, а ему было уже за 40, а точнее, 42 года. [И оказывается – мой Серёжа прав, что никогда не поздно учиться. Если уж сам Лев Толстой не ленился, то нам и подавно надо учиться всему. И живописи в том числе.] И с каким восторгом он это делал, как это его стимулировало!

«Как я счастлив, что на меня Бог наслал эту дурь. Во-первых, я наслаждаюсь, во-вторых, убедился, что из всего истинно прекрасного и просто прекрасного, что произвело слово человеческое, я до сих пор ничего не знал, как и все (исключая профессоров, которые, хоть и знают, не понимают), в-третьих, тому, что я не пишу и писать дребедени многословной вроде Войны я больше никогда не стану...»

Меня поразила Татьяна Александровна Ергольская, которая жила в Ясной Поляне и являлась ну очень дальней родственницей, после того, как отец Льва Николаевича овдовел – взяла на себя воспитание четырёх детей, отказываясь при этом выйти замуж за него.

(~ 22:30) С утра Серёжа, продолжая читать Пушкина, дошёл до «Дубровского».

Я делала набросок (20 × 30) жанровой композиции: Серёжа читает книгу, Чуча на подоконнике. Никак не удаётся Серёжина голова – ни в пропорциях, ни в похожести.

P.S. Серёжа в последнее время пристрастился к телеиграм: «L-клуб», «Угадай мелодию», «Проще просто-

го», а теперь ещё и «Каракули». В первую очередь его привлекают ведущие: Ярмольник, Фоменко, Гришечкин. Он с таким удовольствием смотрит и так радуется, что даже странно.

Я его упрекнула в таком растрачивании времени. На что он ответил, что подсознательно работа идёт – он обдумывает, вынашивает свои идеи. И что он согласен с Андриякой, его творческой манерой – он делает какие-то зарисовки, наброски, а уже потом творчески их перерабатывает, где-то изменяет, пропускает через себя.

Наверное, Серёжа прав – от усидчивости таланта не прибавится. От чтения книг о великих и следования их советам – не станешь способнее ни на йоту. И, наверное, пора становиться не хорошим художником (что поздно), а хорошей женой. Хотя у каждого своё понятие о хорошей жене. У одного – это значит женщина, хорошо выполняющая всю домашнюю работу. Для второго – следящая за своим видом, фигурой, модой. Для третьего – соратник в борьбе, компаньон в деле. А может быть, интересный человек, умный. Просто мать его детей.

21 ноября 1995 г. (вторник)

Сегодня у меня санитарный день, и я его провела на диване. Пробовала рисовать Серёжину голову – в наброске. Ничего не получается.

А Серёжа читает Пушкина. Уже прочёл «Пиковую даму» и «Кирджали» (повесть). В «Пиковой даме» Лиза не утопилась (как в опере), а благополучно вышла замуж.

И вообще – день прошёл нудно, при общей слабости.

В новостях сообщили о смерти фигуриста Гринькова, партнёре Гордеевой – чемпионов мира и зимней олимпиады 1994 года. В возрасте 29 лет случился сердечный приступ во время тренировки (на отборочных соревнованиях в Америке).

Когда я хотела продолжить записи и попросила передать мне папку с «мемуарами», Серёжа засмеялся. Я смутилась. Но он меня подбодрил: «Я бы и сам этим занялся, но не умею писать письма. Зато в старости будем читать и вспоминать!»

Ну вот, теперь я знаю, зачем пишу – чтобы в старости радоваться! Тогда может надо изменить тематику записей? Я записываю то, что мне ново или интересно. Буду уделять место и семейной хронике.

Утром за завтраком смотрели программу Андрея Караулова, который брал интервью у министра спорта Шамиля Тарпищева. И просто удивлялись этому неумному косноязычному журналисту, который задаёт не тактичные и риторические вопросы, говоря от имени народа – манеры комсомольско-партийного лидера. Почему его держат на TV, ведь есть много талантливых и умных людей среди журналистов. Караулов всё выпытывал у Тарпищева про Чечню, и почему вдруг все стали играть в теннис, как Ельцин (?!).

Серёжа звонил с извинениями барду Андрею Чиркову, который приглашал его на прошедший вчера творческий вечер в «Известиях», а он – не пошёл.

Сегодня в издательской фирме обещали, что в среду макет книги «Сказание о сколотах» будет готов. До завтра!

Только что посмотрели фильм киностудии Довженко «За двумя зайцами». Я его не видела, а Серёже –

нравится. В этом фильме он впервые увидел Олега Борисова. Крылатая фраза: «Барышни легли и просят» – как раз отсюда.

23 ноября 1995 г. (четверг)

Да, вчера не удалось внести записи в дневник: на работе всё время работала. Вечером увлеклась макетом, который, как первый вариант, принёс Серёжа.

О макете. Если оценивать в целом – ничего: т. е. ни хорошего, ни плохого, что-то серое, непонятного настроения и временной принадлежности (это всё про обложку).

После поисков, просмотра аналогов, учёта содержания – решили, что нужно что-то контрастное. Например, чёрно-красно-белая гамма с использованием стилизованного шрифта (под старину, ижица?). Может быть так:

- буквы чёрные на белом фоне;
- красная полоса с чёрными фигурами;
- бордовый общий фон с белыми буквами заглавия и чёрные фигуры;
- стилизованный шрифт в названии.

Фото на последней странице обложки уменьшить в полтора раза. На титуле шрифт стилизованный, как на карте.

Вот и все требования. Сегодня Серёжа отнёс замечания обратно. Фирма обещала всё исправить и к концу следующей недели выйти на типографию. Я волнуюсь и никак не могу переключиться на живопись: то пишу образцы оформления книг, то готовлю обед – всё думаю, что же не так, чего не хватает?

Когда Серёжа вернулся, то сказал, что, оказывается, они забыли о цвете и очень извинялись.

24 ноября 1995 г. (пятница)

Ура! Кажется, первый эскиз маслом с Серёжи получается не таким страшным, как я думала. Серёжа даже узнаваем. Завтра второй сеанс. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Что я решила: главное – смело делить на цвета и тени, тёплые и холодные, не вдаваясь в детали. Надо продолжать в том же духе.

С обеда Серёжа поехал в Бутово к родителям, скрести полы. Взял старый спортивный костюм, тапочки. Боюсь, что за эти три дня у него будет большая нагрузка на спину, а ведь у него «слабый» (после травм) позвоночник. Завтра ему предстоит помогать Юре Гончарову переносить мебель от знакомого, живущего в соседнем дворе и уезжающего за границу. Правда, там будет несколько друзей, в т. ч. и Демидов. Потом, в 18:00, он хотел начать записывать «Всё о Битлз» – Англия, шесть серий 1995 года. И ему придётся поторопиться у Юры и улизнуть с неизбежного мальчишника (мы даже билеты в театр отдали Андрею с Олей, чтобы записать этот фильм). А в воскресенье – теннис. Ещё не так давно, в 1992–1993 годах, Серёжу по ночам, да и днём мучили боли в позвоночнике. Тогда он делал дыхательные упражнения и просил помассировать спину. После двухлетнего занятия теннисом (с осени 1993 года) мышцы спины окрепли, но при длительной и большой нагрузке может всё вернуться.

Сегодня на работе – день рождения у Натальи Святославовны Бабкиной. Поздравлю чем смогу (что мне самой интересно – Гойя «Капричос»). Будет чай, сладкое – это наши маленькие радости. Наталья Святославовна очень порядочный человек, что в наше время редкость. И если учесть, что она спокойная и выдер-

жанная, внимательная и просто добрая – это уже много. Ей трудно – хочется помочь всем дочкам, мужу, друзьям, родственникам. Всем уделить внимание – и она разрывается между двумя работами и разросшейся семьёй. Дай Бог ей счастья и здоровья!

26 ноября 1995 г. (воскресенье)

В субботу нам позаниматься не удалось. Сергей помогал перетаскивать мебель. А я после магазина созвонилась со Светочкой Довгер, и мы встретились во второй половине дня. Светочка приготовила вкусную курочку, грибочки, «синенькие» – ведь это её день рождения. Посидели, поговорили, посмотрели фильмы, что захватила Светочка (у неё теперь появился видео-плеер). Она осталась ночевать. Утром ещё один фильм. Светочка поехала домой, а мы – на теннис. И хорошо поиграли, только я потянула икру на правой ноге. Вероника уже играет с Борей, да и мы с Серёжей ей накидываем. Шли обратно и обсуждали, что будет проходить Вероника после «Что делать?» Чернышевского. Оказалось – Н. Некрасова. Я поинтересовалась у Серёжи его мнением о Некрасове. Оказалось, что он считает Некрасова чуть ли не первым фактически за-циклившимся на социальности русским поэтом и демагогом, не соответствовавшим им же провозглашаемым взглядам и ведшим своевольный образ жизни...

Я расстроилась, что Светочке мало что понравилось из моих работ – только буханка с доской. И её нетерпеливость: «Когда я буду писать картины? Через 17 лет? Нет, нам столько не надо!» И как ей объяснить, что этому никто не учит, а надо просто всё самим попробовать. Света разговаривала с Надюшкой Новиковой

(Цыганковой), она тоже ждёт моих работ. Вот сколько желающих.

Только что в программе «Воскресенье» (1 ОРТ) сказали, что в Чечне уже 26 тысяч человеческих жертв. И непонятно, когда это кончится. Там, в Чечне, готовятся выборы. Кандидаты: Завгаев, Хасбулатов и ещё три-четыре человека. В России же выборы президента уже объявлены на 17 июля. Ельцин с ишемической болезнью сердца в больнице (второй раз за год). Как он собирается выдвигаться? Уже постарел. Кто выдвинется на выборы?

Вечером звонил Роман Исхаков, приглашал 3 декабря на вечер, где вместе с Михаилом Беяевым соберётся много поэтов, посещавших его студию. Но это воскресенье – «святой» день Вероники и спорта. Поэтому мы вряд ли пойдём на встречу.

Пошёл косяк на переезды: к Серёже обратился Слава Васин с просьбой помочь с переездом из сносимой пятиэтажки в близлежащий дом (уже завтра дают ордер) – это программа Лужкова по сносу пятиэтажек («хрущёб») в действии. Серёжа согласился, только просил предупредить накануне.

Конечно, Серёжа устал за эти дни – и полы у родителей, и мебель у Юры, и теннис – но (ура!) спина не болит. Устал, да, устал! Но не болит!

27 ноября 1995 г. (понедельник)

Дописала первый жанровый этюд: Серёжа с книгой. Когда начинала писать – боялась, в середине – нравилось, как проступают «части» этюда, в конце – уже хотелось всё сделать по-другому. Ошибки, проступившие

в конце, особенно отчётливы: искажённая перспектива стола из-за его близости; нечётко обозначено разделение планов – пестрота цвета и т. д. Следует сделать десяток таких этюдов, чтобы всё прочувствовать, попробовать и понять, как делать.

Серёжа готовится к предпоследнему раунду с фирмой: второй макет и выход на типографию. В типографии надо отследить ряд требований: плёнки, цвет и плотность обложки, сигнальный экземпляр и протокол разногласий в три дня после получения тиража. Может быть, к вечеру появится второй вариант макета, с учётом замечаний. Тогда завтра – в типографию.

Стала продолжать чтение «Истории импрессионизма». Тот момент, когда Сезанн пишет письмо с протестом к жюри Салона и требованием повторения выставки отверженных. Как художник Сезанн уверен в себе, в своём творчестве и отвергает претензии признанных художников-реалистов классических и идеалистических школ, романтиков. Новых художников Золя называл не реалистами (т. к. к ним относили жанристов), а натуралистами – считавшими темой любое состояние природы, окружающего мира. И хотя Золя являлся другом детства Сезанна, он не писал о нём, считая талант его ещё не раскрывшимся до конца.

Из «Воспоминаний» Т. Л. Сухотиной-Толстой:
«...Папа говорит, стыдно иметь, а не стыдно не иметь».

28 ноября 1995 г. (вторник)

(~ 20:30) Сегодня так и не выбрались в Пушкинский на выставку рисунка (Германия), узнав, что она до 14

января 1996-го, а у меня горло побаливает (больно глотать). Решили отложить ещё на неделю, а пока полегчить – аспирин, мёд, полежать.

Что я и сделала. Потом немного порисовала Чучу на окне и в кресле. Интересна его поза: развалившись, сидя – вылизывая животик. Такое довольное лицо, ой, я его очеловечила, конечно – мордочка.

В 12:00 Серёжа пошёл за вторым вариантом макета книги и вернулся довольным, что все замечания учли и подобрали цвет для обложки – терракотовый. Даже в конце каждой песни изобразили птичку с картинки Третьей песни. И внесли в заголовки и на обложку стилизованный под кириллицу шрифт. Уменьшили фото в полтора раза, дали контактный телефон.

Я читала «Историю импрессионизма» (начальный период, 1865–1869 годы). Вначале только трое – Мане, Дега, Базиль – были обеспеченными, остальные испытывали нужду, особенно Ренуар и Моне (который резал картины, сбегал от кредиторов, топился, жил приживалкой у тётки, вдали от жены и ребёнка, за неимением холста писал на использованных полотнах, обдирая их). Но как чётко они осознавали свою правоту!

У Дега была (в 1859 году) набросана программа, на мой взгляд, очень интересная и поучительная для нашего времени, например:

- «Претворять академические штудии в этюды, запечатлевающие современные чувства.
- Рисовать любые предметы обихода, находящиеся в употреблении, неразрывно связанные с жизнью современных людей, мужчин или женщин, например, только что снятые корсеты, ещё сохраняющие форму тела, и т.д.».

– «Никогда ещё не изображали памятники и дома, взятые снизу или вблизи, так, как их видишь, проходя мимо по улице».

И составил список сюжетов, серий, например:

- музыканты и инструменты;
- булочные, натюрморты из хлеба;
- серия с видами дыма;
- серия траур;
- серия балерин, ноги, парикмахер;
- бесчисленные впечатления, ночные кафе, зеркала, лампы и пр.

Надо подумать про аналогичный план в нашей жизни, что для неё характерно и мне близко. Осмотреться. Начать с дома, быта. Тут и видеомагнитофоны, всякая электроника – но с человеческих позиций. Допустим, люди смотрят TV (семья), но картинная плоскость – это экран TV. Далее – улица: вывески, дети, киоски и т. д. Работа. Надо подумать.

Ещё из книги Джона Ревалда «История импрессионизма» (для размышления).

«...Вообще вопрос о **теньях** часто дискутировался в кафе Гербуа, – по существу, он является для художников одной из главных проблем.

Мане любил утверждать, что для него «свет представляется таким единым, что одного тона достаточно для его передачи и что предпочтительнее, даже если это кажется грубым, резко переходить от света к тени, чем нагромождать оттенки, которых глаз не видит и которые ослабляют не только силу света, но и окраску теней, подлежащую выявлению.

Но друзья Мане, все те, кто уже работал на открытом воздухе, а это значит – все пейзажисты группы, должны были возражать против его манеры просто де-

лить предмет на освещённые и затенённые поверхности. Их опыт работы на природе говорил им другое. Мало-помалу они отказывались от обычного метода – передавать третье измерение, делая так называемый локальный цвет предмета более тёмным, по мере того как этот предмет отдалялся от источника света и погружался в тень. Их собственные наблюдения учили их, что те части предмета, которые находятся в тени, не полностью лишены света и не темнее остальных, но что они просто не так ярки. Будучи в меньшей степени пронизаны светом, затенённые части лишены, конечно, цветовых валёров, освещённых солнцем частей, но они так же богаты по колориту, в котором доминируют дополнительные цвета и в особенности синий. Наблюдая и воспроизводя эти цвета, стало возможным обозначать глубину, не прибегая к битюму, обычно употреблявшемуся для изображения теней. Тем самым вся картина автоматически приобрела более светлую тональность».

Серёжа строит мне глазки и спрашивает как всегда: «Ты меня любишь?» – «Да». – «А как?» – И я шлю воздушные поцелуи. «А ты мне спинку почешешь?» – «Конечно».

29 ноября 1995 г. (среда)

(~ 22:00) Сегодня тяжёлый день. Утром Серёжа обнаружил, что ударение в слове «сколоты» не на первый слог, как мы думали, а на второй. И пришлось думать, как быть. То ли оставить так и дать варианты ударений в послесловии или вначале, или все места, где есть слово «сколоты», проверить на ритмику. Серёжа решил

попробовать исправить, где не совпадала ритмика, а таких мест оказалось четыре. Причём в двух оказалось несложно – добавить междометия или союзы, а над другими двумя пришлось подумать. Новые варианты оказались не только не хуже, но даже лучше старых.

Собрав все бумаги, Серёжа поехал на фирму РА «Солист». При нём сразу исправить не удалось, т. к. тот, кто занимался компьютерной вёрсткой, был занят. Просил оставить и прийти за исправленным вариантом завтра, но деньги за типографию взяли и выписали общий счёт на 500 \$, по курсу 1 \$ = 4578 руб.

У меня болит душа, что сегодня я не работала, а лишь немного помогала Серёже – искала в мифологии и энциклопедиях слово «сколоты», потом читала вслух, а Серёжа проверял, когда же он ушел, начала доваривать суп.

Интересна мысль Л. Н. Толстого, что оценка человека – это дробь, в знаменателе которой стоят его мысли о себе, а в числителе его добродетели. Т. е., чем человек большего о себе мнения, тем меньше его цена. (В книге это выражение такое: «...Каждый человек – дробь; достоинства – это его числитель, а то, что он о себе думает, – знаменатель».)

Вообще-то наступают сложные финансовые времена. Сегодня вечером Серёжа обзванивал друзей, знакомых. Расстроился, что его так легко вводят в заблуждение, а он верит... Далее. У Татьяны (знакомого бухгалтера Сергея) не работает телефон, т.к. после вчерашней аварии в Чертаново (пожар) отключили все телефоны, начинающиеся на 31. Володя Щетинин – как всегда, даст денег, может быть, тысяч 300 до конца января. Уже что-то, а надо бы набрать 1400 тыс. руб., и

хорошо бы до апреля. В крайнем случае – ломбард (два кольца).

30 ноября 1995 г. (четверг)

А вот про мою сестру Наташу:

«Мамá (это Т. Л. Сухотина-Толстая о Софье Андреевне) в хорошем духе, как всегда она бывает, когда у неё какая-нибудь забота на руках. Папá совершенно справедливо это заметил, говоря, что, когда все в доме вырастут, ей надо будет заказать гуттаперчевую куклу, у которой был бы вечный понос».

Два желания Л. Н. Толстого:

«Чтобы он всех любил и чтобы все его любили».

(~ 21:00) Никак не могу собраться и сесть работать. Гладила, готовила, читала «Историю импрессионизма». Серёжа погладил свою «мелочь» и, созвонившись со Щетининым, поехал в город. Сначала в РА «Солист» за макетом, проверить последние исправления. Затем к Володе за деньгами. Какой уж раз он нас выручает! Как обещал, вечером Серёжа привёз 300 тыс. руб. – это на еду. Осталось достать на квартплату за две квартиры 200 тыс. руб.

1 декабря 1995 г. (пятница)

(~ 21:00) Взяла себя в руки. Немного пописала Чучу, на сколько его хватило; затем переключилась на себя. Как-то с Натальей Константиновной (Смирновой) обратили внимание на «минингиточку» – вязаную шапочку с обручами, розово-сиреневого цвета – уж больно

живописна. А у меня из таких же ниток связан спортивный свитер: вот я и решила потренироваться в написании эскиза поясного портрета, в данном случае своего, в этой шапочке. Кстати, таких шапочек я ни у кого не видела, а сама связала таких всего три: себе, Гале Воробьёвой и дочке знакомой горнолыжницы из гостиницы «Белград». Очень туго идут эскизы. До сих пор непонятно, как же изображать разные планы дальше, когда сам портрет не проработан, как картина, а – в виде эскиза. Ведь когда пишешь картину, то первый план, более прорисованный и контрастный, чёткий в цвете; а второй – эскизной прописки. Но когда это всё эскиз – и первый план не прописан, то передать глубину можно только цветом! Настрой ещё не тот – надо отключаться и больше думать, обдумывать каждый мазок, но не тянуть, а передавать первое впечатление. Всё. Завтра встану – и сразу буду настраиваться на работу. Кота покормлю после себя, чтобы успеть приготовить этюдник, а там всё зависит от Чучи – сколько он выдержит позировать. Затем перейду к своему портрету-эскизу. Буду стараться.

Серёжа сегодня ездил к родителям «добывать» полы. Конечно, устал. А завтра – к Славе Васину, помогать перевозить мебель. Быстрее бы эти дела заканчивались!

Андрей всю эту неделю пропускал занятия на курсах, на моё замечание сказал (как обычно), что сам разберётся. К сожалению, разобраться у него не получается. Сейчас с Пашей, Олей и ещё одной девушкой отдыхают с сухим вином (вкусным). Вчера, после отдачи 300 тыс. руб. на еду за декабрь, у него осталось 170 тыс. руб. Я предложила, как и ранее, откладывать на летние ботинки, куртку, хотя бы по 40–50 тыс. в ме-

сяц. Но Андрей вспомнил о днях рождения, Новом годе и не стал. Однако я предупредила, что в следующем полугодии мы не сможем ему выделять деньги на вещи (джинсы, ботинки), как в этом году.

На работе начинается обсчёт зарплаты за ноябрь, и мой компьютер занят, поэтому я читаю Т. Л. Сухотину-Толстую и периодически выдаю справки преподавателям. Интересно, что Т. Л. писала портреты. И к ним приезжал Ге, который правил её работы, а, иногда, увлекшись, дописывал сам. Вот интересно – посмотреть бы, как делать подмалёвок под портрет!

2 декабря 1995 г. (суббота)

(15:30) Сижу, смотрю по TV Кубок Дэвиса: Россия – США. Ужасно переживательно, оттого решила разрядиться писанием.

Вчера были одиночные игры: Чесноков с Самprasом (2:3); Кафельников с Курье (3:0) и общий счёт – 1:1. Самprasа вчера унесли с корта из-за судорог ног и руки. Казалось бы, сегодня наши д. б. посвежее, но пока проигрывают уже два сета, да так неудачно (всё на грани выигрыша). И в третьем сете уже проигрывают 1:4. Наши проиграли все три сета! Теперь практически нет надежд, т. к. завтрашние игры: Кафельников – Самpras, Чесноков – Курье – очень сложны для нас. К сожалению, мы увидим только конец второй игры, т. к. пойдём на занятие по теннису. Самим играть интереснее.

Серёжа приехал от Славы уставший. Говорит, что люди, как муравьи, курсируют между старым и новым домами с сумками, тюками, а кое-кто переезжает (пере-

возят строители). Новая квартира почти такая же – двухкомнатная, но с большими кухней и коридором.

Пообедали и отдыхаем.

С утра я, настроившись на работу, за полтора часа дописала этюд с Чучей. Когда начинала, то ещё не знала, что получится. Только чувствовала, что с тенями надо быть осторожной – они должны получиться лёгкими и цветными, и лишь тёмные полосы и складки шерсти в тени обозначены (и то не везде) жжёной умброй. А т. к. Чуча сидит на подоконнике, т. е. против света, то он практически весь в тени. Светлые полосы в тени проложила немного высветленной белилами умброй с зеленью. На свету прозрачная светлая шерсть немного охлаждена кобальтом синим и фиолетовым. Хуже вышли фоны: как ближний – подоконник, так и дальний – деревья за окном. Но в целом терпимо для первого раза.

Переключилась на свой портрет с лыжами. Ждать похожести лица – глупо, но можно попробовать эскизно проработать поясной портрет. И не забывать про основную ошибку, мешавшую стать хорошей художницей Татьяне Львовне Сухотиной-Толстой – идти от общего, от пропорций, от больших объёмов, может быть, даже совсем не детализировать. Укрупнить по максимуму. Пусть будет расплывчато и неясно, но правильно на эскизном уровне.

Сплошные юбилеи: Никите Михалкову – 50; Шифрину – 50; Табакову – 60; Плисецкой – 70. Сегодня по ТВ будут повторять вечер в Большом театре, посвящённый Майе Плисецкой. Стоимость билета на вечер доходила до 700 \$. Майя Плисецкая на следующий день выразила возмущение этим. Но везде, где есть спрос, есть и перекупщики (так и на Кубке Дэвиса: билеты –

более 100 \$). На это я говорю: «И по TV хорошо видно!»

3 декабря 1995 г. (воскресенье)

(23:30) Утром Серёжа говорил о новой части поэтизированной истории. Нашёл интересный сюжет, связанный с другим праславянским (северо-западнее скелотов) племенем – невры – и их борьбой со скифами. Продумал девять частей по 12–16 строф в каждой. Сидит сосредоточенный.

Я немного порисовала спящего Чучу (т. к. не могла писать себя – накрутилась). А затем... начался Кубок Дэвиса. Два сета встречи Кафельников – Сампрас удалось посмотреть до ухода на теннис (мы проигрывали)...

Зато сами наигрались вдоволь. У Серёжи сегодня отлично получалась проводка – он меня «измолотил» на задней линии, я – у сетки.

Придя домой досмотрели игры, и – о чудо! – Чесноков выиграл у Курье!!!

Звонил Саша Бухаров – у него скоро, с 19 декабря, персональная выставка в ЦДХ, а с 28 ноября уже выставлена совместная работа пяти художников (и его в том числе) – портрет Вашингтона. Открыта месяц. Обязательно пойдём 19/XII (хорошо бы купить кассеты для Polaroid).

Поштопала Андрюшкины носки со здоро-о-о-выми дырами (пять пар) и ещё осталось на потом... А теперь идём спать.

4 декабря 1995 г. (понедельник)

Утром исправляла набросок своего портрета – лицо и руки, но не очень получилось. Может быть, цветом что-то изменится...

Серёжа ходит сосредоточенный, всё размышляет о новом сюжете. Обложился энциклопедиями, историей Гобарева. Думает. А то вдруг вспомнил, что в комментариях к слову «Ольвия» выплыло словосочетание «первая колония» – его это смутило. Хочет вычеркнуть данное уточнение в тираже. Я считаю, что можно не исправлять.

На работе продолжала читать Т. Л. Сухотину-Толстую «Воспоминания». О пребывании её вместе с отцом в голод в Рязанской области. Тяжёлое впечатление. Насколько же у них болела душа за крестьян, если они всё бросили и ушли в люди, т. к. не могли просто сидеть!

6 декабря 1995 г. (среда)

Серёже в понедельник звонили «новосёлы»: Юра Гончаров – просил приехать передвинуть стенку, Слава Васин – помочь собрать «прихожую» и стол (ножки шатаются). Я удивилась и рассказала о своих передвижках мебели и переездах: на Шверника, 13–3–43, когда во время капитального ремонта, вечерами, освобождала сначала одну, затем другую (9 и 13 кв. м.) комнаты для перестилки паркета – упираясь спиной в трёхстворчатый шкаф на подстилке; и ещё здесь – на Б. Черёмушкинской, 2–1–149, когда съезжалась с мамой. По-моему, женщины более приспособлены к жизни, чем мужчины.

А стол! Это смешно. Я собирала свой стол по мере необходимости – на праздники и потом разбираала...

Серёжа устал от этой суеты. Не может сосредоточиться, нервничает. Переживает, что тихо в редакциях журналов – не берут. Я периодически (когда встречаю в литературе) зачитываю ему те отрывки, где талантливые люди не могут пробиться, преодолеть сложности. Очень часто при этом они терпят физические и материальные трудности. Да и известные люди вынуждены издаваться за свой счёт, например, Лев Ошанин, Михаил Матусовский (его вдова). Надо верить в себя, в свой талант, в удачу, в близких людей. Радоваться жизни каждый миг.

Вчера у нас был гость – Володя Щетинин. Позвонил вечером, часов в семь, спросил разрешения приехать. Я обрадовалась – хоть он отвлечёт Серёжу. Когда он приезжает – праздник.

Я просила Серёжу не касаться политики (т. к. Володя – за коммунистов, а Серёжа – за демократов), чтобы не спорить, не горячиться, а приятно провести вечер. Поужинали с шампанским (пять бутылок на четверых), Серёжа пошёл писать фильм о Джоне Ленноне, а Володя, Андрей и я – на кухне учились игре в карты. Володя выиграл, Андрей проиграл, я – в середине. Показала ему свои работы – натюрморты. Володя от восхищения (может быть, из уважения) поцеловал мне руку. Может он и не тонкий знаток живописи, но всё равно было приятно.

Мозалёв прислал из Турции две фотографии – мы в его деревне. И ни строки...

О работе. Вчера, я считаю, удачно (могло быть и хуже) начала в цвете свой портрет с лыжами. Долго го-

товилась: ставила экран для фона (снега), разложила на полу репродукции картин Репина, Л. Пастернака, Борисова-Мусатова, импрессионистов. Всё рассматривала мазки, цвет кожи, освещение, выражение лиц: в чём секрет улыбки, задумчивости, горя... Вспомнила о написанном рецепте красок для изображения человеческой кожи: разбелённая охра + чуть ультрамарина + чуть киновари или умбры. Наталья Константиновна говорила о возможности добавления сажки и т. д. Позавчера вечером были готовы лицо (в общем) и свитер. Андрей, правда, посмотрев, сказал, что лицо деревянное, но уже что-то, хоть не такое рубленное, как мои две первые одноцветные гризайли. Сегодня прописывала руки, палки и лыжи. Завтра – фон.

Вчера в «МК» прочли о смерти киноактёра Кайдановского – «Сталкер», «Свой среди чужих, чужой среди своих»... Жалко... Очень самобытный и яркий актёр. А ведь ему не было 50-ти лет. Третий инфаркт.

Звонила ведущая «Сказание о сколотах» из издательства РА «Солист». Два вопроса: что исправлять на что, и – подорожала бумага. Передала по возвращении Сергею – он немного расстроился из-за второго пункта. Но привёз 200 тыс. руб. (!) за реализацию где-то по его «наводке» «Юрия Долгорукого». «Бог видит, что мы нуждаемся, и помогает нам. Спасибо Ему!» – сказал полшутя-полусерьёзно Сергей.

Минуту назад Серёжа спрашивал меня, а за что я его люблю. Я сказала, что мне с ним уютно, душевно. Что я вся расслабляюсь, когда вижу его. А я и сама не могу этого чётко сформулировать.

7 декабря 1995 г. (четверг)

(~ 21:30) Сегодня Андрей подарил мне красную, даже бордовую розу – бутон!!!

Просто так. Когда был в гостях Щетинин, под воздействием шампанского я шутя разоткровенничалась о том, что мы стараемся не особенно докучать Андрею нотациями (хотя не без этого, но сдерживаем друг друга), т. к. Андрею предстоит нас хоронить, когда придёт срок. А потом в комнате, когда Володя с Сергеем были на кухне, Андрей предложил чокнуться бокалами, сказав, что любит меня, в чём я сомневалась, т. к. он всё время суров, сух со мной. Теперь мне кажется, что он стал относиться ко мне как-то внимательнее и бережнее. А тут ещё роза! Надо её зарисовать на память об этом разговоре.

Оле же он купил бледно-розовую розу, сказав, что мне, женщине – красная, а ей, в знак чистоты юности – розовая! Я рада за него! Что он всё чувствует.

Сегодня ещё радость: закончила первый поясной портрет маслом – свой, с горными лыжами. Получилось на три с натягом. Но ведь это начало! Серёжа советует «укоротить» его снизу ~ на 8 см. Пусть сохнет – там подумаем.

«Как могу!» – такие же слова, как Лоррен, я могу написать на своих картинах.

Просмотрела три плёнки с художниками: Серебрякова, Верейский, Гойя, Пуссен, Анненков, Эйк, Лоррен, «Третьяковка», Леонардо да Винчи...

Уже со смыслом рассматривала тени на лицах у глаз, носа, шеи; оттенки кожи. Очень интересен Гойя – такие сочные краски и не портят, а, наоборот, освежают лица! Надо попробовать!

Очень захотелось сходить в Пушкинский или Третьяковку, посмотреть живьем мазки, краски.

Серёжа вместе с Демидовым с 16:00 двигают стенку у Юры. Просили у Демидова «Портрет дочери Машеньки» художника Александра Смирнова. Отшутился...

Хочется попробовать зимний городской пейзаж на бульваре.

8 декабря 1995 г. (пятница)

Т. Л. Сухотина-Толстая «Воспоминания» – о Тургеневе:

«В письме от 21 октября (1 ноября) 1857 года, адресованном В. П. Боткину и И. С. Тургеневу во Францию, Толстой писал: «Слава Богу, что я не послушал Тургенева, который доказывал мне, что литератор должен быть только литератор. Это было не в моей натуре. Нельзя из литературы сделать костыль... Каково бы было моё положение, когда бы, как теперь, подшибли этот костыль. Наша литература, то есть поэзия, есть, если не противузаконное, то ненормальное явление... и поэтому построить на нём всю жизнь противузаконно».

Так ли уж прав Лев Николаевич?

И ещё, очень близко к тому, что я испытала со смертью папы и мамы, выразил Л. Н. Толстой по поводу смерти своего друга, художника Н. Н. Ге:

«...Испытываю и то, что Вы пишете, как бы раскаяние и позднее сожаление о том, что недостаточно любил его или, скорее, недостаточно проявлял свою любовь к нему, потому что любил я его всей душой...»

Именно так – «недостаточно проявлял свою любовь» – сейчас не исправить, а тогда, по-молодости, стеснялась выказывать свои нежные чувства к папе и маме.

9 декабря 1995 г. (суббота)

(~ 16:00) Сегодня рабочая суббота: перенос выходного на понедельник, ближе к 12 декабря – Дню конституции. Я на работе. Купила шоколадку и пью чай, почитывая «Воспоминания» Т. Л. Сухотиной-Толстой.

«...Вам совет: как можно меньше действовать. Чем затруднительнее кажется положение, тем меньше надо действовать...» (Л. Н. Толстой)

Этот совет сродни пословице «Тише едешь – дальше будешь» или изречению «Спешить надо медленно».

Утром долго раскачивались, и только в двенадцать дня я решила писать розу Андрея. Очень трудно избразить один цветок, чтобы не впасть в красоту, тем более розу, т. к. роза тёмно-бордового цвета, то на светлом фоне очень плохо видны оттенки – взяла чёрный, и она заиграла. Правда, Андрей спросил потом, почему чёрный. И когда уже закончила, одевалась на работу, то показалось, что не хватает охры и кобальта. Взяла кисть и прошлась ещё раз – стало живее. Но всё равно тяжело смотрится, может, нужен был коричневый фон? Или синий ультрамарин?

Сергей поехал помогать Славе собирать стол и «прихожую».

Серёжа работает над новой исторической вещью. Даже не заглядываю. Пусть втянется, тогда сам заговорит. Не надо его торопить.

11 декабря 1995 г. (понедельник)

В субботу Серёжа помогал Славе переносить со старой квартиры на новую... вешалки с одеждой. Без чехлов, чемоданов, узлов, а прямо так. Оказывается, есть ещё более бесхозяйственные и ленивые, чем я. Раз пять они сходили туда-сюда. Я спросила Серёжу, а почему они не упаковали, не завязали, не завернули? Он пожал плечами...

Я вспомнила, как мы съезжались с мамой в феврале-марте 1988 года, как после работы, по вечерам, ездила на Б. Филёвскую упаковывать её вещи (мама уже жила со мной, на ул. Шверника, после операции, сбежав от Наташи, кстати, под тот Новый год я тоже была прооперирована – аппендицит). Сначала тонкое стекло, фарфор, хрусталь – в ящики и на такси домой, на Шверника. Затем хозяйственную утварь и книги в коробках из-под апельсинов – всего было 22 коробки по 10–15 кг; 6 коробок по 20 кг; 7 тюков-ящиков по 30 кг – я так и заполнила в агентстве по перевозке мебели. Затем всё укладывала у себя, да по мелочи таскала с Таней Стрельцовой на эту (Б. Черёмушкинская, 2–1–159) квартиру, в комнату, которую нам освободили прежние хозяева. Переезжали в начале апреля. Первоначально мама стерегла старую квартиру, а когда вынесли все стулья и ей не на чем стало сидеть (она была слаба и худа после операции и из-за болезни), собралась – надела зимнее пальто, шапку, сапоги и с Андреем (ему исполнилось 14 лет) сама (!!!) пошла на новую квартиру. Я это проглядела, и только когда Андрей пришёл и сказал, что бабушка уже ТАМ, я спохватилась. А ведь до этого она гуляла только со мной под руку. Мы прогуливались под ручку в солнечную зимнюю погоду от

подъезда дома к школе № 625 по её двору, мимо ёлочек, где фотографировались, и обратно.

На новой квартире комната – с балконом – ей очень понравилась. Она сама (!!!) вымыла окно в своей комнате в апреле, а я покрасила ей балкон белым – чтобы светлее и аккуратнее было. На нём она гуляла, сидя в пальто, дышала воздухом, радовалась берёзкам, воробьям, солнышку и мечтала прожить хотя бы до 70-ти лет. А оставался всего месяц. Я надеялась на чудо. Тем более что ей в апреле стало лучше – она с лёгкостью «бегала» из своей комнаты через всю квартиру на кухню, в бирюзовом халатике. Я её подстригала. Она радовалась, что рядом «голубой» дом (наш старый – Шверника, 15), её друзья – Екатерина Антоновна Еврафова, другие соседки. А Екатерине Антоновне я говорила о переезде, и она также хотела зайти к нам в гости. И собиралась неделю-две-три. Но маме становилось хуже. 18 мая, когда я приехала с работы, мама сказала, что ей тяжело вставать в туалет (до этого она хоть и лежала, но в туалет ходила сама, по стеночке, с палочкой). Мы с Наташей установили дежурство около неё: до обеда – я, в 13–14:00 приезжала Ната, и я ехала на работу. Эти полдня брала в счёт отпуска (24 дня – хотела растянуть на 48, по полдня). Вечером Ната ехала домой, а я оставалась с мамой. Часто я сидела просто на её диване в ногах, и мы разговаривали о жизни, её тянуло на воспоминания. Но, быстро устав, отправляла меня, а сама дремала, говорила «отдохну». Заранее мы попросили у тётки Иры Скороходовой судно из деревни. И оно, завернутое в газету, было спрятано под моим диваном – чтобы мама не нашла и не подумала что-либо. Мы до последнего старались поддерживать уверенность в её выздоровлении, что эти боли пройдут, что надо лучше соблюдать диету, ведь врачи говорили

маме, что у неё болит поджелудочная – на самом же деле она не болела, а отмирала: рак поджелудочной железы – это смертельный, неоперабельный рак, тем более что всё началось с шейки железы, а, как объяснил доктор, хирург, её не отрежешь.

Итак, с 18 мая мама уже не вставала. Екатерина Антоновна опоздала в том смысле, что пришла в субботу 21 мая, а как раз с 21 мая мама никого не узнавала, кроме меня и Наташи, на следующий день впад в беспамятство. Стонала. Мучилась. Приехавший по 03 врач даже не могла ей сделать обезболивающий укол с наркотиком, т. к. мама терпела до последнего, обходилась порошками, оставшимися «от папы». И хотя врач, женщина лет 50-ти, посочувствовала – позвонила старшему терапевту по скорой, тот сказал, что это первый вызов и пока рано давать сильный (наркотический) обезболивающий, мол, хватит анальгетиков с димедролом, новокаином... А было 24 мая 1988 года, вторник. Врач уехал. Мама, так и не приходя в себя, умерла у нас с Наташей на руках в 14:15. Я знала по книгам, что нельзя плакать над умершим – что он всё слышит и чувствует. Ната кричала в голос: «Мама, мама!» Я же обмерла и держалась за неё – тёплую. Мне казалось, что пока я держусь – она не похолодеет. Боялась оторваться. Ната вспомнила, что надо обмывать тело. И мы сразу стали заниматься всем, чем надо: я держала маму под мышки и, обнимая кольцом, положила её голову к себе на плечо, поддерживала, прижав к себе ещё тёплое родное тело. Мама была лёгкая, я могла бы спокойно взять её на руки, поднять. Мне не было ни страшно, ни других чувств, кроме ощущения её тепла, покорности. Как будто она доверилась нам, зная, что мы только хорошее можем сделать её телу. Одели в белый в серую полоску румынский костюм. Она в нём

на фотографии в Румынии стоит на балконе (с белой сумочкой), с соседкой и котом – улыбается. Это был её любимый костюм. И повязали белый газовый платок. Когда приехали из морга забирать тело, то долго ругали, не хотели брать его одетое. А когда заплатили – сказали завернуть в простыни (2 шт.), чтобы не испачкать костюм. Думаю, что мы правильно всё сделали, т. к. в морге уже не мучили её тело...

...Больше пока не могу писать об этом. Потом ещё как-нибудь...

Вчера – воскресенье – не работала. Ходили на теннис с Вероникой. У неё скоро заканчивается полугодие (теперь нет оценок в первой четверти), возможны четыре «тройки»: химия, русский (это, как она считает, наследственное, хотя странно, но и у меня было то же), биология и ...

Весь день созванивались, то со Светой Довгер, то с Володей Щетининым, то с Дашей Заводовской, то с соседкой Ирой Кочетковой – хотели в понедельник, т. е. сегодня, устроить пострижной день. Но люди предполагают, а Бог располагает...

Сегодня утром ~ в 10:00 Даша по телефону сообщила, что накануне вечером от инфаркта в 21:00 умерла сводная сестра её матери (Ольги Заводовской) – Света, 59 лет. Много курила. Много переживала за сестру, за дочь. Болела диабетом. Сама тянула семью. Десять лет строила дачу. Мария Павловна – их мать – жива. Страшно: пережила двух своих дочерей!

Света любила повеселиться, посидеть за столом, на кухне поболтать. Видела её редко. Как-то ещё у нас в ХНО на Щепкина, 22 – она приезжала за заказом. Я тогда удивилась, что у Оли – почти моей ровесницы – та-

кая старшая сестра, но Оля сказала, что Света дочь от первого брака Марии Павловны. Другой раз, когда была у неё после ремонта, удивила кухня: стены под кирпич, раскрашены хозяйкой по линейке; тёмные коричневые рамы – нам всё ужасно нравилось в интерьере, это было стильно! Тогда же мы ходили к реке, гуляли. Потом разовые встречи мимоходом. Перерыв во времени – жизнь Оли у Юры.

Люди, как правило, не звонят, когда им хорошо. Я думала, что Оле хорошо с Юрой, хотя и обижалась, что она так резко отошла от меня (а ведь я их познакомила).

Однажды в начале марта 1993 года к нам на Октябрьскую (теперь Калужскую) площадь в Минвузовское здание (Ленинский пр-т, 6, каб. 313) зашла Оля Насадкина из Петрозаводского университета – программист, подруга Заводовской, и сообщила, что у Оли рак прямой кишки. Разговаривали мы в коридоре, т. к. в нашей комнате были другие командировочные. Я разнервничалась, потекли слёзы и поэтому не смогла сразу вернуться за свой рабочий стол. Умылась.

Ушли командировочные, и я обо всём рассказала Ире Фировой – реакция та же, затем Воробьёвой, Иголкиной. Все ужасно переживали. Ольга была необычным человеком: красивым, ярким, оригинальным, умным и глубоко несчастным, т. к. она постоянно сталкивалась с подводившими её людьми, неблагодарными или бесчувственными. Но у неё было очень высокое чувство гордости, собственного достоинства – оно было самым сильным в ней и не позволяло унижаться, заискивать, даже просить. Ей не везло с мужчинами – ни один не подходил по душевным и умственным качествам. А её как бы наоборот тянуло к личностям примитивным или чересчур занятым своими проблемами,

которые просто пользовались ею (им лестила её дружба, любовь). Однако душевного, достойного человека она так и не встретила, хотя очень нравилась многим мужчинам, и молодым, и пожилым. Юра, как я его представляю, только отчасти удовлетворял её, он был более примитивным и, понимая это, был иногда жесток.

Со Светой мы встретились в метро и пешком шли до больницы. Она курила, задыхалась, жаловалась на сердце... Затем Олины болезнь, операция, похороны, поминки, годовщина в октябре 1994 года. И всё. Больше я её не знала. Но Ольга её любила, и я её тоже любила за это. Мне жаль их обоих. Они гордились своим «отцом» – Михаилом Беяковым – родным для Оли, приёмным для Светы, ведь он был генералом авиации, братом Александра Беякова, который летал вместе с Чкаловым и Байдуковым. Может именно эта гордость и жила в Оле – чувство избранности. Теперь она вместе с отцом в одной могиле на Новодевичьем кладбище...

Мы целый день между креслом и диваном, кухней и телевизором. Серёжа пишет на video четвёртую серию о Битлах. Андрей с Олей в комнате.

Серёжа вчера записал «Моё кино», интервью с Никитой Михалковым. Сегодня ещё раз посмотрим: умный, интересный, оригинальный режиссёр, человек. Радовались его шуточкам и открытиям типа: «Русским может быть тот, у кого чего-то нет, но не так нет, чтоб было, а ТАК НЕТ, чтобы и ... (фиг) с ним». Он за стабильность, за Черномырдина (блок «Наш дом Россия»).

До выборов неделя. Вчера в аналитической программе «объясняли», что Явлинский – левый (?), а Черномырдин, Гайдар – правые, КРО – центристы. Совсем запутали...

О главном! Серёжа прочёл первые семь строк про неуров. Замечательно! Так густо: древний лес, на-строение древности. И отличается от «Сказания о ско-лотах», и дополняет его. Только уточнить про ударения в словах, производных от «неуры», «Неури-да»...

Продолжается война в Чечне: год как ввели феде-ральные войска, а всё равно гибнут люди, даже после подписания Ельциным и представителем Чечни дого-вора о статусе Чечни. Армия никак не выберется из во-енного болота. Конца этой авантюре не видно. А все 43 блока рвутся к власти, борются за голоса избирателей, т. е. наши. А через полгода – в июне 1996-го – выборы президента России. И опять марафон...

Конечно, многое зависит от выборов в Думу. Если останется Черномырдин или кто-то из «ОКОЛО», то у Ельцина много шансов на победу; если кто-то другой – то при старости Ельцина у него шансов меньше. Но нужен взвешенный, разумный политик, без левых и правых крайностей. Уже высказываются о своих кан-дидатах Явлинский, Жириновский. Называют даже режиссёра Говорухина (почему нет, Рейган в США был киноактёром до президенства и политики)...

Я же мечтаю только о Серёжином успехе. Никто не занимается его «раскруткой», как у известных лично-стей. Но надо хотя бы чаще бывать в редакциях. Об-щаться с коллегами.

И больше писать. Будем издаваться за свой счёт. Так всегда делали. Как, например, сегодня узнала, из передачи о философе, историке, политике Иване Алек-сандровиче Ильине (вынужденном в 1922 году эмигри-ровать из России – он чутко предвещал распад

коммунистического строя), который издавал всё сам в Германии, Швейцарии.

12 декабря 1995 г. (вторник)

(~ 11:00) Сегодня нерабочий день – День конституции и день рождения Ираиды Павловны Скороходовой, сестры папы. Серёжа разговаривает с родителями по телефону о передаче «Моё кино» с Никитой Михалковым: о фольклорной сущности русского человека, о том, чтобы глаза были не больше рта, о том, что русский человек, живущий на границе Европы и Азии, это сочетание Обломова и Штольца. И мне даже кажется, что я и Серёжа ближе к Обломову (пассивные неконформисты?).

Т. Л. Сухотина-Толстая, «Воспоминания». Вот что она ценит в людях, в частности, Марии Александровне Шмидт:

«...и все мы хоть немного приблизились бы в своей жизни к жизни Марии Александровны, то много радости и счастья прибавилось бы между людьми. Казалось бы, чем была замечательна эта незаметная, скромная труженица? А когда взвесишь все те качества, которыми она была богата, то и видишь, что встречаются они очень редко. Любовь к людям, любовь и милосердие к животным; покорность в болезни и горе; радость в труде, – вот её положительные качества. И при этом отсутствие самодовольства, лени, зависти, жадности, осуждения ближнего... Это ли не подвижническая жизнь?»

И ещё о своём отце, его исканиях (отрывок из его дневника от 4 марта 1855 года – под Севастополем):

«Вчера разговор о божестве и вере навёл меня на великую, громадную мысль, осуществление которой я считаю себя способным посвятить жизнь. Мысль эта – основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле... Действовать сознательно к соединению людей с религией – вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечёт меня».

Поздравила Ираиду Павловну. Она скоро (до Нового года) будет у нас в гостях. Привезёт журналы «Художник» (которые выпросила для меня у тёти Клавы). У неё всё те же трудности с Лёшей: хулиганит и пьёт. Жалко её.

Серёжа оттачивал первую строфу (искал более точные слова), думал о следующей. Я же читала «Воспоминания» о разделе наследства, земельный вопрос. Затем немного стирала, готовила, мылась...

Серёжа всегда помогает мне: чистит картошку, моет посуду. И так доволен, каждый раз спрашивает: «Я тебе помог?» И весь светится при этом – как ребёнок! Я тоже спрашиваю его, когда что-то ему делаю, или подскажу в стихах, или замечание какое, непонятное место. Серёжа всегда прислушивается и как считает, так и делает.

Его очень притягивает история праславян. Читая её, сделал вывод, что все скифские вожди заканчивали свою жизнь гибелью в походах. Так было и в V в. до н. э. (о чём он пишет сейчас). И хочет ещё вернуться к VIII в. до н. э.

(~ 24:00) Серёжа записывал на video жеребьёвку Чемпионата мира по футболу из Лувра. А мы с Андреем на кухне пили чай и смотрели юбилейный вечер Олега Табакова («Пять вечеров с Олегом Табаковым») к его 60-летию. Эффектное начало: отрывок из спектакля А. П. Чехова «Дядя Ваня» с Ефремовым, Мягковым, Невинным и самим Табаковым – который полностью подходит к юбилею (если повторят вечер и будет плёнка – запишем)...

14 декабря 1995 г. (четверг)

(~ 13:00) Вчера утром ничем не занималась, разве что немного хозяйством – но больше переживала, что Серёжа уваливает от позирования. Работала в Университете. Соловьёв в третий раз предложил мне вести базу «Зарплата». Я два раза отказывалась. В денежном плане было бы нам легче, но... Во-первых, каждый месяц одна неделя полностью будет выпадать из занятий живописью, т. к. надо будет с утра до позднего вечера сидеть на работе, собирать табели, считать и пересчитывать. И летом тоже не уехать из Москвы, даже на месяц. Всё это отразится на моих занятиях. Во-вторых, очень «суетная» база: сплошное недовольство преподавателей из-за низкой оплаты. А я не смогу спокойно всё выслушивать, буду дома переживать, как бы претензии ко мне.

Я даже говорю Серёже, что, может быть, это меня Бог испытывает деньгами. Да и учиться мне ещё два года. Лучше не отвлекаться. Ведь я хочу писать картины, так зачем мне возвращаться к старому – чиновничьей работе? Хочется заняться творчеством – это главное в человеке. Тем более что материально можно

Дом в Ильинском погосте (ныне ул. Новая, д. 11)

1934 год

1940 год

1956 год

1917 год. Мария Ивановна
Горячева (урождённая Прун-
това) с сыном Виктором

1934 год. Павел Васильевич
Горячев

1953 год, Ильинский погост. Павел Васильевич в Попо-
вском лесу с внучками Наташей и Ириной (дочерьми
сына Виктора), и внуком Лёшей (старшим сыном доче-
ри Ираиды)

*Август 1945 года, Ильинский погост. Мария Ивановна и
Павел Васильевич Горячевы*

Август 1947 года, г. Москва. Горячевы Анна Семёновна (урождённая Балычева) и Виктор Павлович со старшей дочерью Наташей

1980 год, г. Москва. Анна Семёновна и Виктор Павлович с дочерьми Ириной и Натальей, внуком Андрюшей (сыном Ирины) и внучкой Таней (дочерью Натальи)

Весна 1952 года, г. Дальний (Китай)

Лето 1952 года, г. Дальний (Китай)

Лето 1952 года, г. Дальний (Китай). С мамой...

Декабрь 1952 года, Ильинский погост. Девять месяцев от роду...

*Новогодние дни 1953 года, Ильинский погост.
С дедушкой...*

8 марта 1953 года, г. Москва (первая годовщина со дня рождения). С бабушкой на Землячке...

Весна 1953 года. С мамой и папой на Землячке...

1 мая 1953 года, Ильинский погост

Лето 1953 года, Ильинский погост. В Поповском лесу...

Лето 1953 года, Ильинский погост. С двоюродным братом Сашей Скороходовым в саду около дома...

*1954 год, г. Москва. В кв. 1 на ул. Землячки (ныне
Большой Татарской), д. 11*

*1955 год. Во дворе на Землячке (Ирина в белой шубке
лезет через забор)...*

1957 год. С Ольгой и Варварой Александровнами Бесфамильным на Землячке...

1958 год. Дом на Землячке (вход на первый и второй этажи — справа, за заборчиком, где и сделана фотография с сёстрами Бесфамильными; вход в полуподвал — слева, под козырьком: там жила и семья Жильцовых, чья дочь Света стала диктором TV), пятиэтажка на дальнем плане была построена незадолго до расселения...

1955 год, Ильинский погост. С двоюродными братьями Лёшей и Сашей Скороходовыми, и сестрой Наташей...

1956 год, Ильинский погост. С тётей Наташей (женой дедушкиного брата из Рязани), бабушкой Марией Ивановной, мамой Анной Семёновной, дедушкиным братом из Рязани Александром Васильевичем, дедушкой Павлом Васильевичем Горячевыми и сестрой папы Ираидой Павловной Скороходовой, а также с сестрой Наташей, троюродной сестрой Ирой (внучкой дедушкиного брата из Рязани) Горячевыми и двоюродными братьями Сашей и Лёшей Скороходовыми

1957 год, Ильинский погост. С мамой и сестрой...

1957 год, Ильинский погост

1958 год. В Поповском лесу (Ильинский погост)...

1958 год. На ВДНХ...

*1 сентября 1959 года. С папой перед выходом в школу
(первый раз в первый класс)...*

1959 год, г. Бухарест (Румыния). С родителями...

1960 год, г. Бухарест (Румыния)

1962 год, г. Бухарест (Румыния)

1961 год, г. Бухарест (Румыния). На балконе Юлия Стаханова и мама...

1963 год, г. Москва. Отъезд в деревню на летние каникулы (одна!)...

1964 год, Ильинский погост. С бабушкой и дедушкой...

1 мая 1964 года, Ильинский погост

1966 год. На ВДНХ...

1970 год. МИЭМ, студенчество, картошка...

Январь 1972 года

Апрель 1974 года. С трёхмесячным сыном Андреем...

На студенческой встрече Нового 1976 года...

1976 год. За грибами с однокурсницей Натальей Петровой...

Август 1976 года. С сыном...

1989 год

потерпеть, а там видно будет. Решили отказаться. Да и я столько прочла за это время! Что я знала о художниках, о Леониде Пастернаке, о Льве Толстом? Теперь это мои: и знания, и кругозор, и мысли, и чувства – всё для духовного развития. И нельзя останавливаться. Надо расти, читать дальше. История и искусство, философия и религия – вот чему стоит посвящать жизнь (духовную). А лишний рубль не сделает меня более сытой или одетой. Может только сделать более развращённой богатством, излишествами.

Вчера дочитала «Воспоминания» Т. Л. Сухотиной-Толстой. Я сидела на работе, одна в комнате, было где-то около 19:00. За окном темно и тоскливо. И так это всё соответствовало ноябрьской трагедии в Ясной Поляне – Астапове. Я плакала. Т. Л. всё очень верно оценила, как дочь – не обвиняя ни Софью Андреевну, ни Льва Николаевича. Они стали разными людьми, при этом любившими друг друга за страдания, которые они доставляли друг другу. Как Отелло и Дездемона. И никто чужой (Чертков и др.) не вправе судить и внушать что-то об их отношениях. Это трагедия двух близких людей, которым плохо друг без друга, а вместе невозможно. Я даже Серёже сказала, что финал жизни Толстого мог бы стать темой для драмы. Со смерти младшего сына Ванечки – 23 февраля 1895 года – и до 7 (20) ноября 1910 года семья прошла все темы трагедий: и сумасшествие – нервное расстройство С. А., и ревность к Танееву, и слежка и обыски жены у мужа, и тайные дневники, и хор доброжелателей с доносами, и временные идиллии-примирения, и «война» двух лагерей – мать + сыновья и отец + дочери, множество завещаний, уход из семьи, попытки самоубийства и развязка – смерть Л. Н. от воспаления лёгких, и через девять лет смерть С. А., тоже от воспаления лёгких.

Все эти события происходят с известными и великими людьми на фоне занятий искусством, литературой, музыкой, самосовершенствованием...

Может, трагедия от тупиковой философии Льва Николаевича? Надо бы в ней разобраться.

Последние слова гения к сыну и людям:

«Серёжа! Я люблю истину... Очень... люблю истину».

Всю жизнь девизом Л. Н. Толстого было:

«Узнаете Истину, и Истина сделает вас свободными».

В последней главе «Зарницы памяти» есть разные интересные мысли.

«Отец (Л. Н.) любил цитировать фразу из французского письма: «Простите мне длинноты, у меня не было времени написать короче».

«...В заключение отец (Л. Н.) цитирует Вольтера: «Искусство быть скучным – это сказать всё».

« – Какой вы счастливый человек, – сказал ему Со-логуб, – вы имеете всё, что любите.

– Нет, – отвечает отец (Л. Н.), – я не всё имею, что люблю, но я люблю всё, что имею».

И ещё о Льве Николаевиче. Он мало понимал в живописи – ценил только содержание картин, не воспринимал цвет. Считал, что научный и артистический труд служит узкому кругу привилегированного класса и что он бесполезен для рабочих и крестьян...

Утром Серёжа «посидел», ёрзая, полчасика – я сделала плохой набросок. Но, как ни странно, он вдохновился и сказал, что может «посидеть» вечером или завтра утром, чтобы исправить его. И всё спрашивал, насколько он похож. Андрей сказал (как судья): волосы похожи, глаза – нет, нос и рот – изменить пропорции!

Хоть лёд тронулся. Зато пока он сидел, ему пришли нужные строки второй строфы «Сказания о неврах» (условное название). И все мы были рады. Не пообедав, Сергей поехал в РИФ «РОЙ». А я упаковалась в ЗНУИ к Н. К. Смирновой (шесть работ, книги по иллюстрации, макет «Сказания о сколотах»).

(~ 22:00) Вечером все собрались дома. Я – полная впечатлений. В Университете встретились с Наташей Зубовой и там же наконец-то познакомились. У неё хорошие натюрморты, а сегодня принесла портрет. Очень хороши руки, лицо, блузка. Только чего-то не хватает: лёгкости, свободы и самобытности. Мой портрет-эскиз рядом, конечно, не смотрелся, но что-то в нём натуральное: нет торжественности и чопорности. Хочется простоты и естественности, душевности. Как ни странно, натюрморт с цукини понравился больше, чем зимний, с хлебом. Серёжин – где он в кресле с книгой – тоже понравился. «Розу» я не показала.

Продолжается выставка работ ЗНУИ в церкви Фёдора Студита. Завтра отвезу туда свою работу. Так как у Натальи Константиновны было много студентов, мы не поговорили, и макет я не успела показать. Зам. декана Евгения Михайловна вернула мне кассету № 36 с художниками и очень просила ещё парочку (завтра захвачу).

16 декабря 1995 г. (суббота)

Вчера отвезла в ЗНУИ этюд с церковью («Дорога к храму») для выставки и две обещанные кассеты. На работе от Натальи Святославовны Бабкиной узнала об увольнении Леонида Сергеевича Соловьёва – проректора НГУ, моего начальника. Что будет со мной? Неиз-

вестно. Целый день болели мышцы и суставы ног, спины. Может грипп? Сейчас эпидемия – вируса А.

17 декабря 1995 г. (воскресенье)

День выборов в Государственную думу. Голосовала за Демократический выбор – Гайдара и Гусмана. Андрей – за Черномырдина. Серёжа – за Демвыбор (Гайдара) и полковника (?).

Вчера звонил Андрей Апухтин – приезжал по делам на Октябрьскую, но не заехал. Сказал, что пробует сам растирать краски из камней с... подсолнечным маслом, т. к. краски очень дорогие, а пишет пастозно (корпусно), да ещё мастерком (мастихином), да большие полотна.

Приезжала Даша Заводовская, постригла Андрея, похвасталась новой дублёнкой, сапожками и сумочкой! Молодец – самостоятельный, взрослый человек! Может, её жизнь заставила, ведь она уже без отца и матери? Или борьба за выживание? Нет, просто цельный, сформировавшийся человек. По сравнению с ней Андрей – ещё ребёнок. Хотя холостые молодые мужчины одинаковы до 30–35 лет.

Вечер прошёл в разговорах за бокалом шампанского и у TV. Серёжа периодически возвращался к диалогу Гайдара и представителя Зюганова (коммунистов). Как был озлоблен и просто агрессивен юрист-коммунист! Страшно доверять таким власть. Фанатизм не уступает ни логике, ни разуму, ничему.

18 декабря 1995 г. (понедельник)

(~ 15:30) Совершенно дурацкая ситуация: я сижу на работе, а начальника нет, вроде бы сняли. Сижу и жду,

кто же скажет, что мне делать. Будут ли собираться учебные планы и вестись базы данных по ним и преподавателям?

Вчера. После тенниса Вероника впервые приехала к нам, предлог – взять плёнки о художниках. Я боялась навязывать наш дом, но всё получилось само собой. Да и её мама дежурила на выборах и пришла аж в 3:30 ночи (или утра) сегодня. Мы смотрели по video о русских художниках: Поленове, Сурикове, Брюллове и Кустодиеве, разглядывали и обсуждали мои работы. Веронике особенно понравился наш сад-огород: «грядки с огурцами» и «хрен». Ужинали, смотрели результаты выборов до двух ночи. Утром оказалось, что впереди коммунисты России (Зюганов), ЛДПР (Жириновский), «Наш дом Россия» (Черномырдин), «Яблоко» (Явлинский) – более 5 %; чуть менее у Гайдара, женщин России, КРО. Ещё не окончательные итоги, да и одномандатные как-то повлияют. Есть среди них и независимые. Так что мы правильно помогли Гайдару – есть шанс и у него оттянуть часть голосов к себе (для блока демократов).

Сергей потихоньку доделывает вторую строфу: осталась одна строка.

19 декабря 1995 г. (вторник)

(~ 23:00) Сегодня сумбурный день. Утром исправляла в карандаше Серёжин портрет (губы) и покрыла холст ПВА – для масла. Серёжа перепечатал вторую строфу и писал третью.

Потом всё пошло кувырком: сломался выключатель в туалете-ванне, замок в тамбурной двери... Всё стало

плохо-плохо... Да ещё записала фильм из цикла «жёны гениев» не о Софье Толстой (как хотелось), а о жёнах Мольера и Моцарта. И ещё с утра Андрей всех завёл: оказалось, что мы спали с открытыми дверьми!!! Забыл закрыть...

Только в пятом часу собрались на вернисаж в ЦДХ, да ещё по дороге никак не могли купить плёнку для Polaroid, Серёжа нашёл лишь в метро на «Октябрьской» кольцевой.

И тут началась сказка! Я боялась идти по новому студенческому билету. Но Серёжа взял себе за шесть тысяч, и мне – бесплатный!!! В фойе стояли киоски выставки цветов, был вернисаж – толпа, музыка, кругом цветы.

Мы поднялись в 15 зал. Зал небольшой, метров 50. Потом я узнала, что его аренда обошлась в 500 \$ за две недели. Саша Бухаров и Сергей Некрасов – уже знакомые по выставке портретов с фото – были в зале среди зрителей: гостей, друзей, просто случайных людей. Семь ящиков картин очень насыщенно разместились на стенах и конусной пирамиде из картин в центре зала. Почти, даже чуть ли не все картины Бухарова я видела в его мастерской: подражание Босху, триптих «Рождение» – «Жизнь» – «Смерть», «Рыболов», «Кораблик с плотиной», «Кубок», «Крест с часами», серия «Маски», серия «Пресмыкающиеся», «Адам и Ева, яблоко, змий»... – названия мои. Картины Некрасова интересны своей необычностью: яркие открытые цвета, стилизация, серия «Ангелы и чёрт в городе» (15 картин), графика, натюрморты...

К 17:00 зальчик был заполнен... Открытие. Выступление искусствоведа, директоров галерей «Три Т» и «?», самих художников. Шампанское. Поздравления

художников: целовали, жали руки, говорили комплименты. Я сначала ступевалась и даже постеснялась подойти к Саше. Серёжа всё подталкивал меня. Первый подход был неудачным – успела сказать «поздравляю», и тут же его утащили. Во второй подход Серёжа снял нас в толпе, и я успела попросить сфотографироваться вместе у картины! Саша сказал: «Минуточку! Положу всё!» И унёсся с букетами цветов к столу. Вернулся не сразу, а успел пообщаться с тремя-четырьмя посетителями, но вернулся! И я предложила сфотографироваться у жёлтого пресмыкающегося, то ли хамелеона, то ли ящерицы. Сделали два фото – себе и ему, своё он тут же отдал знакомым, с автографом. Сделали ещё кадр на фоне триптиха по Босху – картины получились плохо, а мы – я и Саша – весело. «Вот всегда бы так смеялась!» – сказал Серёжа. Саша подписал совместную фотку: «Иришка, учись!» Сходили на лестницу, ведущую на третий этаж, к портрету Джорджа Вашингтона, написанному пятью художниками, в т. ч. Сашей и Серёжей (Некрасовым). Мой Серёжа всё искал точку, чтобы видно было и нас и Вашингтона. С нами ходила девушка, как оказалось при знакомстве – Галя. Серёжа подписал ей сборник стихов «Книга первая», поговорили о тяге к корням славян, об истории, о книгах и разбежались. Я утащила Серёжу на третий этаж посмотреть выставку реалистов – портреты (по-моему, Цибирияк, с 40-х по 70-е годы?), пробежали третий, затем часть второго этажа и ушли. По дороге анализировали виденное. Серёжа сказал, что признаёт мастерство Бухарова, но в работах мало чувства, больше разума. Я пришла к заключению, что авангард – это синтетическое искусство. Так, Саша пишет «из головы», или по фото, картинкам... но не с натуры, не пленер. Нам же – мне и Серёже – ближе натуральная гармония природы.

В ней больше чувства. Может быть, картины так же как и люди, живут кто разумом, кто чувством.

Первые трамваи – туда и обратно – были наши. И мы уже этому были счастливы! Я забыла об утренних неприятностях! Отключилась на время, попав в мир картин. Серёжа сказал, что у меня очень довольный вид.

Позвонили в дверь Ире Кочетковой – соседке, позвали посмотреть макет, картины, фото. Она принесла маленькую Басю – кису! Немного осмелев, Бася носилась козликком по комнатам и коридору, а Чуча с удивлением следил за «девочкой»: она под диван – он за ней, хотя еле пролез; она под столик – он туда же и т. д.

Выборы прошли. К сожалению, наших голосов не хватило Гайдару: на сейчас всего 4,4 %; днём прошла байка, что у Гайдара 5,075 – но это была «деза». В Думе: коммунисты (Зюганов) – ~ 22 %; ЛДПР (Жириновский) – ~ 11 %; «Наш дом Россия» – ~ 9 %; «Яблоко» (Явлинский) – ~ 8 % и всё... По одномандатным – опять коммунисты. Но не может же вернуться всё вспять? Черномырдин после разговора с Ельциным спокоен, даже без перестановок в кабинете министров.

22 декабря 1995 г. (пятница)

Так пролетела неделя, что казалось, вела дневник каждый день, а на самом деле – два дня выпали.

Я за это время закончила эскизный портрет Серёжи. Даже немного похоже. Хорошего: использовала полуоткрытые цвета – зелёный (волконсит), ультрамарин, кадмий жёлтый, англ. красную, охру красную,

марс коричневый – с белилами. Плохо: лицо немного гипсово-восковое, линия носа совпала с жилкой на лбу, и теряются глаза.

Надо сделать свой парный портрет.

Серёжа закончил четвёртую строфу «Сказания о Невриде». Ему ночью приснилось название всех частей: «Сказания о праславянах».

Помечтали, что, если написать о каждом веке с VIII в. до н. э. по VIII в. н. э., то получится 16 частей – целая книга (до Рюриковичей). Можно издавать отдельными частями (как «Сказание о сколотах»), а затем поискать издательство и предложить ему одну книгу большого формата с цветными иллюстрациями.

А пока Серёжа пишет пятую строфу, с энтузиазмом. Читаю с большим наслаждением. Представляются лесные дебри, оборотни, скифская конница цепью идёт по тропам в неизведанные края Невриды. Интересный, экзотический, а главное – познавательный материал.

На работе завожу в базу данных учебные планы – уже готовы экономический и филологический факультеты. Многие болеют. Наталья Святославовна Бабкина уже четыре дня лечит дочь от гриппа. Эпидемия в самом разгаре: по Москве – более 250 тыс. Грипп трёх видов:

- с t° ~ 37–38 + насморк + горло + кашель + голова (простудный);
- с t° около 40 + боли в животе, рвота (желудочный);
- с t° около 40 + боли в суставах (ревматический).

Все формы тяжёлые. Температуру сбивать аспирином нельзя, а – парацетамолом и уксусным обёртыванием. Есть чеснок, лук.

24 декабря 1995 г. (воскресенье)

(~ 22:00) Уставшие после тенниса: я на – диване, Серёжа с Чучей – в кресле. Чуча спит и подставляет животик для глажения – почти человек. «Очеловечился», – говорит Серёжа. Котик спит жарко, и Серёжа всё старается сбегать Чучу ко мне на диван.

Вчера работали и дома, и на работе.

Серёжа дописал пятую строфу, а вместо седьмой строфы решил повторить первую. Ему осталась шестая. Пока всё увязано и интригующе. Чем-то (по живописности или «литературности», по мнению Серёжи) созвучно третьей песне «Сказания о сколотах».

Я занималась своим портретом: вчера в карандаше, сегодня – первая прописка. Рискнула на коричневой грунтовке. Но, видимо, переоценила свои силы: как на белую грунтовку страшно класть первый мазок – он кажется инородным, не таким как задуман, темнее, и только с пропиской всё встаёт на место; так и здесь: на тёмном фоне любой телесный мазок кажется почти белым. Даже испугалась, что всё испорчено. Но после окончания первой прокладки стало всё выравниваться. Завтра – покажет.

Из Красноярска пришло письмо от Людочки, вернее, новогодняя открытка с обещанием письма. Я быстро написала ответ, завтра отправим.

Гайдар в новостях давал комментарии к программе на три месяца 1996 года, заявленной ком. блоком: вплоть до восстановления возможности нанесения первого атомного удара (!!!), а ещё – приостановить уничтожение оружия, ликвидировать конвертацию

рубля, ликвидировать страховую медицину, установить контроль государства над экспортом ряда товаров...

Не хватило времени для окончательной стабилизации, на инертность – 2,5 года, а после замедления реформ (с отставкой Гайдара) срок ещё и сдвинулся.

Тяжело думать о возвращении к старому. Для нас с Серёжей наше время многое изменило: Серёжа пишет и издаёт книги, подумывает вступить в Союз писателей, я – учусь живописи за счёт времени, высвобожденного от работы. Ведь прежде, при восьмичасовой работе (от и до), это было бы невозможно. Я занимаюсь каждый день по два-три часа утром. Если в сентябре 1994 года я мечтала научиться писать хотя бы натюрморты, то запросы растут, и уже хочется написать и пейзаж, и самый сложный натюрморт – «человека», а может быть, и сюжетные картины. Главное – работать, желательно больше.

Андрей просил у своего начальника – Андрея Борисовича Родионова – подработку. Ему обещали три компьютера: за два заплатят, а третий – Алексея Козлова, сотрудника их фирмы (Андрюша говорил, что он известный саксофонист).

Вероника на теннисе не была – ездила на день рождения к маминой маме. А мы ей сделали и возили с собой этюд «Флоксы», в раме...

26 декабря 1995 г. (вторник)

(~ 23:00) Серёжа сидит в кресле и что-то нашёптывает – «добывает» последнюю строфу. Утренний вариант, которому он так радовался, вечером – не подошёл. И опять крутит толковый словарь и т. д. Перед обедом

дал мне почитать черновик, но, то ли много правок, и я не поняла, то ли ещё что – я начала сходу критиковать: дескать, примитивная рифма, твои стихи тоньше... Не знаю, почему я так разошлась с одного прочтения. Может быть поэтому, а может быть ещё почему – Серёжа опять работает над ней.

Утром правила эскиз автопортрета: то красный английский, то ультрамарин или волконсит. Резковаты веки. Но для первых портретов (так в учебнике) допускается преувеличение в цвете, только бы не было пестроты. Заканчиваются некоторые краски: белила, охра светлая, волконсит, неаполитанская. Боюсь даже в магазины заглядывать – цены взлетели на всё (даже метро с 22 декабря с 1000 руб. выросло до 1500 руб.). Нужны и кисти. Серёженька, добрая душа, говорит: «Вот займу денег – и сходи, купи себе, что надо». И занял. Сегодня ездил к старой знакомой, сослуживице Татьяне Галинской – на выкуп книги дали 200 \$. Как будем расплачиваться в январе? Долги уже составляют 500 \$ + 300 тыс. руб.

Хоть с работой у меня сегодня положительные эмоции, несмотря на то, что Валентина Лукинична Белова (снятый декан экономического факультета) говорила о проверке моей работы. «Пусть проверяют», – мой ответ. Ведь что давали, то и набивали. Если есть предложения или замечания – давайте, всё исправлю. За учебными планами теперь следит Юлия Витольдовна Сумарокова. Я с ней уже немного работала (до того, как Белова её сняла), и неплохо. Женщина на редкость уравновешенная, что особо ценно. Соловьёва с Беловой прикрепили к новой работе: внедрение, вернее, разворачивание на базе Центра обучения модульного обучения. Мне это непонятно. Но что-то такое делала Наташа Шумянкova.

А так – готовимся к Новому году. Составила раскладку на праздничный стол: куча салатов, селедка под шубой, мандарины и шампанское! Завтра начнём в НГУ с Натальей Святославовной Бабкиной, Юлей Беличенко и, может быть, с Наташей Шумянковой – чай с тортом в 17:00. В четверг, возможно, в РосКЦИТО. В пятницу (29) – юбилей Юрия Пантелеймоновича (Серёжиного папы), в субботу – по хозяйству, нарезание салатов и в воскресенье – Новый год, но после тенниса!

Андрей получил премию – 100 \$, обещал часть оставить себе на одежду. Посмотрим. Сейчас с Пашей и Шуриком... играют на компьютере.

28 декабря 1995 г. (четверг)

(~ 21:00) Сидим у TV и смотрим фильм к 100-летию кино, о братьях Пате.

Предновогодние дни по обыкновению полны суеты. Сегодня ездила в «Коньково» за подарком для Юрия Пантелеймоновича – купила спортивные «шаровары» (60 тыс.). Серёжа крутился по делам РИФ «РОЙ». Завтра юбилей у Ю. П. – 70 лет, и мы в 12:00 поедем к Серёжиным родителям (чтобы помочь). А в 10:00 к нам заедет Наташа Шумянкова с... кошечкой. Она с дочкой уезжает на каникулы в спортлагерь МИЭМ, а кошечку договорились – к нам, тем более что она очень мучается без кота. Единственное, кошечка невоспитанная, не ходит в туалет. Надеемся, что она подружится с Чучей.

Серёжа закончил сказание о неврах. Очень сказочно, таинственно! Я перечитала раз пять. Потом читала Андрею. Мне очень понравилось. Андрей сказал, что читал книгу про неврах – полуфантастика, мистика; что

настроение есть. Серёжа уже думает дальше: о восьмом веке. Он уже варьирует настроение, выбирая тематику то воинственное, то таинственное, то любовное. Я верю, что у него всё получится. Он тоже чувствует свою правоту. Главное – верить в себя.

Читала про импрессионистов – они верили в правоту своей живописи, поэтому, даже непризнанные, осмеянные, терпящие нужду – делали своё дело.

2 января 1996 г. (вторник)

(~ 16:00) Джон Ревалд «История импрессионизма».

Из письма Ренуара: «... Так, в результате наблюдений на пленэре я перестал возиться с мелкими деталями, которые гасят солнце, вместо того чтобы зажигать его».

Советы Писсарро молодому художнику, которые как бы подытоживают концепции и методы всех пейзажистов-импрессионистов: «Выбирайте натуру, соответствующую вашему темпераменту. Подходите к мотиву с точки зрения формы и цвета, а не рисунка. Нет необходимости обрисовывать форму, которую можно выявить без этого. Точный рисунок сух и нарушает впечатление целостности, он уничтожает вес ощущения. Не обозначайте слишком точно контуры предметов; мазок, правильный по цвету и силе должен создать рисунок. При изображении массы не так трудно детализировать контур, как писать то, что заключено в нём. Пишите самое существенное в характере вещей, старайтесь передать это любыми средствами, не беспокойтесь о технике. Когда пишете, выберите предмет, посмотрите, что находится справа и что слева, и работайте надо всем одновременно. Не пишите кусочек за кусочком, а пишите всё сразу, накладывая краску

мазками правильного цвета и силы, учитывая, что находится рядом. Используйте мелкие мазки и пытайтесь фиксировать свои впечатления немедленно. Глаз не должен сосредоточиваться на одной точке, а должен видеть целое, наблюдая за отражением красок на всём, что их окружает. Работайте в одно и то же время над небом, водой, ветками, землёй, стараясь, чтобы всё продвигалось в равной мере, и непрестанно перерабатывайте, пока у вас не получится то, что нужно. Покрывайте холст с первого же захода и затем работайте над ним до тех пор, пока вы не увидите, что больше нечего добавить. Как следует наблюдайте за воздушной перспективой от переднего плана до горизонта, за отражениями неба, листвы. Не бойтесь накладывать краски, отделяйте работу постоянно. Работайте не согласно правилам, а пишите то, что видите и чувствуете. Пишите щедро и уверенно, так как желательно не терять полученное первичное впечатление. Не робейте перед лицом природы, надо быть смелым, даже рискуя обмануться и наделать ошибок. Нужно иметь лишь одного учителя – природу; с ней всегда надо советоваться».

6 января 1996 г. (суббота)

(~ 18:40) Серёжа проводил Веронику до метро. Она была у нас с вечера (обеда) четверга – с целью написания портрета: в четверг успела наметить в карандаше, в пятницу – исправить карандаш и проложить в цвете маслом, а сегодня уточнить цвета. Завтра подправляю глаза, губы, нос. Всё-таки писать заказ ответственно, и существенно влияет желание понравиться. Стараюсь оставаться свободной, но подсознательно не экспери-

ментирую, как хотелось бы. Получилось, похоже, но всё-таки не очень «вылеплено», часть «прорисована».

Вернусь к 29 декабря – ко дню рождения Юрия Пантелеймоновича. Были тётя Нина, Алик с Галей, позже подъехала Наташа (сестра Серёжи) с Вероникой. Конечно, Юрий Пантелеймонович и Татьяна Алексеевна устали от подготовки. Стол буквой «Т», в лучших традициях обеда, был заставлен: от салата – до селедки, от водки – до домашнего вина. Разговоры о Прибалтике. Т. А. рассказывала, как, будучи беременной (первым сыном Сергеем, который умер в годовалом возрасте), по дороге к мужнину месту службы пряталась со спутником под лавками на вокзале, где их искали бандиты; как в другой раз не растерялась при поимке, ударила мужа, как чужого прибалта, дав ему возможность скатиться в кювет и сбегать в гарнизон за подмогой – грузовиком с солдатами, схватившими бандитов при выходе их из парка.

Наташа, просто блестящая современная женщина – красивая, ухоженная, с причёской, на машине; но уставшая, да и недолголюбивающая родственников, застолий, – ушла спать! Молодец. Я так не могу. Мне тяжелее всего обидеть человека своим пренебрежением.

Уехали с Наташей и Вероникой, да с мешком сахарного песка. Серёжа по карте ориентировал Наташу, куда поворачивать, чтобы заехать к нам. Чуть не въехали в замёрзшую лужу-море недалеко от дома.

Серёжа дважды подправлял текст о неврах и перепечатывал. Пока я была вчера на работе в Университете, он с Вероникой посмотрел серии о «Битлз» и вдохновился на работу даже о самих Битлах.

Я дочитала «Историю импрессионистов» Джона Ревальда. А сегодня записала фильм о Мане (Франция, 1980 г.)! Постепенно выстраиваются и представляются всё отчётливее его достижения: новизна, необычность и то, что казалось скандальным – тематика и её выражение, контрастность, отсутствие плавных переходов света-тени, отсутствие деталей. Именно это станет основой целого направления – импрессионизма.

Перед Новым годом заезжал Андрей Апухтин – он сказал, что они с Андреем Шагаровым выставили свои картины в салоне Куровской, и что мальчишки смеются над его цветами в вазе: «Вот это мазня!» Апухтин говорит: «Это и есть успех!» – не равнодушие, а активное восприятие, пусть отрицательное, но живое.

Я и думаю, что перед картинами импрессионистов были такие же вопли, смех.

Следует и мне писать, как я это чувствую, пусть не так, как принято воспринимать.

Новый год провели втроём, вместе с соседкой Ирой. Смотрели по TV фильм с участием звёзд эстрады в стиле ретро-шлягеров 1940-х и в четыре часа легли спать.

Всё это время у нас живёт Кэша – рыжая гладкошёрстная кошечка. Первые три дня – любовь с Чучей (не отходили друг от друга ни на шаг). Сейчас немного успокоились – ну просто идеальная семья, а какой колорит! Особенно когда спят рядышком на кресле: на красном фоне – серое и рыже-белое, да ещё полосатое. Хорошо бы их запечатлеть.

Получили поздравительные послания из Красноярска, Хабаровска и Ростова-на-Дону.

17 января 1996 г. (среда)

Я под впечатлением вчерашнего вечера Анатолия Полякова в ЦДЛ. Этот вечер даже не был напрямую связан с выходом книги, т. к. прошло больше года, даже два с половиной (по словам Галины Вячеславовны Рой). Скорее это был просто поэтический вечер Толи.

Мы с Серёжей приехали пораньше с продукцией фирмы РИФ «РОЙ» – сборниками стихов разных авторов, выпущенными за последние два года.

Анатолий волновался: то микрофон не тот («сидячий»), то стаканов нет (для воды и шампанского), то народу мало (опаздывают). Мы сели во втором ряду у окна (в Малом зале), чтобы можно было снимать на Polaroid, но, как оказалось, напротив прожектора, освещавшего президиум. На столе лежали цветы, книги, но за стол так никто и не сел – все были в зале. Подходили знакомые, малознакомые и незнакомые люди. Только Лена Исаева принесла цветы и ушла домой, к сыну. Это поступок. Мы пришли без цветов – решили сделать подарок фотографиями. Появился довольный Андрей Шацков – прошёл между рядами к Рой и, обращаясь к Серёже, спросил: «Готов?» Серёжа сориентировался: «Я-то готов, а вот Толик где-то здесь, в холл вышел», – и увёл Шацкова обратно. Пока они пропадали, подходили слушатели. Рой тихо говорила знакомой, что видела в холле Старшинова – значит, он будет на вечере.

Николай Константинович Старшинов. Серёжа принёс его мемуары о поэтах «Лица, лики и личины». Я увлеклась его воспоминаниями, и многое из них читала Серёже вслух – анализ стихов советских поэтов, теперь уже классиков. Мне хотелось заинтересовать его, как мне казалось, профессиональной тематикой. Так и вы-

шло – он прочитал книгу от корки до корки в электричках, по дороге в деревню и обратно. И был согласен со многими суждениями автора о современных ему поэтах, особенно о Евтушенко и Вознесенском (что они эксплуатируют свои старые успехи, видимо, боясь скатиться с вершины своей популярности, идут на всякие популистские дела). Мне сразу захотелось (ввиду моей плохой памяти) чуть позже перечитать эту книгу. С большим удовольствием я подарила один экземпляр на день рождения Гале Воробьёвой, и ей тоже очень понравилось. Конечно, после всего этого было интересно увидеть автора, я уж не говорю о том, что он сам поэт (его стихи я пока не читала, но Серёжа уже приготовил для автографа его книжку «Участье», 1987 г., «Детская литература», 100 тыс. экз.) и к тому же первый муж Юлии Друниной. Мне очень понравилось его трепетное отношение к Друниной, к её второму мужу, его уважение к личностям.

Более я никого не знала. Серёжа познакомил меня с Галиной Вячеславовной Рой. Как она мне понравилась на фото в редакции – так же и в жизни. Только если на фото сложилось просто приятное впечатление, то в жизни – её обаяние, забота об авторах, сотрудниках (что не подчёркивалось), просто о людях, её простота в обращении и сразу же доверчивость к тебе – просто обезоруживают и не могут не вызвать тех же чувств, того же отношения в ответ.

Анатолий начал вечер стихами о детстве, ранними, начала 1980-х. Вернее, сначала шла ещё нигде не опубликованная «Звёздная баллада», а затем стихи о детстве: об улитках на дереве, стрекозах на шиповнике («бронзовки»), крокодилах, которые едят калоши, соседской девочке и т. д. – тот сказочный мир детства, который всем близок. Читал он не очень уверенно, не-

много тихо, даже как-то равнодушно. В первый перерыв между стихами вышел Старшинов и вспомнил, как Анатолий прислал стихи на всероссийский конкурс и оказался одним из призёров. Похвалил его преданность традициям русских поэтов и покритиковал за «длинноты» и некоторую рассудочность, недостаточность темперамента, эмоциональности. Тут же вышел импозантный мужчина (с ручкой и листочками) – с седоватой бородкой, в голубом джемпере – и стал, чуть ли не по строчкам анализировать каждое стихотворение. При этом начал с того, что на вечера таких-то поэтов он не пошёл бы, зная, что это такое, а вот на вечер неизвестного поэта А. М. Полякова пришёл и, как ему кажется, не обманулся, увидев здесь Старшинова, имеющего чутьё (нюх) к талантам. После чего спросил, сколько Полякову лет и, услышав, что около 40, сказал, что думал – 25, что очень свежи детские стихи и далее шёл полный разбор. Я про себя окрестила его «критиком». Позже его называли Альбертом по фамилии Кравцов.

Далее Толик читал стихи из циклов «Во всех временах» и «Графика».

Как оказалось, Шацков, Серёжа и Толик успели перед началом выпить на улице по стакану шампанского: Андрей позвал их к персональной машине, достал откупоренную бутылку шампанского, и – после допития её на капоте – демонстративно отпустил шофёра до утра (?!). Вообще-то Шацков вёл себя барином. Перед началом вечера, подходя к столу со словами: «Это всё продукция вашей фирмы? Вы не видели продукцию нашей!» – вытащил из стопки одну книжку: «Очень симпатичная девушка, просто красавица, я бы ей издал бесплатно книгу за полтора миллиона». И всё в том же роде.

Так вот, во второй части Толик вдруг осмелел (если это можно вообще применить к Толику), голос стал звонче, разговор менее напряжённый. А когда «критик»-Альберт попросил на бис повторить стихотворение «Ноктюрн» – обрадовано засмутился, но повторил. В зале слышались реплики: «Замечательно! Чудесно! Здорово!» Читал стихи социальные: о трудностях материальной стороны жизни в настоящее время. Вспомнил студию «Весы», где он занимался, ребят по объединению, тех, кто был в зале (Серёжа, Марина Усачёва, Виктор Корнетов), кого не было (Сашу Климова, Славу Васина) и уехавших в Израиль (Леонида Колганова и руководителя Анатолия Викторовича Викторова). Дал слово присутствующим, с просьбой почитать стихи. Выступил Шацков, не помню, о чём говорил, затронул, вернее, козырнул знакомством с уехавшим Колгановым, прочёл для Толика стихотворение. Затем вышел Серёжа. Хорошо начал о «Весах», тепло отозвался о Викторове и ребятах. Вспомнил, как принимали его: голосовали Поляков, Усачёва и Васин (результат – 2:1, Васин почти всегда был против). Немного замялся, вспоминая фамилии других. Прочитал два стихотворения («Декабрь», «Я говорил, что не ревную...»). Выступил Виктор Корнетов, говорил искристо, энергично – немного чудно одетый, в красной рубашке на трёх пуговицах под пиджаком и с коротким бежевым галстуком (!). Серёжа сказал о нём, что он и раньше был такой же. Виктор защищал рациональность стихов Толика, привёл строку Лермонтова, что чувственность с годами сменяется мудростью, заменяется опытом. И опять выступил «критик» – поэт Альберт Кравцов. Второй этап он назвал уже зрелым и обещающим в будущем при таком развитии место в плеяде лучших русских поэтов-классиков... Вот как! Я

сидела за Анатолием, к которому часто подходил фотограф «Молодой гвардии» (пожилой мужчина, постоянно снимавший зал, выступающих). После слов о «классиках» у меня мелькнула мысль, что и я приобщилась...

В третьей части вечера Толик читал стихи о любви (а может, наоборот, во второй) – я практически ничего не писала, т. к. была поглощена настроением вечера и эмоционально возбуждена. Серёжа потом говорил, что много новых неопубликованных стихов, что Толик изменился, вырос при оставшейся рассудительности в стихах. Запоздало появился один из приглашённых, как потом оказалось, в те времена – в начале 1980-х – зав. отделом поэзии газеты то ли «Литературная Россия», то ли «Новости культуры», где Толик был рецензентом по стихам. Зав. отделом понравились его обстоятельные рецензии, неформальный подход к каждому автору, абсолютный «поэтический слух» (сравнил с музыкантами), чутьё. Заинтересовался его личными стихами – почитав подборку, оценил мастерство и профессионализм. Дал ему рекомендацию в Союз писателей, которую зачитал на вечере. Я впервые слышала рекомендацию: целая статья-анализ, разбор стихов с положительным уклоном.

Выступила и одна из старых сотрудниц тогдашней «Молодой гвардии», работавшая вместе с Рой при подготовке «Истоков». Поляков был одним из участников сборника.

И, конечно, Рой. Очень тепло, по-матерински. Восторженно и с благодарностью. Не знала, что у Анатолия столько стихов. Говорила о его помощи в создании поэтической серии, о том, что много ведёт работы по фирме и т. д.

После выступлений Толиных сослуживцев по науке в академическом институте, которые ещё больше не ожидали его признания профессионалами, началась самая, как сказал Толик, «весёлая часть» – фуршет.

Появилось шампанское (три бутылки), две коробки конфет. Все стали фотографироваться и обмениваться автографами на своих сборниках.

У стола всех перекрывал Андрей Шацков. Старшинов, покурив, сидел на третьем ряду и к нему поочередно подходили люди. Я набралась храбрости, тоже попросила автограф на двух книгах, кстати подошёл Серёжа, и я их сфотографировала. Николай Константинович сказал несколько слов о новой книге воспоминаний о прозаиках. Поговорили, и я решила сделать общую фотографию. В первый ряд к Рой, Анатолию и Старшинову встал Шацков (уже прилично выпивший, потом на следующий день Рой с Поляковым объясняли это тем, что у него нелады в семье...). Я всё старалась «зацепить» Серёжу, стоявшего с краю, но он упорно был в стороне. Пять фото отдали Рой, т. к. желающих было намного больше, и она раздала: знакомой по «Молодой гвардии», Полякову, наверное, Старшинову, одну утащил Шацков и кому ещё – не знаю. У нас с вечера осталось две (общая и Старшинова с Серёжей). Одну, когда Толик стоял у микрофона, мы подарили ему. Цветов было много – охапка (букетов пять-шесть). Все возбуждённые общением, шампанским, клялись ещё обязательно встретиться, повторить вечер... Никто почти не расходился. Стояли в толпе. Переходя друг к другу, перекочевали в коридор. Мы не смотрели на часы. В фойе разговорились со Старшиновым о его новой книге. Он стал рассказывать о Переделкине, о рано умершем писателе Константине Воробьёве. Он очень высоко ценит прозу Воробьёва – считает самой сильной

военной прозой о защите, обороне Москвы, Волоколамском направлении. Потом вспомнил прозу о 1930-х, о крестьянстве... Вспомнил Веру Ибнер, её жестокость, нетерпимость, выступления против многих талантливых писателей и поэтов. И только теперь, как сказал Николай Константинович, понял, почему она это делала – боялась Сталинских репрессий...

Мы оделись и пошли к метро «Баррикадная». Был тихий вечер с лёгкой оттепелью, но падали редкие хлопья снега. Николай Константинович рассказывал. У него хорошая память, он помнит наизусть множество стихов современных поэтов. Работая в многотиражке, запоминал почти все стихи, проходившие через его руки, особенно те, которые ему нравились. Мог бы провести несколько концертов-выступлений только по стихам. Николай Константинович перешёл к графомам. Я вспомнила главу о поэтах-графомамах, по своему талантливых, более похожих на частушечников, но обижающихся на такое отношение. Нас догнал «критик», подхватил Старшинова под руку, а Николай Константинович шёл с палкой (не с инвалидной, аптечной, а с настоящей, без ручки, кривоватой – дугой), он всё заглядывал сбоку и подначивал: «Вы лучше расскажите про то, как вы частушки пели». И Старшинов улыбался, вспоминая. Рассказывал о Переделкинском стороже, который бегал за водкой и учитывал не бутылки, а граммы, кто, сколько выпил. Рассказывал о том, как лечился от алкоголизма в Кремлёвке, где его поместили в отделение «Дефектов речи» (так благозвучно называлось отделение алкоголиков). И несколько раз подчеркнул, что скоро будет 24 года, как он бросил пить. «Критика» волновало, как он себя чувствует в компаниях. «Я заражаюсь общим настроением, – был его ответ. – Правда, потом, когда перебирают, ста-

новится неприятно. А так – ничего особенного». Дойдя до метро, «критик» сказал, что ему на Пресню, близко, и, пожелав успехов Николаю Константиновичу, затем нам, пожав руки мужчинам и... поцеловав мою – удалился. В метро Николаю Константиновичу надо было на кольцо, и мы пошли его проводить на «Краснопресненскую», разговаривая по дороге обо всём – от поэзии до быта. Оказалось, что Николай Константинович живёт на «Проспекте мира» (кольцевая) и направо по трамвайной линии, в доме, где магазин детской книги. Это дом творческих работников (назвал известные имена соседей). С ним дочь (от Юлии Друниной). Пожаловался на зятя, совершенно не интересующегося его книгами: «Я уверен, что он не прочёл ни одной». Мы бросились уверять в обратном. Но он стоял на своём. Рассказал о большой личной библиотеке, которая скоро будет никому не нужна. Внучка собирается замуж и возможен в этом году уже правнук. В метро мы долго стояли, и мне хотелось как-то уважить этого симпатичного человека. Я ещё раньше рассказала ему, как мне понравилась его книга, что я дарю её подругам, а теперь хотелось как-то продолжить знакомство в дальнейшем, но я так и не смогла найти точек соприкосновения. Николай Константинович сел в поезд, а мы остались.

28 января 1996 г. (воскресенье)

Книга уже дома: десять пачек по 50 штук – вот такая проза. А поэзия: всё смотрим с четверга, 25 января – и всё не наглядимся на тоненькую книжечку терракотового цвета, но такую родную, будто мы её с Серёжей родили (за полгода). Теперь наш «детёныш» начал самостоятельную жизнь, у него свои отношения с миром,

с людьми. Уже почти сто человек держат эту книжечку в руках, смотрят картинки, читают слова, собранные в строки и строфы.

25 февраля 1996 г. (воскресенье)

22 февраля в музее В. В. Маяковского прошёл вечер-презентация Редакционно-издательской фирмы «РОЙ». Галина Вячеславовна Рой поручила мне оформление зала, а Серёжу пригласила выступить на вечере, семь минут. Для подготовки оформления зала съездили с Серёжей и осмотрели его. Очень уютный, диванный, с кирпичными стенами Театр поэзии. Рой попросила сделать на ватмане плакат («Презентация РИФ «РОЙ») и оставить место для автографов, а уже накануне – 21 февраля – добавила ещё строки одного ветерана Давида Бутовецкого:

*Пегас осёдлан, ногу – в стремя,
В грядущий век зовёт Вас время.
Летите же, ровняя строй,
Благословляет Вас РИФ «РОЙ»!*

Уже в конце вечера он своей рукой ещё приписал:

*Ах, калина, ах, малина,
Сладка – славная,
Полюбилась нам Галина
Вячеславовна!*

*Мы оттуда роєм, роєм,
Разлетелись кто куда,
Осчастливленные РОЕМ
На года, года, года.*

Были и другие авторские надписи на плакате, например, Нины Красновой:

*А наше издательство «Рой»
За поэта стоит горой!
И поэты стоят горой
За своё издательство «Рой»!*

Ещё сделали две вывески с названием фирмы, адресом и телефонами. И не зря, т. к. были звонки – предложения на издание двух книг и помощи от банкира (?). Хорошо бы банки сманить на издание Серёжиной книги, пусть с рекламой.

Потом пришла мысль украсить стены картинами, но у меня их мало, и я обратилась за помощью в ЗНУИ. Там это восприняли как надо, но очень ответственно: пошли смотреть зал, а мне поручили отбор, подписи и аннотацию. Три дня мы возились, но к вечеру всё сделали. Моих две работы («Январское солнце» и «Цветы у окна»).

Мы с Серёжей обзвонили 40 человек. Пришло 30 человек: сестра моего папы Ираида Павловна Скороходова, моя сестра Наташа, моя троюродная сестра, вернее, племянница Любаша Прунтова, Андрей с Олей, Серёжина тётя Нина с подругой, мой одноклассник по институту Володя Теплицкий, мои подруги Света Довгер и Ирочка Фирова, бард Роман Исхаков, Даша Заводовская, Аня Лазорева с подругой, Сергей Мозалёв с дочкой Светой и её подружкой, Женя Яковлев, сослуживец Сергея, поэт Саша Климов, теннисисты – Люда с мужем Валерой и друзьями, Виктория Рукина. Кажется, все.

Серёжа Лосев, мой сослуживец по НГУ Натальи Нестеровой, дал телефон своей мамы Натальи Серге-

евны Вартанян, чтобы передать его Рой для подготовки сообщения по радио. И не обманул, предупредил маму: 24 февраля по «Радио-1» 12 минут + 25 февраля по «Маяку» ещё 5 минут – вышло отлично! Я даже предложила Сергею самостоятельно договориться о передаче, но он сказал – до осени.

Было много выступающих: Николай Старшинов выступил дважды – в начале рассказал о работе с РИФ «РОЙ» (частушках) и в середине почитал свои стихи; Андрей Шацков, Толя Поляков, Дмитрий Быков, Серёжа, Слава Васин, Нина Краснова, Лена Исаева и др. Обещали через неделю дать переписать диктофонную запись.

30 марта 1996 г. (суббота)

Вчера Серёже исполнилось 40. Не отмечали (говорят, плохая примета отмечать эту дату), но 9 марта собрали его друзей вместе с моими.

Серёжа закончил четвёртую часть Сказаний – об Оливии в V в. до н. э. Отшлифовывает её, но уже отдал мне для работы над иллюстрациями. И вот второй день голова, хочешь-не хочешь, работает в нужном направлении: подбираю книги, справочники и т. д. Уже мечтаем, как сделаем книгу – какая обложка (тёмная, можно чёрную с золотыми буквами и орнаментом), пять иллюстраций и три карты. Потихоньку уходит «Сказание о сколотах»: много раздали, но и кое-что продали в «Гилее», Славянском обществе, да Щетинин десять штук взял для работы. Думаем, что если найдём спонсора, то надо делать тираж одну-две тысячи, если не найдём – то опять 500 штук.

Сегодня в гостях была Вероника (поздравила с днём рождения и подарила орудие труда – набор: ручка и карандаш) и неожиданно заехал Андрей Апухтин (был на набережной, на вернисаже). Показала три работы: «Январское солнце», «Последнее дерево» и «Март за окном». Первая и третья понравились. Опять говорил, что не надо учиться, что я уже стала самобытным художником (?), что надо только работать. Можно попытаться выставиться на вернисаже, таких работ он не видел: они и не декоративны, и стилизованы, к чему стремятся профессионалы после длительного обучения. Я ему говорю о плохом рисунке, а Андрей в ответ, что не надо – он придёт сам, и приводит в пример Гогена. Говорит, надо писать на улице – но мне холодно, да и стесняюсь. Рисовать и писать на улице хочется, но это, скорее всего, будет в деревне, т. к. из окна уже всё перерисовала и переписала, даже соцарт в виде стройки на фоне «шайб» («Последнее дерево»). Пробую портреты: Дашу рисовала полтора дня – четыре с половиной рисунка – и только стала что-то ощущать, чувствовать. Ещё порисую так два-три раза и, может, перейду к цвету. В январе у Андрея Апухтина был кризис (мини-запой), но всё равно он работает и на себя, и на продажу (конъюнктуру). В салоне Куровской куплены три его картины, да и Шагаровские работы пошли уже на два-три миллиона. С одной стороны, Апухтин беззащитный, его жалко за одиночество, но, с другой стороны, он уверен в том, что делает – увлечённо ищет, сейчас «период Лентулова».

Серёжа действительно увлёкся сказаниями и уже воспринимает эту работу как дело жизни, какой-то этап, даже миссию.

19 апреля 1996 г. (пятница)

18 апреля в актовом зале Московской городской телефонной сети (МГТС) прошёл музыкально-поэтический вечер издательства РИФ «РОЙ», который был устроен по инициативе бывшего Серёжиного сослуживца, а теперь начальника УКС МГТС Сергея Якушина. Я нарисовала афишу. Народу было немного: от МГТС – человек 20 вместе с выступающими от местного литературного объединения, которым когда-то руководил Владимир Дагуров. Читающих было меньше, чем в музее Маяковского, но у каждого оказалось больше времени на самовыражение, чем все и воспользовались.

Открыла выступление Инна Кабыш, за ней – Дмитрий Быков, оба энергичные. Быков в своём ампула нигилиста-анархиста, с новым сборником «Военный переворот», вызывающе к зрителям, не покупающим книгу по дешёвке, за 5000 руб. (при зарплате 200–300 тыс. руб.). Не помню последовательности, но далее выступили В. Васин (стихи о дочке, детях...), А. Поляков (со «Звёздной балладой», ...), Молчанов (усатый, с ироническими стихами), В. Дагуров (с одним стихотворением), Николай Старшинов, Серёжа (с «Мадаем» – песнь третья), Елена Исаева (сборник стихов уже распродан), А. Добрынин, после болезни (читал шутливые стихи), два раза Володя Теплицкий прерывал чтение стихов бардовскими песнями – сначала чужими, затем на свою музыку, слова Пастернака, Чичибабина... С 17:00 до 19:30 – два с половиной часа – много, все устали. Мы пригласили наших завсегдаев, но пришли Света Довгер, Галя Воробьёва, Сергей Демидов (отказавшийся играть и петь, лишь – посмотреть на Теплицкого), Любочка Прунтова со знакомой, Виктория

Рукина с Людмилой со знакомой и тётя Нина со знакомой.

Серёжа выступал во второй части, когда уже притупилось внимание, но он прочёл, что наметил («Телефон зазвонил...», «Апрель в Москве», «Торжок...», «Безымянный ручей» и «Мадая»). Читал уверенно, даже с кое-каким выражением. Потом тётя Нина сказала, что Серёжа лучше всех. Очень затянули члены лит. студии «Импульс» АО МГТС. Галочка подарила Серёже гвоздики, а мне... – розы. Было очень приятно. Светочка поехала к нам с ночёвкой. Позвонили Щетинину – он забыл о концерте!!! Просто забыл!!!

Ещё: вчера приехал Мозалёв из Турции – «домой» в командировку.

Я делаю иллюстрации к новой книге «Сказаний» в карандаше: уже скопировала «Ольвию» и «Сварожича»; сейчас бьюсь над «Невридой» и «Мадаем» (кони, волки); животные – самое трудное в изображении. Хочется писать маслом, но пока не могу.

Андрей пострадал ночью от хулиганов – ему разбили лицо. Прикладывает примочки и лежит.

27 апреля 1996 г. (суббота)

В пятницу (26 апреля) был хороший день. Хороший не в смысле погоды, а по настрою. Серёжа должен был звонить в «МК» Сергею Мнацаканяну насчёт рекомендации в СП. Уже два раза С. М. переносил всё на неделю (и раза три, чтобы передать ему материалы). Это не главное. Вчера С. М. был «свежая голова» и не мог, Серёжа расстроился – я видела. От отчаяния, что всё затягивается и до лета он может не успеть собрать

рекомендации и подать их в СП, решился позвонить Татьяне Бек. Хотя Серёжа не знает её лично. Но других вариантов не было. Татьяна Александровна в «Литературной газете» делала вступление к стихам украинской поэтессы в Серёжином переводе – это и стало предлогом для обращения. Неожиданно дозволился сразу. Бек сняла трубку сама. Оказалась энергичной, добродушной и отзывчивой – заверила, что всё будет хорошо, что она знает, как написать, и во вторник (30 апреля) ждёт на кафедре творчества в Литературном институте. После двухмесячных ожиданий забрезжила надежда на результат, может, тогда и с Мнацаканяном будет легче. Опять надежды. Я очень обрадовалась. Стали делать подборку для Т. А. Бек (копии публикаций, книги).

У Серёжи жизнь забурилась. Недавно он встретил однокашников по литобъединению Викторова. У Серёжи Короткова и Елены Ершовой (супругов) возникла идея осенью в ЦДЛ организовать вечер участников этого объединения. Мне подумалось, что такие «крепкие» поэты могли бы запросто составить совместный сборник и назвать его «Весы» – как и литобъединение. Два дня Серёжа обдумывал мою идею, а в субботу позвонил Г. В. Рой. Она замысел поддержала, даже пообещала поучаствовать, но попросила связаться с Поляковым, обговорить детали и стоимость с человека. С Поляковым оказалось «глухо». Сначала он наотрез отказался, мол, нас ничего не объединяет. Затем, узнав об участии всех на равных паях и помощи каждого кто чем может (мы брались сделать бесплатный набор), он констатировал, что ему никто не заплатит за работу, ведь у Рой денег нет. После длительных переговоров Поляков предложил эту книгу включить в альманах «Истоки», который собираются возобновить, в первый

же номер – сентябрь-октябрь. Всё будет бесплатно. Сергей согласился и взял на себя организацию (обзвонивание, сбор материалов). [Был момент, когда говорили на повышенных и официальных тонах, вплоть до угрозы обратиться в другое издательство – так А. П. упирался.] Сейчас Серёжа уже всех обзвонил: Андрея Добрынина, Александра Климова, Виктора Коркия, Сергея Короткова и Елену Ершову, Петра Дегтярёва, Вячеслава Васина, Петра Катина. Ещё пока не охвачены: Анна Гедымин, Анна Саед-Шах, Валентина Якушева. Анна Саед-Шах дала добро через Дегтярёва. А Климов сказал, что он даст материалы, присланные Колгановым из Израиля. Серёжа мечтает переслать этот сборник Викторову в Израиль – ему будет приятно.

Свою подборку – из 15 стихотворений и главы из «Сказания о Невриде» – мы подготовили (я печатала и набирала на работе). Осталось самое трудное: написать воспоминания.

4 мая 1996 г. (суббота)

30 апреля Серёжа встретился с Татьяной Бек. Я посоветовала ему купить цветы, но не официальные. Он купил три ветки белых ромашек (хризантем). Всё прошло быстро: на кафедре творчества буквально за 10–15 минут проглядела публикации. Первой попалась «Люблю близость этой старой, больной женщины...» Так несколько удивлённо сказала: «А почему бы и нет?» Далее полистала сборник, остановилась на страничке с «Торжком...» Спросила о работе. Серёжа сказал, что не работает четыре года, что он строитель. Татьяна Александровна заметила, что это сейчас хо-

рошо оплачиваемая специальность. И потихоньку, потихоньку написала рекомендацию. Серёжа дописал внизу № её билета. И попрощались. Внешне, когда он вошел, увидел женщину в возрасте, но когда она повернулась и энергично заговорила – сразу помолодела.

Сегодня были в Немчиновке, Ромашкове – ходили на могилы родственников Серёжи и к тётке Наде – Надежде Адамовне Телюк, тётке Серёжиного отца Юрия Пантелеймоновича (там же мы виделись с её сыном Аликом и его женой Галей).

20 мая 1996 г. (понедельник)

16 мая (четверг) ходили на вечер Александра Аронова в музей В. В. Маяковского. И т. к. Сергей Мнацаканян ещё не дал рекомендацию в СП, Серёжа подошёл с той же просьбой к нему. Аронов всё взял и просил позвонить в понедельник – 20 мая. А в пятницу, очередную с марта месяца, Мнацаканян (уточнив, как дела с другой рекомендацией) сказал – приезжай... Комплект документов был готов, но как же Аронов? Пришлось снова ждать, ведь неудобно напрасно беспокоить человека. Александр встретился с Серёжей в понедельник в «МК» и при нём написал рекомендацию – даже довольно пространную и хорошую. Он отметил не только «умные» стихи, но и просветительское значение «Сказания...», из которого впервые узнал о сколотах. Много правок, да и подчерк неразборчивый... На всякий случай Серёжа перепечатал текст на отдельном листе, как приложение. И тут же всё отвёз секретарю СП. Но она сказала, что до лета рассмотреть уже не успеют, а затем перерыв – полгода, до ноября-декабря, а может быть и... января 1997 года!!!

Зато заботы с плеч долой. Да и у Серёжи после завершения этой эпопеи настрой на сказания опять боевой.

В четверг была в ЗНУИ у Н. К. Смирновой. Показала свои пять иллюстраций к «Сказаниям о праславянах» (VIII–V вв. до н. э.) в карандаше. В целом ей понравилось. Показала и другой преподавательнице. Порадовали реплики: «замахнулась на Фаворского», «очень смело», «другой уровень». Но были и замечания: слишком интеллектуальный невр-бог, и лики Сварожича со Скилом не вписываются в рисунок. Надо подрабатывать.

Показала два майских этюда из деревни («цветущая слива» и «черноплодная рябина»). Наталья Константиновна похвалила – намного лучше прошлогодних («хрен», «грядки» и т. д.).

Всё собираемся к Демидовым на день рождения Марины – 40 лет. Приготовили этюд «Станция «Ильинский погост» с опушки «Поповского леса» (VIII. 95), вставили в морёную раму. Ничего. Но Демидов уже второй раз переносит...

Андрей прошёл тестирование в МИПе, не без помощи Светочки Довгер. Результаты будут позже.

31 мая 1996 г. (пятница)

После размеренных зимних и мартовско-апрельских дней весь май оказался суетливым. Долго держал нас в напряжении Серёжин сбор рекомендаций в СП. А теперь добавились всякие хлопоты по деревне.

Уже трижды были в Ильинском погосте. Второго мая копали + сажали (даже с Андреем, чем он нас балует один-два раза в сезон: копает первого мая и помога-

ет вывозить банки в сентябре). 10 мая сажали и занимались (Серёжа читал «Историю Руси до Р. Х.» для продолжения сказаний, я писала этюды: «Цветущая слива» и «На задах»). 17 мая досаживали кабачки и огурчики под плёнку и работали (Серёжа начал Сказание о IV веке до н. э., я писала этюды: «Беседка в сирени» и «Терраса весной»). Дорога в деревню стала стоить существенно – 11 тысяч рублей в одну сторону, за поездку на двоих – 40 тысяч рублей.

А с деньгами плохо. Опять в долгах, и не на дело какое, а на еду не хватает. Нет и мысли что-либо купить для себя (Серёже нужно что-то зимнее, типа пальто, да и обувь, брюки, сумку – всё снашивается). Надо купить кровать, чтобы отдать Андрею диван, а то его – детская – разваливается. Живём одним днём. Должны Сидоровой 200 \$, родителям Серёжи – 500 тыс. руб., а ещё целых полтора месяца впереди. Моих 370 тыс. руб. не хватает даже на моё питание. Я подталкиваю Серёжу спрашивать в редакциях о работе, хоть как моя – на полдня или иногда. Но он пока не спрашивает. Ждёт, когда решится вопрос с СП. Но ведь это теперь отложено до декабря или даже января 1997 года. У меня резко падает настроение, когда нет денег. Да и Андрей спит до обеда (14–15 часов), работы не ищет, а на этой получает чуть более меня. И то я на еду собираю в мае по 350 тыс. руб., а на июнь по 400 тыс. руб., т. к. были перерасходы. У Андрея нет никакой обуви, вообще – единственные осенние ботинки с дырой на подошве. Прошу его подработать на обувь, ведь если его зачислят в МИП, времени будет ещё меньше, а осень и зима не подождут – злятся: «Что ты мне мораль читаешь?!» Серёжа советует, чтобы я не разговаривала с ним на эту тему: мы – предупредили.

Вчера я возила Н. К. Смирновой в ЗНУИ последние этюды и весенний натюрморт «Зелень и редиска». Наталья Константиновна хвалила за «Зелень» и сказала, что можно продавать – смело. Есть, правда, огрехи: лишний столб, однообразие тени – на доме, бликов и света – на сирени и смородине (но это можно подправить). Осталось ещё ~ 5 занятий на V курсе. Далее «Преподавательский», который стоит 500 тыс. руб. Ещё в планах рисунок, частные уроки. Больше надо смотреть чужие картины – но на выставках бываю редко.

После ЗНУИ была у Сидоровой: пили кофе с тортом «Сюрприз» и болтали обо всём. В конце я разговори-лась о красках – как интересно их подбирать и открывать для себя цвета. Получилось, что расхвасталась – даже неудобно. Валя послала «любимому поэту» коробочку с рыбой под соусом, дала мне пакет гречки (они якобы не едят?) и коврижку.

Дома оказалась после 21:00, а там уже за столом на кухне Щетинин с Серёжей и Андрей с Олей. Разговор ни о чём, Володя с Серёжей неприятно заспорили о выборах... Просила перестать портить всем вечер – с трудом затихли. Даже на следующий день утром Серёжа спрашивал, не очень ли он резко говорил. Я считаю, что все мы взрослые и спорить бесполезно. Щетинину скоро в отпуск с дальнейшим переходом на другую работу, к мужу сестры. Но ездить придётся далеко (в Загорск), зато оклад с двух миллионов возрастет до четырёх и более. Жалуются, что много денег уходит на дом в Щербинке (по миллиону в месяц?!), который ему достался по завещанию родственника. У каждого свои заботы. Я уговаривала его, как и всех, принять участие в покупке картин Апухтина, Шагарова, моих. Но он отмахнулся сам и других не хочет приглашать.

Апухтин в наш последний заезд в Ильинский погост показал готовый пейзаж в саду – очень хорошо (много цвета, экспрессии, необычно). Но у него нет красок: на одну такую работу уходит три тюбика белил, он же сделал пять работ, из которых две оставил, а три – соскрёб! Говорит, получилось не то, что хотел выразить! Не знаю, что у нас получится с затеей продажи картин. Но я – оптимистка!

В это воскресенье, 2 июня, поедem (если будет хорошая погода) на праздник в Захарово. Но я думаю, что столько продать, сколько в прошлом году (~ 50 сборников), не удастся.

Вчера днём Серёжа ездил домой к Аронову. Помогал чинить проводку – он очень искренне относится к Аронову, говорит: «Это большой ребёнок». У них дома два кота и одна кошечка. Старшие – очень большие и пушистые – сидят на шкафу, а молодой котик носится!

Мы всё-таки спасли кошечку. Вернее, украли её у Лёши, подобрав у нашей рябины, за бочкой – ослабленную голодом, с пораненными ушками от проволоки, которой она была привязана к дереву.

С пятницы до понедельника мы её откармливали, стараясь не выпускать на улицу, а в понедельник увезли в сумке в Москву. В электричке ей стало плохо от жары, от нервного напряжения + слабость она тяжело дышала, как собака, открыв пасть и высунув язычок. Я даже испугалась, ведь взять воды для питья не догадалась. Решила положить кошечку – беленькая с зелёно-жёлтыми глазками (как потом выяснилось из английского фильма «Кошки», ангорской породы) – на деревянное сиденье. Она распласталась на прохладном дереве. Я её гладила всю дорогу, успокаивала. Умница,

освоилась, привыкла к шуму, хлопанию дверей. Даже в метро сидела спокойно – не мяукала. А в трамвае даже смотрела по сторонам и через дверь на улицу.

Чуча сразу влюбился, с чего тут же схлопотал лапой и шипения. Со среды приходится давать ему таблетки «Антисекс». Но – слабо действуют.

За неделю кошечка в доме освоилась. Мы всё думали, как её назвать: Ляля, Лиля, Нини... Да так и не придумали. Я к ней обращаюсь: Кися. Спит с нами, такая белая, что на постельном белье незаметна. Выделили ей миску и ящик. Она сразу сообразила, что и как. Единственное – много ест и часто ходит: Серёжа сегодня утром с 5:30 до 6:00 стоически вынес три (!!!) ящика.

Я утром никакая, т. к. «сова». Я готова всех убить, кто мешает мне спать. Целый день хожу разбитая, не могу сосредоточиться для занятий. Но вот вчера Андрей сказал, что Оля заберёт кошечку – её мама решила сделать подарок друзьям. И мне уже жалко отдавать эту ласковую белую царевну-кошку. Как там её будут любить? Конечно, так как Серёжа – не будут. «Серёжа очень чувствительный», – сказала вчера Валя. Так оно и есть, может, поэтому он и поэт.

3 июня 1996 г. (понедельник)

В воскресенье 2 июня ездили на Пушкинский праздник в Захарово. С нами ездил ещё Пётр Дегтярёв. Серёжа остался очень доволен днём. Там встретили Леонида Тризну. Так и стояли с книжками: три поэта и я. Я в основном «зазывала», показывала, собирала деньги. Удалось продать 20 «Сказаний» и 15 сборников «Книга первая», всего на 150–200 тысяч рублей.

Теперь можно заплатить квартплату за май (моя – 114, и Серёжина с доплатами – 140).

Подходили очень разные люди. В основном женщины. Или пожилые люди интеллигентного вида. Один очень долго и подробно читал сборники, отбирал, что взять. Потом спросил о Серёже – какая у него строительная специальность (оказалось, что он тоже строитель). Купил два тома Тризны, сборники ребят. Подошла пара: очень пёстро одетая, как иностранцы, у женщины одни эмоции (без слов), мужчина оплачивал всё – она набрала на 55 тысяч...

С утра было холодно (~ 11°), к полудню стало теплее, на солнце было жарко. Посидели в ожидании электрички – перекусили, выпили «Букет Молдавии» с нарзаном.

5 июня 1996 г. (среда)

4 июня были у Светы на годовщине смерти Сергея Довгер.

На обратном пути встретили Иру Фомину и рассказали ей о кошечке. Уже десять дней она у нас (не высypаемся), а со вчерашнего дня ещё хуже – стала требовать кота. Ира зашла посмотреть Лялю (кошку). Я показала ей свои работы и рассказала о готовящейся распродаже картин. Она опять зажглась «Сухим букетом на шкафу» и я ей отдала его за 50 тысяч рублей (деньги принесла сегодня).

ПЕРВАЯ ПРОДАННАЯ КАРТИНА!!! Серёжа сразу сказал, что надо отложить, но вряд ли, ведь нам столько жить, а денег нет! Да ещё в выходные в деревню ехать! (А за квартиру 260 тыс. уже получены.)

В понедельник (я работала) Серёжа был с Ароновым в «Меридиане» на концерте Игоря Губермана. Там

познакомился с Натальей Стремитиной – русской писательницей, живущей в Австрии. Ему вечер понравился. Видел Юлия Кима.

18 июня 1996 г. (вторник)

16 июня прошёл первый тур выборов президента. Это вторые выборы президента России. Претендентов было 11: Ельцин, Зюганов (от КПРФ), Жириновский (от ЛДПР), Явлинский (демократы), Лебедь, Горбачёв, Брынцалов (от себя, «богача», с женой Наташей), Шакун (чудак-реакционер, мямля), Фёдоров (офтальмолог), Власов (штангист), Тулеев (от КПРФ, 12 июня снявший свою кандидатуру в пользу Зюганова).

Мы все – я, Серёжа и Андрей – голосовали за Ельцина, а мэра – Лужкова. И всех, с кем встречались, тоже уговаривали голосовать за них, а точнее объясняли свою позицию.

В результате: Ельцин ~ 35 %, Зюганов ~ 32 %, Лебедь ~ 15 %, Явлинский – около 7 %, Жириновский – около 5 %, остальные не набрали даже 1 %.

Второй тур должен пройти 7 июля.

Сегодня наконец-то сняли Павла Грачёва, а Лебедю дали должность советника по безопасности...

Все дни предвыборного марафона было беспокойно или, точнее, мы испытывали чувство внутреннего дискомфорта. Плохо сосредотачивались. Однако Серёжа закончил «Сказание IV века» – о македонском полководце. Будет сегодня перепечатывать.

По просьбе Г. В. Рой Серёжа занимался подпиской альманаха «Истоки», но оказалось, что напрасно, т. к. подписка ничего не гарантирует, можно не набрать подписчиков – и от неё отказались.

Серёжа продолжает сбор подборок «весовцев», уже многие (человек семь) сдали, осталось четыре-пять человек. Саша Климов предложил устроить вечер в ЦДЛ не в Малом, а в Большом зале. Рой согласилась на начало декабря. Теперь отступить нельзя – надо издавать «Истоки».

Что-то вторую неделю плохо себя чувствуем, простужены: слабость, горло, насморк... Правда, Наташа Шумянкova говорит, что это «ходит» инфекция. Вот сейчас лежим с головной болью по комнатам, выпив аспирин (UPSA).

Деньги кончились, а зарплату задерживают до конца недели. В пятницу или, в крайнем случае, в субботу надо ехать в деревню. Ведь в Ильинском погосте нас ждёт Апухтин. Обещал сделать рамки и дать следующие картины на продажу, с которой пока тихо. Во-первых, я ещё не покрыла картины лаком и не сфотографировала. Во-вторых, часть из них без рам, а денег нет – замкнутый круг!

Всё же я всех предупреждаю о распродаже: сестру Серёжи, соседку Иру, Фоминых, на работе – старой и новой...

Сегодня закончила очередной этюд: аптечные ромашки на красном фоне – что-то тревожное и пёстрое, то, что внутри.

2 июля 1996 г. (вторник)

Завтра, 3 июля, выборы второго тура.

Но всё по порядку. 21–24 июня были в Ильинском погосте. Апухтин просил фотоаппарат, чтобы снять

свои картины. Пока принёс картину по этюду Шишкина и раму для шагаровского «Инея». Выходные прошли душевно, если не считать, что, когда мы приехали, насос не качал воду. Починил его Леонид Соколов, которого привёл Апухтин. Леонид – местный философ, изобретатель, мастер на все руки. Но замкнут, даже немного диковат. Хотя пока пили чай-кофе, все, даже он, как-то разошлись... Позже Андрей Апухтин зашёл один, – мы (я, Ната и Андрей) посидели, поболтали о снах, о случаях, пока Серёжа смотрел футбол. Андрей рассказывал о картине, написанной зимой, в период «запоя», о состоянии в нём и т. д. Также рассказал сон о том, как он двигал вещи, переносил лося и жёг взглядом. И ещё о колдуне, у которого он ночевал и, проснувшись ночью, видел, как тот колдует. Было душевно и хорошо.

В субботу 29 июня, как и накануне, шёл дождь, переходящий в ливень. Температура не более 12°. Чтобы не пропадать дню, я пошла на вторую студенческую выставку художественных училищ, институтов и академий Москвы и Санкт-Петербурга на Гоголевском бульваре, 10 («Дом художника»). В 12:00 я была первым посетителем, далее пришло ещё три человека. В пяти комнатах – работы. Старательно натянутые, талантливые. Уже прошло четыре дня, но почему-то перед глазами стоят миниатюры на городские темы. Всего лишь этюды современных строений, но с каким настроением и чувством! Автор этих работ – Игорь Шевцов («Улица города» – 1995, х. м., 30 × 20; «Пасмурный день» – 1995, х. м., 20 × 25; «Улица в Алеппо» – 1995, х. м., 17 × 23; «Вид из окна» – 1995, х. м., 15 × 20; «Домик на академической даче» – 1995, х. м., 29 × 36). Тон, свет, проработка, цвет, колорит – всё на месте. Не

знаю, зачем, но интересно проследить за его развитием в искусстве. Вот имена других студентов, показавшихся наиболее интересными: Елизавета Залепина («Портрет православного регента Алексея» – 1994, х. м., 50 × 70; «У зеркала» – 1995, х. м., 60 × 80; «Наташа» – 1996, х. м., 55 × 75); Андрей Огнев («Флоксы» – 1995, х. м., 60 × 50; «Тихое утро» – 1995, х. м., 70 × 60); Александр Крестовский («Сказание о невидимом граде Китеже» – 1996, х. м., 109 × 77; «Смальта» – 1996, х. м., 100 × 80); Сергей Серёгин («Этюд. Голова мужчины» – 1996, х. м., 35 × 45; «Букет» – 1996, х. м., 70 × 80; «Поцелуй» – 1996, х. м., 110 × 60); Тимофей Иванов («У окна» – 1993, х. м., 100 × 73; «Москва XVII» – 1996, х. м., 80 × 60); Дмитрий Евтушенко («Автопортрет» – 1995, х. м., 45 × 35; «Портрет Оксаны» – 1995, х. м., 130 × 175)...

И много-много других работ, которые мало чем отличаются от уровня ЗНУИ. Что само по себе радует, ведь это значит, что, если талант, то он везде талант. На осмотр выставки ушло немного времени, и я решила зайти или в Пушкинский (зал импрессионистов), или в Музей частных коллекций (Л. Пастернак).

Шёл дождь (через дорогу – уже золотые купола храма Христа Спасителя).

Ближе был Музей частных коллекций. Я прошла по студенческому. Там оказалась выставка... «Французская живопись XIX–XX веков»!!! Из собрания Пушкинского музея: Альбер Марке, Морис Утрилло, Хоан Миро, Клод Моне, Пьет Огюст Ренуар, Анри Эдмон Кросс, Камиль Писсарро, Поль Сезанн, Винсент Ван Гог, Эдгар Дега, Эдуард Вюйяр, Керр Ксавье Руссель, Одилон Редон, Пьер Боннар, Морис Дени, Кес Ван Донген, Поль Гоген, Анри Матисс и др. (Среди посетителей, в основном, одни иностранцы.) А т. к. временем я была не ограничена, то смотрела медленно, стараясь вник-

нута в каждый мазок, в содержание. Поэтому я сначала просто смотрела, наслаждалась, обходила зал, а по второму кругу уже записывала подробности. Голова начала кружиться уже на Матиссе. Чтобы развеяться, пошла на второй этаж, далее на третий, но там успела лишь в зал Л. Пастернака и... меня попросили закруглиться, т. е. «музей закрывается». Попала домой лишь в 18:00.

А в воскресенье 30 июня пошли на праздник «МК» в Лужники. Сначала к 12:00 к проводившему Турнир поэтов Мнацаканяну. Там уже было полно народу. Вдоль левого бокового прохода нервно ходил Аронов, а в зале сидел Петя Дегтярёв. Перетаскив свободные кресла из президиума к боковой стене и поставив столик, мы сели, выложив книги. Петя Дегтярёв выступал 12-м, Серёжа записался 53-м и прошёл через час. Ребята после выступления Пети отправились искать Демидова с машиной трёхтомников Юза Алешковского. Аронов, вызывая интерес окружающих, то и дело подписывал сборники, но после возвращения ребят стал собираться, оставив книги нам... Мы посидели ещё – до Серёжиного выступления. И когда Мнацаканян представил его то ли «вступившим», то ли «вступающим в СП», Серёжа вызвал интерес, отмеченный более напряжённой тишиной. Прочитал хорошо, и мы вскоре ушли на аллею книголюбов. Однако основная торговля уже кончилась. И мы, мало-мало попродав, пошли на площадку бардов. Послушали Иващенко с Васильевым («Иваси») и других... В целом всё прошло мило. Даже погода соответствовала – из-за облаков иногда выглядывало солнышко.

В последнее время всё шло под спортивным знаменем: Уимблдон и чемпионат Европы по футболу в Англии. Правда, «нашим» не повезло (Кафельникова

выбили в первом круге; а сборная России по футболу проиграла всем, правда, в нашей четвёрке оказались финалисты чемпионата Чехия и Германия).

Завтра выборы президента из пары Ельцин – Зюганов. Всё зависит от явки на избирательные участки: если больше 60% – то победит Ельцин, если меньше – то, вероятно, Зюганов. Предсказывают разницу в 3–5%. Завтра. Напряжение растёт. (А мы со Светочкой пойдём разгружаться в Третьяковскую галерею.)

16 июля 1996 г. (вторник)

За это время Серёжа закончил Сказание о III веке до н. э., причём короткой строкой (первая часть). Я после разговора с Ольгой Всеволодовной Колобовой готовлюсь к поступлению в... Академию живописи Натальи Нестеровой. Т. к. я сотрудник, то оплата будет минимальная или «0», как О. В. договорится с Н. В. Нестеровой. Где-то 20 сентября – просмотр работ, далее экзамены, в т. ч. по рисунку.

Андрей поступил в МИП, правда, не на кафедру Олега Михайловича Петрова. Но после зачисления, может быть, переведут на неё.

18 июля (четверг) Серёжа с Андреем будут подрабатывать грузчиками. Демидов сосватал: перевозка и разгрузка книг – 100 тыс. руб. в день.

Демидов недавно выступал (в прошлые выходные, где-то 7 июля) по ТВ в программе «Гнездо глухаря», но мы были в деревне и не смогли записать.

Я всё оформляю работы для комиссии в Академию живописи и продажи – в общей сложности на 300 тыс. руб.

6 августа 1996 г. (вторник)

(~ 22:30) Серёжа что-то шепчет в спальне (я смотрю «Дядю Ваню» по ТВ со Смоктуновским и Бондарчуком). Он уже закончил обе части «Сказания» по III в. до н. э. и взялся за «Короткое сказание», пропустив II в. до н. э. Его труд близится к завершению. И начнётся мой труд по иллюстрированию. Серёжа молодец – если в настрое, то может заниматься с утра до вечера, как сегодня. Даже из дома не выходит. Только перерыв на еду и немного футбола, если, конечно, играет «Динамо». Сидит, пишет в кресле у столика, но книги везде – и на полу, и на стульях, и на телефонном столике: учебники истории, Рыбаков, Гобарев, Даль, Ожегов, энциклопедии и т. д. И всё одновременно в работе, в закладках. Если в первых сказаниях мне читалась каждая строфа, то теперь – только целиком.

Пока идёт работа над «Сказаниями», чтобы не отвлекаться от темы, лирику не пишет, хотя видно, что хочет. Говорит, что должно пойти что-то новое после такой большой работы.

Сегодня к нам заехал из Ильинского погоста Апухтин. Никак не сдвинем продажу его больших работ. Потом заезжал Демидов с другом. Я его друга окрестила «экспертом» – он пересмотрел все мои работы (ему понравились «Цветы у окна» и «Фонарики»). Но я их не продаю. Демидов вдруг купил этюд Апухтина на холсте «Забор» (за 120 тыс. руб.). И сегодня мы смогли дать Андрею на краски 50 тыс. руб. Уже собрали на книгу: $50 + 150 + (120 - 50) = 270$ тыс. руб.! Завтра Фирова хочет взять в Венгрию шагаровские берёзки за 70 тысяч рублей. Итого будет 340 тыс. руб.! Но надо набрать пять миллионов рублей. Как это сделать? Наших

денег (квартира + зарплата) хватает только на жизнь. Может, что-то продадим ещё?

В субботу были на дне рождения у Демидова (3 августа) и его дочки Лизочки. По ошибке (!) сели не в ту электричку – вместо Голицынской в Усовскую, и опомнились уже в Ромашкове. Ждать час не хотелось. Пошли пешком через Немчиновку на Трёхгорку. Пока шли, вычислили место, куда приезжал Малевич, да ещё один попутчик сообщил, что до Переделкина здесь, в Немчиновке, была дача Фадеева. Очень хорошо прогулялись по бетонке через лес. Только в самом дачном посёлке проблуждали почти час по схеме Демидова – пересчитали все колодцы и дома новых русских. Опоздали. В беседке уже был перерыв на перекур. Посидели за грузинским вином и овощами, грибами, курицей, креветками, пивом до девяти вечера. Познакомились с родственниками. Сходили «в поля» с весёлым Демидовым и детьми, собаками. Затем самовар с пирогами, тортами, арбузом и дыней и т. д.

У Демидова новый проект – книга о куклах: Бог создал человека по своему подобию, а человек куклу – по своему. Его интересует всё, что с этим связано, и если что-то попадётся – «тащить» к нему.

А у Сергея – проект Феликса, нового знакомого (с праздника «МК»), который хочет выпустить поэтический альманах с оригинальными авторами. Кстати, Серёжины стихи ему понравились. Только просит больше, а у него их сейчас мало, т. к. он пишет сказания. Серёжа сватает ему других, чьи подборки он собрал для «Истоков» Рой.

19 августа 1996 г. (понедельник)

К десяти утра носили апухтинского Тышлера в Экспертный отдел ГТГ. С таким же успехом могли прийти и к 11:00 (как предлагали на выбор). «Тусовка» там своеобразная: в «предбаннике» все стены заняты – не прислониться, столько народу. У каждого одна, чаще две-три и более картин. Все с русской живописью. Я думала, что она вся в музеях и частных коллекциях, под замком. Не тут-то было! Я сидела на банкеточке у двери к эксперту. Мимо меня пронесли: двух-трёх Айвазовских, двух Шишкиных, двух Головиных, Левитана, Саврасова, С. Коровина, Серова. Я так поняла, что был день русской живописи у известного и признанного эксперта ГТГ – Владимира Александровича Петрова. С виду ещё молод, энергичен, немного лысоват, невысок, в голубой рубашке. Но с особой энергетикой. До его прихода всё и все будто спали – и девушка-секретарь с журналом регистрации, и кассир за столиком с приборами-определителями фальшивых денег, и прочие эксперты-женщины весьма богемной внешности, выходившие к знакомым посетителям поздороваться. Также периодически выходил эксперт по рисункам и акварелям, но их было мало – у всех живопись. Посетители также очень разные: пожилые художники вдвоём принесли несколько работ – все аккуратно проложенные белой бумагой (одна работа Левитана), обвязанные отдельно, а потом ещё раз обвязанные все вместе, с любовью и бережностью; два новых русских в костюмах и ботинках по моде и с большими картинами; хозяин художественного магазина со старого Арбата – деловой, энергичный, с тремя большими картинами в покрывалах (две – диптих Головина, видела их краешки: кружева зелени, усадеб); молодой полноватый мужчина с

пакетиком, в котором картина (не помню, чья), всё входил и выходил, возвращался, был недоволен, то ли хотел её продать экспертам, то ли оценить, чувствовал себя не в своей тарелке. К 11:00 появились посетительницы: две с ребёнком, одна экстравагантная, с оголённым плечом, в шляпке, на шпильках с бантиками на пятках, в сопровождении пожилого мужчины с брюшком.

«Раздача слонов» началась с возвращения подделок под Айвазовского и ещё кого-то. То, что нам сразу не вернули нашего Тышлера, уже обнадеживало. Но и после выноса десятка справок с фото ничего нам не говорили. Только в конце, когда осталось человек пять, вышла секретарь и, вернув фото, дала телефон эксперта по Тышлеру – Нины Антоновны Куреевой, готовящей монографию в ЦДХ на Крымском валу. Эксперты не отвергли, но и не дали заключения. Мы даже обрадовались. Серёжа изменил свои планы и никуда не пошёл, и мы вернулись домой к 13:00. Я стала звонить Куреевой, но её не было, а ответивший мне эксперт посоветовал ещё до неё обратиться к... жене Тышлера Флоре Яковлевне Сыркиной – искусствоведу, эксперту. Ф. Я. уже в возрасте, и звонить лучше вечером, но не позже 19:00. Пока не дозвонилась.

Серёжа сейчас общается с Ароновым: они стали телефонными друзьями, оба часто сидят дома одни и находят, вернее, компенсируют отсутствие коллег разговорами по телефону. Сегодня Сергей слушал по телефону одно из Сашиных стихотворений про кино, оно ему очень понравилось и даже растрогало почти до слёз. Оно скоро, в октябре, будет опубликовано в журнале. Сегодня они успели созвониться три или четыре раза.

Серёжа никак не сосредоточится на последнем сказании: то я болею, то деревня, то Тышлер. Ему так хочется писать стихи, но перестраиваться с исторической темы ещё рано – надо закончить II в. до н. э.

Вчера Андрей вернулся с Олей из трёхнедельного отдыха на Оке, в палатке, с Пустовитовскими и друзьями из Жуковского. Загорелые, молодые и счастливые. Как хорошо!

28 августа 1996 г. (среда)

Главное: вчера Серёжа закончил «Сказания о праславянах. Исторические повести в стихах». На восемь глав – восемь веков – Серёжа затратил более года. Последним было написано сказание не о I в. до н. э. («Короткое...»), а о II в. до н. э. – так ему хотелось вставить кусок о Керкинитиде (Евпатории), но вышло очень мало, лишь одно упоминание. Теперь впереди большая работа по организации книги: доработать примечания, продумать макет, сделать иллюстрации (моя головная боль), добыть деньги.

Самое хлопотливое, пожалуй, добывать деньги. Пока из нашей «распродажи» картин выходит следующее:

Продано:

1. И. Телюк. «Букет сухих цветов» – 50 т. р. (И. и С. Фомины).
2. И. Телюк. «Осенний натюрморт» – 150 т. р. (Катя, сосл. Светы Довгер).
3. И. Телюк. «Самовар и букет красной и чёрной рябины» – 120 т. р. (Оля, сосл. Наты, сестры Серёжи).

4. А. Шагаров. «Берёзы» – 70 т. р. (И. Фирова).
5. А. Шагаров. «Иней» – 150 т. р. (Н. Бесчеревных).
6. А. Апухтин. «Старый забор» – 120 т. р. (С. Демидов).
7. А. Апухтин. «Розовая весна» – за трудовую книжку Апухтина.

Итого: 660 т. р.

Пока не продано:

1. А. Апухтин. «Букет» – (700 т. р.).
2. А. Апухтин. «Пушистый снег» – (500 т. р.).
3. А. Апухтин. «Голубая весна» – (400 т. р.).
4. А. Апухтин. «Сосновый лес» – (200 т. р.).
5. А. Апухтин. «Натюрморт с земляникой, ножом и стрекозой» – (150 т. р.).

Итого: (1950 т. р.).

Всего получится около трёх миллионов рублей, а надо пять.

Вывод: работать, работать и работать.

Работать хорошо, а для этого учиться. Учиться в Академии, ЗНУИ, везде.

Сегодня я с помощью Серёжи носила работы в Академию живописи Натальи Нестеровой. Долго отбирала, заказывала рамки, потом их морили. После разговора с деканом АЖ Еленой Павловной Кабковой, сказавшей, что приносят по 10, 12–15 работ, я отобрала следующие:

1. «Январское солнце».
2. «Март за окном».
3. «Зимний натюрморт: крынка с яйцами».
4. «Весенний натюрморт: зелень и чеснок».
5. «Летний натюрморт: яблоки».

6. «Цветы у окна».
7. «Портрет Сергея».
8. «Автопортрет».
9. «Чуча».
10. «Ирисы».
11. «Фонарики».
12. «Самовар и чёрная и красная рябина».
13. «Деревенские крыши».
14. «Картофельное поле».
15. «Церковь Воскресения».
16. «Вечером у колодца».
17. «Вид на деревню с церковью и козами».

Но комиссия не состоялась, мы только протаскались на «Сокол» (Новопесчаная улица) с двумя сумками и тюком – Елена Павловна уехала в 14:00 на «Нагатинскую». Мы прождали до 16:00 – Кулаков не пришёл. Так и уехали.

Вечером приехала Серёжина сестра Наташа с Вадиком, привезла приятельницу Ольгу с сыном – смотреть картины. Смотрели Андрея Апухтина – ничего. Ната посоветовала показать свои – и Оля «запала» на «Самовар...». Я была расстроена комиссией и продала его за 120 тыс. руб.

А вот А. Аронову на 62 года подарим «Деревенские крыши» – 30 августа Сергей поедет поздравлять его в редакцию «МК».

Завтра Серёжа встречается на «Преображенской» с П. Дегтярёвым, А. Климовым, А. Добрыниным, и пойдут к Феликсу подписывать какие-то документы для выхода стихотворного сборника (обещают в октябре). Там у Серёжи подборка неопубликованных стихов.

Андрей уже две ночи не спал, чинил компьютер для работы и починил – молодец, заказчик остался доволен. Скоро – 1 сентября – в институт!

3 сентября 1996 г. (понедельник)

Провела день в городской больнице № 55 – на чистке, или, попросту, аборте. До сих пор нахожусь под впечатлением от наркоза: после укола в вену прошло пять-шесть секунд, и сознание провалилось, но взгляд зафиксировался на потолке со стыками бетонных плит и двойными лампами света. Далее одно мгновение, за которое я потеряла телесность и как бы попала в иное измерение, где формы и размеры не имели значения, их не было – всё менялось от моего взгляда. Казалось, что физических ощущений уже никогда не будет (да они и не нужны, т. к. всё совершается со скоростью мысли). И, как назло, именно здравых мыслей у меня не было, т. к. все усилия мозга были направлены на осознание окружающего, которое никак не поддавалось какой-либо систематизации, анализу и пониманию. Только одно вертелось в голове – что всё, имеющее «физику», здесь бессмысленно, включая живопись. Даже пронеслась мысль, что это конец, и возникло безразличие ко всему, что осталось там, в материальном мире... И когда меня долго будили, давали нюхать нашатырь и били по щекам, я не хотела возвращаться в этот мир. Сначала не могла пошевелить руками или губами, чтобы на просьбу проснуться дать им понять, что я слышу. Они (две сестры) тормозили меня, пытаясь привести в чувства. Командовали: встать – в ответ я только смогла приподнять голову, т. к. тело не слушалось, было «не моё». Спрашивали имя – отвечала про

себя и удивлялась, что они не слышат. Они требовали назвать имя – я губами говорила: «Ирина». – «Рита?» – «Нет, Ирина». Они не понимали. Требовали их «видеть», но передо мной стояли какие-то чудовища с двумя головами, и я не знала на какую из них смотреть. Мне не хотелось идти к этим чудовищам. Я хотела просто лежать, чтобы меня не трогали. В конце я стала чуть лучше ориентироваться, смогла сползти с операционного кресла-стола в кресло-каталку и опять отключилась. У палаты сестра спросила, где моя кровать? Я помнила, что слева, и подвигала правой рукой (пальцы ещё не слушались). Но когда каталку подвезли к кровати, она оказалась изогнутой как гамак в саду и, более того, я сказала, что это не моя кровать, т. к. в сознании стоял образ «прямой» кровати. На что соседка по палате сказала, что это «её» кровать. Меня стали перетаскивать, вернее, просить перейти, но тело ещё не слушалось: ноги путались, цеплялись за порожек каталки, волочились, и я еле-еле перевалилась на кровать, и осталась «сваленной» в неудобной позе – полубоком, голова перпендикулярна телу. Вся я стала реактивной, как будто ракета: под каждым пальцем – бьющая струя энергии, припечатывающая страшной перегрузкой всё тело к кровати. Открывание рта соответствовало – как у робота – опусканию нижней челюсти, с трудом. И страшный голос: скрип, скрежет. Всё плыло, искривлялось, затем волновалось, далее прыгало в глазах. Только около часа дня я стала ощущать всё своё тело, его эластичность, мягкость (если считать, что забрали нас после 10:00, то прошло более двух часов) – после долгого отсутствия в самой себе.

Я рассказала об этом путешествии в подсознание, в параллельный мир, Сидоровой – она узнала в них отрывки из рассуждений философов о других мирах, и

сказала о моём правильном понимании, повторяющем и подтверждающем некоторые их мысли. И рекомендовала записать, что я и сделала. [Но вывод: надо лучше предохраняться, тем более что выбор теперь большой.]

Я второй день лежу дома. Вчера болела голова до самого вечера. Сейчас уже голова прошла, только – низ живота.

Серёжа поехал за рамкой, которую я заказала ещё в четверг и не смогла получить, в книжные магазины и – к Аронову в «МК».

24 сентября 1996 г. (вторник)

Уже позади все осложнения после чистки: и воспаление матки, и закупорка трубы, и сон на четвереньках. Благо после приёма (два дня) антибиотиков труба сама открылась в субботу 14 сентября в 17:45 – судьба! Или Господь Бог помог, или ангел-хранитель, в общем – пронесло...

Серёжа, дописав «Сказания», стал выплёскивать стихи, сдерживаемые целый год-полтора. И прорвало! Да ещё вынужденное воздержание за последний месяц придало эротическую окраску. Тут и вагонная незнакомка, и вторгающийся фаллос, и женские фигурки в стихотворении «Кстати, о женщинах». Кстати, его Серёжа написал вчера и прочитал мне, когда я пришла с экзамена, измученная и обессиленная пятичасовой борьбой за натюрморт. И тут Серёжа встретил меня с горящими глазами и после первых вопросов об экзамене спросил: «Хочешь ли прочитать кое-что?» Уж больно хитрые глаза – заинтригуют кого угодно. И не зря! По-

сле «Сказаний», Колаксара, Мадая и др. вдруг попки и прочее. И сразу новая идея о «Книге второй. Метаморфозы», куда войдут всякие стихи: и чернуха, и сатира, и эротика – всё, что не вошло в «Первую» и новое... Вот так! Ещё книга о праславянах не сделана, а уже новые планы. Здорово!

Я на прошлой неделе села за карты к праславянам, но из-за гостей (был Апухтин, впервые с ночёвкой) и экзаменов – пока спланировала только одну.

Об экзаменах. 23 сентября в 10:00 в Электрическом пер., 10А прошёл первый экзамен – живопись: натюрморт. Я писала маслом, а большинство – гуашью (одна девушка акварелью). Две постановки натюрморта: с гитарой и без. Я выбрала без, т. к. гитара была бутафорской. «Мой» натюрморт был с пятью тканями, кофейником, химическим стаканом, кувшином, банкой, помидором, яблоком – на фоне холста с подрамником.

Я сначала немного растерялась, но решила работать как обычно: выдавила краски, выбрала кисти. После первой прокладки цветом ко мне подошёл В. А. Кулаков, только появившийся (около 12:00). Посмотрел и порекомендовал разобраться со светлыми и тёмными тонами: группа тёмных – и группа светлых предметов. Я видела, что это так, но ведь ещё натюрморт не закончен... К 14:00 почти всё встало на свои места, и ко второму подходу отношение Кулакова изменилось: «Теперь другое дело»... А я была недовольна, т. к. не успела одинаково проработать поверхности.

26 сентября 1996 г. (четверг)

24 сентября – рисунок гипсовой головы. Я выбрала гипс, похожий на тот, по которому «тренировалась»

дома, но и он оказался сложен для меня. Хорошо, что Елена Павловна Кабкова помогла мне – подправила губы, волосы, глаза, овал; далее я «раскрасила» как могла.

В 15:00 заехал Серёжа – помочь отвезти этюдник и краски. А я осталась на собеседование.

Просили принести работ десять. Я взяла: два вида из окна, редиску, «Атрибуты искусства», «Цветы у окна», два портрета, церковь, картофельное поле, фонарики, колодец, ещё что-то... Разговор зашёл о том, что живописи надо будет переучиваться (основательно менять сложившуюся манеру), а рисунку учиться заново. Мне интересно научиться классической живописи, а не самостоятельной, и обязательно – рисунку.

На собеседовании было четыре человека: Елена Павловна Кабкова, Вадим Алексеевич Кулаков, профессор ... (мультипликатор) и Серёжа, помощник.

На собрании после собеседования объявили оценки («пятёрки» не было): у двоих – одни 4, у шестерых – 4 и 3, а двое с оценками 3–. У меня же: живопись – 4, рисунок – 3, собеседование (дом. работы) – 4. Приняли! Во вторник 1 октября будут вручать студенческие билеты в ЦДХ, на выставке студентов первого и второго курсов Академии живописи Натальи Нестеровой. Но я буду учиться «вольным слушателем» – без студенческого и без зачётки – только специальными дисциплинами: живопись, рисунок, композиция, натура, физиология человека... Все остальные дисциплины – не мои.

Делаю карты, вернее, их прообразы: набила текст и сделала первую корректировку. Вместе с Сергеем выбираем масштаб, ограничения, какие надписи и пр.

6 октября 1996 г. (воскресенье)

Сегодня событие: лёд тронулся – продали Апухтинских картин на один миллион рублей. Приезжали Вера и Володя Рац с дочкой Наташей. С Верой мы готовили на похоронах у тёти Сергея Довгера, где я обмолвилась о книгах, картинах. И показала свои (нарциссы и фонарики), которые ей тогда понравились. Но собрались посмотреть только сейчас. Удачно. Выбрали самые «дорогие»: «Букет цветов» (за 500 тыс. руб.), «Выпавший снег» (за 400 тыс. руб.) и четыре этюда на 100 тыс. руб. (при этом им два этюда подарили на память и подписали книгу «Сказание о сколотах»).

Очень приятные люди. Тонкие, понимающие в живописи, простые в общении. Хотелось бы продолжить знакомство. Они оставили телефон, просили звонить, если будут другие картины.

Мы, радостные, что надежда на издание книги крепнет, пошли погулять. Было тепло (+ 13–15°), стояла солнечная золотая осень, позднее бабье лето. Купили «МК» со статьёй Аронова (у Серёжи стало традицией читать и созваниваться с Александром о своём впечатлении), кагор, помидоры, мороженое – и были счастливы. Всё хорошо получается, помогает Господь Бог!

А Серёжа уже всю сочиняет стихи. Сейчас идёт «социум» с иронией – «Монологи». Редактирует очередной вариант набранной книги. На работе я вношу его правки и распечатываю, и, кроме того, сделала наброски всех восьми карт.

Времени у меня в обрез, ибо с 1 октября – учусь. Расписание пока не устоялось.

1 октября было открытие – вернисаж выставки студентов Академии живописи Натальи Нестеровой (АЖ). На открытии выступал батюшка, благословивший выставку, сама госпожа Нестерова, Елена Павловна Кабкова, декан Вадим Алексеевич Кулаков и другие. Среди гостей были: певица Ирина Понаровская, артисты из Театра на Таганке, из консерватории Гнесиных, Академии танца. 2 октября – сбор в АЖ на Белорусской (Электрическом пер., 10 А). Разбирали мебель, принимали поздравления от студентов-старшекурсников, декана – небольшое застолье.

3 октября – первое занятие. С утра бегала за холстом ($90 \times 70 = 85$ тыс. руб.) на Октябрьскую. А уже к 10:30 – на Электрический... Накануне Вадим Алексеевич сделал две постановки натюрмортов, и вот я вкупе с девятью студентами начала работать. Сделала углём (впервые) набросок и разметку. Получилось немного грязно (но под маслом будет не видно). Зато вся композиция разместилась на холсте. В пятницу не учились – я ходила к врачу Татьяне Васильевне Федяевой за направлением на УЗИ (22 октября), а вечером – на работу.

В субботу решали с Вероникой задачки по алгебре и геометрии, т. к. в воскресенье ей к репетитору.

Завтра понесу палитру, краски, растворители – начну цветом писать натюрморт.

Кстати, познакомилась с Марком из Нижнего Новгорода – студентом АЖ со старшего курса. Объяснил, что и как, манеры преподавания Кулакова, Алимова. Сам без жилья (снимает). Очень общительный и доброжелательный.

8 декабря 1996 г. (воскресенье)

Прошло два месяца с последней записи. Ничего существенного не произошло, хотя много нового и интересного в ежедневной суете. Попробую вспомнить, но по-порядку – не смогу, а по яркости впечатлений – только то, что было совсем недавно.

7 декабря «вынужденно» попала в ЦДХ, ГТГ, т. к. обложка к картине на выставку не была готова. Е. П. Кабкова в среду стала собирать студенческие работы на выставку в гостинице «Россия» и на вечер НГУ – семь работ, в том числе и мой первый студенческий натюрморт с тарелкой. Пришлось бежать заказывать обложку в мастерской Лицея (в четверг). А когда за ней пришла в субботу (в пятницу работала и не смогла), она не была ещё готова. Пришлось погулять два часа... Попала на ряд выставок, но расстроилась из-за закрытия зала 20-х годов на третьем этаже.

Первая выставка: «300-летие Российского флота»

1. Р. Г. Судковский, 1850–1885. «Очаковская пристань», 1881, х. м. (~ 2,0 × 3,0).
2. А. К. Беггров, 1841–1914. «Петербургская биржа», 1891, х. м. (~ 80 × 60).
3. Ф. А. Васильев, 1850–1873. «Прибой волн», х. м. (~ 2,0 × 3,0).
4. То же. «Прибой у Крымских берегов», х. м. (~ 30 × 30).
5. Н. Н. Дубовский, 1859–1918. «Пустынный берег», 1890, х. м. (~ 70 × 90).
6. М. В. Добужинский, 1875–1957. «Пётр Великий в Голландии», б. на к., гуашь (~ 30 × 40).
7. А. П. Боголюбов, 1824–1896. «У Схевенингетеа» (Голландия), б., чёрн. акв. (25 × 40).

8. К. Ф. Богаевский, 1872–1943. «Феодосия», 1930, б. на к., акв. (~ 30 × 50).
9. То же. «Судакская крепость, 1931, б. жёлтая, акв.
10. То же. «Каффа (Старая Феодосия)», 1927, х. м. (~ 1,0 × 2,0).
11. С. В. Малютин, 1859–1937. «Берег моря. Алушта», 1892, этюд, б. на к. (~ 30 × 40).
12. К. А. Коровин, 1861–1939. «Морской берег в Дьеппе», 1892–1893, этюд, х. м. (~ 30 × 40).
13. То же. «Порт в Марселе», 1895, х. м. (~ 70 × 50).
14. То же. «Гаммерфест. Северное сияние», 1894–1895, х. м.
15. А. А. Иванов, 1806–1858. «Вода и скалы», б. на к., м. (~ 40 × 50).

И это всё из понравившихся картин. К сожалению, каталог за 45 т. р. я не купила, дорого.

Вторая выставка: «Купреянов Николай Николаевич, 1894–1933. Графика».

Раньше, возможно, я быстро «пробежала» бы или медленно рассматривала бы картинки.

Сейчас – анализировала композиции, изучала возможность пятен и линий для создания иллюстраций, образов.

Всё это идеал – к чему нас призывает Сергей Александрович Алимов. Выставка – школа для графиков, где представлены все виды – от рисунка, литографии и т. д. Другие посетители тоже неслучайные – и я их теперь понимаю: пожилая пара художников, молодой студент, наверняка художник – как и я плыли-дрейфовали от работы к работе.

Третья выставка: современная живопись из собрания двух иностранцев (?).

Ничего значительного. Узнала эскиз Анатолия Зверева, работу Оскара Рабина да картину Натальи Нестеровой (о ней у меня есть запись передачи с TV).

21 ноября вечер в музее В. В. Маяковского «О Ходасевиче». Собственно сам вечер не состоялся, т. к. четыре объявленных профессора не явились. Стихи читали зрители – желающие, у кого был на руках сборник стихов. Нас пригласил А. Аронов. Он же и читал много стихов, в том числе своё о Ходасевиче. На вечере был Володя Теплицкий, встретили там и Владимира Райберга – художника, поэта – он в своё время подарил Серёже рисунок с пожеланием (из иллюстраций к Ницше), и я восхищалась его графикой.

Но ещё раньше Райберг в числе бардов был у меня в гостях на Б. Черёмушкинской, пел стоя – чем и запомнился. Он выступал на TV. Жаль, что не видели.

2 ноября у нас в гостях была Лена Лебедева из Могилёва, художница и преподавательница в детской художественной школе. Подарила работу гуашью для книги. Все дни в Москве проводила в музеях.

За ней следом заезжал Михаил из Могилёва – рери-ховец, оккультист, спиритист и пр. Весьма своеобразный человек, но он помогает Апухтину – и это нас радует! Подарил нам художественные книги и альбом со значением – всё о высшем разуме...

Работа над книгой. Карты сделаны в карандаше. Рисунки не идут. Не могу сосредоточиться, т. к. нет времени.

Серёжа написал в противовес «Сказаниям» ряд стихотворений, я бы сказала, экстравагантных, вызывающих.

Учёба моя: перестройка мышления – самое тяжёлое. Чувство композиции, его развитие – через беседы с Кулаковым о работе, абстракции. Идёт туго, наверное, мозги окостенели. Пишу мастихином второй натюрморт – нравится, ещё не знаю, как буду далее сочетать с кистью. Портрет идёт медленно. Очень интересна пластическая анатомия.

Серёжа готовит подборку в «Истоки». Привёл кучу друзей: А. Аронова (книга в альманахе), С. Мнацаканяна, В. Коркию, В. Пустовитовского, Р. Исхакова, Н. Бибаеву и многих из бывшего литобъединения «Весы». Безгонорарное и даже с выкупом: за 150 строк – 30 сборников по 10 т. р.

10 декабря 1996 г. (вторник)

Забыла о посещении мастерской Льва Фёдоровича Дьяконицына.

Я зашла к киоскёрше ЦДХ, ГТГ за вторым томом «Истории постимпрессионизма» (160 т. р. – ужас!) и там столкнулась с Л. Ф. Он давно приглашал в мастерскую на «Кропоткинской», а тут как раз до вечера в музее Маяковского оставалось ещё два часа, и я согласилась. Мы шли пешком через Крымский мост, по Остоженке. Перед самым метро дом: на четвёртом этаже, в мансарде, семь мастерских, в т. ч. Л. Ф.

Большая, метров 60, комната с окнами по двум стенам. Антресоли с картинами, в т. ч. начатыми, работ 20. Тематика: натюрморт, портрет, ню, цирк, животные и т. д. Все работы яркие и оригинальные. Предло-

жил как студентке Академии живописи грунтовать холсты и делить пополам. Я не умею, да и некогда – отказалась.

Сегодня зашла в ЦДХ посмотреть выставку:

1. Осенняя выставка московских художников. На третьем этаже. Более 200 участников. Среди них даже попались знакомые (Л. Дьяконицын «Чёрные крылья палитры», 1988). Хорошие работы. Уровень А. Апухтина и чуть выше (ниже).
2. Небольшая выставка: Владимир Фёдорович Стожаров (1926–1973) – пейзажи Важгорта, Галича, Чухломы, р. Мезени.
3. Выставка молодых художников. Некоторых я видела в Доме художника 29 июня 1996 г. – Дмитрий Евтушенко как студент.
4. Русская школа реализма и импрессионизма 30–90 гг. XIX века. Просто замечательная. Жаль, что распродажа, что работы, скорее всего, уйдут за границу, и мы их не увидим. [П. И. Суворов, П. Н. Крылов, М. Н. Соколов, Т. Г. Гапоненко, М. В. Куприянов, Ф. М. Каплан, И. В. Сорокин, В. П. Ефанов, А. П. Суворова, М. А. Короткова, С. П. Викторov, М. Д. Короткова, А. Н. Былинский, И. В. Шевандронова, Ю. А. Звёздкин, Ю. В. Гусев, В. Н. Чулович, П. Н. Богачёв, В. И. Инчин, А. Н. Суховецкий – все с высшим художественным образованием и, как правило, преподают в Суриковском, Репинском и др.]

15 декабря 1996 г. (воскресенье)

После пристального рассмотрения состава художников на Осенней выставке нашла в своей видеотеке А. Кириллова, И. Ларионова (буклет), Э. Вейдеманиса.

Вчера, 14 декабря, были в Малом зале ЦДЛ на вечере, где в первом отделении Александр Климов-Южин читал свои стихи (новые и из сборника «Сердце в мышеловке»). Мне понравилось «Кинешма» (очень понравилось !!! из новых)...

Во втором отделении выступала поэтесса, преподаватель рисования в художественной школе, автор эротического романа «Остров Лесбос» Ольга Добрицына. Стихи с надрывом, с постоянными повторениями – мне не близко, а Серёжа сказал, что она просто не знает, что это плохо.

Я вспомнила стихотворение Инны Кабыш про варенье. Это – моё.

С отзывом выступил Александр Смогул и ушёл пить водку в подвальчик ЦДЛ.

17 декабря 1996 г. (вторник)

Вчера, когда я часов в девять вечера пришла с работы домой, Серёжа сообщил, что звонил в секретариат СП Москвы и что он не прошёл.

Сегодня поехал за документами.

28 марта 1997 г. (пятница)

В четверг 27 марта Серёжа впервые ездил домой к Николаю Константиновичу Старшинову, который подарил ему свои две последние книги с дарственными надписями («Я с тобой говорю» – 1997 г., «Лица, лики и личины» – 1996 г.). Затем они ездили в магазин: забирали остатки тиража непроданного второго тома «Лиц, ликов и личин». Серёжа сказал, что дома у Н. К. такой

же творческий беспорядок (беспредел), как и у нас. И чтобы я не переживала.

26 марта (среда) вывезли из типографии тираж (500 экз.) книги «Сказания о праславянах». На этот раз очень аккуратно сделан: и краска ровно легла, и рамки не перекошены. В целом мы довольны. Теперь приятный период раздачи книг друзьям и знакомым.

Вчера на занятиях в Академии живописи я уже отметила её выход с однокурсниками, В. А. Кулаковым и С. А. Алимовым. Алимов назвал эту книгу дорогой для него, что у него дома таких немного. А Кулаков сказал, что у него уже целая библиотечка моего мужа.

Вчера же Сашу Аронова положили в больницу с ишемической болезнью сердца. У Серёжи «зависли» его лекарства, которые передала знакомая.

1 апреля 1997 г. (вторник)

31 марта А. Аронова выписали под расписку Тани (жены).

Серёжа в воскресенье созванивался со Старшиновым, чтобы поделиться своими свежими впечатлениями о его книгах. Сначала разговор был вялый, но после упоминания евтушенковской антологии «Строфы века» оживился. Я подарила её Серёже 29 марта, на день его рождения, и мы только накануне обсуждали и с интересом штудировали перечень, комментарии к интересующим нас авторам. И пришли к ряду выводов, в том числе – что Евтушенко делал памятник себе любимому на века, но памятник вышел не ему, а его ячеству. Комментарии, как правило, сводятся к «я и тот-то» (поэт)... Если так не получалось, то употреблялось всё что угодно, любой бред.

Ещё интереснее подбор поэтов: чем ближе к нам во времени, тем чуднее. Некоторые, не любившие Е. Е., не вошли. Но вошли нужные или родственники (отец). У вошедших, но не любимых Е. Е. выбраны не лучшие (если не худшие) стихи. А для значимости – каждому определённое количество страниц. И, конечно, себя любимого – по этому показателю – поставил на уровень между Цветаевой и Ахматовой. Ай да Е. Е.!!!

Во всём этом с нами оказался согласен и Н. К. Старшинов. Более того, он поделился с Серёжей планами об издании настоящей антологии силами Союза писателей России, вернее, его региональными частями, где кое-где есть деньги, и, если они все сбросятся, то может хватить.

Кстати, из этого разговора Серёжа понял, что членам некоторых отделений Союза писателей России платят по 300 т. р. Но у Московской организации Союза денег нет. А Сергей хочет туда.

Сегодня купила две книги: Борис Пастернак «Об искусстве» (12 т. р.) и «Очерки истории культуры славян» (34 т. р.) – на деньги от продажи других книг, в том числе о Верейском.

2 апреля 1997 г. (среда)

До обеда сижу дома, жду Андрея Апухтина с картинами. В субботу мы с ним договорились, что он подберёт и по частям привезёт работы для продажи. Но сначала устроим мини-выставку на вечере друзей 5 апреля, куда и его, конечно же, пригласили. Вечер без повода, т. к. все поводы прошли, когда не было денег (8 и 29 марта – наши дни рождения и выход книги «Сказания о праславянах»). В субботу деньги появились, 29

марта были у Серёжиных родителей в Бутове, и Серёжа получил подарки: 150 т. р. от родителей на джинсы и 100 \$ от его сестры Наташи. Вот и средства. Составили список приглашённых на 21 человек, меню (около 600 т. р.). В списке мои и его друзья (уже известно, что смогут Демидовы, Глинские, Щетинины, Фирова, Воробьёва, Шумянкoва; не смогут Сидорова и Даша Заводовская...) и, возможно, знакомые Серёжи: Коркия с женой и Черняк с сыном...

Почти у всех, кто будет, имеются этюды Апухтина – и им, и ему будет интересно пообщаться. Да и реклама Андрею в распродаже работ не помешает. Есть целый проект: на вырученные деньги купить краски, затем сделать авторские работы, с них – слайды у Сергея Бондаренко, а затем в типографии РАН – буклет работ Апухтина, а может, и выставку (всё зависит от собранных денег).

И ещё есть задумка. Серёжа сейчас помогает Галине Вячеславовне Рой (РИФ «РОЙ») в выпуске альманаха «Истоки» – вместо неожиданно ушедшего из-за ссоры с ней Анатолия Полякова. Уже подготовлен макет первого номера, об этом далее. А сейчас собираются материалы для второго выпуска. Андрей Шацков («великий якутский поэт» – так он в шутку назвал сам себя в музее Маяковского) как практический человек предложил обратиться к главе Московской области с письмом о материальной поддержке в издании второго номера. [И вообще А. Ш. считает «Истоки» рентабельным изданием при предоплате авторами стоимости экземпляров тиража. Мечтает создать, взяв в свои руки, акционерное общество закрытого типа. Мечтать-то он мечтает, да кто ему даст – ведь это любимое детище Г. В. Рой.] Так вот, в заготовке письма к Тяжлову я прочла об участии в этом сборнике «молодых талантливых

поэтов, прозаиков и художников Подмосковья» – словом, то, что подходит и к Апухтину. Но тут большое «но». Как может в «Истоках», в основном, текстовом сборнике, участвовать живописец (если он не график)? Значит, нужна художественная вещь (повесть, рассказ...) о нём. Кто? Такой же подмосковный литератор. Кто? И тут мы вспомнили о соседе Шагарова в Куровской – капитане в отставке – с его чудесными рассказами. Дать заказ от Апухтина и Шагарова + его рассказ и всё передать в «Истоки». Дело за связью с этим капитаном...

О книге «Сказания о праславянах». На книгу в 500 экз. ушло около 700 \$. Деньги были получены от продажи работ Апухтина и Шагарова с сентября 1996 г. по февраль 1997 г. и несколько моих – работы приобрели друзья и знакомые, а также знакомые друзей и знакомых.

1. Екатерина Николаевна Матюхина (кафедра И7 МИП, через Свету Довгер) – мой натюрморт «Пукини» (150 т. р.).
2. Сергей Демидов – апухтинский «Забор» (120 т.р.).
3. Ира Фирова – шагаровские «Берёзы» (70 т. р.).
- 4–5. Наташа – сестра Серёжи – Шагаров «Зима» (150 т. р.), а её сослуживица – мой этюд с самоваром «Чёрная и красная рябина» (150 т. р.).
6. Рац, семья (друзья Светы Довгер) – с явным удовольствием купили самые большие картины Апухтина: «Букет» (500 т. р.) и «Выпавший снег» (400 т. р.) – они есть у нас на фото – и ещё четыре этюда Апухтина (на 100 т. р.). Просили им позвонить, если появятся новые работы.
7. Света Довгер – большую картину Апухтина «Сосновый бор» (200 т. р.), много этюдов Апухтина

- и Шагарова (3 + 3 на 125 т. р.) и мою картину-натюрморт «Весна. Зелень с редиской и чесноком» (150 т. р.).
8. Роксана Павловна (зав. кафедры культурологии НГУ и Ак. финансов при прав. РФ) – этюд Апухтина (40 т. р.).
 9. Лена Федюхина – два этюда Шагарова (50 т. р.).
 10. Люся (кафедра И7 МИП, через Свету Довгер) – этюды Апухтина и Шагарова.
 11. Цепаяева (бывшая Серёжина сослуживица) – натюрморт Апухтина со стрекозой (100 т. р.).
 - 12–13. Надя Новикова – мой зимний натюрморт «Крынка...» (150 т. р.), её соседка – мои «Яблоки» (150 т. р.) и много этюдов Шагарова (6 × 25=150 т. р.) и Апухтина (7 × 25=175 т. р.).
[Всего: 115 \$ + 448 т. р.] и ещё
 14. её друзья – Шагаров «Луна на болоте» (100 т. р.).
 15. её друзья – Апухтин «Голубой снег» (300 т. р.).
 16. Галя Воробьёва и Выштынецкий – этюды Апухтина (125 + 130 т. р.).

Кроме того, этюды Апухтина подарили в типографии (где делали книгу – 4 шт.) и многим знакомым: Вадиму Черняку, Сергею Бондаренко, Владиславу Артёмову (журнал «Москва»), Татьяне Бек, Галине Рой, Николаю Старшинову... Работы очень интересные и, как нам кажется, эти люди их поймут и оценят. Это тоже какая-никакая реклама для Андрея Апухтина.

С согласия Андрея две работы («Осень» и «Розовый снег») подарили знакомым, помогающим ему с «трудом устройством».

Из 12 пачек книг, полученных в типографии (по 40 шт. в каждой), две пачки отдали Г. В. Рой, а одну – Апухтину, ведь там, на четвёртой странице обложки,

сведения о нём. Теперь раздаём друзьям, сотрудникам, знакомым и, конечно же, всем тем, кто принял участие в благотворительной распродаже. Думаю, что им будет приятно иметь и работу художника, и книгу.

О самой книге не знаю, что и сказать. Мы так долго её вынашивали, делали, что когда первый раз увидели (сигнальный экземпляр), то, если честно, немного расстроились. Хотелось и бумагу получше (хотя бы как заказывали), и обложку потвёрже (200 гр.). Но, подумав, успокоились – во всём есть свои плюсы и минусы.

Об Андрее, сыне. Еле сдал сессию (за первый семестр МИП). Математику. Помогала «тётя» Света Довгер. Она подружилась с Курнаковой (преподаватель математики): её сын учится с Андреем в одной группе, да и вообще она оказалась приятной женщиной с трудной судьбой. И Света не кривит душой, когда делится с ней нашими общими переживаниями. Андрей много раз сдавал всякие контрольные и экзамен. Сдал уже вне сессии и остался без стипендии. Кстати, физкультура, прогулянная им в первом семестре, тоже вышла за сессию, пока он делал рентгены, собирал справки, писал реферат о йогах. А ещё, сокращённый с работы от Родионова, остался без денег. Работать особенно не рвётся (не ищет), а от физической – отказывается, говорит, что его «квалификация» выше. Сидит у нас на шее. Вернее, у Сергея, т. к. моей зарплаты в 450 т. р. в месяц хватает только на моё питание. Деньги же за Серёжину квартиру идут на питание Андрея и на платежи за эту, нашу квартиру (около 160 т. р.). С января (после сокращения Андрея) мы были вынуждены отказаться от занятий теннисом, хотя Сергею с его травмой позвоночника они просто необходимы. Рассчитываем на лето – когда сменятся жильцы, и мы получим деньги,

а Андрей сдаст сессию (в июне) и пойдёт работать. Решили содержать его до окончания первого курса. В дальнейшем пусть решает сам, что и как.

Сбор 5 апреля 1997 г. (суббота)

Гости:

1. Демидовы – 1.
2. Бондаренко – «-».
3. Щетинины – 2.
4. Глинские – 2.
5. Черняк – 2.
6. Коркия – «-».
7. Любочка – 1.
8. Даша – «-».
9. Андрей, Оля – 2.
10. Фирова – 1.
11. Апухтин – 1.
12. Воробьёва – «-».
13. Ира (соседка) – 1.
14. Шумянкova – 2.
15. мы – 2.

Было: 17 человек.

Меню:

I. Питьё:

1. Вермут = $2 \text{ б.} \times 20,0 + 3 \text{ б.} \times 22,5 = 107,5$.
2. Водка = $4 \text{ б.} \times 16,5 = 66,0$.
3. Вода = $4 \text{ б.} \times 7,0 = 28,0$.
4. Боржоми = 14,0.

Итого: 215,5 т. р.

II. Еда:

Закуска.

1. Салат «оливье».
2. Салат «свёкла».
3. Салат «рыбный».
4. Крабовые палочки.
5. Красная рыба.
6. Салями.
7. Сыр.
8. Салат из салата.
9. Лечо, помидоры, огурцы, капуста...

Горячее.

10. Ножки.
11. Картошка.

III. Десерт.

1. Кофе, чай.
2. Конфеты – В. Г. Черняк.

Овощи.

1. Картошка – 5 кг + 5 кг = 20,0.
2. Морковь – 2 кг = 5,0.
3. Горошек – 0,3 = 3,0.
4. Огурцы сол. + св. – 2 кг + 1,5 кг = 12,2 + 4,9 = 17,1.
5. Колбаса вар., б/жира – 0,8 кг = 17,3.
6. Майонез – 10 пач. \times х 150 гр. = 16,0.
7. Свёкла – 2 кг = 5,0.
8. Орехи грецкие – 0,5 кг = 8,6.

9. Чеснок – 1-2 головки = 1,0.
10. Яйца – 15 шт. = 11,2.
11. Сайра (сельдь, лосось в нат. соку, масле) = 5,6.
12. Крабовые палочки – 2 пач. × 250 гр. = 14,0.
13. Красная рыба – 1 кг = 19,9.
14. Саломия – 1 кг = 20,0.
15. Сыр – 0,5 кг = 12,0.
16. Салат – 2 шт. × 12,0 = 24,0.
17. Ножки – 15 шт. ~ 2 кг × 26,0 = 52,0.
Итого: 251,7 т. р.

18. Кассеты для «Поляроида» – 2 шт. × 62,0 = 124,0.
19. Шпроты – 2 б. × 3,5 = 7,0.
20. Оливки (2 б.) и маслины (1 б.) = 19,4.
21. Кубики грибные = 3,5.
22. Сметана – 0,5 кг = 6,2.
23. Лечо – 2 б. × 5,5 = 11,0.
24. Яблоки = 3,5.
25. Хлеб = 9,0.

Итого: 183,6 т. р.

Всего: 650,8 т. р.

12 апреля 1997 г. (суббота)

Сбор друзей уже позади. Всё было очень сумбурно, особенно с неугомонным Демидовым («а некоторые уже картошку едят», «а у меня плохое фото вышло...»), да и Глинский очень «расслабился». Курящие уходили на кухню, где добавляли водочки.

Зато пообщались с Вадимом Григорьевичем Черняком (показывала работы Апухтина и свои), а также с девочками: Ирой Фировой (которая всё провозглашала

тост за творческую семью), Наташей Шумянковой (наконец подарила ей этюд «Картофельное поле»), Любочкой Прунтовой (она была расстроена, возможно, из-за мамы), Людмилой Глинской (обменялись: этюд «Ромашки» на браслет из бисера). Перед уходом Черняка подарили Лёше (его сыну) этюд Апухтина на выбор.

Вадим Григорьевич, рассматривая альбом с фотографиями работ, всё сокрушался, что нет слайдов. Я удивлялась – а зачем? Как потом мне объяснил Серёжа: со слайдов можно делать репродукции для журналов (в т. ч. «Сельская молодёжь», к которой Черняк имел отношение). Но я считаю, что ничего стоящего нет. Хотя В. Г., обратив внимание на «Церковь...» и «Колодец», поинтересовался «чем-нибудь ещё в этом духе».

Андрей Апухтин очень переживал каждое его упоминание (как он потом объяснял), сжимая под столом кулаки. Общался с Демидовым и др. И хотя он собирался вообще не пить, ребята спровоцировали его на три рюмки. С девочками было спокойнее и душевнее. Они были ближе к нашим планам и мыслям. Да и с Вадимом Григорьевичем было легче, чем со «старыми друзьями по МАДИ». Всех фотографировали на память – и отдельно, и вместе, и, в зависимости от активности, у всех оказалось от одной (Апухтин, Любочка) до трёх (Демидов) фотографий.

Демидов играл на гитаре (уже после просмотра фильма о нём в «Гнезде глухаря»), за которой Андрею (нашему) пришлось бежать к Паше Зеленцову в голубой дом. Немного попел и Андрей (наш). Все постепенно разошлись. Последняя группа «мадивцев» долго дискутировала о воспитании детей. Почему-то Демидов выяснял этот вопрос у нашего Андрея с Олей. Его оппонентом была Людмила Глинская (с самым большим опытом – две девочки).

Ещё приятным событием этого дня был приезд Вероники с поздравлениями к папе с днём рождения: подарок – деловая книжка-портмоне и конверт со стихами собственного сочинения. Серёжа был тронут необычайно, но отказался читать вслух, а показал только некоторым избранным, в т. ч. В. Г. Черняку. Конечно, это был удивительный и радостный сюрприз. Это дорогого стоит!

Андрей Апухтин у нас ночевал. Мы до двух ночи мыли и убрались, и потом все – не исключая Апухтина с его бессонницей – крепко спали.

А утром – звонок Володи Морозова (тоже «мадивец»), приехавшего по делам из Торжка. Серёжа уехал к Г. В. Рой, я – в больницу к Свете Довгер. По возвращении застала Морозова у нас + Щетинин, за беседой: воспоминаниями практик, сборов и мечтами вслух о будущей встрече в Торжке, куда мы давно обещали съездить летом. Разошлись в 4–5 часов вечера.

А вчера приехал из Турции Сергей Мозалёв («мадивец»), и будет встреча числа 16–17 апреля. Где? Скорее, у нас.

Каждый вечер рассматриваю картины Апухтина, пока они ещё на стенах, не куплены: «Закат», «Синий день», «Ясный день зимой», «Тишина» (на мешковине), «Проходной двор», «Дерево. Весной» и последняя, которую привёз сегодня, написанную с подаренных роз – «Букет роз» («Щетининско-глинский букет», или «Латиноамериканские розы»). Больше всего мне нравятся «Синий день» (хотя Андрей считает его замученным, грязным) и «Тишина». Все эти названия придуманы мной и условны – для обозначения картин, т. к. автор их никак не называет. Всех, кто хотел купить, обзвони-

ла, предупредила, но пока тихо, прошла одна неделя. Что с ними будет? Надеюсь, не пропадут зря.

Вчера с племянницей Танечкой ходила на суд. Рассмотрение её иска на алименты на сына и себя отложили до 14 апреля 1997 г. Это тянется с января. Как всё некрасиво и бесчеловечно. Ребёнок хорошенький, жизнерадостный, доверчивый. Ему надо хорошо питаться, матери тоже надо есть. А ведь бабушка Наташа в детском саду на ставке 370 т. р. при затратах на еду в Москве на одного человека – по данным «МК» – 450 т. р. Что же им делать? Даже просто человек не может не помочь, а тем более отец её ребёнка не имеет права устраняться от ответственности за их жизнь! Остаётся надеяться.

16 апреля 1997 г. (среда)

В воскресенье ездила к Светиной маме Екатерине Петровне за вещами для выписки Светы из больницы № 13. Е. П. лежала с приступом высокого давления. В понедельник Светочку выписали домой. Теперь всё позади.

Вчера заглянула в ЦДХ, ГТГ: выставка соискателей Государственной премии за 1996 год в области искусства. В субботу Апухтин сказал, что на ней в качестве соискателя присутствует Абакумов. Но, увы, не оказалось! А жаль, хотелось ещё раз взглянуть на его радужные работы. Там из живописцев представлены П. Оссовский и В. Сидоров, а также Ш. Бедоев (?) и И. Кислицын (?). Никто из них не произвёл впечатления, просто: «АХ!» [У О. – претенциозно, у С. – разбелёно, у

Бедоева – и то и другое, а у К. – вычурно и заумно. Все работы более «от головы», чем «от сердца».] Но графика Б. И. Жутовского – просто очень! Портреты, лица – от Хрущёва до Роста (?) – понравились, интересна сама техника (углём или соусом ?) на ватмане...

Из литераторов выдвинуты Рейн и Казакова...

Ещё раз зашла на выставку коллекции Костаки. Ранее нам с Леной Косяченко понравились «светлый пейзаж» и «графический лист» – это оказались К. С. Малевич «Пейзаж под Киевом» (1930 г., х. м.) и И. А. Пуни «Фонарь. Петроградская сторона» (1916–1919, б., тушь).

Из ЦДХ прошла через вернисаж «Под крышей», встретила художника О. Ерофеева. Стоит с хорошими натюрмортами («Кувшин, красная драпировка, жёлтые груши») и недописанными «Берёзками». Никто не покупает, а жаль – это единственная живопись на вернисаже. Подарила ему «Сказания». Бегло проглядел, вроде понравилось.

Во вторник, 15.04.97, Серёжа ходил с Г. В. Рой на обсуждение второй книги Н. К. Старшинова «Лики, лица и личины», изданной в РИФ «РОЙ». Инициатор – Сергей Михалков. Всё происходило в конференц-зале «Дома Ростовых», за столом с напитками разной крепости. Собрались уже пожилые литераторы: кто отметил-ся и ушёл, кто слушал, кто хорошо попил. Михалков выглядел почтенно и – лучше Юрия Пантелеймоновича, хотя папа Серёжи младше него.

О книге отзывались хорошо.

Затрагивался вопрос об «Антологии» Е. Евтушенко. Согласились с выводами Старшинова. С. Михалков предложил считать «Антологию» частным изданием.

Серёжа подарил четыре книги: один экз. – организатору (женщине), которая обещала Рой их периодически приглашать; один экз. – бывшему главному редактору «Нового мира» Владимиру Карпову; а два экз. – писателям из брянской писательской организации.

Сегодня Серёжа и А. Шацков собираются идти подавать рукописи на семинар (?) молодых литераторов (Серёжа понесёт «Книгу первую» и «Сказания о праславянах»), который хотят возобновить и проводить как раньше. Отобранных по результатам семинара будут рекомендовать для принятия в Союз писателей России.

19 апреля 1997 г. (суббота)

Серёжа ненадолго поехал к Сергею Мозалёву – повидаться и подарить «Сказания о праславянах» (С. М. приехал из Турции на пару недель).

На неделе он заезжал в СП Москвы и подарил «Сказания» секретарше. Она вспомнила его заявление в СП, но оставила всё, как говорила, до осени с пожеланием найти рекомендующих повесомее. Неужели всё как прежде? Нужен блат? Влиятельный покровитель? Неужели такие замечательные поэты как Александр Аронов и Татьяна Бек не заслуживают доверия?

С Андреем совсем плохо: в институте бывает редко. Чаще по вторникам (математика), в другие дни реже. Сегодня две физики – мимо! Дома не занимается. Зато много спит днём (до 15:00) и гуляет вечером и ночью с Олей, друзьями. Наверное, опять бросит институт. Не работает, не подрабатывает. Денег не даёт уже с фев-

раля. Решили с Серёжей терпеть до июня: окончит первый курс, а дальше – как хочет, но без нашей помощи. Если бы ещё вёл себя уважительно, а то получается, что Серёжа его кормит, я готовлю, оба мы всё покупаем, а приходится выслушивать грубости до хамства – это уже от молодого мужчины в 23 года!

Никогда не думала, что мой сын, знающий, как мне было тяжело растить его одной, когда вырастет, не будет помогать и сядет на шею... Одно утешает – что хоть не алкоголик и не буйный, как мой двоюродный брат Лёша. Конца всему этому не видно! Когда это кончится? Ведь мне уже 45 лет. Я хочу ещё заниматься живописью и рисунком, а вместо этого все деньги, сэкономленные на еде и одежде с обувью, вместо того чтобы пустить на краски – трачу на сына-переростка, который вырос потребителем. Понимает только «дай», и все ему должны. А он никому ничего не отдаёт – ни душевно, ни материально. Очень тяжёлый человек. Типичный эгоист.

В мои 23 года, в 1975-м, я уже два года жила без опеки и средств родителей, училась в институте на пятом курсе, имела сына с больными ногами (бегала по врачам, на массаж, гипсование левой ноги, спецобувь...), а муж, когда Андрею исполнилось десять месяцев, попал с гангренозным перитонитом в больницу, далее – повторные больницы, санатории! Но никогда у меня и в мыслях не было сидеть на шее у папы и мамы, ведь папа ещё помогал бабушке в деревне, ежемесячно посылая ей деньги, а летом по выходным возил продукты, давал деньги на дрова, ремонт крыши, забора, помогал, чем мог, физически. Имея перед глазами это, да ещё трогательную любовь мамы к далёкой бабушке в Хабаровске, которой тоже помогали деньгами, я за всю свою жизнь не повысила голоса на маму! И это нор-

мально, это никакая не заслуга, это человечески единственно возможно!

А от Андрея претерпела много (хотя всегда мечтала, чтобы он был моим защитником, а не нашла этого ни в ком, кроме Серёжи). Претерпела и крики, и кидание в меня телефоном, и пьяные сцены, хлопанье дверьми, ломание ногой платяного шкафа, попытку глотания таблеток («Склиф», милиция)... Но более всего – грубость в ответ на замечания и просто в разговоре, будто сверхчеловека отвлекает от важных дел букашка. Он так же относится и к Сергею, хотя живёт за его счёт (и еда, и квартплата). Короче, плюёт в колодец, из которого пьёт или рубит ветку, на которой сидит. Мечтаю – только бы дали квартиру для Андрея в 1999-м, по нашим чекам. И чтобы он съехал и не трепал нам нервы. А на чужих долго не поездишь! Жизнь его научит!

6 мая 1997 г. (вторник)

Сидим, смотрим «Хронику пикирующего бомбардировщика»: мальчик играет в самолёт из стульев. Серёжа вспомнил, как играл в домик из четырёх стульев и одеяла сверху.

29 апреля были с Серёжей на вернисаже персональной выставки моего преподавателя по живописи Вадима Алексеевича Кулакова. Серёжа долго искал около ЦДХ кассету Polaroid, а я слушала выступления солидных художников от Союзов: международного, России, Москвы... Сами картины понравились: всё рассматривала мазки, плотность, тональность, орнаментальность (особенно в натюрмортах)...

Схожу посмотреть работы В. А. ещё разок.

Наконец-то появились деньги за квартиру, и Серёжа выделил мне 50 \$ на краски, я купила всяких, мастихин и кисти (и ещё колготки к летнему сезону, а то тут в электричке обманули – подсунули в упаковке дрянь, даже до коленок не надеть). Теперь можно работать дома и в деревне.

1 мая были на кладбище: убрали могилу, посадили анютины глазки.

2–3 мая ездили в деревню. Погребли листья, обреза́ли вишни и сливы, кусты сирени и смородины. Немного покапали, посадили зелень. Прогулялись вдоль леса, посмотрели на апухтинский дом (действительно, у них нет земли). Встретили Андрея с Леной. Посмотрели избушку, что он собирается разбирать. Мы решили купить её и поставить в саду, если сможем.

Тут звонили, интересовались, где можно купить «Сказания». Это хорошо! В магазине «Гилея» уже 10 шт. продано, взяли ещё 5 шт.

Только что разговаривала по телефону с зам. декана ЗНУИ, она предложила участвовать в передаче о ЗНУИ по радио 101. Затем будут готовить отдельные передачи о художниках, если те будут дарить свои работы в их галерею. Я согласилась. Возможно, при рассказе об иллюстрациях к «Сказаниям» удастся сделать рекламу и для них.

По поводу проекта с буклетом Апухтина. В этом направлении: сегодня отвезла на продажу Наде Новиковой три его картины («Розы», «Опушка соснового леса», «Солнечная зима»). Остальные отвезём 9 мая.

7 мая 1997 г. (среда)

Сегодня ещё один удачный и насыщенный день. Где-то около 11:00 позвонил Андрей Таль и пригласил,

как обещал неделю назад, посмотреть свои работы. К 12:00 мы с Серёжей были у него на Шверника, 9/4, на восьмом этаже. Сели в два кресла, напротив старого мольберта. Андрей показывал работы, ставя их с большой аккуратностью и любовью: библейские мотивы (Вифлеем) – два варианта; Золотой век («ДНК» из очков и чёрного крыла, портрет деда с белыми и чёрными крыльями); сон; цикл «Барокко»; «Исход»; линогравюры; «стены Назарета»; «Портрет учителя» и многое другое, а также книгу о «бульдозерной выставке», журналы «Творчество» и «Художник». Договорились продолжить в следующий раз. На память Андрей подарил нам буклет с пожеланием встречи. Попрощавшись с ним и его мамой, разбежались: я – в ЗНУИ и на работу, а Сергей – в редакцию и типографию.

Удачный день и в том, что Серёжу взяли на семинар, который состоится ~ 19–20 мая. Они с Шацковым попали к Боброву, охарактеризованному Г. В. Рой как славянофилу со взрывным, неуравновешенным характером (или несдержанным, когда плохое настроение, и нормальным, когда всё хорошо). Мы в ожидании...

19 мая 1997 г. (понедельник)

Во вторник 13 мая ходили в Малый зал ЦДЛ на вечер Татьяны Бек в связи с выходом новой книги «Облака»... Зал был полон. Вёл мероприятие издатель «Облаков» Шаталов, относительно молодой, возраста Сергея, человек с серьгой. Ранее я не видела Т. Б., и у меня было представление о ней, как о сдержанной, сухой женщине. Но она оказалась приятной и умной, и при всей неправильности черт – очень обаятельной женщиной. Кто-то из выступавших назвал её женщи-

ной ахматовского плана, не только внешне, но и внутренне. Чёлка, прямые волосы, очки, чуть крупноватые нос и рот. Необыкновенно живые глаза и ум. Я залюбовалась её энергией, тактичностью. Так, в Большом зале начался параллельный вечер Эдуарда Радзинского, и его голос по динамикам перекрыл чтение первого стихотворения – Т. Б. пошутила, что трудно переговорить Э. Р., что он накануне звонил и сожалел о совпадении их выступлений, беспокоясь за отсутствие зрителей. И Т. Б. отметила, что им удалось «поделить» зрителей.

Первые тринадцать стихотворений Т. Б. читала из книги начала 90-х «Смешанный лес».

Потом выступили Евгений Рейн и Иван Клинг (мальчик лет 10). Задавали вопросы из зала: кто любимый поэт? В ответе Т. Б. сослалась, что читает по роду своей деятельности многих, но «добровольно» – Евгения Рейна, Александра Межирова, Олега Чухонцева, Александра Кушнера, Владимира Корнилова...

Александр Шаталов прочёл своё стихотворение начала 1980-х, посвящённое Т. Б.: «Звенят за окошком трамваи...»

Выступил и Алексей Алёхин (?) с тезисом: «Основное свойство каждого стихотворения – время и место». Сказал, что в стихах Т. Б. отражена история современника, как и в прозе Юрия Трифонова. С этим согласилась сама Т. Б., загадав тоже Трифонова.

Затем вышла Нина Краснова: в жилетке, красной рубашке из-под неё, брюках и с распущенными волосами. Несколько простоватый вид, школьный разбор стихов Т. Б. – всё смотрелось очень мило и искренне. Публика из зала интеллигентно хихикала, но это было лучшее выступление.

После неё Т. Б. читала последние стихи: 14 стихотворений – они, через одно, встречались аплодисмен-

тами. Лирика – любовная, но с мужским умом («Пригрезилось ли, было ли...», «Ночь, Таврида татарская...», «Дух бодрящий укрепила...», «Я любила тебя намного сильнее, чем надо...», «Мне в моём одиночестве...», «Храм, парящий над озером...», «Не думая о месте, и о...»...). И чем-то напомнившая мне стихи Сергея.

Завершил и всё смазал Альберт Краснов – это имя нарицательное всех графоманов, со своим посвящением «Зелёный шум».

По окончании Серёжа подошёл к Т. Б. за автографом. Она, увидев, узнала его и поздоровалась, хотя её обступили и другие зрители, не считая телевизионщиков. Серёжа подарил ей «Сказания», и я сфотографировала их, затем – Т. Б. с её студентами. Почти все разошлись. Мы ещё поздоровались с Ниной Красновой, обменялись книжками. Затем Серёжа передал привет от Г. В. Рой Александру Шаталову. Я также щёлкнула их вместе – нам на память и одного Шаталова – ему.

24 мая 1997 г. (суббота)

21–22 мая Серёжа участвовал в семинаре молодых литераторов при СП России.

Работало несколько семинаров. Сергей попал к самому жёсткому и нежелательному – Александру Александровичу Боброву с помощниками Геннадием Ивановым и Ларисой Барановой-Гонченко. Другие семинары вели Н. К. Старшинов и В. И. Фирсов, которому помогал Владислав Артёмов. В «нашем» семинаре принимали участие человек 15, в т. ч. и Шацков (которого предупредил о готовящемся мероприятии Сергей). Андрей постарше, но т. к. семинары не

проводились около десяти лет, возраст участников увеличили до 50. Пришли и Пётр Дегтярёв с Петром Катиным. Многих предупредила Г. В. Рой. Сергея заслушали в первый день. По привычке он, выступая со своим мнением о каждом, говорил о плохих стихах. Когда очередь дошла до него, руководители «отыгрались». Хотя и отметили оригинальность стихов, и что он живёт в литературе. Они не поняли «Сказаний» – что за жанр? Серёжа объяснял, что это на стыке жанров – повести в стихах. Кто-то почувствовал новизну темы и предположил желание автора застолбить её.

Обсудили человек семь. Сергею понравились стихи одной поэтессы, но не те, что она читала, а те, которые отметил рецензент в её первой книге.

Первый день Сергей закончил дома, отказавшись продолжать его с руководителями в кафе ЦДЛ. А. Ш. удачно просидел в нём допоздна...

Во второй день обсуждения продолжились. Результаты объявляли в 16:30. С 14:00 они сидели в кафе, пили водку. Сергея не назвали среди получивших рекомендацию в СП. Прошли Шацков и Катин.

Сейчас Серёжа немного успокоился. А Андрею Шацкову неудобно, и он пытается помочь Сергею...

30 мая 1997 г. (пятница)

Серёжу всё же включили в список дополнительного семинара Московской организации – к Цыбину. И вот – два дня, вчера и сегодня, – он туда ходил. Конечно, многое сделал Фирсов, благодаря которому Сергея опять стали прослушивать. Более того, его книги очень понравились, а «Сказания» были отмечены как образец оформления книги, изданной за свой счёт. Ему даже не

пришлось читать все отобранные стихи: из девяти он прочитал всего три, т. к. его хорошо представили – как имеющего «много» книг и публикаций.

Серёжу рекомендовали в СП! В понедельник отнесёт заполненные документы, и через три недели обещали «корочки».

В этом же заходе рекомендовали Петра Дегтярёва и Валеру Дударева, жену Юрия Лозы и других – всего 12 человек. В общей сложности, учитывая все семинары (включая прозаиков), рекомендации получили 72 человека.

11 июня 1997 г. (среда)

Вышел журнал «Москва» № 6 с подборкой стихов Сергея. Мы купили 20 экз. × 10 т. р. для друзей и знакомых. Уже отдали Валере Дудареву («Юность», «Витрина»), в РИФ «РОЙ»...

Вышли первые экземпляры «Истоков» – очень неплохо, и много знакомых имён. Правда, очень медленно брошюруют: в первую неделю – 4 экз., во вторую – 5 экз.

Сегодня разговаривала с Г. В. Рой по поводу использования студентов АЖ НГУ Н. Нестеровой в «Истоках» и других сборниках РИФ «РОЙ». Она предложила 1–2 п. л. (16–32 стр.) для графики, отобранной из показа в июне С. А. Алимовым. Безгоноратно, с предварительным выкупом экземпляров (за 1 п. л. – 50 экз. ~ по 15 т. р.). Алимов и Кабкова приветствуют. Осталось опросить студентов старших курсов [у наших: я и Толик – за, Лена и Саша – против, Артём – не знаю]. Поговорю ещё с референтом Н. Нестеровой

О. В. Колобовой, может, хотя бы часть оплатит университет.

6 июня ходили в театр Станиславского, что на Тверской, 23, на премьеру спектакля Евгения Казанцева, в главной роли – Максим Суханов (сын Татьяны, жены Александра Аронова). Играл здорово. Серёже понравилось второе действие – с перевоплощениями в раю, аду, чистилище. Я выбежала к сцене, когда все дарили цветы, и, вместе с тюльпанами передав «Сказания о праславянах», поздравила с премьерой и гос. премией. Татьяна взяла у нас программку, чтобы Максим оставил на память свой автограф. Сегодня по ТВ, в новостях, показывали вручение гос. премий – мелькнул Максим.

Надя Новикова помогла продать одну из семи картин и один этюд на сумму 250 т. р., которые мы отдали Апухтину в субботу 7 июня.

Строим мастерскую: уже лежат бетонные шпалы вместо фундамента и есть брёвна на обвязку – всё это благодаря Андрею Апухтину. Спасибо ему!

9 сентября 1997 г. (вторник)

Вот и осень. В воскресенье мы вернулись из Евпатории, где отдыхали с 19 августа. Пролетело и ещё одно лето.

Домик в деревне потихоньку строится. Серёжа на шпалах сделал обвязку из брёвен. Затем нашли местного мастера Геннадия, который должен был «распускать» остальные брёвна на пластины – для утеплённой комнаты. Да вышло, что и собирать стены, делать рамы и двери договорились с ним же – недорого, как своим.

А как он красиво работает топором, напевает, вымеряет верёвочкой, отбивает мелом, подрубают – со стороны кажется, что всё легко и просто! И если бы я не помогала Серёже делать обвязку – подпиливали и сбивали, – то, вероятно, так бы и думала. Надеемся, в следующем году сделаем терраску, пол, потолок, и – можно жить летом в деревне!

Это лето было тяжёлым по части отношений с моей сестрой Наташей: на выходные и в будни, с четверга до среды, к ним повадилась ездить Люся. В одной комнате тесно: я и Сергей, Танечка с Андреем, Наташа, да ещё Люся! В Наташиной комнатке во дворе Люся не ночует. Мы просили её хотя бы в выходные ночевать там или не приезжать. Она в ответ стала хамить – мол, вы меня не приглашали, я к тёте Наташе. А наша Наташа повела себя странно: стала нападать на Сергея. А потом Люся приказала Тане (хотя она была в комнате, а мы на терраске) собирать Андрея, который никак не засыпал, и они ушли к подруге, компаньонке Наты на предмет выпить, снявшей на лето дом на нашей улице.

И началась «война». Ната поделила утварь, при этом мамину забрала себе. Да и ради Бога – лишь бы жить спокойно! Я себя сразу почувствовала увереннее, теперь хоть знаю, что и где моё, и могу брать... Пожив июнь и июль, Ната увезла Таню с Андреем в Москву. И на этом прекратились все её «военные» действия – от показательных субботних хождений к компаньонке Наты с кастрюлями по улице (когда мы приезжали) до наигранной – в моём присутствии – сцены с криками: «Не приставай к моей дочери!» (когда дочь находилась на улице!), на что мне тут же взбрело в голову ответить тем же: «А зачем ты пристаёшь к моему мужу?»

Правда, возникло одно подозрение, основанное на совместном спанье Наты и обнажённой Люси, слёз Танечки...

Всё это их дело, но – без нас. Съехали и съехали!

Мы же ездили каждые выходные и приценивались к рамам, доскам, рубероиду, шиферу.

Побывали в гостях у Валеры в Давыдово!

Валера Щедрин – известный российский рекордсмен по пауэрлифтингу. Полтора года назад у него был инсульт. Сейчас восстанавливается, поняв, что калечил себя спортом, похудел со 150 кг примерно до 90 кг. Вегетарианец, верующий (старообрядец), лечится травами, соль не ест. Посмотрели документальный фильм о нём. Очень уважаем людьми. Его летом утвердили директором спортивного комплекса. К тому же Валера увлёкся живописью. Андрей Апухтин от него в восторге!

На работе смогла продать одну картину Апухтина «Розы» за 200 т. р. (обещали 250 т. р., но 50 т. р. заиграли). Андрей нам много помогает и с книгой, и с домом. Мы будем ему с денег за квартиру потихоньку давать на краски. Так, перед отъездом буквально впихнули (он отказывался) 300 т. р.

Окончила первый курс АЖ на все четвёрки (по живописи, рисунку, иллюстрации, композиции). За лето смогла подготовить две большие работы: «Мадай» по «Сказаниям о сколотах» и «К нам пришёл Александр Аронов», да ещё этюды из Евпатории (6 шт.).

Теперь о Евпатории. Говорят, что это лето – одно на 35 лет, такое холодное и дождливое. Но всё равно очень отвлеклись: я читала о Домье, а Серёжа – Илью

Эренбурга «Люди, годы, жизнь». И у него появились идеи о новой работе – стране «непуганых идиотов» (из Ильфа). Мы её называли Пофигения, с деньгами «фигами» и т. д. – составили целый перечень «правил» жизни в этой стране...

Ходили купаться на дикий пляж, за Майнаки, где я сделала два этюда. На пляже санатория «Прибой», с очень симпатичным дежурным, который до сих пор считает Москву своей столицей, я написала этюд «Бархатный сезон» – с Серёжей под ивой (читающим И. Эренбурга). Гуляли по старому городу, где много прелестных уголков: и татарские улочки без окон, и дом Дувана, и текие дервишей (которое с 1994 года несколько отреставрировали, и где мной написан одноимённый этюд), и, конечно, набережная Терешковой перед мечетью и собором Николая Угодника (жаль, что она вся была загромождена прилавками и от этого потеряла свой прежний облик).

Но гвоздём отдыха – 27 августа – была поездка в Чуфут-кале и Бахчисарай. Последний всё только портит – так перестроен, переделан. Но пещерный монастырь! Несколько жалких фото – это всё, что осталось от сказки. Хочется там побыть подольше. Может, ещё удастся туда попасть. Да и с хозяевами нам повезло: Лена Яковлева с сыном Павлом – доброжелательные и дружные. И ещё у них есть кошка Маруся – преданная хозяйке, но боящаяся Пашу и игнорирующая, вернее, избегающая нас.

В холодные дни со сплошной облачностью мы писали лодки у яхт-клуба, сидя в останках шашлычной, под навесом. Это место превратилось в помойку, где бомжи и алкаши чувствовали себя уютно, распивая портвейн и «отдыхая» на стойке. Нас же привлекала тень в солнечный день и крыша – в дождь. «Бомжатник» – так мы

его называли – стал нашим пристанищем на пять дней, пока я писала этюды с лодками и набережную. Сначала бомжи нас гоняли, затем стеснялись, потом привыкли и даже похвалили мою работу, идя на дело по продаже стиральной машинки «Малютка» (на бутылку), хотя уже пропили чемодан одного из них.

Мы питались овощами (рагу из кабачков, капусты, картошки + салат из помидоров) и арбузами с персиками. Всего (с дорогой в плацкарте, проживанием по 30 т. р. за двоих на 17 дней, питанием) истратили 400 \$.

Теперь с \$ вышли «по нулям», и нам представилась возможность пожить до 1 февраля 1998 года на свою зарплату. Попробуем.

Андрей ходит на второй курс. Не работает, но благодаря «тёте» Свете сдал математику на 4, а физику – в срок и получает стипендию в 250 т. р.

24 сентября 1997 г. (среда)

В 16:00 вечер Саши (так мы его зовём между собой) Аронова в «Библио-Глобусе». Утром я отработала свои четыре часа, чтобы туда попасть, и приехала с работы, а Серёжа – прямо из редакции. Мест было 18, люди стояли и сидели на столах. Вот некоторые заметки с этого вечера.

Первым выступил Владимир Александрович Шаров (прозаик, как представил его А. А.): «поэт Аронов похож на свои стихи...»

Вторым – Леонид Аронович Жуховицкий. «Я прочитал сегодняшнюю колонку «МК» и понял, что А. А. ещё не в маразме... А. А. – необычное явление в лите-

ратуре... Самый странный шестидесятник... Он сравним с Велимиром Хлебниковым, Николаем Глазковым, Иненом Мятлевым... Я всегда соблазнял девушек с помощью его стихов. Например, «Весёленькая история» (читает)... У А. А. останутся все стихи, у него нет «временок-общезитий» (из стихотворения Е. Евтушенко)...»

Третьим читал стихи А. Аронов...

Четвёртым – Виктор Наумович Гиленко. «Стихи Аронова актуальны и теперь (читает «Живи внутри мгновения...»)... Лучше хорошее говорить в лицо, в глаза, а не перед портретом... Я когда-то бывал на Б. Грузинской, где А. А. жил с папой, мамой и присутствующим здесь братом... Теперь дома нет (читает стихи: «О доме», «В гостях»)...

«А теперь я перехожу к следующим абзацам моих размышлений», – как говорил один из наших преподавателей. А. А. – отличный журналист. Его колонка – хитрость, продолжение стихов. Хорошо бы издать лучшие колонки отдельной книгой...

Об А. А. можно говорить целый день... Саша – солнечный человек, молодой, ещё «тёмный», а не седой, как я. Трудная жизнь не сломала его, как некоторых... У А. А. обострённое чувство совестливости... Он один из лучших поэтов, пишущих на русском языке...»

Пятым вновь читал стихи А. А. (среди них были стихи, посвящённые его отцу, который был вторым басом в духовом оркестре, и отцу Тани (жены), который был убит, кажется, в 1941-м)...

Включили магнитофон. На плёнке пели песни на стихи А. А. Исполнители – Слава Тищенко («Перетянул, перетерпел...») и Сергей Никитин («Если у вас нету тёти...»).

После музыкальной паузы Аронов продолжил чтение стихов...

По окончании стали фотографироваться на Polaroid:

1–4) Жуховицкий, Аронов, Гиленко.

5–6) Аронов, Ниточкин.

7–8) Аронов, Шацков.

9–10) Серёжа и Олег Асиновский.

19 октября 1997 г. (воскресенье)

Решила провести хронометраж звонков А. Аронова, чтобы показать «тесноту» общения.

Сегодня воскресенье, поэтому можно проследить весь день. У телефона Серёжа.

1 звонок в 11:00 (мы встали в 10:00 и сидели на кухне, завтракая овсяной кашей). Сообщил, что у него болят зубы [я подумала, что на нервной почве, перед завтрашним выступлением в «МК»].

2 звонок в 11:13 (мы там же). Сообщил, что звонил в редакцию «МК» и заказал машину на завтра к 16:00 – на вечер в «МК».

3 звонок в 13:20 (я сколачивала подрамники, Серёжа резал для них уголки из оргалита). Поинтересовался погодой на завтра, просил посмотреть по ТВ.

4 звонок в 13:22 (мы занимаемся тем же). Спросил, по какой программе ТВ смотреть ближайшие новости с погодой.

5 звонок в 13:37 (Серёжа ест жареный арахис, я делаю набросок с него). Сообщил, что по TV погоду не передают, а показывают «бутылочки» (?).

6 звонок в 14:21 (Сергей был у TV и смотрел погоду для Аронова, я убирала мусор от сбивания подрамников). Сообщил погоду, только что переданную по TV, далее рассказал, что его сегодня в «МК» уже отругали за частые звонки в справочную с уточнением погоды, про которую ему вчера подробно объяснили. И ещё: Таня пойдёт в магазин – покупать ему такие же красивые очки, как у неё, но если его 6–8 диоптрий не будет, то он наденет её (с 2–3 диоптриями – чтобы выступать завтра в актовом зале «МК» красивым).

7 звонок в 14:25 (Сергей не успел отойти от телефона, я уже приготовила холсты для натяжки на два подрамника – к триптиху об Аронове под названием «К нам пришёл Александр Аронов»). Обсудили, как кто читает. Вчера он слушал Михаила Козакова по пятому каналу (Ленинград, то бишь Санкт-Петербург), как он читал И. Бродского. Сказал, что Козаков выделяет каждое слово в стихотворении, и Бродского не слышно.

Обсудили, какие стихи будет читать завтра Саша, и то, что Таня как всегда будет ему помогать – суфлировать, если он что-то забудет (говорили минут 10–15). И вообще, он больше жениться не будет. Он был женат пять раз, на трёх женщинах.

8 звонок в 17:35 (мы обедали-ужинали на кухне). Сообщил, что Таня пошла гулять с собакой, и ему одиноко.

9 звонок в 18:00 (Серёжа мыл посуду после обеда-ужина, я пошла в комнату – проверить холсты на сухость после обработки желатином). [Трубку сняла я, и меня спросили о моём здоровье, то же сделала и я, затем крикнула Серёжу]. Сообщил, что выпил ещё одну

Август 1994 года, г. Евпатория

9 сентября 1995 года. На вернисаже выставки ЗНУИ «Дорога к храму», в церкви Фёдора Студита на ул. Герцена, д. 29 (первая выставка — работа Ирины верхняя справа)...

26 октября 1995 года

19 декабря 1995 года. С Александром Бухаровым в ЦДХ («Иришка, учись!»)...

5 апреля 1997 года. Среди «мадивцев» (выпускников МАДИ) с Владимиром Щетининым, Еленой Ваниной, Людмилой и Владимиром Глинскими, Сергеем Демидовым...

29 апреля 1997 года. С Сергеем Алимовым и Вадимом Кулаковым в ЦДХ...

Лето 1998 года, Ильинский погост. Андрей Апухтин...

10 апреля 1999 года. С Александром Фатюшиным, только что сыгравшим купца Самсона Силыча Большова в «Банкроте» (за кулисами Филиала театра имени Маяковского)...

23 ноября 1999 года. После презентации в ЦДЛ «Книги второй. Страны родной»...

1 марта 1998 года

1 марта 1998 года

14 декабря 1999 года, г. Варшава. В Варшавском университете...

15 декабря 1999 года, г. Краков. На Рождественском базаре (на дальнем плане «Сукенице»)...

16 декабря 1999 года, г. Сероцк (Польша). Вернисаж...

Январь 2000 года. С Любовью Кузьминичной, Любашей и Сергеем Смысловыми, а также с котом Чучей...

*21 июня 2000 года,
г. Дубна. 45-летие жур-
нала «Юность»...*

Сентябрь 2000 года, г. Туапсе

15 апреля 2001 года. С Вадимом и Владиславом Бесчеревных, Сергеем Мартовым (стоят), Татьяной Алексеевной и Юрием Пантелеймоновичем Телюк, пятимесячным Владиком и Вероникой Мартовыми...

30 мая 2001 года. С Ниной Борисовной, Татьяной Алексеевной и Юрием Пантелеймоновичем Телюк, Натальей Шумянской, Светланой Довгер и Ираидой Фировой на вернисаже V выставки Академии живописи университета Натальи Нестеровой в ЦДХ...

1 июля 2001 года. С Галиной Варламовой, Нонной Гавриловой Весник и Андреем Шацковым в «Малеевке»...

6 июля 2001 года. Со Светланой Довгер и Олегом Михайловичем Петровым...

2 августа 2001 года, г. Гданьск. С Валерием Дударевым...

*6 августа 2001 года, г. Гданьск. С Наталией Алеевой,
Аллой Большаковой, Лолой Звонарёвой
и Татьяной Хохловой...*

5 октября 2001 года. С Василием Ивановичем, Сергеем и Тamarой Блиновыми (дедушкой и родителями невесты) на свадьбе Тани и Андрея Волковых...

16 апреля 2002 года. Накануне переездов...

*2 мая 2002 года. С внуком Сашей (родился 17 апреля),
Таней и Андреем...*

11 мая 2002 года. С Ириной Ленниковой и Анатолием Кузнецовым (вверху) во время организованной университетом Натальи Нестеровой субботней прогулки на теплоходе «Николай Бауман»...

13 июня 2002 года. На персональной выставке Сергея Алимова в доме коллежского советника Г. А. Полибина в Долгом переулке (улица Бурденко, д. 23), по случаю вручения мэтру Государственной премии (внизу пятый слева – Александр Лазарев-старший)...

26 июня 2002 года. Перед защитой диплома...

*26 июня 2002 года.
После защиты...*

20 декабря 2002 года. На выставке «70 лет МСХ» в Манеже (у Ирининых работ «Домик деревне» и «Поутру»)...

*17 февраля 2003 года. С Лолой Звонарёвой
и Белой Риго...*

29 марта 2003 года

*9 мая 2003 года, Немчиновка.
С Александром (Аликом) Телю-
ком, Галиной Сенчевой и Та-
тьяной Алексеевной Телюк...*

15 мая 2003 года. С Евгением Весником (вверху слева) и Андреем Вознесенским в ЦДЛ...

Июль 2003 года, г. Гданьск (вверху: с Игорем Нагаевым (слева) и Александром Щупловым)...

18 августа 2003 года, Ильинский погост. С Владимиром Ивановичем Шумовым...

*22 августа 2003 года, Ильинский погост.
Мастерская в мансарде...*

2 сентября 2003 года. Дома...

31 декабря 2003 года. С Вадимом Черняком
в «Переделкино»...

21 января 2004 года. С Кириллом Ковальджи на пре-
зентации «Предначертания» (и 10-летию нашего венча-
ния) в ЦДЛ...

21 января 2004 года. Там же, поёт Виктор Попов, а Сергей Алимов, Вадим Черняк, Анатолий Кузнецов и Ирина Ленникова – слушают...

21 января 2004 года. Там же, с Вадимом Егоровым на фуршете по случаю презентации...

*16 июля 2004 года. С Натальей Рыбалтовской в НГУ
(внизу: Сергей Алимов, Наталья Нестерова и Елена Цы-
плакова — там же, на выдаче дипломов)...*

16 июля 2004 года. Во время и после (с Еленой Цыпловой) выдачи дипломов в университете Натальи Нестеровой...

8 августа 2004 года, Ильинский погост. Домик в деревне...

19 сентября 2004 года, Переделкино. В гостях у Александры и Льва Ивановых-Аннинских...

10 декабря 2004 года. С Риммой Казаковой в МСХ на Старосадском...

8 марта 2005 года. С Любовью Прунтовой в Кускове...

15 марта 2005 года. С Валерием Золотухиным в ЦДЛ...

2 августа 2005 года, г. Сопот. С Ренэ Герра...

*16 ноября 2006 года. С Сергеем Никитиным
в «Гнезде глухаря»...*

*8 декабря 2006 года. С Александром Сухановым
в «Гнезде глухаря»...*

28 декабря 2006 года. Снегурочка...

5 января 2007 года. С Ириной Фетисовой, Анатолием Кузнецовым, Ольгой Самовской и Ириной Ленниковой (новоселье в Ирининой мастерской)...

9 мая 2007 года. Штурман «ласточки»...

1 июля 2007 года, Правда. С Татьяной Алексеевной Телюк, Вадимом, Наталией, Борисом Семёновичем, Владиком и Юлией Семёновной Бесчеревных...

5 августа 2007 года, г. Сопот. С Ниной Перетякой, Татьяной Хохловой и Татьяной Пономарёвой...

15 сентября 2007 года, Лашино. С Клавдией Васильевной Поповой (урождённой Прунтовой) в день её 100-летия...

15 сентября 2007 года, Ильинский погост. Бабье лето...

*15 сентября 2007 года,
Ильинский погост...*

*10 октября 2007 года. Пе-
ред интервью по «Голосу
России»...*

16 октября 2007 года. Подготовка к фуршету...

16 октября 2007 года. С Василием Бубновым и Вадимом Кулаковым во время открытия персональной выставки в МСХ на Старосадском...

16 октября 2007 года. С внуком Сашей, Вадимом Егоровым (внизу слева) и Виктором Луниным на персональной выставке в МСХ на Старосадском...

*16 (вверху слева) и 20 октября 2007 года. Там же
(вверху справа – с Татьяной Сухановой у портрета её
мужа Александра Аронова)...*

24 ноября 2007 года. На выставке «75 лет МСХ» в Манеже (у своей работы «Дом на набережной»)...

30 ноября 2007 года. С Людмилой Глушковской и Татьяной Воронкиной в Культурном, научном и информационном центре Венгерской Республики...

*26 декабря 2007 года. С Лолой Звонарёвой и Ольгой Ку-
жеватовой на кафедре Академии живописи в университете
Натали Нестеровой («За 70-летие Анатолия Кузнецова!»)...*

9 марта 2008 года

24 марта 2008 года. С Инной Кабыш и Анной Гедымин в Минкульте по случаю Дня поэзии и выхода одноимённого ежегодного альманаха...

23 апреля 2008 года. С Олегом Хлебниковым, Александром Сахановым и Леонидом Жуховицким на поминках Вадима Черняка в ЦДЛ...

9 мая 2008 года, Ильинский погост

19 мая 2008 года. На выставке Аблиных на Кузнецком мосту, д. 20...

17 июня 2008 года, Ильинский погост. С Еленой и Сергеем Серебровыми...

20 июня 2008 года. С Марией Реформатской в Академии живописи университета Натальи Нестеровой...

9 июля 2008 года. С Анатолием Кузнецовым в его мастерской...

26 июля 2008 года, Жирошкино. С Сергеем Мозалёвым, Еленой Ваниной, Владимиром Щетининым и Галиной Мозалёвой (на даче у Мозалёвых)...

17 января 2009 года. С Александрой и Львом Ивановыми-Аннинскими на выставке «Московские монументалисты. XXI век» на Кузнецком Мосту, д. 20 (у Ириной работы «Прощание»)...

5 марта 2009 года. С Борисом Евсеевым в ЦДЛ...

30 мая 2009 года, Ильинский погост...

7 июля 2009 года. С Татьяной и Александром Хохловыми...

14 (вверху) и 24 августа 2009 года, Ильинский погост

1 сентября 2009 года. С внуком Сашей (первый раз в первый класс)...

1 января 2010 года, Правда. Новый год у Бесчеревных...

6 января 2010 года. С Анной Гедымин Рождество в «Переделкино»...

7 января 2010 года. В «Переделкино»...

7 января 2010 года. С Еленой Ваниной, Сергеем Мозалёвым и Владимиром Щетининым в «Переделкино»...

7 января 2010 года. С Галиной Мозалёвой в «Переделкино»...

10 января 2010 года. С внуком в мастерской при подготовке к выставке...

29 января 2010 года. После открытия выставки «Мир живописи и скульптуры» в ЦДХ (на фоне своих двух последних работ)...

10 марта 2010 года. Во время выписки...

31 марта 2010 года

*9 апреля 2010 года. С Сергеем Серебровым
на Нагорной...*

*17 апреля 2010 года. С Сашей и Татьяной Волковыми
(на восьмилетии внука)...*

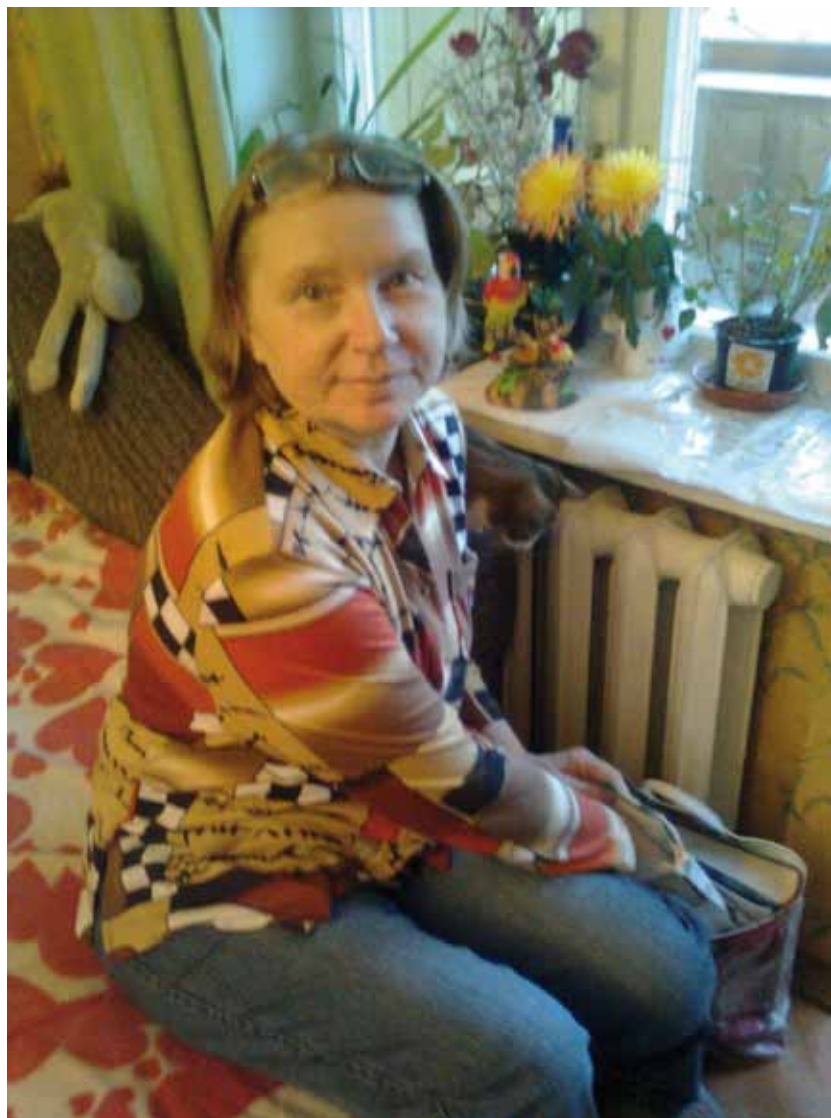
18 апреля 2010 года. С Ираидой Фировой в Кускове...

1 мая 2010 года, Ильинский погост

7 мая 2010 года, Ильинский погост

15 мая 2010 года

15 мая 2010 года

25 мая 2010 года, Ильинский погост

7 июня 2010 года. На работе: открытие очередной выставки в МСХ на Старосадском...

20 июня 2010 года. В Кускове...

*6 июля 2010 года. С Олегом Агринским:
послезавтра в деревню...*

12 июля 2010 года, Ильинский погост.
С Натальей Шумянковой...

12 июля 2010 года, Ильинский погост.
В саду (с Чусиком)...

15 июля 2010 года, Ильинский погост

таблетку аспирина. А Серёжа посоветовал для успокоения заваривать валериану. Саша сказал, что она у него есть в виде жидкости.

22 ноября 1997 г. (суббота)

Вчера Серёжа закончил «Сказочку». Правда, это не страна Пофигения, как мы её представляли себе в Евпатории, а что-то менее конкретное, зато более живое. Всего 50 строк. По совету Аронова он сжал вступительную часть, а остальное ему даже понравилось.

Серёжа периодически по телефону утешает Андрея Шацкого – «великого якутского поэта», «самого печатаемого в этом году поэта» (по его же собственным словам). Неплохой, добрый парень, но «испорченный» комсомольской работой, жаждущий быть на виду – сначала в трудовом коллективе, теперь в поэзии.

Серёжа всё пытается ему объяснить, что работа со словом – это такая же работа, как у любого другого человека, требующая терпеливого труда. Ведь не из всех инженеров выходят гении: радио – как Попов, атома – как Кюри и т. д. Так и не из всех поэтов вырастают Пушкины и Пастернаки. Надо получать удовольствие от самого процесса написания, а рассудит время. И то, что он печатался в газетах вроде «Железнодорожника» и даже в журнале «Москва» (познакомившись с зав. отделом поэзии Артёмовым через Серёжу), – это не успех. О заказных статьях вообще нечего говорить – ценно, когда люди сами находят что-то интересное, новое в твоих стихах и пишут об этом...

1 декабря у Шацкого будет день рождения. Даже в «МК», публикуя его стихи, Сергей Мнацаканян, перепутав, отметил, что 1 сентября у «сорокалетнего» Анд-

рея (хотя ему далеко за 40) был день рождения. Я давно не встречала такого «кокета» (от слова кокетка). Праздновать день рождения Андрей Шацков собирается в Малом зале ЦДЛ, на своём творческом вечере, с морем шампанского.

Конечно, поэты хотят, чтобы их стихи принимались на ура. Но у каждого поэта свой круг читателей, т. к. одним по вкусу одно, а другим – другое. Поэтому нельзя нравиться всем подряд.

Я забрала у Серёжи черновики «Сказочки», уже одна папка черновиков полна – будет интересно в старости покопаться в них.

Мой Андрей ленится с учёбой в институте, прогуливает. Что будет в сессию? Даже «тёте» Свете ответил резко, так, что она обиделась, повернулась и ушла. Мне стыдно за него. Если бы не «тётя» Света, Андрей бы уже не был студентом. Сможет ли она, если захочет, помочь ему в эту сессию?

У меня на работе непонятная обстановка после того, как муж Н. Нестеровой взялся наводить порядок в университете. Он считает, что все наши участки лишние: мой, Валентины Лукиничны Беловой и многих. Хочет нажимать кнопки на своём компьютере – и всё получать. Но кто будет загружать данные? Не думает. Серёжа меня успокаивает, чтобы я заранее не переживала: что будет – то будет.

В Академии живописи мы уже пишем двух натурщиц – Таню и Карину – сидящими вместе. Я решила не брать большой холст, а взяла 70×90, и всё разместилось удачно, даже практически за один день проложила мастихином все цвета. Мне понравилось заниматься под-

бором тонов, чтобы они сближались, сливались – получается интересно. Зато с рисунком – плохо.

24 ноября 1997 г. (понедельник)

Второй раз за триместр (с 1 октября) попала на рисунок. Женя Шахотько, ассистентка Кулакова, сегодня от меня не отходила, т. к. я слабее Лены и Саши (Толика не было). Надо много рисовать, что я и собираюсь делать.

Серёжа планирует в 1999 году издавать вторую книгу стихов. Есть уже 41 стихотворение (правда, два не хочет брать) и сказочка. И мне надо готовить рисунки, штук 6–10, в стиле обложки.

Сегодня Серёжа вдруг заговорил о современном русском языке. Дидуров считает, что безграмотный, упрощённый, «блин», язык – и есть новый русский язык. Серёжа возмущён. Человек ленится читать, работать над собой. Даже дикторы делают грубейшие ошибки. А уж литераторы должны любить язык, любить с ним работать, подбирать точные слова, а не что «ляжет».

Сплошные звонки Аронова. Готовится к вечеру в конце декабря. Зачем-то диктует Серёже список приглашённых. И постоянные вопросы и разговоры: сколько времени, какая погода, о планах на завтра и что идёт по телевизору; о том, что нет Тани или она пришла; об опечатках в «МК»; чтение новой колонки...

Серёжин папа в санатории, и Татьяна Алексеевна сейчас живёт одна. Серёжа стал чаще звонить маме по вечерам. Они очень нас поддержали деньгами – мы потратились на строительство в деревне, – дали два млн. рублей. И мы живём «припеваючи».

1 января 1998 г. (четверг)

(15:20) За это время (с 24 ноября) уже прошёл вечер Аронова – 14 декабря 1997 года в ЦД Журналиста. Вечер был необычный, стихи читали все, кроме Саши. Много – Таня (наизусть, с выражением). Пела. Я все выступления кратко законспектировала, только не записала то, что было «за рамками» вечера.

Мы решили не оставаться на банкет – там все свои, из Магистрала. Когда спускались по лестнице, встретили одного из литераторов, который будет издаваться в РИФ «РОЙ» в следующих «Истоках» (январь 1998), – Жана Григорьевича Гордина... С подачи Аронова он попал к Рой и в знак благодарности предложил А. Аронову транспорт для вечера. Чем тот не отказался воспользоваться. И вот Ж. Г. с женой – ждут после вечера (мы им составили компанию минут на 40). Я почувствовала себя неудобно за Сашу, особенно когда повеселевший Аронов проходил мимо – к столу.

На выходе мы увидели Сашу и Таню с цветами, сдившимися в «Волгу» с водителем. Я, испугавшись, что они могут уехать без Ж. Г., бросилась к ним и (о чём очень жалею) стала объяснять, мол, их ждут, а они уже уезжают. Потом выяснилось, что это машина Ж. Г., а я поспешила и погорячилась. Но вдруг мне расхотелось ходить на вечера Аронова. Вот так!

За это время Валеру Дударева в «Юности» назначили ответственным секретарём! У него с Серёжей много близких взглядов на поэзию, работу со словом: не шапкокозакидательство и мания величия, а – делать своё дело.

26 декабря Серёжа вместе с «командой» РИФ «РОЙ» ездил в Солнечногорск на творческий вечер поэта-инвалида, уже 32 года парализованного, Виктора Гаврилина. Собирались долго и нервно. Серёжа с Валерой Дударевым решили для веса пригласить ещё Нину Краснову и Римму Казакову. Но неожиданно Гаврилин, да и Рой, стали возражать. Виктор категорически просил придумать любой предлог, чтобы их не брать. Сначала мотивировал тем, что будут представители левых, красных литераторов – журнала «Наш современник» (Куняев, Бобров...), что может выйти эксцесс. Затем – что нет мест в автобусе и т. д. Закончилось тем, что Сергей и Валера хотели в знак солидарности с Риммой отказаться от поездки, т. к. Казакова и Краснова были уже готовы ехать.

Г. В. Рой сказала, что нельзя сдавать позиции фирмы, выпустившей книгу Виктора Гаврилина. И ехать надо всем: Сергею, Валере, Елене Николаевне, Лере.

Так и вышло. Поехали все, кроме самой Рой. Правда, надо отдать должное, Бобров прислал ТВ из программы «Подмосковье». Гвоздём были «Роевцы» – им первым дали слово. После затянувшегося вечера администрация города Солнечногорска, понимающая вес своего поэта, устроила ужин, где распоряжалась жена Виктора. Он даже выпил – жена ему вливала в рот и клала закуску. Сергей не успел как следует перекусить, т. к. дали обратный транспорт... Их довезли до «Речного вокзала». Я волновалась из-за слякоти, снега, дождя. Да ещё Аронов звонил Сергею и всё удивлялся, что его нет. С «Речного» Серёжа позвонил домой, что он в Москве. И я успокоилась.

Что ещё? У меня 24 декабря прошёл очередной, но в этот раз рабочий (без развески) просмотр в Академии

живописи. Представила два натюрморта, два портрета натурщиц (один двойной), композицию по живописи к Ветхому завету под названием «Ноев ковчег», рисунки с натурщиц, а также иллюстрации к «Пиковой даме». Всё не имеет значения, разве только «Ноев ковчег», который не дописан. Боюсь испортить то, что получилось, т. к. не знаю, хватит ли мастерства доделать. Всё оценили на 4, а «Ноя» – на 5.

У Андрея очередной завал зачётов перед сессией: химия, физика, математика и электротехника! Надеюсь на очередное чудо в образе «тёти» Светы и Олега Михайловича Петрова!

Перед Новым годом повидались с Серёжиными родителями – 29 декабря на дне рождения Юрия Пантелеймоновича. Но кроме нас никого не было. Татьяна Алексеевна задарила подарками: мне – две пары колготок, Сергею – тёплые спортивные брюки, Андрею – носки. И сумку продуктов: капуста, курица, лук, чеснок, облепиха, домашнее вино, икра чёрная!

Они себя стали в последнее время хуже чувствовать. Правда, Юрий Пантелеймонович занялся «дыханием йогов» и говорит, что ему помогает...

Ещё появилось новое дело. По звонку Андрея Таля (художника-соседа, с которым мы подружились в мае 1997 года) занялась переименованием улицы Шверника в улицу Высоцкого. История такова: сын барда выходил с инициативой в верхи о переименовании, аргументируя всё тем, что его отец жил здесь с 1962-го по 1976-й (Андрей Таль, занимаясь творчеством самостоятельно, чтобы не попасть под закон о тунеядстве, работал в то время почтальоном в нашем отделении связи и

даже в сопровождении двух КГБ-шников носил почту Владимиру Высоцкому в дом № 11, корп. 4, кв. 41). Однако Никите Высоцкому отказали из-за того, что инициатива должна исходить снизу.

В моём лице инициатива «снизу» почти сразу зашла в тупик:

- в «Академическом» округе главный архитектор Татьяна Фёдоровна Любимова сказала, что это компетенция комиссии по переименованию улиц Мэрии;

- в комиссии по переименованию улиц, куда я с трудом дозвонилась, меня отчитали за незнание законов РФ о том, что улицы не подлежат переименованию. На что А. Таль сказал, что это ложь!

После новогодних праздников поищу депутатов района, что посоветуют они.

Справка: в ул. Шверника была переименована ул. Телевидения в 1971 году. Николай Михайлович Шверник (1888–1970) – государственный и партийный деятель, Герой Соц. Труда. Занимал руководящие гос., парт. и профс. посты. Урна с прахом – в Кремле. Ул. Телевидения появилась в 1958 году в связи с предполагавшимся строительством телецентра, позднее перенесённым в Останкино.

~ с 7 декабря 1997 года, с увольнением (уходом) из Ак. живописи и Худ. гимназии Елены Георгиевны, её функции секретаря или администратора факультета Академии живописи передали мне (без оплаты), как я говорю – в качестве общественной нагрузки. И оказалось всё очень сложно: дела и бумаги запущены, план учёбы не выполняется, у студентов (которых всего-то 13 человек и два в ак. отпуске) задолженности за пре-

дыдущие trimestры, а некоторые вообще не посещают лекции... Придётся разбираться.

2 января 1998 г. (пятница)

Серёжа занимается продолжением «Сказаний» – Германарихом, пользуясь рукописью Иордана по изданию АН, что любезно принёс преподаватель нашего Университета историк Владимир Георгиевич Александров.

Я читаю мемуары Валентины Ходасевич (художницы, племянницы поэта). И вот кое-что интересное с профессиональной точки зрения.

Размышляя о встречах в Мюнхене с немецким живописцем бароном Гуго фон Хаберманном (1849–1929) где-то в 1910–1911 гг., Валентина Ходасевич пишет:

«... Про рисунки натурщиков и натурщиц сказал, что я решаю контур и светотень как две разные задачи и одно часто не соответствует другому, потому что я мало думаю о целом. Посоветовал попробовать выразить всё только линией или, наоборот, только светотенью.

... О моих чёрных контурах, которые я вводила в пейзаж, он сказал, что это трюк, и я им скрываю своё бессилие дать форму тоном, а не контуром. Вот и получается – раскрашенный рисунок.

... А многое так никогда и не пришло ко мне. Нужно уметь чувствовать, видеть и не видеть и точно понимать, что для чего, и заранее знать, что должно получиться. Правила имеются для грудного возраста, и лучше, если сможешь обойтись без них. Создавай для решения каждой задачи новые правила – свои собственные... Так я думаю теперь.

... Но как найти себя? ... Теперь думаю: надо очень много работать – и натолкнёшься на себя (если в тебе есть художник)».

Вот ещё, но уже не профессиональные наблюдения, а жизненные, мне очень близкие, хотя ей было 17 лет, а мне – 45:

«... А что же хорошего от моего многомесячного пребывания в этом дивном городе [Париже] – центре искусства? Основное: я окончательно чувствую, что, если выживу, буду художником. Другого пути для меня не может быть. Правда, никакого диплома у меня нет, а зачем он? Вместо него я знаю, что довольно много знаю и не пропаду! А диплом... его даст мне сама жизнь, когда и если он понадобится. А жизнь будет всегда учить: тукнет – и пожалуйста, ещё кое-чему научилась; тукнет – и опять что-то поняла, и так до сих пор».

Опять профессиональные выводы:

«... Творчески видеть, понимать, отбирать и осваивать интересующие тебя явления окружающего мира, уметь найти главное, а остальное отбросить, уметь увидеть и отобразить свои мысли и чувства, передать то, что хочется, рисунком, краской, композицией, а не копировать то, что физически видит ваш глаз, – вот что должен развивать в себе художник на протяжении всей жизни.

И нет конца поискам и экспериментам, а ведь это поиски себя и создание своего мира, в реальности которого, в случае таланта и удачи, ты можешь убедить и других людей...»

3 января 1998 г. (суббота)

Серёжа к циклу «Страна родная» дописал ещё два стихотворения.

Я продолжаю чтение Валентины Ходасевич. Вот советы Гончаровой, данные ею В. Х. в Париже:

«Никогда не надо насилловать себя и если не получается – оставить эту работу и начинать заново, на новом холсте. Через какое-то время посмотреть, и станет ясно, на чём споткнулся, а бывает, что и недооценил или показалось...»

31 января 1998 г. (суббота)

Время прошло бездарно – в суете с ведомостями студентов, табелями по оплате, учебными планами...

Что было живого?

Составила письмо по переименованию улицы Шверника на разные адреса: в Мосгордуму, Ю. М. Лужкову, в Прав. Москвы, в Комиссию по переименованию улиц, А. А. Вознесенскому (он выступил с заметкой в «МК»), в Союзы писателей (Москвы, России, Московского отделения СП России). Размножаем трафаретку для сбора подписей – всем, кто может помочь, хотя бы по 10, 20, 30 штук.

Андрей Таль готовит две творческие акции: одна – ассамблея (?) скульпторов на нашей улице – «7 нот – 7 скульптур»; другая – виртуальная улица Высоцкого в Манеже, с фото якобы переименованной улицы и т. д.

В АЖ (Академии живописи) мы готовимся к студенческой выставке 17 февраля – у меня, скорее всего, будет две работы: «Александр Аронов» и «Ноев ковчег». Хожу, подыскиваю обложки подешевле, хотя может, придётся покупать импортные, по 98 руб. за метр. Для графики готовлю паспарту, стёкла и рамы. Взяла в бух-

галтерии аванс 800 руб. И уже израсходовала: 124 руб. = 4 рамы + 4 стекла; 44 руб. = 2 листа картона для паспарту (~ 53 × 82). Всего: 168 руб. (пока).

Сегодня Серёжа прочитал мне первую строфу про Германариха. Хочется скорее узнать: что дальше? Затягивает (как он говорит).

Вчера звонил Саша Галуцкий. Скажем так, что его бизнес – искусство, точнее, выставки, экспозиции. Впервые Саша появился на нашем горизонте через Аронова с предложением партнёрства во владении галереей в Ахене. Мы поспрашивали кругом, но не нашли желающих. Второй раз (6.11.97) по его приглашению встретились в галерее «Варшавская», на вернисаже художника Николая Гусева (?), где ещё познакомились с Евг. Мих. Момотом и Лолитой.

И вот – третий раз: вчера Саша предложил участвовать в русско-немецкой выставке в Доме дружбы им. Гёте (на Ленинском проспекте). Да ещё привлечь кое-кого из знакомых художников. Я подумала об Андрее Апухтине, Андрее Тале, Лене Лебедевой, В. А. Кулакове, С. А. Алимове, даже Саше Бухарове. Но у меня самой работ мало, т. е. две выставочных – остальные студийные (учебные). Есть ещё месяц. Надо сделать!!! Можно Серёжу с Чучей, как я думала, или зиму из окна спальни...

Андрею 29 января уже 24 года. Ребята, его друзья – Шурик, Дима, Паша, Оля и её подруга – устроили ему праздник: варёную картошку с тушёнкой, солёными огурцами, вином и водкой. Подарили спортивный костюм и двухкассетник. Провозглашали тост за родителей, т. е. меня, говорили хорошие слова. Мы смогли

подарить 100 тыс. руб. (теперь, после деноминации – 100 р.), чтобы он сам себе что-либо купил или проел.

Серёжиной маме Татьяне Алексеевне исполнилось 70 лет! На юбилей, 21 января, Юрий Пантелеймонович даже сбежал из больницы (куда он попал после того как попарился – и пошла горлом кровь). Были Ната с Вадимом и Владиком, двоюродный брат с женой, друзья из Киева.

С 7 по 21 января у нас жил Сергей Смыслов из Евпатории (ему 36 лет). Приехал в Москву искать работу. Из-за не российского гражданства – не берут. Нашёл одно место в офисе по трубам с окладом 300 \$ (за комнату у Пустовитовских ему надо платить 130 \$ + еда + регистрация + дорога → мало остаётся семье). Но у них там работы вообще нет.

7 февраля 1998 г. (суббота)

В ночь с 5 на 6 февраля умер Николай Константинович Старшинов.

10 февраля 1998 г. (вторник)

Сергей был в Малом зале ЦДЛ на панихиде по Н. К. Старшинову. Затем отпевали в церкви и похоронили на Кунцевском кладбище.

Вчера беседовала с Сергеем Александровичем Алимовым. Начали с рисунков, моих иллюстраций к «Пиковой даме» А. С. Пушкина. Перекинулись со стилизации на неумение.

Рисунок «Лиза» неплохой, в духе Тышлера, но рука Лизы – как клешня. Нет техники! Сергей Александрович рассказал, что он знал Тышлера! Как-то раз Тышлер пригласил его с другом в ресторан, причём в любой, на выбор. А ещё Тышлер советовался с С. А. после того как пропали его абстрактные работы – стоит ли их повторно сделать с сохранившихся этюдов? С. А. ничего плохого в этом не видел и посоветовал.

С. А. очень образно рассказывает. Я пожалела, что он не пишет мемуары.

На выставке в ЦДХ Алимову хочется представить побольше студенческих работ по книжной графике, но мест ограничено: 100 на живопись и графику, на гимназию и Ак. живописи вместе взятых. Поэтому в первую очередь пойдут работы из альманаха «Истоки».

Вышел альманах «Истоки»! С иллюстрациями (в т. ч. моими) и стихами (в т. ч. Серёжиными, цикл «Страна родная»). Как раз к выставке! Вывезли из типографии первые 300 экз. к нам домой. Наших там – 90 экз. (24 – Н. Нестеровой, 23 – студентов, 43 – наши). Часть «наших» уйдут на подарки: Алимову, Кулакову, Бояринову в СП, друзьям и родственникам.

22 февраля 1998 г. (воскресенье)

Открытие выставки состоялось в среду 18 февраля. Но суeta началась раньше. В четверг 12 февраля обивала натюрморты рейками. У меня взяли пять работ живописи и две книжные иллюстрации. Из живописи – три натюрморта («зелёный», «с кувшинами», «с гипсовой головой») и две композиции («Ковчег» и «К нам пришёл Александр Аронов...»). Композиции я отдала в мастерскую, чтобы вставили в багет (вышло дорого –

950 руб.). А натюрморты обила рейками, часть которых поморила, часть – покрасила. Графику заключила в рамки, под стекло, в паспарту... В понедельник 16 февраля вместе с Серёжей две композиции и две графики сразу отвезли в ЦДХ. Серёжа уехал, а мы со студентами и Ел. Павл. Кабковой остались ждать, когда разгрузят машину со всеми работами из мастерской, и с 14:30 до 16:00 простояли в проходной служебного входа в ожидании грузового лифта. (На улице был мороз 22°!) Сами разгрузили, подняли, перетаскали. Во вторник 17 февраля Кулаков и Алимов составляли экспозицию из 43 работ (всего в зале № 13 – 135 работ, следовательно, из них детских – 92)...

Мы с Серёжей задержались у входа, ожидая Татьяну Суханову (жену Аронова), которая опоздала. В зале уже выступили Кабкова и Кулаков. Я дежурила у стола и не видела ничего – только слушала. Да ещё всё время общалась с друзьями и знакомыми. Мы их угостили джином с тоником (купив 20 баночек), затем фотографировались у моих работ на Polaroid, всем на память, и каждому подарили «Истоки». Валентин, знакомый Вики Рукиной, снимал на плёнку (надо переписать). Было суетно, все были возбуждённые. Когда основная масса разошлась, мы с дождавшимися окончания друзьями пошли домой, где и отметили открытие вернисажа. Светочка осталась у нас на ночёвку. Вот и всё.

Вчера звонила Наташа Шумянкova (Петрова), которая побывала с Людой Кузнецовой (тоже однокурсницей по МИЭМ) в ЦДХ. Особых впечатлений нет. Задала два странных вопроса: с какого расстояния смотреть мои работы и по какому принципу отбирали. Думаю, если бы ей понравилось, то она сказала бы.

Сегодня туда собирался Володя Теплицкий с Галей.

21 марта 1998 г. (суббота)

(~ 12:00) Серёжа занимается в большой комнате – хочет написать стихотворение для Владимира Ивановича Фирсова, который, после того как Сергей подарил ему ручку, написал ему хорошее стихотворение, посвящённое Сергею...

За последние год-два у Сергея изменилось отношение к старшим: и к родителям, и к профессиональным поэтам – стал более внимательным. А отсюда – стал больше их понимать. А когда понимаешь, то начинаешь и больше любить.

Серёжа удивился Г. В. Рой, которая не поняла ёрничества в «Сказочке» и просила убрать посвящение 81-й годовщине Вел. Окт. Соц. рев., считая, что «Сказочка» – шаг назад в его творчестве.

Сергей был обескуражен. Позвонил Аронову – прочитал ему. Но Саша сказал, что это движение вперёд, даже сравнил с Алексеем Толстым (Козьма Прутков).

Решив сделать подинамичнее первую часть, Серёжа выбросил из неё две строки, имеющие вводное значение. Я предложила в названии добавить слово «Дурацкая». Подумав и «посоветовавшись» с Ожеговым и Далем, он остановился на «Дуралейской сказочке». Так я вчера и перепечатала один лист в трёх экземплярах. Рой вечером (в телефонном разговоре) уже не возражала взять «Сказочку» для «Истоков», вместе с циклом «Страна родная».

Письмо о переименовании улицы Шверника в улицу Высоцкого по совету секретаря Союза литераторов ещё раз переделали – укоротили. Да и поддержку она

посоветовала ограничить Пен-клубом и семьёй Высоцкого. Теперь поставим свои подписи и – вперёд.

Я не пишу маслом уже два месяца и не рисую – застой. Отговорок много: бумаги по факультету + решилась на операцию + выставка. Сдала анализы. Плохая ЭКГ. Операцию откладывают. Будут лечить сердце (?!).

Сейчас поедem с Серёжей в музей на Делегатскую, 3. Там выставка ЗНУИ – четыре мои работы: портрет Сергея; первый вариант «Мадая»; март за окном; н-т с пластинкой. Три первые работы – до «академического» периода. Н-т – с первого курса АЖ.

В прошедшую субботу, 14 марта, ездили в Ильинский погост к Апухтину и плотнику Гене. Жена Гены не пустила нас к мужу и отказала в строительстве мастерской, т. к. Гена спивается.

С Андреем пошли к нашему соседу В. И. Шумову, который обещал помочь.

Пока мы были в мастерской Апухтина и любовались его новой манерой (гобеленной: портрет врача Саши, пейзажи, композиции...), В. И. узнал про материал. Через него мы договорились о продолжении строительства мастерской прямо с весны. 23 марта Серёжа поедет к новому плотнику поговорить о деле.

Андрей Апухтин стал писать прозрачно и пятнами – то более, то менее заметными, с просвечивающей фактурой грубого холста.

Много портретов и натюрмортов. А если пейзаж, то с фигурами людей, животных. Лицами. Сюжетные композиции, даже библейские.

Я прошу его привезти несколько работ для буклета, а он всё отвечает, что рано. Уговариваю – дескать, по-

ра, ведь с 1980-го 18 лет прошло... Отнекивается: «Зачем?» И продолжает делать халтуру для продажи...

С сестрой не общаемся с лета. Неожиданно на 8 марта был звонок с поздравлением. Что бы это значило? Неужели как с гуся вода? Без извинений, как будто ничего не случилось!

Я с большим наслаждением прочла воспоминания Ирины Одоевцевой «На берегах Сены» - о богеме начала XX века. Надо искать её же «На берегах Невы».

Это Ирина Игоревна Гейдель снабжает меня. Сейчас дочитала книгу Б. Носика «Анна и Амадей», которую И. И. подарила мне на день рождения – про любовь Ахматовой и Модильяни. Буду читать И. Бунина «Окаянные дни». Сколько я не знаю!

22 марта 1998 г. (воскресенье)

Вчера умерла Уланова...

10 апреля 1998 г. (пятница)

31 марта мне делали лапароскопию по удалению кисты правого яичника в 31 ГКБ. Всё было по Зощенко.

28 марта с 15:00 до 17:00 я сидела в приёмном покое с вещами на госпитализацию – якобы с разрывом кисты, якобы по «скорой» (за 100 руб.). Заняла место в 313 палате 2-й гинекологии. И я была такая не одна... Некоторые, заняв место, ушли ночевать домой...

29 марта – завтрак, часть обеда, без ужина + 2 клизмы, т. к., возможно, в понедельник – операция.

30 марта – не пить с утра до 15–16:00. Забегают различные врачи: две заведующие, два лечащих врача, ординаторы, сёстры. Все спрашивают: кто ты, с чем ты, когда поступила?

Говорят: не есть!.. Но не смогли. Сказали: завтра! Но не ужинать, утром – опять не пить! На завтра снова: кто вы, с чем вы, когда поступили? Ждите... В 15:00 можно кушать – сегодня ничего не выйдет. Через 15 минут бежит ординаторша: «Телюк? Не ели? На операцию!» С одеялом – на каталку, в коридор!

Ура! Поехали! Коридор – лифт – переход – лифт – операционная. Стол занят! Сажу на табурете, жду! Ложусь. Сергей Вячеславович Штыров: помогайте, надувайте, дышите!

Проснулась на каталке рядом со столом, где идёт следующая операция. Лифт не работал – не было света! Наконец – в палате. В среду – 1 апреля – отлёживалась.

2 апреля в 11:00 выписываюсь – встречает Серёжа! (с 200 \$, которые отдала со «Сказаниями» лечащему врачу.)

4 апреля с Сергеем снимали швы. Отдали три картины: две Апухтина и одну мою.

Ещё 22 марта были проездом из Крыма в Красноярск Павлик и Павел Галушко – с визитом вежливости на 1,5 часа. Обменялись подарками, сувенирами.

Перед 8 апреля Саша Аронов особенно нервничал – у него готовился вечер в театре-клубе «Русский дом». Диктовал фамилии и телефоны приглашённых, чтобы Сергей страховал.

Сергея не было, и Саша продиктовал мне своих детей (неродных – своих у него не было и нет)...

Я не смогла пойти в «Русский дом», т. к. была слаба, чтобы выдержать два вечера подряд. Выбрала 9-е, с выступлением Серёжи, который 8-го ходил один (среди выступавших были Виктор Берковский и Валентин Берестов, а ведущим – Леонид Жуховицкий)...

9 апреля. Первый вечер «Истоков» в Малом зале ЦДЛ.

Серёжа заезжал за книгами в редакцию и встречал гостей на «Баррикадной». Я ехала сама к 18:30. От нас были: Фирова, Вика с Людой, Андрей с Олей, Серёжина тётя Нина с подругами, Наталья Константиновна Рыбалтовская (главный бухгалтер НГУ) с мужем. Видела Володю Цапина и Володю Щетинина с Леной.

Серёжа сидел в президиуме с Ниной Красновой, Володей Райбергом, Валерой Дударевым, Андреем Шацковым. За отдельным столиком – Галина Вячеславовна Рой, она же вела вечер.

Помянули Николая Старшинова как одного из основателей и членов редколлегии «Истоков».

Начало: под аккомпонимент-фонограмму пел Анатолий Шамардин в «лучшем» стиле советской эстрады. Целых три песни. Опоздавшая Фирова, заглянув в зал и увидев его, решила, что не туда попала.

Далее шло чудесно: Краснова, Исаева, Кабыш, Телюк, Дударев... – сильная часть.

Лена Исаева искала место (её подруга заняла его у окна, откуда далеко выходить), и я позвала её к себе. Она села рядом, сказав: «А я вас не помню...» Я представилась женой Сергея Телюка, что хожу на все вечера с ним. Пока сидели рядом, показала «Истоки»: «голубые» и «розовые». Она просила достать ей по экземпляру. Я обещала – в перерыве или в конце. Но Лена выступила в первых рядах и ушла в середине

вечера. Я только успела снять её на Polaroid, но вышло плохо – темно, одно размытое пятно вместо лица и два плеча (слева Добрынина – синее, справа Кабыш – красное). Фото отдала ей...

Передо мной сидела Аня Гедымин, опоздавшая к началу. Очень волновалась, что её долго не вызывали. Я была не в курсе программы и написала Рой записку, что Аня в зале, волнуется. Рой покивала головой и после бардов объявила её...

Мне понравились те, о ком Серёжа больше всего хлопотал (я, кажется, начинаю слышать стихи).

Лена Исаева. Читала спокойно, меланхолично. Стихи в основном грустные, рассудочные. Запомнилось «Меня не любили поэты... Меня инженеры любили, биологи, моряки». Читала наизусть, тихо, ровно. Сказала, что нет весёлых стихов.

Андрей Добрынин. Читал и маньеристские, и лирические стихи. Зал живо реагировал: хмыкал, смеялся. У Андрея уже большой опыт выступлений. И, как он сказал Серёже, есть стихи для выступлений, а есть – для чтения «глазами» (личные, лирические). Запомнились про корейца...

Нина Краснова. Рассказала о Солоухине и Старшинове – как об учителях. Прочла стихи (что в «Источках»), свои упражнения в словах (как у Вознесенского). Я сначала её не узнала без красной рубахи, жилетки, брюк и шали. Но причёска та же: чистые распущенные волосы. Простая, немного грубоватая.

Кстати, Андрея Добрынина я также не узнала, хотя у нас в альбоме есть его фото вместе с Серёжей, где он в смокинге, с «бабочкой». В жизни он крупнее и колоритнее.

Инна Кабыш. Читала наступательно. Начала со стиха «Кто варит варенье в июле...» В красной блузке, с

гладкой причёской и рыжей чёлкой (длинные пряди). Все дружно хлопали. Утончённая, интеллигентная.

Аня Гедымин. Маленькая. Живая. Подвижная, как мартышка. Но красива. Нервное, утончённое лицо, всё время в чувстве. Реагировала на аплодисменты: «Буду долго читать, если будете так хлопать». Читала про «Париж, чуть вверх и вправо...» Очень женственно, образно.

Всех их Серёжа уговаривал читать больше. Они, по его мнению, основа всего остального. Это уже сложившиеся поэты.

Далее.

Серёжа. Очень хорошо читал. Энергично. С озорством. Не монотонно. Выглядел нестандартно и симпатично. Чувствовалось «мужское начало». Меня взволновало. Я влюбляюсь в него опять и опять.

Читал из цикла «Страна родная» и два лирических. Закончил словами: «... но хочется снова и снова». Хлопали. Приняли хорошо. Зал реагировал: хмыкал и смеялся.

Андрей Шацков. Боялись (я и Серёжа), что он будет «тянуть одеяло на себя». Вышло в меру: то ли слова Серёжи повлияли на него, то ли осознал силу «обоймы». Хотя многие его упоминали (особенно барды, которые пели песни на его стихи)! Был с подругой. Одет строго: в чёрном костюме, белой рубашке, но в водолазке. Читал немного. Вышло нормально, но в конце всё испортил: устроил фуршет с шампанским для своих друзей (человек 10) и желающих. Рой и мы не участвовали.

Сегодня Серёжа получил выговор от ЦДЛ за фуршет без разрешения! И предупреждение, что подумают

о дальнейшем... Это после стольких усилий Сергея по «выбиванию» зала!

Серёжа расстроен.

Кстати, мы с Серёжей предложили Рой давать отчёты о вечерах в номерах «Истоков», с упоминанием выступавших, присутствующих гостей и т. д. Сказала – подумает.

Володя Райберг. На удивление удачно вписался в вечер, с шутками. Упомянул, что в «Истоки» его привёл Серёжа, а Рой «уматерила» (на что Рой обмолвилась: «Но не обматерила», – а Володя добавил: «А было за что...»). Спел романс про яблоки; закончил эффектно песней «7:40». Хлопали. Понравился Андрею (моему сыну).

Виктор Попов. Певца из театра Камбуровой запомнила на прошлом вечере. Пел про Баха, закончил повеселее: «Любите друг друга». Рыжий. Ира Фирова купила его кассеты, надо будет попросить послушать.

Катюша Сполитак. Нечего в 10 лет выступать в ЦДЛ. Не искренне. Выдрессирована папой: движения, интонации. Плохое пение (нет слуха). Единственное, что – ребёнок. Ну и выступать надо с детьми. Мне не понравилось.

Это самое яркое из запомнившегося на вечере. Другое хуже и не интересно.

12 апреля 1998 г. (воскресенье)

Вчера был сбор Серёжиных друзей: Володя Щетинин с Леной, Людмила и Володя Глинские, Сергей Демидов, Сергей Смыслов (мой троюродный брат из Евпатории), Андрей с Олей, Серёжа и я.

С 15:30 до 23:00 сидели за столом, курили на кухне. Андрей и Демидов пели. Все говорили. Ели и пили.

Сегодня Серёжа уже обговаривал с Рой вечер 12 мая в Большом зале ЦДЛ. Собирают основной состав: Исаеву, Кабыш, Гедымин, Рожкову, Телюка, Шацкова, Дударева. Пригласили барда Вадима Егорова, который дал согласие и др. Рой почему-то не хочет приглашать Климова-Южина.

В пятницу Аронов звонил Берестову. Валентину Дмитриевичу было плохо – он задыхался. Приехал врач. Отвезли в больницу. Аронов переживает, что это всё из-за его вечера 8 апреля...

Очень тяжело с Ароновым. В пятницу и субботу он звонил особенно часто. Сергей то мыл полы, то чистил ковёр и палас на полу, то ходил по магазинам (готовились к вечеру). Я же на кухне варила овощи, резала салаты и разговаривала с Сашей. Аронов был очень раздражён, что Серёжа занят, ворчал, что ему самому нечем заняться, что у него нет мацы (в субботу еврейская пасха). Довёл меня до того, что, когда вернулся из магазинов Серёжа и зазвонил телефон, я наотрез отказалась брать трубку (раз Сергей уже дома).

Болит низ живота, пупок. Быстрее бы всё заживало! Из меня сильно льёт и раньше на неделю!

19 апреля 1998 г. (воскресенье)

Сегодня светлый день Воскресения! Пасха! Поедем к Серёжиным родителям в Бутово с маленькими сувенирами: крашеными яйцами и книгами. Книги по ин-

тересам: Веронике – с автографом Анны Гедымин (который взял Серёжа 9 апреля, на вечере в ЦДЛ); остальным детям – просто детское; женщинам – женские романы; мужчинам – философское; родителям – мемуарное.

На прошедшей неделе, в среду, умер Валентин Берестов. Аронов назвал его своим учителем. Серёжа вчера, в субботу, был на панихиде в ЦДЛ вместе с Андреем Шацковым и Сашей Климовым-Южиным. Затем зашли в кафе помянуть...

Берестова я видела на ароновских вечерах, где он то выступал, то вёл их. Жаль, что я не успела сфотографировать его: боялась быть навязчивой, думала, что вот познакомимся поближе, тогда... Но «тогда» не случилось.

Последнее время В. Б. плохо себя чувствовал и не бывал на вечерах Аронова, а 8 апреля – когда я не смогла пойти с Сергеем – пришёл.

Ему 1 апреля исполнилось 70 лет. Аронов всё подталкивал Серёжу позвонить, поздравить. Но Аронов не знал точной даты рождения, и Серёжа не посмел звонить наобум, т. к. не в таких близких отношениях.

Саша Аронов звонил в пятницу и встревоженно сообщил, что В. Б. плохо и чтобы Серёжа позвонил ему, что у него врач, а жена так волнуется, что назвала Сашу Борей...

Но опять-таки, когда человеку плохо и рядом врач, беспокоить просто бесцеремонно! Затем Саша сообщил, что В. Б. забрали в больницу, и ему в воскресенье вроде бы стало лучше. Но вдруг в среду Серёжа звонит мне на работу после 15:00 и сообщает (узнав от Аронова), что Берестов умер.

И сразу нахлынуло сожаление, что не сблизились с таким интересным человеком, не узнали его мир! Он производил доброе и прекраснодушное впечатление. Но около него всегда было много молодёжи, и не хотелось навязываться (хотя Серёжа успел подарить ему «Истоки» и «Сказания», но не узнал его реакции).

Вчера был Мозалёв, приехавший на неделю из Турции. Зашли и Щетинин с Леной. Попили пиво. Сергей Мозалёв порассказал о своей жизни: встаёт в 5–6 утра! Иногда бегает! На работе с 7:00 до 19:00, порядка 12 часов. Дома ~ в 20:00 ужинает с Галей и сыном. Сына – спать, а сами смотрят видео (наши фильмы). Вовсю общается по Интернету с дочкой Светой, оставшейся в Москве (когда она приезжает из института на работу и подключает свой компьютер).

11 мая 1998 г. (понедельник – выходной)

Самое яркое впечатление от прошедших дней (с 19 апреля).

9 мая отложили отъезд в деревню на вечер, чтобы попасть на выставку Александра Тышлера (она до 10 апреля). И не пожалели.

В кассе, кроме билетов, купили каталог «Александр Тышлер и мир его фантазий» и буклеты, Веронике и себе.

Оказалось, что его жена – искусствовед Флора Яковлевна Сыркина – уже пришла. Я захватила с собой, на всякий случай, фото его предполагаемой работы. На втором этаже все залы полностью были заняты юбилейной выставкой, т. к. А. Т. исполнилось бы 100 лет.

Мы не успели начать осмотр, как вышла Флора Яковлевна и поинтересовалась, кто её спрашивал. Мы с Серёжей представились: Серёжа – как поэт, работник РИФ «РОИ», я – как студентка Академии живописи. Она поинтересовалась, что я изучаю, какой вид. Я уточнила – живопись. Ф. Я. рассказала, что на западе (и она слышала, что в Америке) в любом возрасте принимают учиться. Что одна женщина поступила там в 83 года! – Я уточнила, что мне 46, и что я на II курсе.

Флора Яковлевна мне очень понравилась: по человечески, внимательно, терпеливо выслушивала нашу болтовню, с небольшой, почему-то усталой улыбкой. Я сразу выпалила, что у нас есть работа, предположительно Тышлера, и показала фото. Я думала, что это произведёт впечатление, но ошиблась. Совершенно спокойно, без любопытства Ф. Я. взяла плохой снимок Polaroid, подошла к окну, где светлее, сказала: «Это маловероятно. Сейчас много подделок». Но что она готова взглянуть, хоть завтра. Мне пришлось объяснять, что нас завтра в Москве не будет, но 11 и позже могли бы. В ответ Ф. Я. очень неопределённо сказала, что будет занята разбором выставки. И опять решение об экспертизе повисло...

Зато Ф. Я. оживилась, что может нам рассказать об Александре Тышлере, если мы, конечно, хотим. Мы, переглянувшись, согласились. [Утром, не рассчитывая на длительную экскурсию, мы планировали в 14:50 уехать в Ильинский погост.] Я только очень жалела (в который раз), что нет диктофона.

Ф. Я. спросила, видели ли мы фильм об А. Т., и что в 12:00 он будет здесь демонстрироваться в полном объёме. Я обрадовалась, что не только видели, но и записали... Вдруг Ф. Я. возмутилась, что это незаконно. Я попыталась успокоить её, что это мы для себя (хотя по-

чему нельзя писать с TV?). Ф. Я. спросила: с чего начать рассказ? В первом зале – театральные работы... С них и начали. Я поняла, что это будет долго, т. к. Ф. Я. рассказывала о каждом экспонате подробно, сообщив, что готовит «толстую» книгу, монографию, и если всё сложится благополучно, то будет искать спонсора, издателя. Остаётся надеяться, что в будущей книге Ф. Я. вернётся к тем фактам, что она нам успела рассказать. Я, слушая её, ругала себя за плохую память и, пытаясь запомнить хоть что-то самое яркое, понимала безнадёжность своего желания.

Ф. Я. – небольшого роста (я смотрела вниз и ощущала себя гигантом рядом с этой изящной и кокетничающей своим возрастом женщиной, называвшей нас «дети мои»). Ей никак не подходит слово «бабушка», а тем более «старушка», скорее женщина в возрасте, т. к. с годами не потеряла обаяния и шарма. Кокетливое жабо-рюша (что-то синее, красное) при строгом тёмном костюме и обязательная сумочка под мышкой, безукоризненная укладка и весенняя розовая помада. Очень внимательные глаза – как будто она ими слушает, возможно, читает тебя: кто ты, что ты? Возраст может быть и 65, и 75, и 85. Не задавалась целью уточнить. Говорит не торопясь, с достоинством, без слов-паразитов, но не заумным искусствоведческим, а доступным языком.

Ф. Я. начала с рассказа о работе над Шекспиром: «Король Лир», «Ричард III». Промелькнули эскизы и к «Чапаеву», и в молдавском театре. Всё объяснялось до мелочей, и даже указывались ошибки в макетах декораций...

Сначала мы слушали вдвоём, затем подошли ещё две девушки, затем женщина, затем ещё, ещё... И в 12:00 нас прервали – пора смотреть фильм. Все пере-

шли в небольшой зал, а Ф. Я. обещала продолжить позже. Ведь она объявила ещё в самом начале: «Я пришла сюда специально, чтобы вам всем всё рассказать!»

После фильма мы нашли её в третьем зале на банкетке с, как мы его условно окрестили, «журналистом». Он что-то писал в блокнот, задавал умные вопросы, уточнял даты, фамилии и т. д. Но где диктофон? – Это вряд ли журналист, или – очень несовременный журналист.

Мы успели осмотреть всю выставку, около шести залов. Вернуться, ещё раз осмотреть и посидеть на банкеточке.

Время поджимало (мы опаздывали уже и на вечернюю электричку). Я решилась прервать «интервью», т. к. просто уйти было обидно, хотелось поблагодарить, взять автограф. Я считала, что мы правы, т. к. были первыми...

Серёжа выпросил ручку у дежурной зала (нашу забыли в сумке в камере хранения), и я, решительно извинившись, подошла к Ф. Я.

Ф. Я. спокойно переключилась на автографы, спросив, кому подписывать. Я назвала «дочку» Веронику Телюк, а затем нам с Серёжей.

Надписи были такие:

- 1) «Веронике Телюк на добрую память от автора. Ф. Сыркина. 9.V.98»,
- 2) «Ирине и Серёже Телюк на память о Тышлере. Ф. Сыркина. 9.V.98».

Отдельно запомнился рассказ о сдаче спектакля по Шекспиру, где на просмотре чиновник, похвалив актёров, сказал, что декорации никуда не годятся. На что А. Тышлер ответил: «Я вам не верю. Человек, носящий такой галстук, не может разбираться в искусстве».

Мы с Серёжей пришли к выводу, что эти слова могут стать крылатыми!

5 мая я побывала в ЦДХ, зал 46а (?), на юбилейной выставке Сергея Алимова – 60 лет.

В среду, увидев С. Алимова на занятиях, поздравила с днём рождения и подарила ему вдогонку ко второму тому Н. Старшинова – первый том, а также воспоминания жены Верейского.

Увидев книгу Старшинова, Алимов заулыбался: «Я так хохотал, читая его второй том!» На что В. А. Кулаков заметил: «А у меня нет такой!» И я пообещала, что и В. А. на день рождения (14 мая) подарю две книги Н. Старшинова.

Полная книга Старшинова из трёх частей вышла в 1998 г. в «Молодой гвардии». Хотим найти и купить.

В апреле Вадим Алексеевич Кулаков перенёс тяжёлую операцию на сердце – вживили «реаниматор», запускатель сердца при его остановке. Достаточно быстро, за неделю, В. А. встал на ноги и выписался к 1 мая, а 5 мая первый раз пришёл на занятия – ещё бледный, слабый, но с жадными до студенческих работ глазами. Я, Нина, Лена и Арчил сидели за мольбертами, когда В. А. тихо вошёл и поздоровался глухим голосом. Сумка через плечо, знакомый пиджак, модная теперь «небритая» борода. Сильно поседевший, осунувшийся лицом.

Стал суетливо ходить меж мольбертов с постоянным подтруниванием над собой и осторожными, наводящими вопросы о студенческих работах.

Лена после вступительных разговоров первая повела его к своим натюрмортам (с тен. ракеткой, зеркалом). Состоялся трудный разговор, из которого

вытекало, что почти всё надо доделать или переделать. [Я в первый раз пишу подробно о разговорах на занятиях живописи, чтобы выплеснуть радость, что у меня что-то выходит, а не очернить, например, Лену, которую В. А. очень часто хвалит, и это нетипично, что он её в этот раз «учил».]

К его приходу у меня тоже был готов н-т с зеркалом. И я вслед за Леной успела его показать...

Кулаков некоторое время молчал и затем довольно спокойно сказал: «Вот, это картина, хотя цвета не такие, как в жизни, но они передают н-т. Мне нравится – и всё».

Особой похвалы «в лицо» от В. А. редко кто дождался. Это и понятно, ведь мы учимся, и главное – ошибки. И если он не говорит, что плохо – уже хорошо, а если ему понравилось – то предел мечтаний.

Я, конечно, сравниваю с октябрём 1996-го, весной 1997-го, когда В. А. много и долго вдавливал мне, что надо создавать среду, чтобы была связь между предметами, и чтобы они не были сами по себе. Что как художник я могу отбрасывать ненужное (детали), а брать только нужное. Что каждая вещь, предмет – будь то кувшин, дерево или чашка – имеет свой портрет, и надо это передать. Увидеть пластику каждого и композицию целого. Соотношения цветов и тонов, что «выгоднее» в данном натюрморте оставить или отбросить за второстепенностью, показать главное, не сбиться на фоне, втором и т. д. планах. Учиться видеть в жизни красоту в простом. Тогда всё это сразу охватить я не могла – через маленькие «победки», с крушениями и шишками, я прихожу к главному: полностью расслабляюсь, отрываюсь от действительности и получаю наслаждение от самого процесса – к чему В. А. и призывал всегда: «Пишите и получайте удовольствие!»

Завтра – 12 мая – большой день: вечер в Большом зале ЦДЛ журнала «Поэзия» и альманаха «Истоки». По моей инициативе и, следовательно, на мою голову добавилась выставка художников, условно – участников альманаха «Истоки», в фойе ЦДЛ на втором этаже. Это повод: для ребят – показаться, для Елены Павловны – отчитаться перед Н. Нестеровой, для меня – наверное, кому-то помочь, т. к. выставлять мне самой особенно нечего, зато можно привлечь в суматохе, например, Андрея Апухтина, чьи четыре работы (два пейзажа, портрет соседской девушки, портрет травника Саши) мы с Серёжей вчера притащили из Ильинского погоста.

Апухтин принял известие, по-моему, с радостью, сделал обкладки к работам, но сам не приедет, т. к. 13-го в 8:00 у него дела с проводкой газа – вот невезуха! Может, будет Саша, чей портрет мы привезли.

Всего работ для выставки надо: 30 живописи и шесть стендов графики.

Участвует Владимир Райберг с 21 графическим листом и почти все студенты, кроме Стёпы Лукьянова, который отказался (очень занят, не успеет оформить)...

После больницы повторила ЭКГ. Результат ещё хуже, чем в первый раз, до больницы. Предстоят: уколы (25 шт.) + сустак-форте (нитроглицерин) по 1 т. × 2 р/д.

Серёжа ведёт разговоры-переговоры о выступлении с Вадимом Егоровым, и говорил с его женой – любительницей живописи, театра, литературы.

Вадим более спокоен (или выдержан): выпросил, кто будет и что будет, и обещал участвовать, но просил освободить его до 19:30.

30 апреля похоронили (кремировали) Светиноного папу – Владимира Ивановича – рак печени, поджелудочной железы.

Серёжа закончил «Легенду о Германарихе» – первую из «Книги легенд». Я уже отпечатаала. Отдаст экз. Валере Дудареву для «Юности», а если не подойдёт – то в «Дружбу народов»...

Следующая – об Атилле...

Заняли деньги до августа 1998-го: 300 \$ – Г. Воробьёва, 700 \$ – С. Мозалёв.

14 мая 1998 г. (четверг)

Вот уже и прошёл вечер в ЦДЛ, а вместе с ним и выставка художников в фойе Большого зала ЦДЛ. Но – по-порядку.

Утром 12 мая в 10:00 мы с Серёжей тащили по Москве большие свёртки картин: Серёжа нёс «Аронова» и «Ковчег», а также сумку с графикой по «Мёртвым душам» и двумя этюдами («Яхт-клуб» и «Майнаки»). Я тащила четыре картины Апухтина: два пейзажа, портрет Саши-травника и портрет девушки, а также сумку с молотком, гвоздями, клейкой лентой, ножницами. Было солнечно. На 38 трамвае от «Ул. Шверника» доехали до «Зацепской пл.», перешли Садовое кольцо и сели на троллейбус «Б» в сторону ЦПКиО. Доехали до бывшей «Площади Восстания», а там пешком до Б. Никитской, направо и третий дом – № 53, ЦДЛ. Елена Павловна Кабкова с мужем уже разгружали машину со студенческими работами. Рабочие ЦДЛ принесли пять щитов: два для Райберга и три – для нас. И ещё высоченную

лестницу – метров пять – привязывать верёвки под потолок. На верхотуру лазил Арчил, ниже помогал Толик, я держала лестницу и регулировала высоту развески картин. Елена Павловна показала, как вешать (в один и два ряда), и занялась графикой на стендах. Райберг сам приколот работы булавками и ушёл. Серёжа, съездив за пачками «Истоков» в редакцию, тоже примкнул к развеске картин. Толик ушёл ~ в 12:00. Появилась Лиза Колонова, позже Оля Самовская и уже в 13:00, когда всё висело, – Саша с графикой к «Мёртвым душам», которой не суждено было висеть. В 14:00 поехали домой переодеваться и обедать. Долго не было 26 трамвая, и когда мы добрались домой, то до выхода оставалось 50 минут. Я бросилась варить оставшиеся десять пельменей и обжаривать цветную капусту. Позвонила одноклассница Таня Ивашкина (бывшая Деева), просила захватить её на «Академической». Договорились о встрече в метро в 16:45.

Я не видела её более десяти лет, но узнала сразу, ещё издаലെка: высокая, стройная, с короткой стрижкой и прежними большими глазами. Прибавилось только морщин. Обменялись улыбками и Серёжиной «Книгой первой» – на журнал их дамского клуба.

На «Баррикадной» ждала Вероника – вся спортивная. В ЦДЛ уже приехали Г. В. Рой и К°.

Я сразу пустилась объяснять картины – mini-экскурсия. Далее всё пошло быстро, как вспышки кадров кино: Ира Фирова, Светочка Довгер, Наташа Зубова (только на выставку), Наташа Шумянцева с дочкой Таней, подходил муж Натальи Констиновны по поводу стихов брата (я отвела его к Серёже); подошёл Саша Галуцкий (галерейщик), которого я не узнала сразу, а вычислила лишь потом; пришёл весь бледный и сияющий В. А. Кулаков и поздравил с выставкой; под-

бежал Сергей – позвал к Вадиму Егорову, показать выставку (я не успела, а только познакомила его с Кулаковым – и Егоров решил самостоятельно ознакомиться с картинами) и т. д.

Я вошла в зал, когда уже отчитал свои стихи первый из выступавших – В. И. Фирсов, так я его и не увидела. Далее, чередуясь, пошли поэты и барды, авторы журнала «Поэзия» и альманаха «Истоки».

Виктор Чичёв (?) – бард, поэт, военная тематика, стихи про Илью Муромца и татарское нашествие – очень профессиональные, отчасти националистические...

Игорь Зуев – поэт, пытался оригинальничать...

Геннадий Георгиев – что-то порой несколько грубоватое, резкое, но с претензией...

Александр Жуков – бард, поэт, издатель...

Наталья Рожкова – поэтесса в мини-юбке, с кудрями и красным обручем – под девочку. Прочла скороговоркой семь коротких стихов. Особенно понравившиеся Аронову (см. «МК») строки – «Хорошо бы проснуться и знать, что никто не подложит подянки...» И традиционная концовка: «Я старше Лермонтова стала, но ничего не поняла...»

Михаил Шотов (фамилию плохо разобрала) – поэт, редактор журнала «Свет, природа и человек»...

Вадим Егоров – бард, один из самых лучших, здравствующих в н/вр. Просто ностальгия по молодости: «Я вас люблю, мои дожди...». Я пела вместе с ним. Оказывается, помню все слова, хотя пели ещё с Катей Степановой (ныне Гоголевой) в Высотке на Котельнической набережной в 1969–1970 гг., после того как я услышала её в Губкинском ин-те на бардовском вечере. Мы сидели на подоконнике вдвоём и пели.

«Патриаршие пруды» – новые для меня стихи: «Бери, сказал мне Бог, и больше не проси...» Читал с выражением, жестикулируя то ли от волнения (что вряд ли – с его опытом выступлений), то ли для убедительности, но при этом умудрялся держать в руках гитару.

Спел о любви: «Я скучаю по тебе...» Вступил в полемику со Львом Толстым, который ~ следующее сказал о поэзии: это то же, что идти за плугом и приплясывать. Так Вадим Егоров прямо и гордо заявил, что он пахарем не станет, а из-за любви к приплясыванию...

Самое яркое артистическое выступление. Профессионализм высокого класса. Одет просто: в клетчатой рубашке, ветровке...

Николай Дмитриев – хорошие стихи. Первое – о двух ящиках: с родившей кошкой и TV. Второе – «Когда на братскую могилу я приношу свою тоску...»

Юрий Куксов – зам. гл. ред. газеты «Подмосковье». Вызывающе резок, кичится своей работой в экспедициях. С ехидством и радостью сообщил, что «нашим жёнам отомстим, конечно, с жёнами чужими...» Видно, не везло с женщинами...

Александр Дорин – муж Натальи Рожковой, о чём с гордостью всех тут же известил, зав. отделом поэзии альманаха «Реалист»...

Владимир Дагуров – читал «мурашки», и это, пожалуй, последний автор, которого зал воспринимал...

Далее стали кричать из зала (старушка за мной): «По два стихотворения!» Я на неё несколько раз оглядывалась, чтобы не шумела.

Всё испортил пародист, совсем не умеющий читать ни чужие стихи, на которые пишет пародии, ни свои – Александр Кодышинец (?).

А для меня самое интересное началось только теперь.

Валерий Дударев – поэт, отв. секретарь журнала «Юность», Серёжин друг. Читал спокойно и не торопясь свои четыре стихотворения...

Владимир Васильевич Крылов – ветеранские стихи...

Анна Гедымин – зачаровывающие, внятные звуки голоса («Отмокаю на Волге...», «Твой голос морозен – впору надеть тулуп...», «А у сына твоё выражение лица...»). Она запомнилась. Потом меня многие о ней спрашивали...

Сергей Телюк – громко и напористо, нагнув голову к микрофону, который для него был низок, прочитал пять стихов из цикла «Страна родная» + два лирических («Во чреве метрополитена...», «Южное солнце кичливо...»). На первые зал реагировал...

Владимир Райберг – долго и нудно пел про яблоки, день травы и 7:40, которую скоро возненавижу за затянутость...

Александр Щуплов – сам выглядел блестяще в светло-сером костюме и прочёл два блестящих стихотворения («В год посещения Воландом Москвы...», «Безрассудный, словно ветер...»).

Андрей Шацков – высоким для его комплекции голосом прочёл три стихотворения...

Виктор Попов – бард (театр Камбуровой). Пел песни на тексты А. Шацкого да так, что просто невозможно было узнать стихи, настолько хороша мелодия. Далее, обливаясь потом, с полной отдачей – на стихи А. Ахматовой...

Людмила Катанова – бард, с красивым низким грудным голосом и внешне очень приятная: три песни (Володя Пустовитовский, сидевший передо мной на

первом ряду, даже предложил – размечтался! – собраться с ней у нас, ещё раз послушать)...

Нина Краснова – это Нина Краснова (по типу: нырки – это нырки; из к/ф «Бабник»). Чего стоят одни начала и названия стих-ний: «Я Есенина люблю за есенинское, а Вознесенского...», «Жмоту». А уж частушки (акапелла) с приплясыванием – вот вам, ешьте! Мне понравилось – я её потом об этом сказала в фойе...

Владимир Тепляков – задорные («это вам не Байрон хренов...», «Пока верхи лялакали...») и даже чуть не матом про Музу, что «глазки подвела»...

Андрей Чирков – при бабочке, во фраке, с толпой тёток с цветами, целованием ручек...

Завершали вечер Николай Пашков и эстрадное выступление Анатолия Шамардина.

13 мая я до обеда отлёживалась. Потом на работе, да и дома «собирала» отзывы о вечере. Мы насчитали, что от нас было 20 нами замеченных (не считая студентов и незамеченных) друзей и знакомых.

Наташе Шумянской-Петровой всё понравилось, а Наталье Константиновне Рыбалтовской (НГУ) понравился портрет Аронова и т. д.

Сегодня я с Сергеем в десять утра была в ЦДЛ – демонтаж выставки. Смогли приехать Лена и Саша – Толик всё отвозил. Я и Серёжа подарили ЦДЛ мою картину «Н-т с пластинкой» 1996 года. Наталья Алексеевна Познанская – отвечающая за подобные мероприятия в ЦДЛ – сказала, что их не балуют подарками. Вроде осталась довольна, поблагодарила.

Взяли свои и апухтинские работы и потащили в Черёмушки тем же маршрутом: «Б» – «Октябрьская» – трамвай № 26 – ул. Шверника.

Сегодня в ЦДЛ вечер Окуджавы, ведёт Жуховицкий. Вход по пригласительным билетам. Билетов у нас нет.

22 июня 1998 г. (понедельник)

Серёжа сегодня уже в очередной раз созвонился с Вадимом Егоровым. Сначала звонки касались предполагаемого издания книги В. Е. в РИФ «РОЙ» (Серёжа уговорил Рой и макетчиков отказаться от своего «интереса», сделав книгу тах дешёвой), но после того как нашёлся спонсор, взявшийся оплатить 5-тысячный тираж, мы порадовались, что есть ещё добрые люди, поклонники талантов. В. Е. обещал обязательно доподарить оставшиеся четыре кассеты (к двум уже подаренным ранее) с автографами и поддерживать добрые отношения. Мы видели его выступление 20 июня по TV в концертном зале «Россия», на Вечере памяти Визбора.

Серёжа сделал все нужные выписки для следующей за Германарихом легенды из книги «Свод древнейших письменных изданий о славянах» (I т.), т. к. уже пора её (а она у нас почти девять месяцев) отдавать Владимиру Георгиевичу Александрову...

Сегодня Серёжа отвёз в мэрию Ю. М. Лужкову письмо с инициативой переименования ул. Шверника в ул. Высоцкого. Теперь будет отслеживать его путь. Письмо подкреплено справкой о Швернике; письмами от музея Высоцкого (за подписью Никиты Высоцкого) и Пен-клуба.

С письмом от Пен-клуба помог А. Вознесенский: 13 июня Серёжа ему дозволился, и он обещал 15 июня на

заседании Пен-клуба решить этот вопрос. И действительно, 16 июня Сергей забрал у А. Ткаченко (председателя) письмо со всеми подписями. Сергей набрался смелости и попросил А. В. дать в «Истоки» материал о Высоцком или что-либо другое. А. В. просил перезвонить 21 июня. Но когда Сергей ему дозвонился, решения ещё не было, и всё перенеслось на 23 июня. А потом А. В. опять куда-то уезжает.

Из-за звонка А. В. 21 июня нам пришлось ехать в деревню в пятницу – 19 июня. Отвезли А. Апухтину 200 руб. за проданную картину, заплатили свою страховку за 1/4 дома (ок. 50 руб.), за свет 1997/1998 г. (ок. 36 руб.), оставили деньги Вите Шумову (т. к. Владимир Иванович приболел с ногой, значительная часть которой ампутирована) на шифер, паклю, конёк (ок. 1200 руб.). И в субботу 20 июня вернулись домой к 21:30. А к полуночи поднялась гроза, которая перешла в ураганный ветер. Я помню аналогичную бурю в детстве в деревне, когда срывало крыши и выворачивало деревья. В городе это не менее страшно, да ещё мы оказались почти в эпицентре (около Профсоюзной). Молнии блистали практически без перерыва. Ветер гнул деревья, мимо окон проносились ветки, мусор, хлестал дождь.

Утром узнали о результатах, да и Андрей сходил на улицу посмотреть: ул. Шверника затоплена, «ракушки» разломаны, а одна оказалась надетой на столб для выбивания и сушки. Много выкорчеванных с корнями деревьев. Упал кран на Профсоюзной и т. д. По ТВ передали, что погибло десять человек и 120 госпитализировано. Лужков говорит, что виноват Гидрометцентр – не предупредил, а Гидрометцентр утверждает обратное.

Сегодня по дороге на работу видела на Тульской упавшие щиты с рекламой, а на бульваре у «Алмаза» – много поваленных лип. Хотя часть сучьев отпилена, собрана в кучи, брёвна стащены с проезжей части.

Р. С. Вадиму Егорову мы подарили мой этюд из серии «Евпатория»: «У яхт-клуба в ненастье». Ему с женой понравилось. Татьяна (его жена) сказала, что я настоящий художник... Хотя это оценка непрофессионала, всё равно приятно.

Кстати, Серёжа, прочитав обе подаренные ему книги Вадима Егорова, предположил в нём душу Пьеро – минорно-трагическую, что потом подтвердилось в одном из стихов В. Е. И если бы я стала писать его портрет, то именно в таком ключе.

Сейчас у нас очередная сессия. 30 июня – просмотр. Готовлю композицию на свободную тему – «творчество» (портрет Серёжи в низком кресле, с Чучей...).

У нас в гостях была Аня Гедымин – часов с 20–21:00 до 23:30. Она вычитывала свои стихи в «Истоках», заодно беседовали. Аня закончила вечерний МГУ (журфак). Рассказала, как все девушки были влюблены в Волгина (литератора, исследователя Достоевского). Она своей подруге дала совет – прийти на лекцию с цветами и сесть к нему на колени, тогда он обратит на неё внимание, но подруга сделала только первую половину.

Аня вспомнила Черняка, который, работая в отделе поэзии («Сельской молодёжи» ?) не взял её стихи. И она пошла к главному – жаловаться на него, что печатают плохие стихи (прочитав несколько), и показала свои. Тот распёк Черняка, за что Вадим Григорьевич в

опубликованной позже её подборке, сделал в каждом стих-нии правку, из-за чего пропали рифмы.

Аня сразу узнала Аронова на портрете. Вспомнила, как они всё собирались его женить...

30 июня 1998 г. (вторник)

Сегодня был просмотр работ в Ак. живописи. Я со второго перешла на третий курс. Выставила пять работ маслом: н-т с зеркалом, н-т с красным бантом, модель, композиции «Ковчег» и «Творчество» (или «Серёжа и Чуча»). Книжные иллюстрации к «Пиковой даме» – пять работ, к набоковскому «Приглашению на казнь» – три работы (соус, сангина, белила). Рисунка – нет, лишь наброски. Соответственно, оценки: живопись – 5+, рисунок – 3, композиция – Кулаков – 5, книжная иллюстрация – Алимов – 5.

Вадим Алексеевич всё твердит: по работе и результат (про меня и Нину Чистякову). В. А. каждому нашёл хорошие слова, и – на что обратить внимание.

Затем в мастерской Кулакова все вместе – с Сергеем Александровичем Алимовым, Ильёй Хрящёвым, Женей Шахотько и студентами – устроили посиделки, перепляски. Очень даже чудесно плясал С. А., особенно типа краковяка (?), а В. А. - и быстрые, и медленные.

С. А. вспоминал своего преподавателя живописи, общего с В. А. (Ашота Саакяна (?), или как-то похоже). Он ставил им натюрморт из персиков, груш и т. п., а студенты всё это съедали. Затем он поставил консервированные фр. – компоты и пр. Так они делали дырочки и выпивали, а фрукты сморщивались. Тогда он принёс рыбу, и они писали, зажав носы.

20 июля 1998 г. (понедельник)

(~ 12:00) Что побуждает делать записи? Возможно, накопленное бремя впечатлений за какой-то отрезок времени (большой или маленький), которые жаль забыть, жаль растворить в небытие. Людям, которые не имеют такой памяти, какой обладал, например, Владимир Набоков («Другие берега»), приходится делать отдельные зарисовки.

Так и сейчас. Последней каплей, перегрузившей память, был утренний разговор Серёжи с Андреем Андреевичем Вознесенским.

Что «накапало» до этого? Попробую разобраться.

Внешние факторы. Погребение 16 июля в соборе Петропавловской крепости, через 80 лет после расстрела, останков царской семьи. Вдруг поменявший своё решение, вернее, одумавшийся (под воздействием Лигачёва) и прибывший на погребение Ельцин. Надежда: неужели теперь всё пойдёт по-другому?! Но ведь после покаяния в содеянном – не начало ли нового витка, не приведёт ли отпущение грехов к новому греховодству?

Следующая «капля»: пожалуй, Елена Павловна подала заявление об уходе из-за распада худ. гимназии (расценки были увеличены с ~ 300 до ~ 800 руб. в месяц с ребёнка на новый 1998/1999 уч. г.). Нестерова ещё не подписала заявление, надеется, что Е. П. «отойдёт», остынет и останется хотя бы зам. декана Ак. живописи по выставочной работе. Но я, созвонившись с Е. П., узнала о решительном настрое на уход (м. б. есть др. место?). Кулаков сказал – будем работать в любых условиях, пока не разгонят.

«Каплей» стала и встреча с «Золотой кистью» в ЦДХ, куда я пошла со списком студентов, участвовавших в выставках 1996 и 1998 годов – получить для них справки об участии... Пообщалась в выставочном отделе (с подачи Натальи Михайловны Августининой, жены Сергея Александровича Алимова) с Мариной Михайловной Милешниковой, которая обещала через неделю справки выдать. И не удержалась: 5 руб. по студенческому – и я в ЦДХ, на втором этаже, в большом зале, где разные техники, разные художники.

И уже распределённые места:

Гран-при – Георгий Лиховид. «Клетка для птиц»,
«Птицы и старые предметы», «Кот и птицы»;

1 место – Дмитрий Кедрин. Виды Италии;

2 место – Виктор Оленников. «Волхонка», «В деревне», «Ирисы»;

3 место – Павел Хлебников. «Поздняя осень», «Над святым источником», «Осень в Сергиевом Посаде».

Трое последних – плюс-минус классическая живопись.

Кедрин – импрессионизм с Тёрнером, Оленников – почти монохромная, Хлебников – тёмная живопись. Лиховид – разновидность Шемякина, современное направление. Все очень профессиональны. Понравились ровным высоким уровнем.

У остальных же в целом очень неровные работы, даже одного автора «шарахает» и в стиле, и в качестве.

Интересными показались: Клара Голицына, Мария Годына, Алексей Беляков, Галина Тихомирова и ещё пять-шесть человек.

Позавчера, когда мы были в деревне, Андрей Апухтин познакомил нас с четой из Шатуры – резчиками

шкатулок и т. д. Это они устраивали выставку в Шату-ре (куда Андрей взял у меня две работы «Модель»).

Апухтин показал новые «синие, зелёные» работы: сирень, портреты, натюрморты. Боюсь, что эта техника может стать «штампом». Каждая работа отдельно – очень хороша. Но вместе – рябит. Надо использовать не только разные композиции, но и тона, и плотность, и освещённость – а они все идентичны.

И последняя «капля». Сегодня Сергей договорился взять подборку для «Истоков» у Андрея Вознесенского в ЦДЛ. Там у Андрея Андреевича с кем-то назначена встреча ~ в 16:30, а с Сергеем – в 16:15. За эти 15 минут, кроме деловых разговоров об «Истоках» и «улице Владимира Высоцкого», хочется подарить Серёжины книги, поговорить о последней поэме Вознесенского, которая была в субботнем номере «МК», взять автографы на видеомах и мемуарах, забросить вопрос о моей картине в подарок, предложить раскрутить совместно проект вечеров «На улице Высоцкого»...

Вряд ли это возможно. Хорошо бы хоть увидеть его, т. к. есть вариант простой передачи через администратора.

Кстати, в проекте переименования улицы Высоцкого есть очередной шагоч: отдел культуры поддерживает нас перед комиссией по переименованию.

21 июля 1998 г. (вторник)

Сергей вчера встречался с Андреем Вознесенским в ЦДЛ в 16:15, недолго, пока не подошёл Виктор Ерофеев.

Сергей взял у А. В. его подборку из четырёх стихотворений, от которых дома пришёл в восторг! Особенно от «лягух»...

*Эти сольвейговские лягухи
в соловьиных мечтах ночных
заползают девицам в уши.
Те беременеют от них.*

После неоднократного прочтения «Я – вселенский полудурок...» поняли, что это стихотворение было навеяно нашей общей работой по переименованию улицы Шверника в улицу Высоцкого. И что последняя строфа кричит об этом:

*С тьмой литературных урок
разберусь я вдругорядь.
Вознесенский переулок
не переименовать.*

Это заметила и Нина Краснова. Стихотворение «Старый Антверпен», по-видимому, новое, т. к. когда Сергей ему звонил зимой, он предупредил, что уезжает в Антверпен.

И ещё, маленькое:

*Тьма ежей любого роста
мне колючками грозила.
Я на дух надел напёрсток.
Жмёт, конечно. Но красиво.*

Сначала решили, что не «дух», а «двух» – что это опечатка. Но Нина Краснова объяснила, что словом «дух» обозначают мужской орган. И сразу стало понят-

но, что это по типу пословицы «Испугали ежа голой ж...» – хулиганство гения.

23 июля 1998 г. (четверг)

Позавчера утром Серёжа обзванивал информационные программы TV, а когда ушёл в редакцию, вдруг позвонили из «Времечка», Борис Соболев: «Приедем снимать».

Срочно обошли дом Высоцкого № 11, корп. 4. Нашли несколько человек, которые помнят Владимира Семёновича, его мать, детей.

Соседка снизу из кв. 38 – Евгения Михайловна Курносова...

Сантехник Владимир Иванович Зуев – очень колоритная фигура. Помнит даже, как Высоцкий был в Кащенко, где в специальном корпусе «отдыхали» по собственному желанию артисты, в т. ч. Людмила Зыкина. А когда приехала Марина Влади, то её младший сын (около трёх лет?) в первый же день полез на дерево и сломал руку. Владимир Иванович также вспомнил эпизод, когда Владимир Высоцкий подъехал на такси, а они собирались на шашлыки и позвали с собой – но он отказался: «Я с подругой!» (имея в виду Марину Влади). И, купив мороженое, сел обратно в такси... И вообще, по его словам, Высоцкий никакой не «алкаш»: он не пил на троих, а только – культурно, под шашлыки, с гитарой (раньше за домами был овраг, где часто сидели, иногда допоздна – подходили даже дежурные милиционеры)...

Борис Соболев всё интересовался, какую песню он здесь написал. И Владимир Иванович вспомнил об участковом Мамыкине («Песенка о слухах»).

Снимали 23 июля с 12:00 до 14:15. Сначала на улице, у остановки автобуса. Потом у дома, подъезда, на этаже, в квартире соседки снизу. Затем вокруг дома, опять на улице. У прохожих спрашивали: кто такой Шверник? Никто толком не ответил...

30 июля 1998 г. (четверг)

(~ 15:00) Лежу, читаю «На виртуальном ветру» Андрея Вознесенского из серии «Мой XX век». Воспоминания о Борисе Пастернаке, который отучил его от юношеского нигилизма своим отношением к Александру Твардовскому как к крупнейшему поэту. Кажется, Серёжа это сейчас тоже понимает.

Когда мы познакомились и, пожалуй, до начала общения с Ароновым Серёжа очень категорично относился ко всем поэтам. Ему никто не нравился, кроме Пастернака и Ахматовой. И то – Пастернак не весь, а выборочно. Серёжа говорил, что Ахматова более ровный поэт.

Я всё время удивлялась, а иногда и возмущалась, что Серёже мало чего нравится в современной, да и прошлой поэзии (хотя Пушкина он признавал, считая его вне критики, но Лермонтову уже доставалось за всё: и чернушник, и зануда, и т. д.).

Оказавшись в кругу профессиональных поэтов и присматриваясь к их стихам, Серёжа стал уважительнее относиться к авторам, учитывать не только уровень и точность подбора слов, но условия и возможности работы.

Кстати, книга «На виртуальном ветру» была куплена Серёжей после того, как он начал созваниваться с Вознесенским по поводу переименования улицы Шверника в улицу Высоцкого. Читая книгу, Сергей уз-

навал Андрея Андреевича всё лучше. (Когда он впервые разговаривал по телефону с А. В., то назвал его Андреем, как принято в творческой среде. Но потом уточнил возраст по евтушенковской антологии. И, попутно удивившись тому, что Вознесенский оказался старше Аронова, теперь обращается к нему «Андрей Андреевич».) Из книги Серёжа сделал вывод, что А. В. не задавала, не чопорный, не чванливый, а простой, доступный, воспитанный человек.

При их первом личном пересечении в ЦДЛ 20.07.1998 Сергей взял автограф (хотя он их берёт не всегда, а когда человек ему приятен). Андрей Андреевич написал (со слов Сергея, который всегда боится обидеть меня): «Ирине и Сергею очень сердечно» и далее каракули подписи и даты. Вообще у А. В. очень непонятный подчерк. Сергей с Ниной Красновой угадывали правки в его подборке, и Сергей ставил подходящие по смыслу и рифме варианты, чтобы позже уточнить по телефону...

Но оказалось, что Вознесенский уже переделал строфу и продиктовал что-то другое. Серёжа за день внёс правку макетчикам «Истоков» и оставил в ЦДЛ очередной вариант вёрстки (вместе с документами по В. Высоцкому – копиями писем Н. Высоцкого и Пен-клуба). Договорились созвониться утром 24 июля. Но в назначенный час А. В. сказал, что у него много народу и лучше созвониться в понедельник, и к этому добавил, что хочет поделиться впечатлениями о книге (при встрече Сергей подарил ему «Книгу первую» и «Сказания о праславянах»).

В субботу ходили собирать подписи на Ваганьковское кладбище, к могиле Высоцкого, накануне просмотрев сюжет во «Времечке». Об этом ниже.

В понедельник 27 июля Сергей, как всегда в десять утра звонит Вознесенскому. Автоответчик. Сергей молча кладёт трубку. Перезванивает через некоторое время: А. В. берёт трубку, но не сразу.

Разговор об очередных правках в стихах, т. к. они новые. В т. ч. и в «хулиганском» – «колючки» поменялись на «иголки» – Сергей в восторге от этого и других исправлений...

Но сначала А. В. извинялся, что сразу не снял трубку, оказывается, его «достаёт» одна поклонница, которая то объясняется в любви, то ругается и в курсе переименования улицы (она всю плёнку в автоответчике «заговаривает»)...

Затем А. В. перешёл к Серёжиной «Книге первой». Я смотрела на Сергея, как он напряжённо слушает, подавшись вперёд с кресла, как будто решается его судьба. Затем говорит: «Спасибо!» – и улыбается, довольный и счастливый.

Коротко мнение А. В. было пересказано Серёжей так: мол, длинная строка, с которой он работает, сродни звучанию виолончели, и что «чёрт с ним двустопным ямбом (?) и двумя ударениями в строке!»

Сергей, объясняя мне последние слова, лихо махнул рукой (глаза блестели) и добавил, что тогда короткая строка – скрипка...

Я люблю тембр виолончели, и мне тоже понравилось это сравнение.

Теперь о «Времечке». Так как наш видеомэгнитофон сломан, Сергею в 23:30 пришлось идти записывать передачу к Ире и Сергею Фоминым, а я осталась дома.

Шло четыре минуты, всего понемногу: Серёжа (с подписью: «С. Телюк, поэт, местный житель»); хроники о самом Швернике и его «ордене Сталина»; Владимир

Иванович Зуев (сантехник); Александрова (соседка с первого этажа); Евгения Михайловна (87-летняя соседка «под») – и всё.

Зато когда мы собирали подписи на Ваганьковском, каждый второй был в курсе, ведь утром передали по «Эху Москвы»... В воскресенье по «Маяку» – что чуть ли не «уже переименована»... А ещё несколько дней спустя – в «Книжном обозрении»... По слухам Лужков уже дал распоряжение... Только мы пока ничего не знаем и удивляемся. Везде пишут и говорят «инициативная группа» – это я и Серёжа! Кто бы знал! Андрей Таль всё взвалил на нас. По его художественной части сдвигов нет. Сам он отдыхает под Псковом (или Новгородом). А реально нам помогали Ира и Сергей Фомины с друзьями – собрали две с половиной страницы подписей; мама Таля – Римма Станиславовна – пришла на протезах на съёмку, два часа терпела (нашла сантехника Владимира Ивановича); Нина Краснова – на Ваганьково взяла лист и пошла в народ; Ира Кочеткова – стояла с нами пять часов на кладбище, собирая подписи. Да ещё Аня Гедымин – отредактировала текст письма.

Само письмо сочинила и написала я – с уверенностью, что это лишь «рыба», что группа умных единомышленников подчистит, отнесёт и пробьёт...

Но группа не возникала. И тогда Сергей позвонил Никите Высоцкому с просьбой дать нам письмо в поддержку, а тот обещал подписать всё, что мы принесём (!).

25.01.1998 в «МК» я увидела фото Высоцкого и Вознесенского с вопросом «Где улица Высоцкого?» Мы вышли на А. А. через ЦДЛ, написав и оставив ему записку – от «инициативной группы». По-моему (и по Серёжиному), Вознесенский до сих пор считает, что

«нас» много: поклонники, фэны – группа. Не разуверяем. Так, например, он спрашивал, как после урагана могила на Ваганьково, всё ли цело. На что Серёжа ответил, что после урагана ещё не был, вернее, с тех пор как познакомились в 1992 году, мы были там всего один раз, не считая недавнего посещения.

Я задумываюсь, зачем это делаю. Ведь я не такая уж и поклонница Высоцкого, хотя жила фактически одновременно с ним на Шверника (15–1–16) с 1966-го до 1981-го – да и теперь живу рядом, на Б. Черёмушкинской 2–1–159, – но никогда живьём его не видела, только по TV.

И всё-таки Высоцкий – свой. И если получится, значит, подтвердится поговорка: «Если нельзя, но очень хочется, ТО МОЖНО».

И ещё. После Ваганькова, 25 июля, собирались к памятнику на Страстном к 22:00. Но устали и пригласили Нину Краснову к себе отдохнуть. Помянули Высоцкого, и Нина уехала...

26 августа 1998 г. (среда)

(~ 21:00) В стране «обвал» рубля. Ещё в понедельник 1 \$ стоил 6,5 руб.; вчера уже – 7,8 руб.; сегодня с утра – 8,26 руб., но Центробанк заявил, что торги недействительны. И с ГКО бардак: то ли заморозили на 2–5 лет, то ли частично (10 %) оплатят, а остальное в долг. Как объяснили, это связано со страховым фондом, медициной, лечением, скорой помощью, зарплатой врачей – т. е. всё отразится на нас.

16 августа мы с Серёжей ездили в гости к Ане Гедимин в Переделкино, где она отдыхала в Доме твор-

чества. Посмотрели комнату с диваном, письменным столом, кроватью. Погуляли по «улице» мимо особняков и музеев Чуковского и Пастернака. Полюбовались на дачу Вознесенского, с кошкой на балконе.

Серёжа на заказ сочинил поздравление библиотекарше Юлии Ивановне Поваровой по мотивам Даниила Хармса.

Две недели с перерывами трудились в деревне: стеклили, красили, убрали в домике. Покрасили в жёлтый цвет, с тёмными окнами. Я паклей заделывала щели, а Серёжа забивал «лишнее» окно в комнате. Последнюю неделю жили одни, т. к. тётя Ира увезла Лёшу с Шуриком в Косино – показать Лёшу врачу. Но врач не идёт, говорит, что много вызовов (ждут уже третью пятницу), а сам ждёт, что Лёша умрёт после операции – рак кишечника (?). Ужасная, скотская ситуация! Все мучаются: Лёша пьёт (у него боли) и ругается с тётей Ирой, тётя Ира терпит, Шурик – просто пьёт.

31 октября 1998 г. (суббота)

Общее. Курс \$ ~ 16,5 руб. Поэтому остальное ясно. Цены на всё выросли в 2–3 раза при той же зарплате.

У руля – премьер Примаков и К°. Не хватает на еду, до «квартирных» (в феврале 1999 г.) придётся голодать. Основная еда – картошка, каши (на завтрак), пустые щи и супы. Балуемся свиными обрезками (остатки мяса на костях, сухожилиях). Иногда по одной сосиске (куриной) на человека. Едим больше хлеба с маргарином «Рата». Радует в дни зарплаты пиво (одна–две бутылки) и 300 г сыра Российского. Редко скумбрия или

0,5 кг шампиньонов на 10 руб. – на три ужина. Яйца. Хотя у меня прибавление в зарплате с 550 до 1050 руб. за должность зам. декана или администратора Академии живописи и у Сергея до 500 руб. – но выросли и квартплаты: моя – $\Sigma = 200$, а Сергея $\sim \Sigma = 150$. Проезд – по 2,50 за метро.

Вот и весь баланс. Андрей питается сам.

Сергей после Хармса, досочинив за сентябрь-октябрь ещё восемь стихотворений, решил издать миньон с моими рисунками. Хотел назвать «Подражания в честь Юлианны», но я уговорила короче: «Кое-что о Юлианне». А чтобы не обижать авторов, всё это решено назвать «Вольными переводами с детского на взрослый».

Правда, Сергей Александрович Алимов «боится» за Чуковского, семья которого имеет адвоката по охране авторских прав. Но кто-то сказал, что при маленьком тираже, без прибыли, это неважно.

Иллюстрации показала Алимову. Он дал дельные советы, конкретно по уже сделанным рисункам, чтобы улучшить.

И вот на прошедшей неделе Серёжа отвёз тексты и иллюстрации Ирине и Павлу Чикиным – компьютерщикам. Ребята – муж и жена – обещали всё сделать бесплатно. (И вообще хорошего уровня макетчики, судя по дизайну книги «Сны».)

Далее предстоит типография, где ещё неизвестно, сколько будет расходов.

За сентябрь написала автопортрет. Руки не очень вышли. Надо с Кулаковым подправить. Сейчас на III курсе пишем: натюрморты, Олю Орлову, композицию по Рождеству Христову. Делаем иллюстрации к Моль-

еру («Мещанин во дворянстве») и Шекспиру («Сон в летнюю ночь»).

Ушла Елена Павловна Кабкова. Вместо неё теперь я помогаю В. А. Кулакову, который решил обновить преподавательский состав, усилить по профилю – пригласил Андрея Таля и Марию Александровну Реформатскую (из МГУ).

Некоторые с IV курса хотят получить диплом уже в этом году, что необходимо утрясти с ГОСТом и учебными планами.

У меня очень плохо с рисунком. Рисовать надо больше, а времени на это остаётся всё меньше.

19 октября был вечер альманаха «Истоки» в Малом зале ЦДЛ. Народу – полный зал. В президиуме Римма Казакова. По TV я её представляла монументальной, крупной, а в жизни – хрупкая женщина. Вела вечер Галина Вячеславовна Рой. Соведушими (из-за состояния здоровья Г. В.) были Валера Дударев и Серёжа.

Из старшего поколения выступили (кроме Риммы Казаковой) Тамара Жирмунская и Лола Звонарёва. Они друг друга знают давно. Критик, редактор Лола Звонарёва говорила о трудностях н/вр. Кстати, после Серёжиного выступления со стихами «про Юливанну» Звонарёва предложила Серёже напечатать два стихотворения.

Петушились молодые – Бардовский и Казаков. Ровно и по-разному слушались А. Гедымин, А. Добрынин, В. Дударев, Н. Краснова, С. Телюк. Из бардов удивил И. Симановский. Не в своей тарелке Сокольский (экс-муж Светличной). Из знакомых читали Пустовитовский и Райберг.

1 сентября 1998 г. погиб сын Владимира Райберга – Игорь Сорин (упал с балкона седьмого этажа). В. Р. по-

ставил кассету со стихами сына, и зал слушал стоя, а девочки-поклонницы – плакали.

30 сентября 1998 г. на заседании комиссии Мосгордумы нам отказали в переименовании улицы Шверника в улицу Высоцкого. Комиссия человек 15 – в основном, старше 60. Председателя комиссии не было, а вела заседание Майя Фёдоровна Симонова, всё превратившая в фарс. Сергея пригласили одного, не разрешив взять ни Андрея Вознесенского, ни Т.В. В присланном письменном ответе: «вернуться к этому вопросу после 2000 года... в новостройках...» А «улица Шверника» (оказывается!) – уже историческое название.

10 ноября 1998 г. (вторник)

(13:15) В прошлый четверг, 5 ноября, вместе с немногими желающими студентами (всего восемь человек, включая меня и Машу Люкшину, правнучку Флоренского) ходила в музей-квартиру Флоренского на Зубовском бульваре. Мама Маши провела нас по трём комнатам музея, как по трём разным периодам жизни Флоренского. Эта квартира принадлежала, вернее, была куплена Флоренским для матери, которую он перевёз из Тифлиса поближе к себе (а жил он в Сергиевом Посаде). Поэтому в музее вещи из Тифлиса, много фотографий предков, друзей, наставников (основные же вещи – в доме-музее в С. Посаде).

Удивила своей эрудицией в знании святых и философов первокурсница Лиза Усанова. Хотя я знала, что она верующая, т. к. она училась церковному пению, да и сейчас поёт... При этом Лиза очень восторженная девушка!

Вчера, 9 ноября, с Серёжей были в гостях у Ани Гедымин. Мне очень хочется написать её портрет. Но ещё не знаю, как подступиться к нему. Поэтому с интересом поехала в гости – иногда квартира, дом, подсказывают вариант, характер портрету. Говорили обо всём, что в голову пришло: о курице, которую мы не стали есть; о детях; о старых приятелях Ани и Сергея; о «Весах»; о Цапине... Досидели (с 15:00) до 21:00. Попробовали Бордо (сухое французское вино, 11°, кисло-ватое, с пробковым вкусом).

А 8 ноября ездили к родителям Серёжи. Юрий Пантелеймонович был весёлым, всё шутил и представлял. Татьяна Алексеевна испекла пирог (кекс), печенье (хворост и лимонное). Ели картошку со свиными отбивными. Пили домашние настойки: мужчины – крепкие, мы – сладкие.

7 ноября думала над композицией «Рождество Христово». Попробовала сделать этюд. В среду надо показать Кулакову.

12 ноября 1998 г. (четверг)

Вчера, 11 ноября, в 19:00 с Серёжей ходили на вечер Вознесенского по его же рекомендации и подсказке, что ещё есть дешёвые билеты. Действительно, стоимость билетов – от 18 до 40 руб. – доступна. Мы давно не были ни в театре, ни на концерте, и Серёжа, поехав, сразу купил два билета по 25 руб. во втором амфитеатре: ряд 7, места 24, 25.

В фойе встретили Нину Краснову с тремя гвоздиками. Так как в партере были свободные места, мы пересели туда (поближе). Зрение у меня «похужело», и я с

девятого ряда не смогла разглядеть черты лица подробно. Но по общему впечатлению: то ли сутуловатый, то ли короткошей – почему-то ассоциирующийся с образами Арлекино или Пьеро, в белом, с изломанной линией рук. Кстати, руки зачастую были в карманах или выпархивали вразлёт – то вместе, то поочерёдно. Много шёпота, изредка – громкие ноты. Нечёткая дикция, возможно, предполагавшая знание стихов зрителями. Иногда паузы или замедления в чтении (то ли память подводила, то ли для лучшего восприятия). Я многого не поняла и пожалела, что не ходила раньше – не с чем сравнить. Нина Краснова уже завсегдатай вечеров Вознесенского в Зале Чайковского. Из пяти вечеров она была на четырёх.

Начался вечер с импровизаций пианиста-джазиста. Затем Святослав Белза рассказал о поэзии А. Вознесенского и его поисках новых форм, о месте А. В. в обществе и т. д.

Потом на сцену вышел Андрей Андреевич и прочитал выборочные места из новых поэм (об урагане в Москве и Super Star).

Далее читались стихи как по его собственному выбору, так и по запискам и выкрикам из зала (из старых прозвучали: «Вальс при свечах», «Гойя», «С любимыми не расставайтесь...», «Ну что тебе надо ещё от меня...»).

Читались стихи и персонально:

- для подводника (стихи о венке на море);
- для сотрудников политехнического;
- для издательства «Вагриус» (начавшего издавать пятитомное собрание сочинений А. В.);
- для Зои Богуславской;
- для пианиста-джазиста;

– для нас с Серёжей (ребят из группы, занимающейся переименованием ул. Шверника в ул. Высоцкого);

– и т. д.

Было много цветов – от огромных букетов (на что он прочёл стихи о васильках, подаренных Марку Шагалу на даче в Переделкино, над которыми М. Ш. плакал) до одной розочки.

Под конец все последние ряды бросились вперёд за автографом, а первые ряды, наоборот, медленно выползали со своих мест и шли общаться с Зоей Богуславской...

Мы взяли с собой сборник стихов 1991 года и последние «МК» с поэмами. Подписали у А. В.: «МК» – для себя, а сборник – для Вероники. И поспешили в фойе, т. к. всех просили побыстрее взять вещи из гардероба, чтобы не задерживать сотрудников.

Внизу у выхода столкнулись с улыбчивым Церетели, который общался с моложавой женщиной.

Очень устали, т. к. всё происходило после работы и длилось до 22:00 + дорога + мороз [– 12°].

Серёжа сегодня позвонил Андрею Вознесенскому, поблагодарил за интересный вечер, за тёплые слова в наш адрес и за помощь. А. В. просил держать в курсе дела. Серёжа обещал передать ему «Истоки» со стихами А. В. и копию письма-отказа из Мэрии.

11 и 12 ноября Серёжа был на семинаре по приёму в СП России. Но теперь этот семинар лишь рекомендует, а далее – через комиссию. Помогал продавать книги (Фирсова) и агитировал за альманах «Истоки».

Среди принятых был Саша Климов-Южин. Он давно этого заслуживает...

15 ноября 1998 г. (воскресенье)

(~ 18:00) Всё же целый час пришлось отстоять в очереди в ГМИИ им. Пушкина на выставку «Сезанн и русский авангард», т. к. она через три дня закроется. Просто надо раньше вставать, а не к 11:00 приезжать к музею, который открывается в 10:00. Гардероб переполнился, и очередь встала. Пускают, когда освобождаются номерки. А как уйти от Сезанна быстро? Да если ещё из **50** его работ **18** привозные – из Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Филадельфии, Чикаго, Бостона, Вашингтона, Форт-Уарта? Причём из них **пять** – портреты Мадам Сезанн.

Сначала всё осмотрела подробно.

– Первое удивление: ранние чёрные работы (если 30 лет можно назвать ранними) – это «Сцена в интерьере» и «Девушка у пианино».

– Затем отметила, что часто оставлен нетронутым грунт. Холст. Краски матовые, не корпусно, но и не лессировка.

– Очень много зелени и не везде хороша, приятна зелень с домами («Пейзаж в Овере»). Вообще хороши золотые и оранжевые в сине-зелёном обрамлении («Марсельский залив»). И сама зелень самодостаточна («Дорога в Понтуазе»).

– Удивительна! Восхитительна! – полосатая юбка мадам Сезанн («Мадам Сезанн в полосатой юбке»). Каждая полосочка – это картина! Мадам Сезанн с общих позиций некрасива, но как красива живопись (и овал, и глаза) – и всё-таки как мадам Сезанн красива! А её портрет [1890 год] в жёлтом кресле! [Мне очень захотелось, как бы в ответ Сезанну, написать портрет Ани Гедымин, у которой тоже дома большие жёлтые кресла – и маленькая Аня действи-

тельно смотрелась бы миниатюрно.] Кажущиеся незаконченными два [1885 и 1886 года] её портрета. И последний портрет – 1892 года – с распущенными волосами. Все они в Америке.

– Зато у нас в ГМИИ самый лучший автопортрет в каске [1873 год], хотя интересны и другие автопортреты [1881 и 1885 годов].

– Гора Св. Виктории в четырёх экземплярах. Мне ближе «Вид со стороны Лов» [1906 год]. Наверное, из-за сближения тонов синего, зелёного и охры (может, сиены).

Такое впечатление, что на пленере основной цвет Сезанна зелёный, синий («Мост над прудом» – напомнил чугунный в Ильинке).

– У «Садовника Валье» очень хороша и проста поза. Хотя портрет не сделан.

– В натюрмортах всё знакомо: композиция – мелодия белого; орнамент и ажур пересекающихся линий предметов. Неповторяемость, острота краёв.

– Такое впечатление, что Сезанн и не старался делать что-либо похожим или красивым [к чему многие художники, особенно дилетанты, стремятся]. Но как запоминаются крестьяне в шляпах, синих блузках, с трубками [1890, 1892 и 1896 года].

– Почему-то «Пьеро и Арлекин» названы «Масленицей».

– И ещё по «Букету цветов в вазе» 1877 года, видно, что С. занимался тоном!

– На сладкое – два шедевра:

первый – из Эрмитажа «Большая сосна близ Экса» [1897 год];

второй – из Музея современного искусства Нью-Йорка «Тающий снег в лесу Фонтенбло» [1879–1880 года].

Когда я смотрела последний шедевр, то удивилась знакомому ощущению – видела! И действительно, мне хотелось самой сделать подобный пейзаж по виду из спальни, в пасмурный день в конце зимы (попытаться передать гамму оттенков серого цвета, с узором веток, деревьев, дорог), ведь уже и холст был заготовлен, но – пошёл на н-т с красным бантом весной. Может быть, ещё сделаю.

Если бы даже привезли только «Тающий снег...», то уже выставка состоялась бы.

Из РУССКОГО АВАНГАРДА: сделала открытие Роберта Рафаиловича Фалька. Так мне близка его живопись в «Женщине в белом платке» [написана в возрасте 37 лет] и «Портрете Р. В. Идельсон» [написан в возрасте 43 лет], впрочем, вместе с парижским «Автопортретом» Сезанна! Мне казалось, что я сама сделала эти работы, так понятен каждый мазок, цвет, тон, композиция. Я вспомнила слова Кулакова, рассматривавшего в июне «Портрет Серёжи с Чучей», что «это похоже на ОСТовцев».

[Анализируем, что общего: плотность, тона пониженные, спокойные, подробно прописана вся поверхность, отсутствие контрастов, статичность поз].

Понравился Сергей Васильевич Герасимов с двумя портретами: «Горожанка (мещанка)» [написан в возрасте 41 года] и «Крестьянин в картузе» [написан в возрасте 40 лет].

Интересно, что работы Фалька и Герасимова написаны ими около и старше 40 лет – почти мой возраст. Может, это сходство возрастного мировоззрения?

Вот, пожалуй, и все впечатления, если не считать, что час ожидания на морозе (когда уже не чувствуешь ног) также будет незабываемым.

22 ноября 1998 г. (воскресенье)

(23:20) 20 ноября в 22–23:00 была убита Галина Старовойтова, депутат Госдумы, борец за демократию, за сплочение демократических сил. Похороны 24 ноября.

Нагнетание национально-патриотической истерии. Баркашов с месяц назад выступил против «жидов». И Дума не дала отпора. Сегодня мемориальную доску на доме Александра Галича, висевшую примерно месяц, залили чёрной краской. Ищут врага! Возможно, это повторение 1937 года или «дела врачей».

20 ноября – выездной вечер альманаха «Истоки» в Центральном Доме Культуры Железнодорожников. Г. В. Рой плохо себя чувствовала и не приехала, вёл вечер Серёжа. С ним за столиком сидели Лола Звонарёва, Нина Краснова, Андрей Шацков.

Почти в конце пришёл Валера Дударев.

Решено было послушать новых и молодых поэтов.

– Вечер начали с Владимира Райберга, опоздавшего на полчаса. Публика, почти вся, пришла на него, вернее, послушать запись Игоря Сорина. Но В. Р., взяв кассету, не взял магнитофон. Пришлось ему читать свои стихи и петь песни.

– Очень запомнилась Татьяна Куприянова из Суздаля. Странная внешне: с ремешком на волосах, с рюкзаком за плечами, обветренным лицом и руками – пропагандист русского фольклора на ВОЛХОВЕ (дудка) и гуслях! У неё театр на 30 человек в Суздальском монастыре.

– После гуслей удар приняла на себя Аня Гедымин. Читала необыкновенно, почти шёпотом, но чётко выговаривая слова губами. Стихи из «зелёного» сборника «Истоков». У меня мурашки по спине. И

девочки-фэнши И. Сорина слушали. Умение настроить на свою волну у Ани изумительное. Почувствовав, что гусли отвлекли, Аня начала с разговора о дороге на вечер, о сумасшедших «наших», которые пишут стихи в метро... Убежала сразу после выступления (дома ребёнок).

– Нина Краснова прочитала интимные стихи – к удовольствию юных слушательниц. А когда пела частушки, приплясывая, о мужских именах, все прихлопывали. На выходе из ЦДКЖ курили молодые люди и, узнав Нину, спросили, где её ещё можно услышать. Мы написали адрес ЦДЛ, пригласив на 22 января 1999 года, и угостили их соломкой.

– Серёжа читал «Дуралейскую сказочку». Читал хорошо, с энергетикой. И после строки «... можно в рифму?» – все затихли, и пронеслось (как мне показалось) громовое «...ять». Все засмеялись при словах о «великом, блин, русском языке». Закончил стихотворением «Москва, ты боль моя, ты рана, ты наказание моё!»

– Был и Саша Климов, обиженный, что его не печатают. Читал два стихотворения, с характерным подвыванием. Немного похудевший. Шацков говорит, что у него бывают запои.

– Владимир Тепляков – в рыжем свитере и сам весь в золотистых тонах. По залу всё время (за редким исключением) слышался шёпот – и В. Т. поблагодарил девушек (их ~ 85 %) за то, что они очень внимательно слушают. Что они не похожи на тех, из истории, которые, попав на вечер поэзии, спросили: что, дескать, здесь только стихи или ещё что-то будет? И получили ответ: «Ща, кувыркаться будут...» Так вот, тут – подытожил он – больше ничего не будет.

– Александр Ананичев, с высших литературных курсов. Высокий, стройный, в тёмном, с гитарой. Серёжа сказал, что он, возможно, «муж Лолы Звонарёвой». Не удивлюсь: Лола красивая, энергичная, элегантная, умная женщина, доктор исторических наук.

– Запомнилась Лола Звонарёва с интересной статистикой, что средний возраст писателей по Москве и Ленинграду в советское время был 62–65 лет!!!

– Симпатичная и непосредственная Арина Сорокина. Читала стихи о Сорине, о любви. Курносая, с длинной чёлкой, смешливая – излучала энергию молодости, задора.

– Александр Розанов, румянощёкий, низкорослый, с маленьким ртом, склонный к полноте, произвёл в этот раз негативное впечатление (может, даже под градусом): гитару ронял, не ориентировался со стульями и переигрывал перед «девочками». Фенька.

– Как ни странно, нервозная, вернее, нездорового вида (с серым лицом и блестящими глазами) Александра Ремизова хорошо прочла интересные стихи. Многие другие сразу не запомнились.

Шли с вечера все вместе: Серёжа, я, Нина Краснова, Валера Дударев. Ели соломку, кстати, купленную мной, т. к. по опыту знаю, что после суетного вечера и нервного напряжения хочется есть.

Вот так прошла презентация третьего номера «Истоков».

И уже новые идеи: библиотека «Истоков» по темам. Можно о кошках, о любви. Рой вроде бы одобрила.

Валера Дударев в своей статье об «Истоках» ввёл понятие «истоковец».

12 декабря 1998 г. (суббота)

Сегодня День конституции и день рождения Ираиды Павловны (папиной сестры). Я навестила их с Лёшей (сыном), у которого рак. Он очень похудел и уже не встаёт, не ест. Только поёт. Мы с тётей Ирой посидели, поговорили на кухне. Она вспоминала, как каталась в Уфе на... охотничьих лыжах, которые купила по ошибке вместо беговых; как ребята ей помогали в уборке дома. И в какой момент они испортились, начали пить? Шурик как поехал на Кавказ – летом после Лёшиной операции, – так и не звонил больше. Тётя Ира собирается в деревню, навестить Кешку: он там на цепи один, дом сторожит. Жалко. Тётя Ира оставила соседям деньги ему на хлеб. Я немного добавила.

8 декабря из типографии вышла книжка «Кое-что о Юливанне». Макет бесплатно сделали Чижины. За это им достался экз. № 1 (из тиража в 100 экз.), с благодарностью. Остальные почти все расписаны по друзьям-знакомым. Обложка зелёного цвета.

Книжка была готова к вечеру Шацкова в ЦДРИ. Где и началась раздача «слонов» с «Юливанной»: Фировой, Вике с Людой, Наталье Константиновне...

Вечер шёл полтора часа – презентация кассеты «Стояла осень в лебедях». Пели барды: В. Попов, Сокольский, Катанова и др. Фирсов и Бояринов заболели и не смогли прийти. Небольшой фуршет с шампанским, коньяком, конфетами и икрой. Всё несколько однообразно, на мажорной ноте.

1 января 1999 г. (пятница)

(17:15) 14 декабря 1998 года были на премьере спектакля «Юдифь» Лены Исаевой. Она пригласила

Сергея, а с ним и я попала. На «Чистых прудах», в театре «Русский дом», дебютировал Центр драматургии и режиссуры под руководством Алексея Казанцева и Михаила Рощина.

Театр небольшой, похож на «Театр на Юго-западе»: в одной комнате и сцена, и зрители; костюмы из подручных средств; правда, актёры собраны по принципу антрепризы. При входе (кстати, бесплатном) мы пытались подарить Лене гвоздики (розовые, кустовые). Но она побоялась сглазить и сказала: «Потом». Я удивилась, что Лена была не в вечернем туалете, а порбочему – в брюках и свитерочке. Зальчик был полон. Фамилии актёров незнакомые: Вера Воронкова, Александр Груздев, Константин Чепурию, Александр Ровенских и др. Хлопали мало, но все были довольны.

Позже прочла в «Культуре» заметку о Лене Исаевой и центре. Серёжа отдал заметку Лене, когда ходил по её приглашению на встречу с членами литобъединения Бауманского института.

Предновогодние дни прошли в суете. Серёжа ходил по типографиям с заказами РИФ «РОЙ», я готовила Академию живописи к сессии, мы оба оформляли документы в ОВИР, т. к. Лола Звонарёва предложила поездку в Польшу – с выступлениями и выставкой. Хотя денег нет, но при желании можно найти. А там – что Бог даст!

Новый год встречали с Андреем, соседкой Ирой и Вадимом Григорьевичем Черняком. Он остался на праздник один и приехал к нам, с ночёвкой, конечно.

Мы с ним поговорили о живописи. Ему понравился портрет Сергея, похвалил, что я сделала большой скачок.

Оказалось, что Черняк знал Сергея Александровича Алимова. Они вместе были много лет назад в Улан-Удэ. Вадим Григорьевич тепло отзывался о С. А., его интеллигентности, любезности, коммуникабельности. Просил передать ему привет. В час ночи Ира ушла спать. Андрей тоже ушёл к друзьям. После двух по ТВ смотреть было нечего, т. к. шла сплошная самодеятельность, в лучшем случае «капустники». Решили укладываться спать.

В 10:00 встали, позавтракали и проводили В. Г. домой.

В ЦДХ опять открыты залы советского периода 1920-х – 1950-х годов (после двухлетнего закрытия).

9 января 1999 г. (суббота)

Мы всё ещё отдыхаем на Рождественских каникулах (до 10 января включительно).

Год начался печально. 3 января умерла тётя Маша – Мария Сергеевна Мусатова (жена троюродного брата моего папы). Три семьи родственников – Саша и Маша Мусатовы, Юра и Наташа Прунтовы и мои родители, Виктор и Аня Горячевы, – составляли тёплую компанию друзей, которые с юности проводили все праздники вместе. Теперь в живых осталась только тётя Наташа Прунтова. Она уже плоха – глубокий склероз. Видя себя в зеркало, говорит, что кто-то ходит по квартире... 6 января были похороны тёти Маши: отпевали в Выхино, на Николо Архангельском, но хоронить повезли в Соболево (за 80 км).

7 января умер Лёша Скороходов, мой двоюродный брат, сын тёти Иры. После частых и сильных запоев

летом обнаружилась непроходимость, оказавшаяся злокачественной опухолью. 10 января прощание. Затем кремация и похороны урны в Ильинском погосте.

Звонит сестра: «С Новым годом!» Затем – после встречи на похоронах тёти Маши, узнать, не простыла ли я (т. к. промокла). Посулила мне в дар к Рождеству «тройку», от которой я отказалась, т. к. не могу ответить тем же. Дорогих подарков не принимаю, чтобы не быть в долгу и чтобы никто потом не упрекал, что, мол, одевает меня и обувает.

Сегодня Серёжа помогал переезжать Вадиму Григорьевичу Черняку. Он продал двухкомнатную квартиру на «Профсоюзной» и купил с доплатой однокомнатную на «Павелецкой».

Последнее время Серёжа занят венком сонетов к «Легендам». Но пока он вживается во время и в новую форму...

А я пытаюсь писать «Рождество». Идёт очень тяжело. Что-то проглядывает, но смогу ли я вытянуть это «что-то» из холста?

Вчера заезжал Теплицкий, который занялся сочинительством музыки и пытается куда-то продвинуть её, но так, чтобы не украли (а денежки текли). Думает податься в Англию, в известную записывающую фирму, хочет всё сразу и сейчас.

17 января 1999 г. (воскресенье)

Сразу о самом ярком. Только что вернулись из гостей, от... Евгения Яковлевича Весника и Нонны Гавриловны. Серёжа периодически (уже вторые «Истоки»

подряд) возит Е. Я. для вычитки триптихи. И на прошедшей неделе Е. Я. с Н. Г. пригласили Серёжу «попить водочки» (слова Е. Я.). Серёжа отнекивался, т. к. в будни некогда, да и ни к чему. А 15 января у Е. Я. был день рождения, и Серёжа согласился в воскресенье – 17 января – созвониться часов в 11:00 и к обеду приехать, но со мной. Скорее всего, Серёже просто одному не хотелось ехать, хотя он меня уверял, что приглашали двоих.

В 11:00 Серёжа созвонился, и договорились на 15:00. По дороге мы ломали голову, что купить кроме цветов, бутылку с первого раза нехорошо, поэтому решили торт. Правда, они ужасно дорогие – 65 рублей! Зато «Птичье молоко». И вот мы на «Баррикадной». Высотка – напротив. Пятый этаж. В подъезде охватывает робость: над тремя лифтами декоративное панно (наверное, раньше было с подсветкой), большие холлы, двери. Всё солидно, но несколько обветшало. Звоним в дверь. Открывают. Сам Евгений Яковлевич в... джинсовом комбинезоне «Lee» и клетчатой рубашке. Длинная прихожая. Разделись, обули свои домашние тапочки, подарили цветы, мой этюд «ABSOLUT» (на фоне двух зеркал – стеклянная посуда: бутылки, штофы, рюмки), отдали торт – всё под «зачем это?» и «не нужно было». Е. Я. объявил, что Н. Г. плохо себя чувствует и лежит, а он нас не дождался (мы приехали в 15:15) и пропустил рюмочку.

Коридор налево – в кухню, а прямо – холл, в котором стоит большой письменный стол, заваленный бумагами, книгами (это кабинет Е. Я.). Кругом книги (в шкафах, на полках) и всякие сувениры (клюшки с подписями, значки, вымпелы) – рассматривать было неудобно... Из холла – две двери в комнаты, куда мы не заглядывали.

Стол был накрыт на кухне, метров восемь. Всё очень уютно, обжито, чувствуется рука хозяйки, дух семьи. На столе салатики, селедочка, пирожки с капустой, картошка, жареная рыба (речная, подмосковная, пойманная Е. Я. осенью и с сентября замороженная в морозилке).

Е. Я. и Серёжа уединились в холле-кабинете – поработать над правками триптихов, а Н. Г. осталась со мной. Я растерялась и начала рассказывать о себе: как мы с Серёжей познакомились, где работаю и как учусь рисунку и живописи, даже обещала пригласить в ЦДХ на выставку.

Нонна Гавриловна оказалась очень симпатичной и внешне, и в общении. Стройная, невысокая, аккуратно накрашена, с правильными чертами ухоженного лица, в сложном наряде: длинный блузон с жилетом. Поговорили о сердечных болезнях. У неё аритмия, стенокардия – я поделилась своей ишемией, «точками для головных сосудов» и проч.

Н. Г. стала звать мужчин. Е. Я. сперва ответил, что работают...

Когда сели за стол, Е. Я. предложил выпить водочки, настоящей на калгане. Я спросила, что он собой себя представляет. Е. Я. сказал, что они сами его собирали под Костромой, под кустами прячется, что «коммунисты приказали собирать, когда появится пятый лист». А у местных жителей существует легенда или поверье, что корешки, которые выкапывают (они в виде людей: с ручками, ножками, головой в цилиндре), все разные, и что это умершие люди таким образом возрождаются. Настойка на калгане, с корешками на дне, была в бутылке из-под «Смирновской». И беседа потекла, как всегда, без цели и плана, цепляясь за случайные мысли, слова, ассоциации.

Е. Я. вспоминал расстрелянного отца... Ему недавно позвонили из органов и предложили посмотреть архивы, почитать допросы отца, найти его прах. Е. Я. ответил: «Обманете, как всегда!». На что чекист сказал, что он должен гордиться своим отцом, который, согласно протоколам, на все вопросы отвечал: «Мерзавцы!» Е. Я. предположил, как же его били, чтобы так отвечать!

Вспоминал бабушку – красавицу-еврейку (угощавшую его орехами), и дедушку – высокого стройного блондина, белоруса (по другой ветви дед был чехом). Вспоминал по поводу отказа в выезде в Израиль, т. к. он еврей лишь на 25 %, по отцу, а это не считается. Но что Е. Я. особенно удивило, так это его однофамилец Весник – тот смог уехать, т. к. его мать была еврейкой. У них национальность – по матери, у нас – по отцу.

Затем Е. Я. перешёл на евреев в Америке. Один еврей с одесским акцентом просил его написать (при этом Е. Я. изображал и акцент, и гримасы – он актёр и в жизни), что – «не Вестник, а Весник, чтоб мне так жить!» – и кучу всего, всего. Они (евреи), человек 100–150 его замучили. Е. Я. рассказывал, что многие артисты говорят, будто выступали в Америке, хотя ездили по синагогам. По приезду в Америку у него спросили: а где ваш директор и продюсёр? Но на их оплату у Е. Я. нет денег, как у всех русских артистов старой закалки. Он привёл пример демократии в Америке: ни один негр, задирающий, обзывающий тебя, не может быть привлечён, т. к. это свобода выражения – ты же даже не можешь «дать ему в морду» (при этом Е. Я. повышал голос, стучал кулаком по столу).

Е. Я. попросил Н. Г. рассказать о случае с индианкой. Н. Г. вспоминала, как в ресторан, где они завтракали (по 8,5 \$) зашла нищая индианка (в обносках), которую у нас швейцар не впустил бы и в фойе гости-

ницы. Спокойно поела (за 14 \$), а затем устроилась в дорогой номер гостиницы. И никто ничему не удивился. [Это, пожалуй, единственный рассказ, который инициировал Е. Я.]

Ещё выпили (мы с Н. Г. тянули одну рюмку до конца). Е. Я. заговорил о том, что не любит официальных застолий. Были раз на гос. приёме – все набивают сумки, карманы казённой едой. На тусовках, не успеешь оглянуться, стол пустой. Даже на его юбилее (в прошлом 1998 году ему исполнилось 75 лет) – и там все тащили со столов, а когда охранники их окликали, говорили, что они друзья Е. Я. и им можно!

Вообще же Е. Я. отказывается от «Огоньков», «крутых» тусовок, дешёвой эстрады, терпеть не может эту «проститутку» Распутину, которую он послал...

Много эмоций от положения России, в которое её загнали коммунисты, этот «трёхъяйцный» Зюганов (ему досталось такое определение из-за походки), Макашов и др.

Е. Я. цитировал «триптихи». Рассказывал о своих планах, книгах, трёхтомнике... Заговорил об «Историках» – что он уважает Галину Вячеславовну (но припомнив, что Рой из «Молодой гвардии», тут же добавил, что она бывшая коммунистка и переметнётся обратно!). Вспомнил и о Евгении Евтушенко: «Зарабатывал я немного, но достаточно, чтобы кормить Женю».

Е. Я. стал рассказывать о театре. Как он с Папановым обсуждал «Ревизора», роль городничего в первой сцене с Хлестаковым. Е. Я. восхищали слова городничего: «О, тонкая штука! Эк куда метнул! Какого туману напустил, разбери, кто хочет! Не знаешь, с какой стороны и приняться. Ну да уж попробовать, не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось...»

Повторив этот внутренний монолог городничего несколько раз с чувством, человеческой интонацией (выделяя: «эк куды метнул» и «не куды пошло»), Е. Я. сказал, что обращал внимание Папанова на черту в характере городничего, отмеченную Гоголем: «очень не-глупый, по-своему, человек...» Именно эту характеристику Гоголя Е. Я. и взял за основу при трактовке образа. [И нельзя было изменять выше указанную цитату, как это позволил себе Папанов: «Не знаю, что и делать!» – это, по словам Е. Я., партийные слова.] А в конце, когда Папанов чуть ли не в голос кричит, топает, шумит – Е. Я. тихо, почти шёпотом, с болью, произносит гениальные слова Гоголя:

«Чему смеётесь? Над собой смеётесь!..»

И на секунды за нашим столом оказался несчастный, раздавленный городничий.

Е. Я., заметив, что я пристально смотрю и слушаю (хотя я как обычно слушала), спросил: «Я вам кажусь идиотом! Что-то я разболтался!» Я смутилась, стала отрицать, объяснять свои ассоциации по его рассказам. Но он в свою очередь стал объясняться, что Н. Г. ругает его за болтовню (дескать, сам не слушает) и только с гостями можно выговориться. Е. Я. действительно говорил много, увлекательно, азартно и интересно. Е. Я. сидел на «своём» месте у окна – слева, Н. Г. – справа, мы – посередине.

Е. Я., обращаясь ко мне, сказал: «А вы мне нравитесь. Ваши рисунки в книжечке [«Кое-что о Юливанне»] даже лучше стихов. Не обижайтесь, Сергей!» Я стала объяснять, что это Серёжины стихи вдохновили меня – я старалась достичь Серёжиного уровня.

Очень чувственно Е. Я. рассказывал о Б. Н. Ельцине, утверждая, что он хороший, честный мужик, а если словами Евтушенко, то «оголец с нашего двора»... Когда Б. Н. вручал Веснику орден, Е. Я. спросил: передали ли ему, вернее, не замотали ли его книжку с автографом? На что Б. Н. промычал: «Ни-и-и...»

По словам Е. Я., Правительство и Дума смешали Ельцина с г...

Кстати, о г... Когда Е. Я. с Н. Г. были на рыбном базаре в Турции (?), то спросили: «Почему у вас много рыбы, а у нас её нет?» На что рыбак ответил по-русски (Е. Я. спросил у меня разрешение на откровенность): «Срать меньше надо». [В то время под Одессой прорывало канализацию в море, пляжи были закрыты.]

Е. Я. сказал, что человек – самый злой враг природы, ничего хорошего он ей не сделал. Чтобы с ней быть в гармонии, ей надо подчиняться.

Прощались. Е. Я. поблагодарил нас, мы – его и Н. Г. Е. Я. предложил подарить свою книгу с надписью [Евгений Весник. «Дарю, что помню». ВАГРИУС. М., 1998 г., изд. 2-ое, тир. 5000 экз.], что и сделал в своём роде: «Ирине и Сергею на память о попытке... ?? Е. Весник. 15/1 – 99 г.» И на странице рядом: «С Новым годом! Автору 76 лет». Обнял в прихожей правой рукой Сергея, левой меня, и поцеловал. Я обняла и чмокнула Н. Г. Е. Я. спросил, не соглашусь ли я иллюстрировать книгу его триптихов. Я, конечно, согласилась, если потяну...

Н. Г. проводила нас к лифту, но мы пошли по лестнице пешком.

1 Р. С. (Смешное-хулиганское.) Когда Е. Я. лежал в больнице, врач сказал, что при болях, чтобы сходить в туалет, пусть попросит дополнительную клизму. А ко-

гда он обратился с этим к старой ворчливой няне (всё это было нам показано в лицах), та ответила: «Пиздец не лечится!» Это стало крылатым выражением Е. Я. и его друзей. По телефону на вопрос о самочувствии они отвечают: «П..., не лечится!»

2 P. S. Е. Я. заговорил о своей программе на радио и пригласил поучаствовать в ней Сергея, чтобы он, отвечая на каверзные вопросы, рассказал об «Истоках». [Может и получится!]

3 P. S. Спросил, есть ли у нас дети. Я ответила: «Двое: у Серёжи – девочка, у меня – мальчик». – «А общие?» – «Нет!»

– И у нас нет! У Н. Г. двое своих, и у меня свои. Молодцы. Сын предлагает помощь, деньги. Я отказываюсь. Правильно, Нонна? (Н. Г. кивает.)

4 P. S. Е. Я. в «МК» печатает свои рассказы (?) от лица животных, в разделе «Охота». И предложил Сергею поддержать его, написав стихи о заглохшем соловье, у которого пропал голос из-за газов. Вот соловей тужится, сипит [Е. Я. это показывает], просит у людей помощи.

Восторженно отзывается о Павле Гусеве: умнейший мужик, благодаря рекламе и посл. стр. «МК» делает деньги и тратит их на нужные вещи. Павел Гусев был женат на артистке Малого театра... (Е. Я. назвал фамилию). Она очень тепло говорит о Гусеве («большой умница»). Я добавляю, что он недавно (~ в 1994 году) венчался с другой. Но Е. Я. ничего не знает об этом и не слышит меня.

24 января 1999 г. (воскресенье)

Татьяна Врубель с мужем Игорем Калугиным пода-
рили Серёже книгу с переводами Чеслава Милоша...

Я, просматривая содержание, в котором отмечены галочкой работы Т. В. и И. К., наткнулась на строки, по понятным причинам, обратившие на себя моё внимание: «Задница девушки, мимо идущей...» (перевод Т. Врубель). Сказала об этом Серёже и стала читать вслух:

*Задница девушки, мимо идущей,
Круглая задница, слепок из света,
Для горемык – астрономов, пьющих
Прямо на куче песка, – планета.*

*Если ж уставятся в небо, такая
Овладевает ими тревога,
Что понимают, вновь поникая,
Как это недостижимо и много.*

*Задом виляя, сплывает явленье
Ясной Венерой в зрачке телескопа.
Вешнюю зелень зыблет волнение
Под светом Венеры после потопа.*

Варшава, 1943/44.

Серёжа разочаровался последовавшими за первой строками, говорил, что надо бы по-другому... Я ему предложила сделать свой вариант, наподобие его же стихотворения «... хочется снова и снова...» Серёжа зажёгся (это было ещё 21 января 1999 года) и, посидев утром субботы, сегодня выдал следующий результат:

*О, задница женщины... Как грациозно
фланирует передо мною красotka –*

*ни взгляда назад, в мою сторону – чётко
стучат каблучки... Тут, пожалуй, серьёзно
задуматься стоит нам с вами, друзья:
не видит, но знает она про меня!*

Да и название сразу нашлось: «По мотивам одного стихотворения Чеслава Милоша». И автоматически объединилось с двумя другими стихотворениями в цикл: «На заданную тему...»

31 января 1999 г. (воскресенье)

По делам лицензирования Академии живописи попала домой к Вадиму Алексеевичу Кулакову. Удивительно быстро В. А. набросал концепцию факультета, описание практики (не как есть, а как д. б.)... Прочитав текст, сели пить чай с В. А. и Галиной Петровной (сын спал).

Очень уютно в гостиной. Много старинных гравюр и живописи. Очень интересная ваза (кувшин) наполеоновского времени, с двумя рельефами полководцев.

Поговорили о собаках, котах, варенье, грибах (опятах), которые они замораживают для поста. Затем – о детях...

После чего мы продолжили читку написанного.

Уходя, я обратила внимание на натюрморты в прихожей, про которые В. А. сказал, что это работы Г. П. Очень нежные, тонкие колебания цвета, нюансы. Не загромождённые. Правда, Г. П. тут же посетовала, что времени не хватает – много уходит на хозяйство и кормёжки-готовки. И ещё – что она всю жизнь пыталась не подражать В. А.

Очень мне у них понравилось, уютно, тепло, чувствуется высокая духовность и в то же время простота общения.

Серёжа закончил первое стихотворение из венка сонетов. Сегодня занимался с самого утра (как я уехала в 11:00) и сейчас, хотя уже 22:30, сидит в спальне, что-то читает вслух, пишет, правит.

13 февраля 1999 г. (суббота)

11 февраля состоялся просмотр работ Академии живописи Натальи Нестеровой по итогам осеннего семестра 1998/1999 учебного года. При сём присутствовала комиссия неизвестно зачем нами же созданная в составе:

– Сергей Александрович Гавриляченко, преподаватель Суриковского, проректор учебно-методического объединения по художественному образованию,

– Никита Всеволодович Медведев, помощник председателя правления МОСХ, лауреат премии Москвы,

– Анатолий Владимирович Кузнецов, член МОСХ (секция театра и кино), заслуженный художник России, преподаватель ВГИК.

«Помощник» Н. Нестеровой выдал очередной «перл»: пройти аттестацию нашему факультету (без лицензии на шесть лет, а только с V курсом, без выпускников IV?!). Отсюда и комиссия...

Показ был замечательным: две мастерские казались большими, а все работы – необычными.

Саша Власова принесла композицию с собаками в кафе и мельницей; Лиза Колонова – эскиз автопортрета с городом; Ира Фетисова – несколько работ по Рож-

деству, в т. ч. и роды Марии, а мне понравилась её «Молитва» (она напомнила мне то ли Климта, то ли Бакста, а Кулакову – молодого Пикассо); Оля Самовская – «Трёх старух, идущих на поминки» и гобеленовое «Рождество»; Стёпа Лукьянов пришёл с «Девой» и принёс «Ночной тир». Я с бумажной волокитой не успела дописать «Рождество». Кулаков отобрал из моих работ: «зеркало», «Сергея», «Рождество» и недописанный н-т (в запасе остался автопортрет, н-т с фонариками), да ещё Олин портрет.

Была и Натали Нестерова – с улыбкой телеведущей, декольте попдивы, украшениями новой русской. Никита Медведев назвал её сексуальной.

После собрания, когда студентов осталось мало, а члены комиссии, поговорив ни о чём, не поняли, зачем собрались, – дружно решили ехать к Кулакову (и комиссия, и оставшиеся студенты).

Купили: чай, две буханки, полкило чесночной колбасы и колбасного сыра, кильки и шпроты, три селёдки и шесть бутылок водки (две – мы, четыре – комиссия).

Сидели до 22:00. Я находилась по левую руку от Сергея Александровича Алимова (он ухаживал: делал бутерброды с селёдкой и подливал газировку).

С. А. так интересно рассказывал о художниках, о своей жизни, и у него такая великолепная память. Кажется, мои подначивания писать мемуары сработали. Да и две книги Старшинова, которые ему очень понравились, его вдохновили.

С. А. вспоминал свои отношения с Хитруком после выхода «Истории одного преступления». Хитрук (которого С. А. называл «известной личностью», а когда я уточнила – согласился) всегда единолично выдвигался на премии, не беря в соавторы ни Алимова, ни других

последовавших за С. А. художников. Из киностудии С. А. ушёл в никуда. И только тогда почувствовал свободу, когда оказался за письменным столом с листом бумаги. Уходя, оставил разработки персонажей «Фильм, фильм, фильм...», которые использовались следующим художником и вошли в мультфильм.

После выступлений, фестивалей, известности С. А. всё бросил и начал с нуля. Занялся книжной графикой, иллюстрировал – освоил новую область и добился в ней успеха.

Многое ещё вспомнили вместе. С. А., стоя, произнёс тост за тех, кто сказал «не бить» его, когда он впервые появился в художественной школе, в классе, где уже был Кулаков и др. И трое ребят вступились за него (в их числе и Вадим Алексеевич). Затем, после окончания школы, жизнь их развела: Кулаков учился в Суриковском, Алимов – во ВГИКе. Опять сошлись, будучи секретарями СХ. И в Академию Н. Нестеровой Алимова пригласил В. А.

Когда ушёл С. А. (к нему в гости приехал немец) и часть студентов, я стала мыть посуду и убирать со стола, а Ира Фетисова помогала мне.

Кулаков начал показывать свои новые работы Никите Медведеву, советоваться, что подправить к выставке, ведь скоро юбилейная – 60 лет! Было интересно слушать и смотреть. На работе по библейскому сюжету (с головой Иоанна Крестителя) В. А. частично изменил фон (вместо однотонного, сделав узорный), повернул голову танцовщицы (была в профиль – стала 3/4).

Никита советовал убрать тени от танцовщицы и подноса и оставить лишь справа, за сидящими. В. А. хочет перекрасить коричневый фон в красный.

Когда Ира Фетисова попросила Кулакова научить её тому, что умеет он сам, В. А. ответил, что может нау-

чить Нину Чистякову и меня, а она – уже не переучится. После этого Ира совсем расстроилась и просила меня делиться с ней хотя бы тем, что мне нравится в её работах.

Я сама себе ещё толком ничего не могу объяснить, а уж ей и подавно.

За столом Кулаков предложил выпить за меня, помощницу, сказал, что на факультете стало спокойнее и что я (пусть это писать и не скромно, но приятно) – стала живописцем. Вообще друзья Кулакова и Алимова оказались приятными людьми. Никита на вопрос «Чаю?» ответил: «Лучше водочки!»

Сегодня была в ЦДХ на выставке «Москва – С.-Пб». Работ – более тысячи. Кулаков оказался прав, что зал монументалистов очень интересный (пожалуй, самый интересный!). В том же зале, где работы Кулакова («Светлый день» и «Будни»), рядом, висела большая сине-чёрная картина «Сумерки в Тутаеве» Н. Медведева. На ней – сутулые старухи бредут через мостки к храму. Очень передаётся состояние. Замечательная картина! И только дома я сообразила, что это же Никита Медведев, с которым только позавчера сидели у Кулакова! Ещё там же – работы Юрия Шишкова (который вывел нас на Гавриляченко), Анатолия Кузнецова, Жени Шахотко – два натюрморта и «Лиза», Галины Кулаковой «Маки в саду», Константина Константиновича Александрова («Стожки»), Льва Дьяконицына (нет «Яблоки и кувшин»). Зато Гавриляченко – «Проводы казака» и «Пушкин в деле 1829 года» – рисованная историческая живопись, хочется сказать просто: «порнуха».

(Кулаков как-то говорил, что ребята должны радоваться тому, что их преподаватели – не просто педагоги, а действующие художники, и что в детстве (в школе) они выискивали работы своих педагогов и язвили по их поводу.)

Вчера меня отправили в отпуск за свой счёт, для экономии денег Университету. А сегодня с утра звонят из художественной школы: «А не займётесь ли вы выставкой в ЦДХ, а то мы не умеем и ничего не знаем?». Я ответила, что до 1 марта не работаю, но сообщу Кулакову.

21 февраля 1999 г. (воскресенье)

Сидим: я обдумываю композиции к иллюстрациям «Легенд» (для «Книги второй»), Серёжа в кресле пишет венок сонетов – смотрим чудесный фильм Никиты Михалкова «Утомлённые солнцем», смакуем каждый кадр. Мне это напоминает карнавал Феллини. Грымову никогда не понять, чем красота отличается от красоты.

В четверг 18 февраля попали на вернисаж **Шемякина** и **Пронина** в гостинице «Славянская». Шемякина не было (Пронин – был, такой респектабельный, заросший бородкой по моде, в мягких брюках).

Картины – не те, что я люблю сейчас: чтобы были в тоне, весомость линий, композиций, узорность не в смысле орнамента, а в смысле продуманности контуров, абрисов...

Работа Шемякина была традиционная для него, карнавальная, у Пронина – просто узоры без чувства, как говорит Аня Гедымин, сумасшедший дом.

...Зато после ма-а-а-леньких пирожных (по два) осмотрели гостиницу – чужая, по последней моде вся зеркальная, стеклянная и ковровая. Прогуливаются рекламные девицы, все люди кажутся, а может так оно и есть, заетыми. Очень неудобно, холодно. Чужое.

В пятницу были на вечере очередных «Прогулок под луной...» (в Малом зале ЦДЛ, под руководством Александра Смогула), один из двух поэтов – Саша Климов-Южин.

Ехали обратно – обсуждали стихи. Серёжа говорил, что впервые слышал от Климова признание, что он считает себя поэтом XIX века. Серёжа его уважает за то, что Саша понимает своё место, роль, стиль и делает стихи на хорошем уровне. Слушали внимательно, в конце просили почитать ещё несколько прежних стихотворений.

Перед вечером, встретив Андрея Шацкого, решили пойти в буфет на втором этаже, выпить кофе.

Шацкий стал рассказывать, как устроился подработать в отпуск: вёл концерты от какой-то организации национально-патриотического (?) толка. Но когда Шацкий пришёл за деньгами (600 \$), то фирма оказалась запечатанной!!! Что делать? Подать в суд или плюнуть? Первое – маотно, второе – жалко денег! Вот такие у него проблемы.

У нас материально тоже не шибко. Не хочется плакаться, но меню одно: утро – каша (в основном геркулесовая); обед – суп; ужин – картошка или макароны, не всегда с чем-либо ещё.

Семейный бюджет складывается из моих ~ 900 рублей и Серёжиных ~ 500–600 рублей (всеми остальными доходами гасим долги). В «МК» вчера опубликованы

данные о черте бедности в Москве: мужчины – 2000 руб.; женщины – 1500 руб.

Конечно, когда моя квартплата (~ 200 руб.) + Серёжина (150 руб.) + проездной на метро (120 руб. за 1 шт.), то на еду остаётся мало, а на одежду и прочее – ничего. Строительство домика идёт уже второй, вернее, третий (с 1997-го) год.

Мы пообносились. Сделали паспорта за границу – а одеть особенно нечего. Ехать в Польшу: Серёжа – в джинсах, а я и не знаю, в чём. Какая разница.

4 марта 1999 г. (четверг)

(18:00) За эти дни очень устала, поэтому сразу не записала свои впечатления по поводу...

В последний день зимы, в воскресенье 28 февраля, наконец-то доехали до города Вязьмы. За поездку остались как плохие, так и хорошие впечатления. Сначала о плохих.

Мы приехали к «загрузке» в автобус к 7:00 (встав в 5:00!!!) в редакцию журнала «Юность», как и договаривались с Валерой Дударевым. Но самого Валеры ещё не было, он проспал и приехал в 7:30. Загрузив газеты и журналы, сели в автобус и поехали к Бородинской панораме, куда к 8:30 должны были подойти все остальные (Золотухин, Фатюшин, Цапин, ансамбль, Нина Краснова и др.). Все собрались, кроме Золотухина. Причём Валера звонил ему домой, а там сказали, что он ночевал в другом месте. Ждали его час!!! Программа дня рухнула. В 9:30 отъехали. Пасмурно. Снежно. В Москве ~ 0°. Но в Вязьме ветер и казалось, что холоднее (ну все –10°). Я замёрзла, поехав в куртке. За горо-

дом снега много, но ближе к Вязьме (230 км) снега меньше. Ещё в автобусе для ознакомления всем раздавали книжки о Вязьме.

На центральной площади, за памятником Ленину, – Дворец культуры. Перед памятником – Храм.

В комнате «ТЮЗ» устроили чай и гардероб. Но чай пить было некогда, т. к. опоздали на час. И я пошла сразу к столам – раскладывать книги, альманахи и т. д. Серёжа остался в комнате. Попили чай, а потом принесли и мне два пирожка и несколько бутербродов (на тарелочке). Пирожки я скормила другому «торговцу», от «Юности», а бутерброды съела сама. И так, за столом, просидела два часа. Слышала отдельные отрывки, обрывки голосов, музыки.

Раздали бесплатно «Пионерскую правду» и «Домашнее чтение», после вечера – «Юность». Продали: «Юливанну» ~ на 30 рублей, «Истоки» и мемуары Старшинова – на 90 руб.

Поехали на экскурсию по городу, вернее, к женскому (который бывший мужской) монастырю – посмотреть Одигитрию (трёхглавую шатровую церковь). Там же сфотографировались с Фатюшиным. Далее – в усадьбу Грибоедова (30 км).

По дороге нас отчитали (экскурсовод-представитель ДК?), что со сцены не поблагодарили администрацию, мэрию, что сам Никита Михалков был у них, а таких артистов к ним в очереди – полно.

При этом она сама забыла поблагодарить со сцены артистов, которые бесплатно согласились выступить в воскресенье, проехав 230 километров туда и столько же обратно, встав в 5:00 и вернувшись лишь к 2:00 (1 марта). Видно, ужин – салат, бутерброды с рыбой и ветчиной, кусок мяса с картошкой, апельсин, чай с конфетами и 50 гр. водки – это предел её представле-

ний о благодарности людям. За что она имеет право читать нотации.

Я до сих пор, а уже прошло четыре дня, не отойду от поездки.

Кстати, вся публика (кроме двух тётей, ушедших с выступления группы) очень тепло принимала, особенно Краснову и Фатюшина. Нина пела частушки, а Фатюшин рассказывал смешные случаи со съёмок и анекдоты.

Обменялись телефонами. Пришлось тащить домой две пачки «Истоков» и остатки книги Старшинова от «Багратионовской» до «Академической», далее – пешком, по скользкой дороге! Серёжа останавливался раз пять. Устал. Лишь бы позвоночник не заболел!

Потом Серёжа рассказывал о своём выступлении. Начал об «Истоках», а когда дошёл до своих стихов, то не смог настроиться, остановившись на середине первого же стихотворения («Я отпрыск XX века...»)... И стал читать «Юливанну». Зрители захихикали, реагируя на стихи, и хлопали после каждого. «Юливанна» – выручила. После его выступления подходили покупать (дети просили у родителей) именно «Юливанну». Вот так!

1 марта началась учёба. Я составила список дел из 21 пункта – от расписания до покупки скелета, т. к. всех, в том числе и меня, отправили в отпуск за свой счёт, и многое осталось не сделано.

Да ещё студентка Лиза с IV курса приехала с каникул от мамы из Голландии и решила 1 марта отметить день рождения, договорившись с Кулаковым использовать его мастерскую. Она наготовила еды (вернее, её бабушка): два салата, холодец, солянка и прочее.

Посидели небольшой компанией – III и IV курсами. Алимов болел и не был с нами. Вадим Алексеевич вспомнил, как они с Сергеем Александровичем первый раз пили водку на практике в художественной школе. Была плохая погода, но выпили – и всё стало замечательно, даже их 45-летний педагог, идущий с этюдником, вернее, «тащивший за собой этюдник» с пленера (которого они дразнили, кажется, «Андрияка – гад, собака!»), показался им хорошим старикашкой, который старается!

За каникулы В. А. написал «Ураган в Москве», «Свидание». В насыщенных тонах. В первой – летают деревья, крыши, куски храмов и т. д., даже хотел человека, но потом решил, что это уже другой сюжет.

Но скоро мне пришлось уйти, т. к. не предупредила Серёжу (лишь Андрея), а потом – устала.

Алимов в каникулы был на фестивале в Сербии (?), причём, в паре с Хитруком, с которым общался дней десять. Вернувшись – заболел.

Настроение не очень уверенное. Президент постоянно болеет. Дума всё под себя гребёт, правительство – занимает. Макашов призывает к погромам. Зюганов собирается делать заявления, обращения к народу – и от имени народа. Банкиры и их замы, руководители – тащат: кто миллионы, кто тысячи \$ (при этом никто их не может привлечь)... Неразбериха.

27 марта 1999 г. (суббота)

(~ 21:00) Сегодня переход на летнее время...

Уже несколько дней (~ со среды) НАТО бомбит Югославию. Россия резко выступает против агрессии.

Каждые три часа по TV новости. Уже есть погибшие среди местного населения. Говорят, что из десяти погибших только один – солдат.

Американское посольство закидывают яйцами и чернилами, жгут флаги.

Все партии выступают с осуждением и своими предложениями – от посылки добровольцев (ЛДПР, Жириновский) до «выждать время» («Наш дом – Россия», Рыжков) и «это допустимо» («Яблоко», Явлинский).

Выслали из России представителя НАТО и т. д.

16 марта в Малом зале ЦДЛ прошёл вечер «Исток» (пятый, считая Большой зал). Г. В. Рой ещё была в больнице, и ведущими были Серёжа с Валерой Дударевым. Вечер открыл Вадим Егоров. Он приехал намного раньше (за полчаса). Настроил микрофоны и попросил присмотреть за гитарой. У него было параллельное выступление в Большом зале, где шёл бардовский вечер, посвящённый памяти Галины Старовойтовой (демократ, убитой киллерами в прошлом, 1998 году), поэтому Вадим и попросил поставить его первым. Егоров был одет в свитер с орнаментом. Спел мною любимую «Друзья уходят...», читал стихи о художниках (я это приняла на свой счёт), о «танцах на пашне» (по Льву Толстому) и др. Жаль, что у нас не было денег, очень хотелось купить для Егорова цветы.

Выступал основной костяк – вся редколлегия. Не было Ани Гедымин (из-за ребёнка). Зато был Саша Климов-Южин, который обиделся, что его называли просто Климовым, хотя он «четыре года уже Климов-Южин». Пришёл, отчитал и ушёл. Серёжа обиделся на это нетактичное поведение. Хорошо читал Слава Васин. Серёжа читал очень близко к микрофону, с энергией, было резковато. Нина Краснова читала

«круговерти», подражая Вознесенскому. Попов пел на стихи Шацкова и др. В конце много молодых и незрелых.

После Егорова вышел Иодловский – старый и седой, стал вспоминать, какими они были ниспровергателями, зачитал кое-что (с матом).

Среди зрителей были: Светочка с Юрием Васильевичем, Танечка Шумянкova, Людмила Глинская, Сергей Мозалёв со Светой, Володя Щетинин с Леной, с работы – Наталья Константиновна с сыном. Сидели до ~ 21:30. Немного пофотографировались на фотоаппарат Мозалёва. И разошлись.

Серёжа сегодня получил последние фото для всех, кто попал на плёнку.

Утром 17 марта, когда я была уже в мастерской, Серёже позвонила Лена Исаева и пригласила на свой вечер в ЦДЛ. И т. к. у меня было плохое настроение (из-за того, что я получила всего 54 руб. – зарплату за остатки февраля), я решила пойти. Оказывается, Танечка и Наташа Шумянковы тоже были приглашены и пришли с чайной розой. Лена читала много стихов, все про любовь. Её представил Смогул, ведущий все вечера «Прогулок...» Лена представила несколько ребят из лит. кружка Бауманского института, который она ведёт.

Когда я слушаю её стихи, я чувствую её незащищённость, одиночество. Правда, Серёжа считает, что она (в отличие от Ани Гедымин) не до конца откровенна в эмоциях.

И последняя новость: спустя восемь месяцев мы поставили... бачок в туалете (который сломался ещё в

июле, и пришлось всё это время пользоваться ведёрочком). Ура! Все очень счастливы: Серёжа, я, Андрей.

16 мая 1999 г. (воскресенье)

(~ 13:00) Прошло более полутора месяцев с последней записи. Мало что изменилось.

НАТО всё продолжает бомбить Югославию. Разрушено: более 50 мостов, телецентр, все нефтяные предприятия. Периодически совершаются «ошибочные» бомбёжки, и так 12 раз: то карта старая (1991 года), и поэтому разбомбили китайское посольство; то, приняв трактора за танки, – колонну беженцев из Косова; то больницу; то автобус и т. п.

В нашем Отечестве: сняли премьера Примакова, а и. о. – Степашин («Первый милиционер»).

У Зюганова и К° не прошёл в Думе их долгоиграющий агитаттракцион с импичментом. Все они друг друга стоят.

Дома. Узнала, что Андрей расстался с Олей Орловой. Оля «перешла» к Толику Юсипову... Толик – это отдельный разговор: один из моих студентов, из моей же группы, т. е. с моего III курса. Он не из тех, с кем я хотела бы общаться. Я избегаю таких поверхностных людей. Пожалуй, «таких» я не так много встречала в жизни [к ним бы я отнесла Наташу Кромину (по МИРЭА); Ёлкину (забыла имя) по ХНО; да ещё парутройку человек – извиняюсь, забыла про В. Г. Волкова (отца Андрея)].

Букет из «очаровашки», «своего парня» с завистливым, пакостным (пока по мелочам) нутром. Все стре-

мятся к благополучию, но не все за счёт других, обмана и подлости.

Толик бросил художественное училище из-за преподавателей – мол, «хорошие» ушли, остались одни «плохие». В результате – нет аттестата.

Монахи Оптиной пустыни, куда он пристроился (от скуки, т. к. в Бога не верит), упросили Н. Нестерову – ректора Нового Гуманитарного университета – взять «юношу» на образование в 1996 г.

Учится бесплатно (вернее, числится). С октября 1998-го по май 1999-го на III курсе не выполнил ни одной работы! Его лозунг на I курсе: «Я не художник, я – дизайнер».

Вчера (в субботу, когда я оформляла к выставке в ЦДХ свою графику, а он появился якобы писать натюрморт) я ему сказала: «Толик, если тебе не нравится Кулаков, живопись, сам процесс учёбы – уйди!» На что он ответил, что Кулаков ему нравится, но учиться некогда, т. к. надо зарабатывать деньги. Ему нужна не учёба, а диплом.

Я как-то: «Толик, но ведь Нестерова тебе ещё и приплачивает по 1000 руб. и может платить больше, если что-то будешь делать в Университете. Этого достаточно, чтобы питаться и учиться. На что он говорит: «Разве это деньги! Я учу английский язык на кафедре Шехтера и взял дополнительно преподавательницу, которой надо платить 300 руб. в час! Я считаю, что современному человеку нужно: водить машину, работать, знать компьютер и иностранный язык».

«Мы говорим на разных языках!» (Брюсов). Я не понимаю его, он – меня. Мне так и хотелось спросить: а Совесть разве не нужна? А образование? Порядочность? Любовь к делу? Преданность? Наверное, нет.

За перевозку работ студентов с них же берёт деньги на бензин, хотя везёт и свои работы тоже.

Чтобы купить рейки для окантовки работ к выставке, опять берёт деньги на бензин, но «уходит» от поручения, если понимает, что ему не светит...

Пытается взять с сестры 5 тыс. \$ за то, что она отдаёт ему однокомнатную квартиру за 27 тыс. \$, а он отказывается от половины трёхкомнатной квартиры за 52 тыс.\$ (выходит, из этой суммы его – 26 тыс. \$, и, следовательно, по совести он был бы ей должен 1 тыс. \$) и т. д. Наверное, не стоит о нём вообще так много писать. Пусть уезжает в Англию, Турцию за своим «маленьким бизнесом». Нам будет легче, т. к., по его словам, честно не заработаешь, а нечестно – пристрелят. Киллер это делает за 500 \$! И если Оля ему пара, то нам, т. е. Андрею, она – не пара! (На Новый год Толик просил Инну, которую до этого безуспешно звал замуж, не мешать ему ухаживать за Ольгой и, взяв такси, отправил Инну домой – добрый, отзывчивый, внимательный!). Прогнали!

За это время дважды (!) были в театре по приглашению Александра Фатюшина: первый раз – в филиале театра имени Маяковского на «Банкроте», второй – в самом театре на «Наполеоне». Оба раза зашли за кулисы. Впечатлений – масса! Подарили цветы, книги, а в филиале – фотографировались.

Серёжа очень рад, что Александр – простой, без выпендривания, человек. Обаятельный. Я теряюсь рядом: в первый раз стала говорить, как мне понравился «пляс» его героя, а во второй – поздравила... «С чем?» – спросил Фатюшин. Я ничего лучшего не нашла, как сказать: «С нашим приходом!»

Сергей пригласил его на выставку Академии живописи в ЦДХ 19.05.1999.

Готовлю ко второй коллективной выставке в ЦДХ следующие работы, отобранные Кулаковым:

- автопортрет,
- портрет Сергея: Серёжа и Чуча,
- натюрморт с зеркалом,
- натюрморт с «фонариками»,
- натюрморт.

Алимов велел оформить все три работы по «Приглашению на казнь» Набокова.

Занимаюсь организацией самой выставки: уже третьего куратора дали от ЦДХ, все списки отправлены, афиши заказаны, всё оплачено.

Этикетки напечатаны. УХ!

Сергей, увязывая свои исследования для сказаний с набегами – с VIII в. до н. э. по XIII-XIV вв. н. э. (киммерийцы, скифы, готы, сарматы, татары и др.), – пришёл к выводу, что в этом и есть наши корни. Более двух тысяч лет находиться под угрозой набегов, грабежей, рабства – это и породило широкий русский характер, дескать, эх, трава не расти сегодня и плевать на завтра! Жить одним днём!

И сколько бы великих писателей, философов, историков ни пытались сформулировать русскую идею, – без учёта прошлого это невозможно!

В прошлом и загадка, и разгадка нас самих и нашего будущего!

Серёжа закончил десятый сонет из Венка... С учётом того, что 15-й сонет уже есть, осталось четыре и две

легенды – и книга готова! И опять я буду мучиться с иллюстрациями.

14.05.1999 Вадиму Алексеевичу Кулакову исполнилось 60 лет! На Кузнецком, 20 – выставка.

На открытии – все его друзья, родные, студенты, коллеги. Видела: Галину Петровну (жену), двух сыновей, Алимова, Медведева, Лукьянова, Александрова, Кузнецова, художницу Наталью Нестерову, нашего ректора (Н. Нестерову со свитой), актёров Юрия Назарова и Юрия Соломина и др.

Выставка отличается от предыдущей камерностью, более интимна – этим и интересна. Великий МАСТЕР!

15 июня 1999 г. (вторник)

(23:00) Поводом для сегодняшних записей стал выход очередного номера (при Серёже – четвёртого) «Ист-токов»: «Накануне XXI века» – пушкинский номер. Мы с Серёжей радуемся (наконец-то!) новому, к тому же приличному дизайну Павла Чикина. Несмотря ни на что и вопреки вкусам Галины Вячеславовны Рой, вышел настоящий «толстый» журнал! Добавить бы побольше фото (авторов, или репортажей встреч с поэтами и писателями) и рисунков – было бы ещё лучше! В этом номере Серёжа снял свою «Юливанну», чтобы поместить кого-то от Лолы Звонарёвой. Но в номер попали его реплики о Пушкине и ответ на письмо учительницы литературы о «телюковщине».

Я сразу стала листать и читать Нину Краснову (о книге Вознесенского «На виртуальном ветру») – она очень его захваливает, я бы не смогла написать такие слова живому поэту. Но в этом Нина! Далее – Серёжу

(в первую очередь), затем Исаеву, Весника, Пустовитовского, Астафьева... Других прочесть не успела.

Прошла наша выставка в ЦДХ – с 17 по 31 мая. Начал делать экспозицию Кулаков, а закончила Валентина Георгиевна (куратор, искусствовед). Я сняла часть своих работ (натюрморт и один лист графики), но оставила: два портрета («Серёжа и Чуча» и «Автопортрет»), а также небольшой натюрморт.

Оказалось, что открытие выставки некому вести (т. к. В. Г. не разрешает дирекция, а Наталья Михайловна, жена Алимова, не может ввиду того, что относится к международному союзу). Пришлось мне – кое-как справилась.

Вывод: пора заканчивать с тёмной живописью.

2 июня Серёжа взял меня с собой на открытие дома Ганнибал в Захарово, в числе представителей различных изданий, в т. ч. «Истоков».

А дело было так.

Два «Икаруса», с литераторами в одном, в 9:30 отъехали от «Нашего современника» в Захарово, далее – Одинцово.

В Захарово встречали дети в русских костюмах с хлебом-солью, баранками и песнями.

К дому подходили по вымощенной новой дороге (в первых рядах – Куняев, Фирсов и мэр Одинцова А. Г. Гладышев). Там уже музицировали дети постарше. Ждали архитектор, строители, автор проекта, экскурсовод... Речи. Самая интересная – руководителя раскопок: дом на сохранившемся фундаменте, по которому и воссоздали типовой облик. Серёжа отметил, что дом совсем небольшой, видно, что Ганнибал была небогата.

При раскопках находили: от перстня и медных скобяных изделий до кусков цветной штукатурки. Всё делалось на деньги одинцовцев и их усилиями. Автором проекта оказалась пожилая женщина, очень скромная, почти не выступавшая. В ответ поэты читали, а барды и певцы пели: Куняев, Фирсов, Шацков... Попов...

Прошли по пустому дому. На стенах, обтянутых тканью, экспозиция детского творчества.

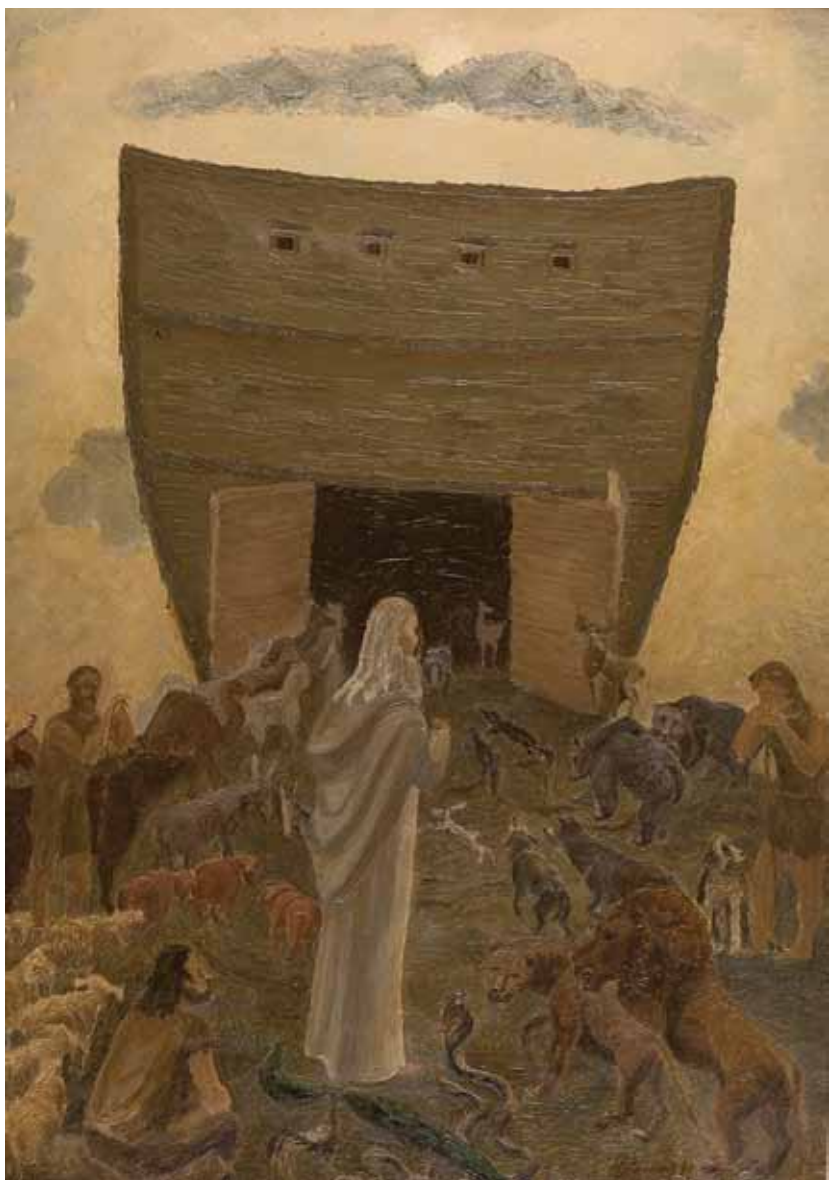
Все заспешили к пруду, где установили новый памятник Пушкину. Вдоль дороги... сидели дети с этюдниками и писали красками (просто идиллия), а вдоль берега расхаживали замёрзшие девушки в платьях XIX века и юноши во фраках и цилиндрах.

Сели в автобус и – в ДК Одинцово, где полный зал местной интеллигенции: учителя, библиотекари, дети, родители, пенсионеры, работники культуры. Пошёл смешанный (или смешной) концерт: номер местный – номер гостей. Вели Андрей Шацков и местная ведущая.

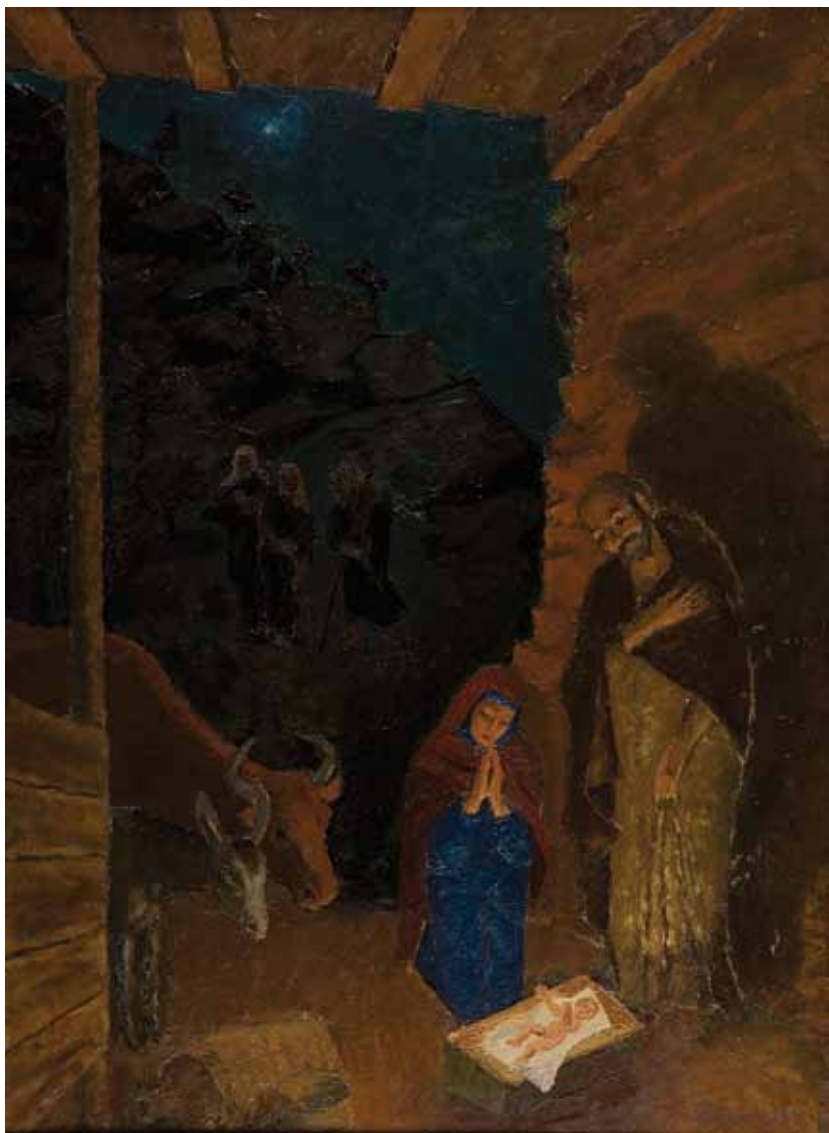
А. Г. Гладышев сказал, что дом начали строить 27.02.1999, а закончили 27.05.1999 – за три месяца!

Станислав Куняев сказал, что мы говорим языком Пушкина. Серёжа долго возмущался, да ещё несколько дней нервно вспоминал эту фразу. Мы говорим своим языком. А Пушкин говорил, вернее, заговорил языком своих современников, а не надуманным литературным (о современниках и писал – этим он и дорог). Серёжа считает, что и мы должны говорить языком современников, а не съезжать для красоты в архаику.

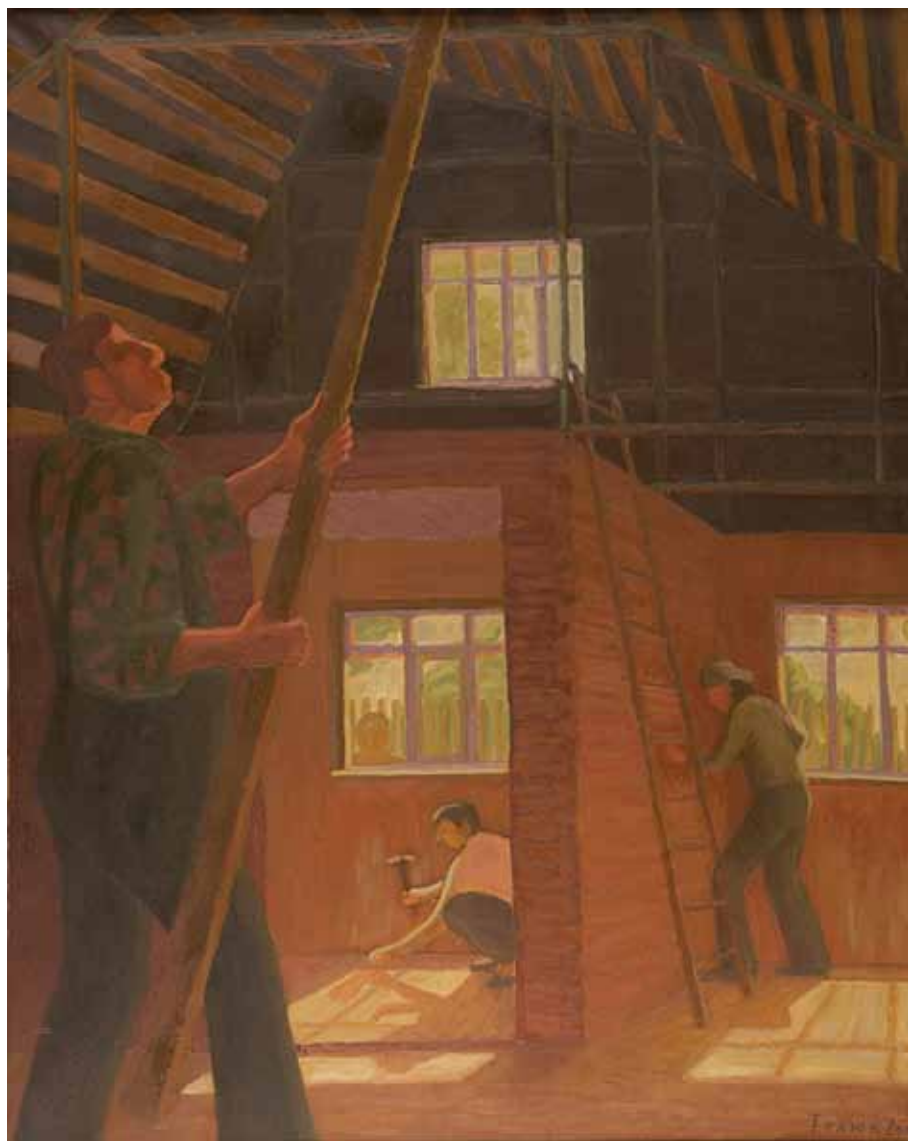
В. И. Фирсов прочитал сидя (в отличие от других) «Горькие строки...». Его зам. – И. Зуев – спотыкался, повторялся, а потом махнул рукой и поздравил присутствующих с юбилеем.

Ковчег. 1997. Холст, масло, 110 x 80

Рождество. 1999. Холст, масло, 110 x 80

Домик в деревне. 2002. Холст, масло, 100 x 80

Терраска. Этюд. 2005. Холст, масло, 50 х 60

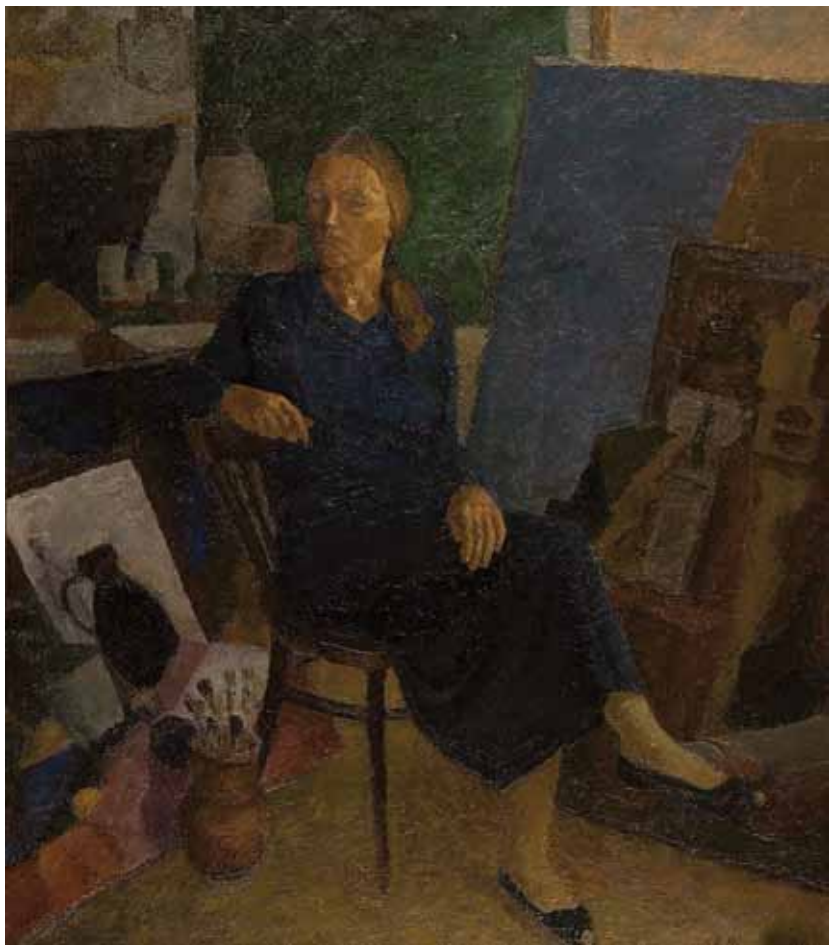
Соседский дом. Этюд. 1999. Холст, масло, 40 х 50

Ретро-натюрморт. 2006. Холст, масло, 89 х 69

Завтрак. 2000. Холст, масло, 75 х 100

В мастерской. Автопортрет. 1998. Холст, масло, 110 х 95

Сергей и Чуча. 1998. Холст, масло, 70 х 120

Полтру. 2002. Холст, масло, 60 х 95

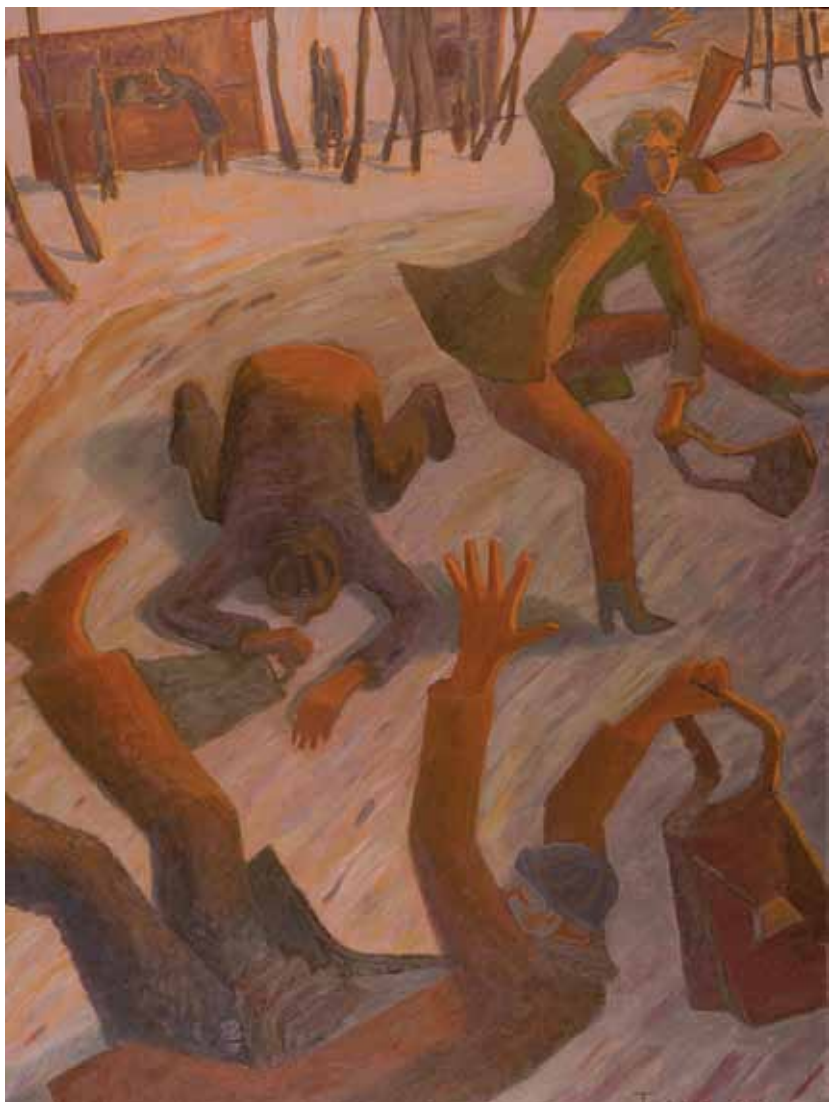
Спящие. 2007. Холст, масло, 100 x 80

Незрячие. 2006. Холст, масло, 100 х 100

Поколение «Pepsi». 2005. Холст, масло, 60 х 90

Гололёд. 2003. Холст, масло, 120 x 90

На батуте. 2004. Холст, масло, 95 x 85

Дом на набережной. 2007. Холст, масло, 120 x 100

У метро. 2001. Холст, масло, 100 х 80

Стул. 2005. Холст, масло, 50 х 40

Зелёный натюрморт. 1998. Холст, масло, 80 х 95

В мастерской. 2001. Холст, масло, 100 x 80

Шура в костюме Коломбины. 2001. Холст, масло, 90 х 60

Букет. 2008. Холст, масло, 100 x 80

В ратуше Гданьска. Аннинские. 2007. Холст, масло, 89 х 69

Старый город. Варшава. 2000. Оргалит, масло, 30 х 40

У моря. Эскиз. 2001. Холст, масло, 60 х 100

Герань. 2007. Холст, масло, 65 х 80

В унисон. 2004. Холст, масло, 70 х 90

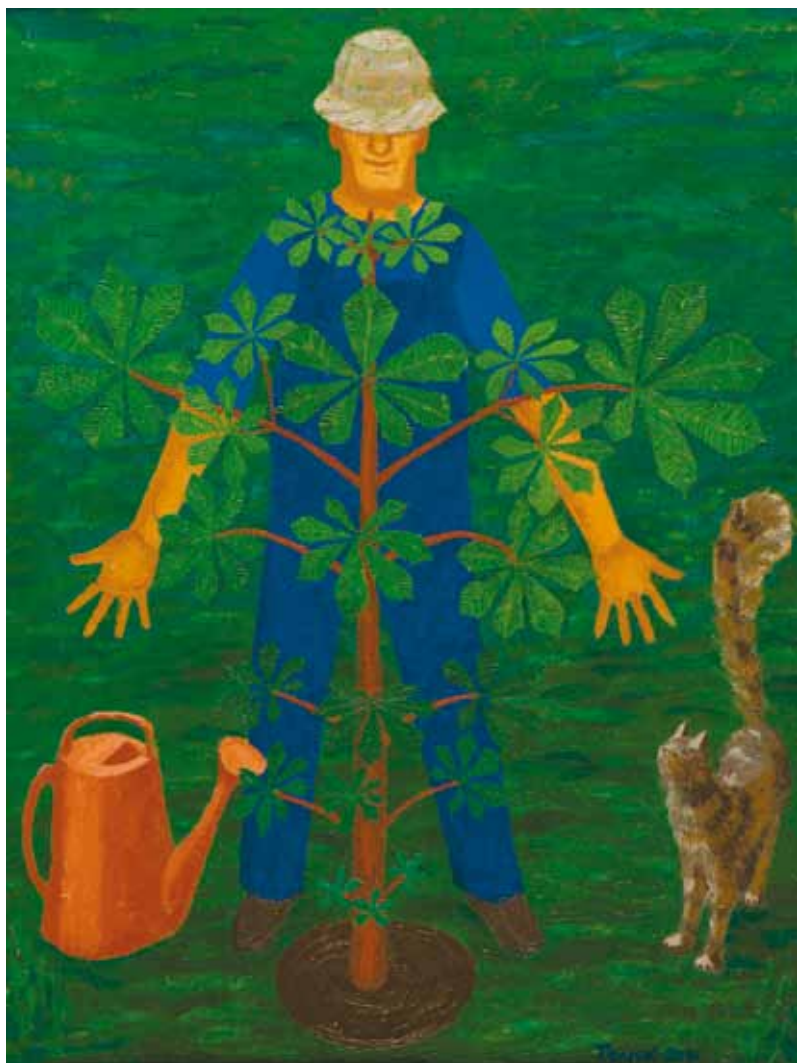
Александр Аронов. 1997. Холст, масло, 95 х 99

Парящие. 2004. Холст, масло, 90 х 130

Ночной дозор. 2010. Холст, масло, 69 x 50

Каштанчик. 2010. Холст, масло, 90 х 75

Прощание. 2009. Холст, масло, 70 х 90

Всем понравилась Катанова с дорогами Испании. Ей долго хлопали и подарили букет. Надо отметить: всем дарили гвоздики и книги.

После гитары – Сергей. Но собрался: «Захарово», «Москва», «Про туберозу», «Что такое хорошо...» Хлопали, кое-кто хихикал в конце.

Камерная певица Ирина Морозова.

Юрий Кузнецов в розовом пиджаке, слегка выпивший, читал «... мы верим в Пушкина...» и «Тегеранские сны» (шуточное). Все оживились. Может, вслед за Сергеем он тоже решил разбавить «серьёз» других авторов?

Хорошо и свежо выступила Елена Щепотьева – я её видела впервые, и она чем-то напомнила мне Аню Гедымин. Её в 1999-м приняли в СП. Читала о царевне-лягушке и о настоящих поэтах.

Далее Попов, Шацков, оперный певец...

В конце – угощение (а мы хотели сосиски брать с собой): шампанское, салаты, рыба, кр. икра, мясо в горшочках, кофе.

Всю дорогу общались с «великим китайским поэтом» Гоуманом. Я подарила ему «Юливанну». Оказалось, он пишет водяными красками на рисовой бумаге. Привёз в Москву для выставки часть своих работ. Он за столом пил минералку со своим партнёром.

Зато наши пили, ели и пели от души. Корреспондент, общаясь с соседками, всем мешал. Было уютно, сытно. Все казались добрыми и хорошими. Куняев и Кузнецов уехали раньше, и мы не отдали им «Юливанну», хотя и подписали.

Кузнецов подарил мне (очень ненавязчиво) две свои книги с автографом.

А уже 3 июня в театре кукол имени Образцова были на премьере «Пиковой дамы» у Алимова. Мне очень понравилось: колесо судьбы, жизни; снег, Герман, старуха, инвалидная коляска, Казанский собор и многое, многое др. Серёжа опоздал, но и его пустили. Очень хороша музыка. Сергей Александрович встречал нас, своих студентов, для которых отвели два последних ряда. Но мы все перебрались на первый и второй ряд. Были друзья С. А., в т. ч. и В. А. Кулаков с сыном.

Зато в воскресенье, в день рождения Пушкина, в Захарово самые яркие впечатления – Зюганов и туалет.

«Главный коммунист» неожиданно вырос перед нами, и все напряжённо молчали, пока не обменяли книжки на визитки.

В туалет же я дважды занимала очередь по 35 человек (с двумя посадочными местами).

Жара была + 32°, мы сбежали в тень, т. к. вначале стояли на солнце. А к домику Ганнибал – очередь, как раньше в мавзолей (и уже поставили забор, с милицией).

9 июля 1999 г. (пятница)

«Ира! У нас больше не будет собаки. Таня пошла её усыплять...» – слова Аронова и гудки в трубке.

Я встречалась с историком В. Г. Александровым у памятника Долгорукому. Жара за 30° в тени. Взяла второй том славянских хроник. Серёжа думает об окончании книги легенд. Венок сплетён. И дело за VII и VIII веками. Нужны имена, факты. Прошла неделя, и уже составлен план по VII веку. И т. д.

Я шила, вернее, сшила занавески в домик: на террасу – из Сидоровских; в комнату – из Татьяны Алексеевненьх; на кухню – старые кухонные. Тюль тоже Татьяны Алексеевны. Завтра повешу... А Серёже – покрывать пол «базой» и лаком. Потом предстоит переезд с мебелью: старыми диванами («комби» из маминого зелёного ~ 60-х, и Серёжиного красного), столами (круглым и кухонным) и коробками да детской кроватью Андрея.

22 июля 1999 г. (четверг)

Серёжина мама Татьяна Алексеевна сообщила по телефону, что умерла Надежда Адамовна – тётя Юрия Пантелеймоновича, старейшина семьи Телюков. Т. А. говорит, что тётя Надя весь день пела. (Когда мы были у неё на Пасху, она и тогда пела.) Умерла ночью.

Юрий Пантелеймонович сейчас в больнице (из-за жары ему было плохо даже на даче).

Решили пока ему не говорить, а то сбежит из больницы...

В субботу похороны. Мы с Серёжей (я позвонила ему в редакцию) решили ехать проститься.

2 августа 1999 г. (понедельник)

Серёжа выбрал сюжет для VII века – о Само. И уже сочинил первую и вторую строфу.

В основном он сейчас занимается «Книгой второй». Появились сложности у макетчиков с разделом про Юливанну (из-за окошечек, которые я оставила для текста)...

Были попытки организовать свою редакцию, но с СП не получилось из-за их односторонности («отбирать авторов только из СП России»), а другой вариант – поэтическая газета с Фирсовым и Шацковым – не состоялся из-за Фирсова (когда надо было идти оформлять, он не мог, дважды пытались)...

В нашем домике в это лето нам пожить не удастся, т. к. полы прибивать (на 1 этаже) решили весной, чтобы доски высохли, а я уже занавески повесила, да и вещи упаковала, приготовила половики и пр. Пришлось всё распаковывать.

Нина Краснова подарила нам свою очередную книжку «Храм Андрея на виртуальном ветру» с замечательной надписью Серёже, цитирую:

Славному «истоковцу» Серёженьке Телюку, с которым мы плывём в большую литературу на одном корабле, в одной команде! Каждый со своим бесценным грузом!

Нежно любящая тебя любовью сестры и желающая тебе того же, чего и себе: семи футов под килем, попутного ветра в паруса, достижения главной жизненной цели, несмотря на все трудности и препятствия (шторма, подводные рифы и т. д.)

Нина Краснова, член экипажа «Истоков».

29.VII.99. М. «Истоки».

P.S. Моя книга о нашем с тобой любимом поэте, моя Песнь Песней!

Я быстро прочла её в электричке. Конечно, я, да и Серёжа, никогда бы так не написали: «роман века», «роман-энциклопедия» и другие чрезмерности. Но. Это в стиле Нины Красновой.

Заезжала Аня Гедымин. Я её порисовала – плохо. Расстроилась и сама, и она (по-моему). Серёжа утешал. До её портрета далеко.

31 августа 1999 г. (вторник)

Вот уже дома. Как-то незаметно пролетели три недели в деревне. Основательность деревенской жизни (без суеты) выбила нас из колеи.

Спали меньше, чем в Москве. Вставали не позже восьми часов, а то и в шесть. Будил Чуча: выпустить на улицу с рассветом, потом впустить, дать поесть – это всё на Сергее. На мне еда, огород. Завтрак с самоваром, впрочем, и обед, и ужин тоже. Питание – с нашего огорода, да угощал сосед Владимир Иванович (кабачки, патиссоны, огурцы, картошка, лук). Из леса – грибы. Утром яйца + кофе. В обед – суп (иногда салат) и компот или кефир. На ужин что-либо жарила или тушила из овощей (с салатом). Чай с вареньем из антоновки.

Серёжа дописал легенду об Ардагасте. Затем стихотворение «Намба сри» – для возможного заглавия следующей книги. Начал последнюю легенду для «Книги легенд».

Почти ежедневно бывал Андрей Апухтин. Принёс для чтения стопку альбомов: импрессионизм, Сергей Герасимов и др., а Серёже – китайскую поэзию. Читали вечерами.

Две недели шли дожди. Я писала этюды то с терраски, то из домика-мастерской. Заезжала Наташа Шу-

мянкова с цветами и вазой в подарок к новоселью, а я даже стопку не догадалась налить, хотя в шкафчике имелось, но т. к. это так редко бывает «когда есть», то просто забыла о ней. Поговорили о Танечке, о молодёжи, о себе (часа три). Стемнело, и Наташа пошла к сестре, которая ежегодно снимает маленький домик в Митрохино.

Последняя неделя выдалась солнечной – и я вышла на пленэр. У Поповского леса повторила два этюда 1995 года (частично изменив их). Подходили из интерната мальчики. Один из них стащил краску – кобальт фиолетовый. Очень жалко. Выбили из колеи. Предлагала через других мальчишек обмен на варенье. Не получилось. Принесла им яблок, и мы разошлись.

Много белых грибов. Сушили их на кухне у печки.

За это время сняли премьеру Степашина (ни за что) и назначили Путина. Все думцы готовятся к выборам в декабре: ищут союзников, объединяются в блоки. Нам более приятны Явлинский со Степашиным. В Правом деле с Хакамадой и Немцовым не нравится Кириенко (но с ними Гайдар).

Лужков с губернаторами оттянул у Зюганова аграриев – все ищут крепкую основу.

К политике мы охладели.

Ельцин стал неприятен, очень похож на Брежнева последних лет. А как восхищались! Где ты, 1991 год?!

7 сентября 1999 г. (вторник)

В воскресенье 5 сентября были приглашены в 57-й павильон ВВЦ на день открытых дверей газеты «Книжное обозрение» в рамках XII Московской международной книжной ярмарки. Пригласила Дола Зво-

нарёва, постоянный автор газеты. Впервые вручали золотой аттестат попечителя книжного дома России – мэру Оренбурга. Затем главный редактор вручал дипломы газеты, в т. ч. и Лоле Звонарёвой – профессору Современного гуманитарного ун-та, доктору исторических наук (как было написано в нём). Диплом получили ещё многие, но из знакомых – Владимир Львович Гопман (преп. НГУ Н. Нестеровой).

Были и интересные выступления.

Владимир Глоцер, очень яркий товарищ или господин с длинной (с проседью) курчавой шевелюрой до плеч. Лола мне пояснила, что он работал с Маршаком и Чуковским. Сейчас он разыскал вдову Хармса в Аргентине и летал к ней за интервью.

Рой Медведев поделился своим удивлением, как японцы знают русскую литературу – не только писателей и поэтов первого и второго уровня, но и современных.

Рассмешил психолог Борис Хигер: я да я. Ходячая реклама. Что больше него – 3200 экз. за один раз – своей книги никто не продавал. Провёл эксперимент в зале, угадывая по имени и физиономии характер людей (на 90–100 %).

Академик Евгений Челышев, пушкинист, член РАН. Валентин Лавров, детективщик.

Гвоздь программы – Александр Александрович Зиновьев. (В тёмном костюме и тёмной рубашке.) Серёжу больше всего насторожило его заявление о том, что он закончил свою литературную деятельность и счастлив этим, т. к. это тяжкий труд, которым он занимался для зарабатывания денег (?!). По образованию он математик. Писал не психологические, а социологические романы и повести, где были не герои с именами, а идеи и клички. На вопрос о политике он ответил, что не под

чьим флагом не выступает, кроме как под своим: «Я – государство!» Текущий момент он оценивает как глобальную операцию (начиная с 1991 года) ЦРУ, ФБР и других врагов России по её развалу. Что была великая Россия, с которой считались все, в т. ч. и Америка. Сейчас её нет.

Последней выступившей, кого мы видели, была РИММА КАЗАКОВА. Читала стихи про любовь и про внушку. Стояла в чёрном на сцене, раскинув руки, что запомнил Сергей. Ушла за кулисы, и Сергей сразу не смог подойти. Мы ушли бродить по ярмарке. Узнали, где можно купить Сергею второй том «Свода древнейших письменных источников о славянах», что он вчера и сделал... Но нет первого тома.

Когда вернулись, всё закончилось, Римма сидела с Лолой в зале, на первом ряду. Мы подошли – Сергей подарил «Юливанну». Они встали и потихоньку пошли: Римма Казакова вблизи оказалась женщиной в возрасте (широкая, сутулая спина, тяжёлая поступь, осторожные шаги). Но при этом с макияжем, причёской и прозрачными чёрными вставками в вечернем платье.

Там мы встретили Нину Краснову с пожилым писателем Кириллом Ковальджи (печатался в РИФ «РОЙ» и «Трёх берегах»), который подсел к ней.

Серёжа созвонился с ней позже. Оказалось, что Нина «довезла Казакову до дома, где попили чаю, и – вот только вернулась».

10 октября 1999 г. (воскресенье)

20 сентября по «наводке» Вадима Алексеевича принесла на выставку (Кузнецкий мост, 11) две работы: «Ковчег» и «Серёжа и Чуча». В. А. – председатель, и

ещё десять членов комиссии, из которых я знала М. В. Лукьянова (председателя секции плаката) и Н. В. Медведева. У меня взяли «Ковчег» и 50 руб. (которые совершенно случайно оказались в моём кошельке – на продукты) за развеску. 21–22 сентября проводила приёмные экзамены в АЖ. 24 сентября состоялось открытие выставки. Были работы и других студентов: Елены Косяченко, Ольги Самовской («Деревенский вечерок»), Иры Фетисовой (н-т и «Пасха»), а также абитуриентки Марии Грибиной (эмали). «Осенняя выставка московских художников» – это моя первая профессиональная выставка такого уровня. Она продлится три недели, до 14 октября.

Начался очередной учебный год – мой четвёртый год обучения. К его началу я сделала себе и всем подарок – закупила кое-какую мебель для мастерских: ширмы, плакатницы, натюрмортные столики, мольберты, планшеты. Заказала осветительные стойки, ищу скелет для пластической анатомии.

Этот год надо посвятить рисунку как слабому месту и композициям.

Сегодня было открытие воскресного подготовительного отделения: восемь академических часов (4 живопись + 4 рисунок). Первый набор: пять девушек и женщин. Во вступительном слове Кулаков очень толково и честно объяснил возможности, принципы и задачи живописи.

В 14:00 уже были у Мозалёвых – на дне рождения.

16 октября 1999 г. (суббота)

(~ 23:00) Вчера были в ЦДЛ на открытии 66 сезона. Уговорила Аня Гедымин: узнала, пустят ли меня без

пригласительного билета – «да, одного человека можно провести по членскому билету СП».

Хотя Аня и говорила, что надо пораньше занимать места, но мы не ожидали, что уже в 18:30 (начало в 19:00) мест не будет: на всех креслах Большого зала если не сидели сами хозяева, то лежали вещи, обрывки газет и т. п. Хорошо, что знакомый Ани успел занять на последнем ряду банкетку, на которой мы все и разместились. Долго не начинали. Я успела разглядеть публику: от свитеров до декольтированных вечерних платьев с боа, от глубоко пенсионного возраста до малолеток дошкольного, много студенческого возраста. Вносили стулья, банкетки.

Вёл вечер Аркадий Вайнер, толстый в сером костюме с незастёгивающимся на животе пиджаком, вернее, не вёл, а был его бенефис, «вечер воспоминаний», между которыми выступали артисты. Среди них до ухода мы успели послушать бардессу Галину Хомчик (исполнительницу песен Булата Окуджавы, Новеллы Матвеевой, Юлия Кима) и астролога Тамару Глобу (утомившую всех и вся противоречиями, выплеснутыми на нас за длительное выступление – такое, что под конец зрители стали захлопывать её, а девушка с цветами, не выдержав, вышла на сцену и ждала, стоя у микрофона). И последняя капля: аукцион ненужных «лотов» (билет в кино – 10 \$, скидка в ресторан, чёрные ящики – 100 и 200 \$...) – потом мы ушли... Пробовали посидеть в кафе, но нашлись умнее нас – те, кто засел там сразу и надолго (видели Климова и Смогула). Кофе пили под лестницей, заедая бутербродами с сыром. Далее изучили стенд с расценками ресторана ЦДЛ, решив, что это недорого (по мнению Ани) – киевская котлета (взятая за единицу) стоила там 37 руб. [но шашлык из... КЕНГУРУ (!) – 250 рублей]. Встретили

Юрия Полякова, которому Сергей подарил «Книгу вторую» и пригласительный билет на наш вечер.

Подробнее наиболее яркие места вечера.

В толпе на входе Серёжу и меня тормознули контролёрша и дежурный Смогул. Пока Серёжа доставал из внутреннего кармана билет СП, Саша Смогул, узнав Сергея, извинился за своё зрение (очки с толстыми линзами)... Тут же Серёжа подарил ему «Книгу вторую», на что Александр, мгновенно отреагировав, предложил устроить вечер в его цикле «Прогулки под брызги фолернского...», где-нибудь в январе-феврале в Малом зале ЦДЛ. Серёжа даже растерялся, но не стал отказываться и сказал «посмотрим».

Никого из известных я не видела ни в фойе, ни в зале, ни на сцене. Мне как-то иначе представлялось открытие сезона, примерно как в театре: в зале соберутся писатели, старейший всех поздравит, кто-то расскажет о планах, о летних впечатлениях, о будущих совместных проектах – как это принято в клубах. А был просто халявный концерт для всех.

Отдельно о Вайнере. Рассказал, как он присутствовал на партсобрании СП, которое проходило в этом же зале и на котором исключали Булата Окуджаву – за то, что его подборка была опубликована (хотя и без его ведома) на Западе. Вёл собрание «всем известный писатель», имя которого он называть не стал, но сказал, что никто не догадывался, что у него в этот день погиб сын.

В одном из отступлений заговорил о государстве, которое по идее существует для граждан: чтобы милиция – защищала от бандитов, врачи – лечили, школы – учили... В итоге же «на нашей шее» сидит огромный

штат бездельников, которых мы кормим, а они ещё и обворовывают всех нас. Не помню как, но прошёлся и по Чубайсу...

Галина Хомчик последней спела песню Кима, который, оказывается, болен и лечится, как она сказала, помоему, в Израиле, и что 17 ноября будет благотворительный вечер бардов (Никитины, Егоров и др.) в пользу Кима. Мы все загорелись сходить на него.

Тамара Глоба произвела впечатление неуверенной в себе гадалки. То сказала, что Новый год надо встречать серьёзно, то, чуть позже, – что радостно. Обещала удачу, но если человек слаб – то неудачу. [Значит, если будет удача, то она угадала, а если нет, то тоже угадала, просто ты слабак.] Будущий всемирный язык – русский (чему все очень обрадовались и оживились). В 1999 году родится спаситель, который будет не жертвой, а героическим деятелем. 5 февраля 2000 года произойдёт затмение, которое совпадает с предсказанием Нострадамуса, и что-то будет. Объявила, что заканчивается (ещё буквально три года) цикл невезения России, и начнётся возрождение, а у Америки всё наоборот – у них будет своя перестройка (зал просто стонал от радости). Далее много учёных терминов, понятно, что идёт эра Водолея, а 2000-й – год Дракона (т. е. мой год).

Параллельно сценическому действию у нас на банкете текла своя жизнь, мы переговаривались – было весело. На нас оглядывались и цыкали соседи.

Вот такое было открытие.

Аня на своём авто уехала с каким-то знакомым, а мы с Серёжей прогулялись мимо Патриарших до «Пушкинской».

17 октября 1999 г. (воскресенье)

В субботу были в Северном Бутово у Серёжиных родителей. Юрий Пантелеймонович сбежал в самоволку из госпиталя, но позвонила сестра из больницы и попросила вернуться, т. к. проверка. Ю. П. очень осунулся, глаза ещё больше впали, побледнел. Сидел тихо, не отшучиваясь, как обычно. Изредка глаза вспыхивали, но на долю секунды. Татьяна Алексеевна усердно не замечала его состояния, стараясь всё свести к обычному. Наверное, мы так посидели за столом последний раз, правда, без вина, т. к. никому (кроме нас) было нельзя: Ю. П. и Т. А. по здоровью, Наташа за рулём.

По дороге домой я поделилась (не могла не поделиться) своими наблюдениями. Казалось, что в Ю. П. осталось так мало сил, что он и до Нового года не дотянет. Серёжа сказал, что в больнице он всё время так выглядит. Дай Бог!

24–25 ноября 1999 г. (среда–четверг)

(~ 00:01) 7 ноября – праздник, были у родителей Серёжи. Юрий Пантелеймонович выписался, и все сидели за столом: Ю. П., Т. А., мы, Наташа, Вадим и Владик. И всё как обычно: салаты, вино, селёдка; Наташа приготовила мясо, пироги. Пообщались, и Наташа со своими заспешила домой, а мы ещё посидели, поговорили по душам...

11 ноября вечер «Истоков» вела сама Г. В. Рой. Целый год её не видела (она болела, не выходила из дома и немного осунулась, поседела, постарела). Вечер был не очень... Кроме Гедымин и Агринского, особенно никто не запомнился. Да, ещё, конечно же, Ковальджи.

Виктор Попов спел одну песню и передал время девушке, которую привёл (также из театра Камбуровой): красивый сильный голос, хорошая игра на гитаре и тексты, сама обаятельная и привлекательная. Я с Фировой вышла раньше – поговорить в кафе, но оно было на спецобслуживании, и мы рискнули пойти в бар ресторана ЦДЛ, пропустить по бокалу шампанского. Засиделись, Серёжа пришёл за мной (оказывается, вечер закончился, и он специально задержал поэта и гомеопата Олега Владимировича Агринского). Мне уже было хорошо. О. А. согласился принять меня в ближайшее воскресенье 14.11.1999 (натошак).

Серёжа в этот раз не выступал.

(10:...) 14.11.1999 я действительно побывала на приёме у Агринского (м. «Цветной бульвар», Б. Каретный, 19). Целый час, а может и более он выспрашивал не только о болячках (бедро и сердце), но и всякую всячину... Что люблю есть – сладкое, мясо или рыбу? Срываюсь ли? Боюсь ли темноты, высоты? И т. п. Затем пошёл «полистать книги» и вернулся с двумя микропическихкими горошинами – «рассосите». И всё – до декабря. Здорово!

17.11.1999. Смогул пригласил на «Прогулки...» в ЦДЛ. Я немного запоздала. Выступал один нудный поэт, фамилию не помню, но лицо примелькалось в поэтических тусовках. Во втором отделении – бард Владимир Бережков. Это было интересно. Я ранее его не видела и не слышала, да и песни у меня не на слуху. Пришла его аудитория, очень тепло принимали. Артист! Пел – это не то слово, вернее сказать, изображал. В сборниках бардовских песен мелькала его фамилия. Вечер не пропал зря.

Параллельно готовились к вечеру Сергея в ЦДЛ 23.11.1999: более чем за месяц сделали у Чикиных приглашения и раздавали (порядка 200 билетов). Серёжа приглашал всех знакомых и малознакомых, а также с кем ранее общался по работе, поэзии, учёбе и т. д.

О вечере сообщили и Аронову, Черняку, Вознесенскому, Казаковой, Фатюшину, Егорову, Веснику, Ю. Полякову. Но они, конечно, не пришли. Хотя была Нонна Гавриловна, жена Весника.

Заранее готовили фуршет: водка и джин-тоник, бутерброды с колбасой и солёным огурчиком (в последний момент), конфеты «Родная сторона» (выпустил «Красный Октябрь», как чувствуя выход нашей книги), орехи, вафли, оливки с анчоусами, sprite. Таскали целую неделю (всего на 987 руб.): я – еду, Серёжа – питьё. Для нас дороговато, конечно, но удовольствие большое, а поэтому и не жаль! Выкарабкаемся.

Сергей почти каждый день репетировал венок сонетов. Сначала для динамичности – по его словам – очень частил, но с каждым разом читал всё размереннее и выразительнее, не теряя энергетику. Стихи (лирику) при мне не репетировал, т. к. с ними выступал уже неоднократно и выработал манеру.

Перед вечером, 20.11.1999, Андрей Шацков сообщил, что 21-го, в воскресенье, будет собрание нового Союза писателей Подмосковья, который организовали Фирсов с Шацковым из расклада, что председателем станет Фирсов, а замом – Шацков (что они потом и сделали). Сергея упорно сватали в секретари по печати, но он отказался, мотивируя это, во-первых, тем, что его устраивает Союз, в который он вступил; во-вторых, тем, что пора объединяться, а не разъединяться; в-третьих, тем, что он хочет заниматься не организаци-

онной работой, а только творчеством. Если понадобится, то он поможет в конкретном деле, но не более.

Несмотря на это Сергея выбрали куда-то в его отсутствие, на что он сказал Шацкову, что заниматься этим не хочет и что это не его («Без меня меня женили»). Серёжа очень разозлился и долго ворчал, кому-то звонил и всё хотел поговорить с Шацковым серьёзно. Но впереди маячил «вечер» и было не до выяснения отношений.

Помогать в организации события вызвались многие:

- конечно, Андрей – тащить тяжести, следить за магнитофоном и разливать, следить за порядком;

- конечно, Света – продавать книги у входа (кстати, она наторговала на 160 рублей, а если учесть, что всего в семейном бюджете осталось 60, то это была существенная поддержка), накрывать и убирать;

- Оля Орлова, Вика Рукина с Людой также следили и накрывали на стол;

- Фомины дотащили одну из тяжёлых сумок с бутылками и др.

Было много цветов. Ни на одном из вечеров поэзии я столько не видела – домой увозили целую охапку. И сейчас они стоят в двух вазах: гвоздики, розы и герберы – красный букет, а в другой – хризантемы белые и жёлтые, кустовые и шаровые. Очень красиво.

Наталья Константиновна Рыбалтовская принесла смешанный букет в красивой, праздничной упаковке, а Светочка – хризантемы, ромашки и т. д.

В целом всё было хорошо.

Подробнее так. Собирались долго и начали в 18:45, правда, в момент, когда Сергей сказал: «Ну, начнём!», Андрей оказался в буфете с Дашей Заводовской (долго не виделись и вышли поговорить). Я бегала туда-сюда,

узнавала, что нажимать для записи. И начало пропустили. Вернулась, когда Демидов запел «Всё искусство на крови...» И тут я включила магнитофон. Далее есть запись, поэтому цитировать не буду. Отмечу лишь общее.

- 1 часть – венок сонетов;
- 2 часть – лирика;
- 3 часть – «Страна родная»;
- 4 часть – «Юливанна»;
- 5 часть – «Дуралейская сказочка».

Во второй части было прочитано 14 стихов:

- «Скажи, мой друг...»;
- «Я думал...»;
- «Как беспощаден птичий гомон...»;
- «Дворовая мозаика»;
- «Декабрь неспокоен...»;
- «В Крыму»;
- «Ко дню рождения N. N.»;
- «Мой друг, он в Турции...»;
- «Моей жене»;
- «В метро»;
- «Кстати, о женщинах»;
- «Калейдоскоп»;
- «Тайна»;
- «По утренней прохладе...».

31 декабря 1999 г. (пятница)

(~ 21:30) [Дописываю про вечер.]

Демидов пел между «частями» стихов и был в ударе.

Серёжа читал уверенно. Красиво стоял, засунув правую руку в карман брюк, в чёрной рубашке, кожаной жилетке.

Отчитал как-то быстро, и дополнительно (хотя и не хотел) прочёл «Сказочку». Родственники, присутствовавшие на вечере (т. Нина, т. Аня), были шокированы и потом жаловались Татьяне Алексеевне, уговаривая, чтобы «Сергей больше не читал её на выступлениях». Это мне передала Т. А. перед поездкой в Польшу.

В конце Сергей всех пригласил к столу, который мы быстро накрыли скатертью и поставили угощения. Андрей разливал. Все сразу раскрепостились. Мои студентки не отходили от стола. Светочка с Юрием Васильевичем и Дашей сидели на первом ряду; чуть дальше – мои однокурсники Володя Теплицкий с Леной и Андреем Ананьевыми; напротив – Серёжины однокурсники: Мозалёв, Щетинин с Леной, Оля и Валера Акесоло-Алонсо; друзья-поэты: Аня Гедымин, Нина Краснова с корреспондентами «Книжного обозрения», Саша Климов-Южин, Андрей Шацков, Олег Агринский, Виктор Попов, Наташа Рожкова, Толя Поляков и др. Зал был полон, из присутствовавших мы знали треть...

Началась суета со сборами в Польшу. Мы сначала отказались от поездки до февраля–марта 2000 г. (по денежным соображениям). Но звонила Лола Звонарёва: что нас там очень ждут, что мы у них уже запланированы на декабрь. Пришлось искать деньги (благо Ирочка Фирова предложила, узнав о наших проблемах). Одожили 300 \$ до апреля.

Я решила попробовать обратиться за помощью к Наталье Нестеровой, ректору Университета, где я работаю в Академии живописи зам. декана, т. е. не как

частное лицо, а как сотрудник Университета. Для этого я попросила прислать из Российского центра науки и культуры в Варшаве (РЦНиК) официальный запрос на участие в организации моей выставки в Польше. И через референта – Ольгу Всеволодовну – получила добро от Нестеровой, но при условии, что перейду к ним в штат (я была совместителем с МГАПИ).

Пришлось 5 декабря, за неделю до отъезда, просить Светочку поставить в известность о моём уходе из МГАПИ Олега Михайловича Петрова. О. М. уезжал в командировку в Томск, но по телефону – согласился. Мы договорились, что я увольняюсь с 9 декабря и переносу трудовую книжку в НГУ, что я и сделала.

Серёжа в это время занимался покупкой билетов (туда и обратно), ваучеров (вместо виз). Последние два дня – 10 и 11 декабря – я занималась оформлением своих работ в паспорту. Картон для паспорта мне помог достать друг Андрея, который работает в фирме «Графика-сервис». Он принёс часть заказа домой, а за остальным Сергей ездил на «Речной вокзал». Рифлёный картон на подложки я сделала из тары от сигарет, купленных по пять рублей на «Киевской» (всего 12 коробок).

Несколько раз общались с Польшей, с Хохловыми, по телефону (потом оказалось, что наговорили на 550 руб.). Серёжа узнавал о нюансах поездки, а я уточняла у Александра Хохлова, что надо для выставки. Оказалось, что выставку задумали совершенно самостоятельным мероприятием, в то время как я считала, что буду оформлять залы, где пройдут выступления. К тому же я объяснила, что работы – это графика, иллюстрации к произведениям Сергея и классических русских писателей. Александр Хохлов просил привезти клеммы для

развески. Я их долго искала (по два рубля) и нашла на Никольской. Купила 120 штук.

Чемодан взяли у Фоминых, красивый, на колёсиках. Сумка – с Серёжиными книгами.

[Ещё я сделала с помощью Алимова, Андрея и Паши Зеленцова буклет на русском языке (100 экз.). Правда, он почти не пригодился, т. к. на открытии выставки были в основном поляки. Потом мы его всем дарили на Новый 2000 год!]

И вот пришла пора выходить. Приехал на «Оке» Сергей Смыслов с женой Светой – провожать нас. Они взяли тяжёлые вещи и поехали с Андреем на Белорусский вокзал, а мы, налегке, своим ходом на метро. Поезд «Полонез». Трёхместное купе, но ехали вдвоём. Как оказалось, проводник не додал полотенце, мыльце и щёточку для обуви, чай попросили сами (хотя положен с булочкой бесплатный – один раз). В купе уютно, коврик, умывальник, мусорница, верхнее спальное место со страховочными ремнями, бар-шкаф с зеркалом и подсветкой, гардероб с лесенкой, вешалки – всё ново. В туалете – туалетная бумага, полотенце, салфетки для сидений – всё не как у нас. За стеной польская речь. Рано утром, часов в пять, – граница. Смена колёс заняла два часа. Таможенницы Белоруссии просмотрели все мои рисунки, взяли разрешение комиссии на вывоз и куда-то ушли. Потом пришли, но без бумаг. Я попросила Сергея узнать о бумагах. Они куда-то сходили и в конце концов бумаги вернули, сказав, что не нашли искусствоведа.

Мы едем по Польше!

11 января 2000 г. (вторник)

(~ 22:00) Новогодние и Рождественские праздники позади. Позади и поездка в Киров (Вятку). Но всё по порядку.

Итак, мы едем по Польше!

Снега нет. Кое-где в ложбинках – маленькие белые полоски. Домики, чем дальше от границы, тем более «прибалтийские», западные.

И вот Варшава. Встречные электрички расписаны «граффити», заборы вдоль дороги – тоже. На перроне, на лавочке около больших сумок (типа «челнок», белые в клетку), сидит грустная женщина – внутренним чутьём понимаю, что из России. В Варшаве три остановки поезда. Нам нужна – за Вислой, после туннеля (Центр). Нас встречала Татьяна Хохлова. Вокзал – по типу нашего метро: платформы с эскалаторами, далее в духе Шереметьева-2 (открывающиеся двери...). Микроавтобус. Шофёр Саша. Погрузились и едем: вокруг вокзала много палаток-магазинчиков, современные (1970–1980 гг.) дома, гостиницы, магазины и т. д. Улицы неширокие, одно-двухрядные, много пробок на перекрёстках. Машины, в основном, маленькие, юркие. Проезжали посольство России – за нетипичным для Варшавы глухим (может, даже бетонным) забором: ощущение монолита, парадности, чопорности.

Перебил разговор с Аней Гедымин, первый в этом году. Поговорили: она поведала о «Переделкино», я – о Кирове (о нём – после Польши).

Вот что рассказала Аня. В её заезде были, в основном, дети с мамами и бабушками. Она чаще всего общалась с Инной Кабыш – ближе по возрасту и

интересам. Но план «по написанию стихов» не выполняла, т. к. общение было очень тесным. Очень энергичная и общительная Инна не отпускала Аню от себя или, может быть, сама от неё не отставала. Дети их также были вместе. Сын Инны постарше...

Аня обрадовалась, узнав, что мы общались с Виктором Луниным (Левиным) и Сашей Щупловым.

Лунина она очень любит – умный, талантливый, симпатичный и везучий: когда он ещё был молодым человеком, ему чуть ли не случайно предложили срочно сдать рукопись для издания в «Детгизе», а ведь тогда по десять лет ждали своей очереди. Виктор хороший переводчик с английского, скрупулёзный и работоспособный. Он приезжал к Ане после рождения Данилы.

Щуплова с его темпераментом она также знает давно. Сталкивалась с его нападками и издёвками, но реагировала на них соответствующим образом. После чего он зауважал её. Александр в своё время работал в «Молодой гвардии», где на общем фоне выглядел ярко (его любил Старшинов). Он был всегда удачлив и, наверное, впервые оказался у разбитого корыта после несостоявшегося назначения главным редактором «Книжного обозрения» (на эту должность, вопреки мнению всего коллектива, был назначен другой).

Снова о Польше. Дом, куда нас привезли – это две «скалы», соединённые перемычкой на самом верху: одна «скала» заселена сотрудниками торгпредства и другими русскими служащими, вход на территорию через проходную. Нас поселили на пятом этаже в квартирегостиннице, обходящейся Российскому центру науки и культуры в Варшаве (РЦНК) 25 \$ в день с человека.

Татьяна Хохлова предупредила, что заедет за нами и отвезёт в центр города, погулять.

С дороги мы перекусили, отдохнули, распаковались, переоделись. Я заметила, что в городе многие ходят без головных уборов и решила идти без шляпки (в которой приехала).

На том же автобусике, который привёз нас с вокзала, мы поехали к Старому Месту – мимо парка с памятником Шопену и по центральной улице с множеством архитектурных памятников (костёлов, усадеб, дворцов, просто доходных домов).

Первое – площадь перед Замком (где, кстати, проходила выставка живописи эпохи Шопена) с колонной Зигмунда III (1644 г.). Сильный холодный ветер не располагал к длительному созерцанию, хотелось быстрее переместиться на более уютные улочки. Вышли на базарную площадь с домами-«сиамскими близнецами», вырастающими друг из друга и отличающимися лишь «одеждой». В центре площади – герб Варшавы (русалка со щитом и мечом) и фонтан, волна из-под которого регулярно набегает на зрителей. Художники на площади пишут и продают свои работы-сувениры. Первый увиденный близко костёл, перестроенный в стиле неоготики, привёл в восторг. У входа стояла женщина неопределённого возраста, молча просила милостыню. Внутри темно, тихо, почти безлюдно. Далее по улочке до крепостной стены и вдоль неё – к Висле. Холодный ветер с реки. Сухо, чисто. Красивые старые домики, много кирпича, черепицы, плюща, камня и готики.

Вернулись на площадь Замка. Потом пошли по центральной улице с заходами в книжный магазин (за картой, путеводителем по Варшаве, Кракову), художественный салон, костёлы и фотографированием. Санта Клаус угостил нас карамелькой. Прошли переулок (как наш Старый Арбат) с бутиками и салонами. Заглянули в продовольственный магазин около бывше-

го дома Хохловых. Там вкусно пахло копчёностями и было безлюдно. Микроавтобус подобрал нас и доставил домой, предварительно заезжая за продуктами в супермаркет, где корзинки с колёсиками можно взять, только вложив монету (1 zł) в ручку с прорезью. Купили творог (очень свежий), сосиски (ничего), мёд, т. к. у Сергея накануне была температура 38°, хлеб – всего на 13 zł (1 \$ ~ 4,2 zł, 1 \$ ~ 26 руб.).

Жили в двухкомнатной квартире с длинным коридором вдоль всей квартиры. Большая гостиная со стеклянными дверями и балконом (но с двумя кроватями, наверное, для большего числа гостей). Кухня с полным набором посуды. Спальня (тёплая, в отличие от гостиной), ванная в конце коридора. Все удобства.

Вечером были приглашены к Хохловым. В 19:00 за нами зашёл Александр, и я показала ему то, что привезла.

Дома Саша Хохлов похвастался (по праву) своей уникальной коллекцией пивных открывалок из бронзы или похожих цветных сплавов разной величины [от «кувалд» почти 30 см до мини] и конфигурации.

Очень необычной оказалась техника работ самого Александра. Мы с Сергеем думали о сушёных травах, верёвках, а оказалось – женские колготки, разрезанные и натянутые на подрамник с задником-холстом, подкрашенным в нужный цвет. По композиции это натюрморты, пейзажи, абстракции.

На следующий день (14.12.1999) у нас планировалось выступление в Варшавском университете (~ в 12:00). Татьяна Хохлова, ориентируясь на мои интересы, предложила утром в 9:00 съездить в Весёлое, что у Старой Милосты, посмотреть фрески и картины Ежи

Новосельского в костёле, который восстанавливался по инициативе ксёндза Стефана.

Ежи Новосельский взялся расписывать храм на условиях, что и весь остальной интерьер со всеми деталями сделает он сам. Что и произошло.

Трудно передать увиденное. Ощущение, что это православные иконы, фрески – тёмные, в белых рамах. Непропорционально большая алтарная часть для нефа. Очень интересные асимметричные витражи и светильники.

После костёла пошли в строение рядом, где расположена обогреваемая (в отличие от костёла) молитвенная комната, также украшенная иконами (фресками) Ежи Новосельского.

Через переход попали в дом, где устроены комнаты, столовая для паломников. Кстати, там более двух лет живёт шофёр нашего микроавтобуса Саша (первоначально его поселили на несколько дней), который уже стал своим: подвозит, помогает по дому, чистит территорию.

В доме нас встретил ксёндз Стефан: поприветствовал, подарил буклеты и календари, но, извинившись, уехал на намеченную встречу. Без него мы попили чаю, кофе и поспешили дальше.

По дороге (30 км) видели голубые мешки вдоль проезжей части. Оказалось, что в них мусор, который по найму собирают безработные в лесу.

В Варшавском университете нас встретила профессор Алиция Володзько, женщина строгая и добрая одновременно, интеллигентная, умная, знающая и любящая русский язык и русскую литературу.

В аудитории собралось много студентов (человек 80–100) и несколько преподавателей-русистов. Алиция

Володзько предупредила Сергея, что они воспринимают его не только как поэта, но и как носителя русского языка.

Если А. В. готовили так же как Сергея (т. е. ничего конкретного о слушателях, об интересующей их информации), то просто удивительна способность профессора понятно объяснять ситуации. Ответы на вопросы (о поэзии в целом, о современной поэзии, об авангарде... об отношении ко всему) Сергей чередовал со своими стихами, и всё это комментировала А. В.

Сначала Сергей читал «Венок». А. В. прокомментировала его как классическую, традиционную форму с современной начинкой. Далее Сергей читал «Страну родную». Я очень боялась «монолог антисемита», который Сергей не планировал читать, но не смог вовремя остановиться. А. В. прокомментировала их как интересные современные стихи с сарказмом и сатирой. И попросила ещё почитать детские из «Юлианны», что Сергей и сделал.

Студенты следили за чтением «Юлианны» по строчкам книжки, которую мы им раздали (50 шт.), и в конце подошли за автографами. Я совсем забыла о фото и вспомнила об этом лишь когда осталось человек десять, а А. В. уже ушла.

13 января 2000 г. (четверг)

(~ 22:00) Р. С. По дороге обратно Татьяна Хохлова спросила, куда нас отвезти – домой или погулять в центр. Мы выбрали второе. Прошли опять тем же маршрутом, что в первый раз. Было холодно и очень ветрено. Решили ехать домой. В автобусе (1 билет стоит 0,5 \$!) тихо, доехали до своей остановки. Смерка-

лось, но мы сделали снимок нашего дома. В среду – Краков...

15.12.1999. Поезд «Интер Сити» – в 10:15. Ехать 290 км, время в пути – 2,5 часа (!), почти как в деревню, до которой 90 км. Стоимость двух билетов – 270 zł (~ 35 \$).

Купейный сидячий вагон. Большие окна и стеклянная дверная стена, поэтому можно разглядывать дорогу со всех сторон. Наши места – напротив, у двери. Рядом с Сергеем сидела молодая парочка (скорее студентов) с рюкзаками, поляки. В моём ряду – один мужчина у окна. Парочка тихо перешёптывалась. Поезд шёл быстро, но без качки. «Стюард», иначе и не назовёшь, в форме, белоснежной рубашке, улыбчивый молодой человек, галантно предложил на выбор чай, кофе, сок, воду и вафли в шоколаде. Всё на подносике, на коленях – но совершенно спокойно, не «расплескаешь».

В Кракове на перроне никто нас не встретил. Мы подождали – и пошли по городу. Мимо старого театра с анютиными глазками на клумбе. Вышли к Мариацкому костёлу. Обошли всю площадь. За торговыми рядами к Рождеству выстроены палатки с сувенирами, подарками, игрушками. Разного «калибра» «гнезда» из соломы, прутьев с белыми младенцами. Венки из хвойных веток с лентами, колокольчиками. Игрушки на ёлку (ангелочки с различными музыкальными инструментами). Много поделок из дерева и глины. Среди палаток – столики для любителей пива.

Круг замкнулся, и мы вошли в Марицкий костёл. Ощущения совсем другие, чем в православном храме. В костёле всё тянет вперёд, не хочется сворачивать в боковые нефы. Делаю усилие и сворачиваю вправо. Немыслимой высоты перекрытия, не пропорционально человеку. Много лепнины, золота, дерева. В православном храме хочется свернуть влево-вправо или по-

ворачиваться вокруг оси в центре, а купол высокий, но не кажется чрезмерным, больше камня, чем дерева.

Прихожане в костёле ходят по-деловому, даже приклоняют колени по-деловому. В православном – все как заторможенные, стоят и кланяются.

Пошли в сторону Вавеля, сворачивая к костёлам. Но, к сожалению, плёнку заправили плохо, и фотографий не осталось. Некоторые костёлы стояли открытые, но совершенно пустые – из прихожан никого не было. Мы входили, проходили «от и до», стояли, рассматривали витражи из цветов – тюльпанов, анютиных глазок и др. В торце – Создатель с поднятой рукой, вернее, распростёртой дланью. Более поздние костёлы – барокко с «финтифлюшками», «излишествами», гнутыми линиями, вазочками, шишечками и пр.

И как итог – выходим к площади (небольшой), через которую видна громада замка на холме со всеми полагающимися стенами, башнями различной конфигурации, со стеблями обвивающего плюща (летом – с листьями). По долгому подъёму слева обходим стену и через арки-ворота попадаем во двор крепости замка. Народу, кроме нас, – один-два человека. Пересекли двор, через арку попали во внутренний дворик замка-палаццо с колоннами по второму и третьему этажу и арками на первом. Музей закрылся только-только, мы опоздали на 10–15 минут. Теперь мы знаем, что в Кракове надо идти сразу в музеи Вавеля, а затем гулять по городу.

В глубоких сумерках возвращаемся на площадь Мариакского собора, прогулялись по рядам, и – к поезду.

Обратно с нами в купе ехала польская студентка (всю дорогу листавшая журнал), у окна – немец (читавший статью о наших выборах в Гос. Думу), а также студентка из Англии (изучавшая «Историю Польши»).

Столь же галантный «стюарт» и те же 2,5 часа молчания, за исключением одного вопроса английской студентки к Сергею – о времени. На что Сергей ответил по-английски и получил «спасибо» по-русски.

На вокзале нас встретил шофёр Саша.

16.12.1999 в 9:00 едем в Сероцк для организации выставки.

17 января 2000 г. (понедельник)

(~ 23:00) У нас новость: в пятницу позвонила Татьяна Алексеевна – их просят срочно приехать за машиной «Москвич», бесплатно выделенной Юрию Пантелеймоновичу как ветерану ВОВ! Дело в том, что эту машину они передают Сергею, чтобы он возил их на дачу. Возникает куча проблем: учиться водить, где-то хранить и т. п. Серёжа собирается с февраля на курсы вождения [когда получим деньги за квартиру].

Р. Р. S. Продолжаю о Польше.

В этот раз нас сопровождал Александр Хохлов. У него так ловко всё получалось с развеской, что после того как я расставила работы вдоль стен мы управились до 13:00: Серёжа помогал одевать кляймеры и вдевать в них шнур, Александр, взбираясь на стремянку, вязал к трубам, я выравнивала.

Обедали вместе с директором дома, где была галерея – Веславом [Wiesław Woźniak]. Галерея «Арт-Банк» имеет зал размером ~ 80 кв. м, где и разместилась моя выставка графики (30 работ).

Открытие выставки было назначено на 17:00. После сытного обеда с оригинальной закуской – ТАРТАР (татарское блюдо), представляющей собой сырой (свежий)

фарш с маринованными овощами – огурчики, морковка... – мы прогулялись по окрестностям Сероцка. Спустились к реке и пошли вдоль по улице с домами, обнесёнными условными заборами, ландшафтной планировкой участков и без садов-огородов. Вышли на центральную площадь, к костёлу. В этом месте река Нарев широка и сливается с Бугом. Видна была стрелка, да ещё при солнечном заходе с розово... пастельными тонами – попробовали снять. (Что-то получится?) Холодный ветер. Обошли Сероцк кругом, по центральной улице вернулись. И ещё ждали до 17:00 – сидели в фойе, в баре.

И вот немногочисленные гости ходят вдоль стен, учтиво спрашивают и даже выслушивают объяснения на малопонятном для них русском языке. Все они поляки (бургомистр с женой, редактор местной газеты или издательства с женой, философ с женой, главный лесник с женой и ещё кто-то).

В центре, на столе – таком широком, что не было слышно людей напротив – стояла декорация: курица, два петушка поменьше (чучела), корзинка с яйцами, свечи, крынка, горшок и всякая деревенская атрибутика. Всё это называли то ли деревенской вечёркой, то ли дружкой. Каждый мужчина сказал тост – по рангу. «Резануло» то, что после пива подали... водку и что в отсутствии официанток разливал младший по должности (им оказался наш шофёр Саша).

Запомнился главный лесник – персонаж «Ревизора»: ну очень колоритная фигура.

В 21:00 были дома.

В пятницу 17.12.1999 – отъезд. С утра успели на рождественский базар – купить сувениры друзьям и родственникам. Оказалось, что в Кракове базар интереснее, т. к. там больше фольклорных, национальных,

просто оригинальных вещей. Пришлось отовариться всякими подсвечниками, игрушками, колокольчиками, сердечками и т. п. Себе купили составную «зебру» (солонка и перечница) да оставили одного летящего ангелочка из Кракова (сидящего ангелочка решили подарить Ане Гедымин). Ещё понравилась керамика, пепельницы с различными надписями типа: «Не кури, а то попа отвалится». Эта достанется Демидову, другие – Андрею и Фировой.

Чемодан (спасибо за него Ире и Сергею Фоминым) собран плюс сумка – с подарками и едой в дорогу. В 14:10 – поезд. Последняя прогулка за 40 минут до отъезда, мимо памятника Шопену, к павлинам и уткам на аллеях!

И сразу – «на землю»: на вокзале вдоль нашего поезда (у трёх вагонов) цугом стоят тележки «челноков». В остановившийся поезд я влетела первая, т. к. предупредили, что «челноки» грузятся долго и основательно. Пока грузчики кидали через окна тюки, мы передавали стаканы – на посошок... Татьяна Хохлова посоветовала запереться «на ботинок» – за цепочку, в натяг. Это помогло, когда ночью пытались открыть купе снаружи.

О «челноках». На три вагона – один, точнее, одна старшая, или «Мафия». Каждый везёт столько, что на двоих-троих берут два купе: одно забивают под потолок, а в другом оставляют сидячие места у двери. Таможенники и пограничники разговаривают о деньгах только с «Мафией». Заранее есть ставки, но при переборе – доплата из кулачка челнока (~ 30 \$). Одну «челночницу» «Мафия» отругала за 50 \$ – т. к. подвела всех (могут поднять таксу). Ночью, после границы, стрелочник пытался также получить своё, угрожая отцепить два вагона (мы были в предпоследнем) – обошлось.

«Мафия» после границы распрощалась с челноками, выполнив свою миссию (её звали только при ЧП).

Таможенник к нам не зашёл, с одним чемоданом мы не представляли интереса.

В Москве за вагоном бежали грузчики с криком: «Наши!» Меня смели от двери, и повторилось метание тюков, но в обратном порядке.

Мы дома!

Встретили Новый год – 2000! Салат оливье, бутылка шампанского, конфеты. Пришла соседка Ира. Смотрели TV аж до четырёх утра: самое эффектное зрелище для меня – «ёлочка» из Эйфелевой башни! Мы кричали «ура!». Кругом тоже кричали! На улице трещали пестарды, взрывались хлопушки.

С 4 по 10 января мы были в Кирове, думали, что его переименовали в Вятку, ан нет!

Поезд № 32 отходил от Ярославского вокзала в 19:43. Андрей не смог проводить – тащили книги еле-еле, успели за пять минут до отправления! Да ещё из 18 вагонов мы – в восьмом. Рядом ехали Аннинские, Нагаевы, Щуплов. В купе у них гармонист наяривал старые песни, пока не пришла железнодорожная милиция и не запретила «шуметь» и пить.

5 января в 8:25 мы – в Вятке. Холодно. Накануне были морозы до -25° . К нашему приезду потеплело до -15° . Я (в пальто) жалела о шубе, оставленной в Москве. Выгрузились: книги везли все. Много журналов «Детская литература». Собрались из нескольких вагонов – взрослые, дети. Много! Ничего не понятно, думали мероприятие для взрослых – оказались на фестивале общероссийской общественной организации «Детские и молодёжные инициативы» (ДИМСИ).

20 января 2000 г. (четверг)

На арендованных автобусах доехали до «Северной больницы» – это один из военных профилакториев, где разместили всех делегатов. Мы поселились на третьем этаже.

В 15:00 – экскурсия по Кирову-Вятке. Музей Васнецовых. В двух корпусах. В новый не попали, т. к. там был концерт. В старом оказались на выставке книг. Зал редких книг:

- Евангелие, подаренное вятскому князю Ю. Долгоруким (из Троице-Сергиевой лавры);
- Библия Острожская, отпечатанная Иваном Фёдоровым. Острог, 1581 г. (Кировский областной краеведческий музей);
- Иллюстрация. Апостол Евангелист Марк. После 1603 г. Бумага, гуашь, золото (Кировский областной художественный музей);
- Гравюры Василия Иконникова (сцены Евангелиста). Москва, 1764 г. (Личная коллекция);
- Иллюстрации Василия Кореня – резчика библии на досках. Раскрашена другим. Повторена современным художником – В. Пензин (Книга Бытия и Апокалипсис).
- Библия 1692–1696 гг. Бумага, ксилография, акварель. (Кировский областной художественный музей).

Иллюстрации известных художников: Бернадского, П. Викторова, Александрова, Бореля, Ф. Васильева, Маковского, Клодта, Ремизова (Ре-Ми), Бенуа, Чехонина, Сомова, Лансере, Кругликовой...

На втором этаже – ближе к современности: Кардовский, Клементьева, Фаворский, Кравченко, Гончаров,

Митурич, Козлинский, Сарьян, Пиков, Кибрик, Харламов.

Детская литература, иллюстрированная Васнецовым, Чарушиным, Рудаковым.

В результате мне очень захотелось Библию Василия Кореня, с рисунками, напоминающими лубок!

Всё бегом. Оттуда – в музей Грина. Экскурсовод тихо предупредила, что сейчас будет врать, т. к. именно этот дом (в отличие от других трёх) не является домом, где он жил!!! А то, что здесь музей, оказалось ошибочным решением одного из авторитетов: указать именно на этот дом, а остальные снести!

Музей открыт в 1980 году. Грин, вернее, Гриневский жил в Вятке с 3 до 20 лет. «Из третьестепенных писателей – я первый».

30 января 2000 г. (воскресенье)

6 января. Открытие фестиваля ДИМСИ. Затем экскурсия по городу – получилось только в Успенский собор.

Интересно, что икона Спаса вывезена из Вятки Иваном Грозным и ввезена в московский Кремль через башню с воротами, которую впоследствии называли Спасской.

После обеда – встреча в городской библиотеке для нашей группы: Игорь Нагаев, Виктор Лунин (Левин), Валерий Воскобойников, Александра Николаевна Аннинская, Телюки. Другая группа должна была ехать в администрацию города. Но т. к. администрация неожиданно оказалась на рождественских каникулах, то они приехали в библиотеку: Лев Аннинский, Белла Ригго (Венгрия), Александр Ермаков, Александр Анани-

чев, Евгений Усанов, Людмила Сёмина («Маяк»), Ян Новогловский (Польша).

Из интересного в выступлениях.

Игорь Германович Нагаев. Его отец – из Вятских мест, написал 12 романов («Киров», «Пламенные революционеры», не успел закончить роман о Шаяпине). Брат И. Г. – художник, оформил последнюю на сегодня книгу Михалкова.

Валерий Михайлович Воскобойников. За 60 лет жизни написал более 60 романов. В конце 1980-х и начале 1990-х собрал группу за восстановление Храма. Написал рассказы о 29 православных святых.

Белла Риго – редактор журнала. Учебник «Детская литература», «Книга о Пушкине» (переведена Татьяной Ворониной), «Школа для фей» (читала Лола Звонарёва).

Лев Аннинский. Читал рассказ из книги «Три барда» – о том, как, возможно, первым записывал Булата Окуджаву на магнитофон (300 метров плёнки).

Александр Николаевич Ермаков играл на баяне и пел с Александром Ананичевым о Березняках, о России, «Цветы на подоконнике...» (слова Есенина).

Евгений Усанов – директор художественного музея Александрова. Устраивает встречи: в последнее воскресенье мая – для поэтов; последнее воскресенье сентября – для детей.

Виктор Владимирович Лунин (псевдоним В. В. Левина) – диплом Андерсена. Перевёл все песни Битлов. Рассказывал о поэте Северном, Андрее Анпилове (который пишет похоже на Сашу Чёрного).

В 17:00 оказались в арткафе на встрече с местной интеллигенцией и вернисаже Татьяны Тимкиной (акварельные портреты и пейзажи).

4 февраля 2000 г. (пятница)

(~ 21:00) О Кирове-Вятке продолжу потом, т. к. более свежие впечатления перебивают, и от них надо избавиться.

Во-первых, 23 января в ГТГ на Крымском валу удалось (наконец-то) попасть на выставку «Михаил Ларионов и Наталья Гончарова. Шедевры из парижского наследия. Живопись». Их передала в Россию бывшая с 1962 по 1964 гг. второй женой Ларионова Александра Клавдиевна Томилина – т. е. они поженились, когда ему было $62 + 19 = 81$ год! Ларионов: 1881–1964 гг.

Не стала переписывать все работы – хотелось купить каталог (но он стоил ~ 300 руб., и, конечно же, таких денег нет; хоть продать бы один натюрморт за 500 руб., тогда можно будет купить ещё и каталог графики в ГТГ в Лаврушинском переулке за 180 руб.).

Что бросилось в глаза:

– работ Н. Г. больше, чем М. Л. Они ярче и более мощные что ли, нет, не ярче, а именно мощнее. Очень интересны в народном стиле львы, птицы и люди. Впечатление, что это где-то подспудно в вышивках, резьбе, поделках, почти Дымково, почти деревянная пластика, монументально и интимно одновременно.

28 января побывала на консультации в мастерской у Кулакова, с композицией по мифам и легендам Древней Греции:

– на «Арго» напали псоголовые (в масле на холсте);
– картон, композиции с гарпиями.

Были втроем: Лиза Колонова, Оля Самовская и я.

В. А. писал. Нечто такое: в восьмигранном подрамнике крупно фигура молодой женщины в пёстром платье, абстрактной расцветки, с яркими геометрическими фигурами и линиями, на фоне пейзажа с домами и деревьями. Фон не яркий и не пёстрый. Женщина ещё не вся прописана, лицо обозначено светлым, расплывчатым пятном, но платье уже ожило на ветру, облегло формы – порыв счастья, силы, будущего, светлой надежды.

Я пришла первой. Постучала в окно мастерской на первом этаже. В. А. выглянул из-за занавески и махнул рукой в сторону двери. Ключом открыл входную железную дверь в предбанник, через другую дверь я попала в коридорчик с вешалкой. Скинула пальто и шляпу. У В. А. руки были в масляной краске. На стене коридорчика висели записанные холсты, но снятые с подрамников (как в «Золотом ключике»). Я даже проверила: нет ли за ними дверцы? Нет!

Развернула работу. В. А. снял свою с мольберта и поставил мою. Палитра была под рукой. И началась правка: цвет фигур не такой фиолетовый, а более красный, малиновый, парус серый (а не зеленоватый) и т. д. Большой кистью В. А. уверенно смешивал краски, пробовав тон, подправлял и уверенно правил холст.

После очередного стука в окно пришли девочки.

После меня Лиза развернула большую работу с менадами, паном.

Оля – картон в цвете с медузой Горгоной, Афиной, Пегасом... и ещё фото другой работы.

Пили чай с вфельным тортиком. В. А. показал свои новые работы, да так много! Натюрморты с инструментами (два варианта): красные ручки на столе как орнамент на скатерти, причём первый – с настоящими опилками, специально прилепленными к холсту. Инте-

ресная композиция «Деревенских посиделок» за столом – фигуры женщин. И другие (плохо с памятью). Показал альбомы любимых художников: В. Васнецова – почти гризайль, но живописно, монументально, красиво. Ещё одного армянского художника (?), у которого натюрморты с инструментами и армянские зимние (без листьев) пейзажи с кустиками, ветками деревьев и др., всё изящно и в пастельных тонах серого, охристого...

Случайно попалось фото, которому В. А. очень обрадовался.

Про фотографию, когда её видят искусствоведы, говорят: «Ты видел Самого Бойса?» (Если не перевираю фамилию.) Кулаков был у него в мастерской, и тот подарил ему книгу о себе с... волком. Мы спросили, чем знаменит Бойс. Из ответа поняла, что европейская слава – от его неожиданных поступков. Сделать фонтан в доме Наций (?), где по трубам течёт мёд! – т. к. пчёлы коллективные трудолюбивые насекомые.

Прожил с волком неделю в одной комнате, сняв это на камеру. На фото из альбома испуганный волк сторонится непонятного объекта – это Бойс завернулся в ткань (рогожа, возможно, шепель?) с головой.

Затем поговорили о Глазунове, которого В. А. называл «бесноватым». Ну кто ещё может отхватить у церкви её территорию для себя? Нам было очень жалко, что нет фильма о Кулакове, его зафиксированных мыслей о красоте в живописи (против мещанской красоты у некоторых студенток первого курса). Показал работу Васнецова, где изображён мальчик с железной кружкой – но как красиво написано.

Кстати, В. А. рассказал, что на вопросы художников, почему он пишет двумя цветами, Васнецов отвечал: «Бог не дал таланта на цвета, но двумя я так напишу!»

Я вернулась счастливая. Хотелось писать. Много и хорошо. Пробовать, дерзать! Вот это энергетика таланта В. А., которой не только он сам живёт, но и нас зажигает!

Сергей как-то зашёл в «Юность», к ребятам. И они выдали ему несколько писем душевнобольной женщины к писателю Василию Аксёнову. В них перемежалась правда с больным воображением, великое и смешное, возвышенное и будничное: советы для президента Ельцина, низкое качество хрустящей картошки, агенты, продающие марки на почте, вокзальные истории, родственные интриги, девственные и сексуальные впечатления, политика, история...

Дали как материал.

И через пару дней появилось стихотворение про агента Нулёва. Так вот!

7 февраля 2000 г. (понедельник)

В среду 2 февраля мы, сговорившись с Аней Гедымин, пришли на вечер Инны Кабыш и Дмитрия Быкова.

Зал был полон. У всех разговор о недавнем нападении двоих на Д. Б. (у подъезда – ударили гаечным ключом по голове).

Инна с женственной причёской (заколотыми кверху волосами), в чём-то чёрном. Изящная, как всегда. Дима в рубашке (трикотажной), расстёгнутой на горле. По афише начало в 18:00, а начали почти в 19:00. Быков извинился за задержку (неотложные дела). Он же открыл. Читали по очереди. Кабыш прочла посвящение Ряшенцеву и после вызвала его выступать. Ряшенцев

сидел за нами. Сказал, что не готовился. Что к молодёжи всегда был расположен, правда, не встречая ответа. Называя Инну и Диму мастерами, просил относиться к этому серьёзно. «Димка – один из умнейших людей Москвы». Чухонцев, прочитав Быкова, сказал ему, что Быкову надо печатать романы в стихах.

Далее Ряшенцев пояснил, что как «дворовый» мальчик он никогда не любил таких как Дима, считая их пижонами, но его стихи ему нравятся.

Про Кабыш Ряшенцев сказал, что Инна пришла в поэзию сразу и надолго, что про неё пишут книги и статьи, что к уже имеющимся в его представлении четырём женским именам добавилось ещё одно.

Далее читались стихи, причём Быков извинился за длинноты.

[Сергей, спустя несколько дней, проанализировал его стихи и пояснил мне отличие от стихов собственных, которое заключается в том, что «развязка» (ударная строка) у Димы ставится после длинного перечня надуманных, изощрённых и т. п. событий, метафор. Сергей же использует жизненные, прозаические ситуации и широко употребляемые слова.]

В общей сложности по принципу диалога было прочитано Димой – 20, а Инной – 26 стихотворений.

4 февраля была на консультации у Алимова с рисунками к Булгаковскому «Собачьему сердцу», в мастерской на «Киевской». Пришли: Ира Фетисова, Лиза Колонова, Оля Самовская и я.

Я чуть опоздала (на пять минут), Сергей Александрович уже смотрел сценографию – четыре Олиных листа в карандаше к «Левше». Взялся показать, как работать гуашью. Показал все этапы, начиная с общих прокладок цветов большой кистью, затем поверх – ос-

новные фигуры более тонкой колонковой с длинным ворсом и черенком, заканчивая «прорисовкой» мелких деталей. Всё ярко. Оля пыталась возразить, что казаки в зелёной форме, но А. С. сказал, что в театре свои законы. Оля ушла и не взяла «показной» рисунок Алимова. А я его утащила (на память).

С. А. всем подарил по пачке бумаги (для набросков).

Сидели, пили чай с пирогом Иры и шоколадкой Оли.

С. А. по просьбе Фетисовой ещё раз повторил историю, как они пробивали свои первые мастерские. Когда Фурцева им отказала, дошли до Косыгина. А когда обычный бюрократ не захотел рассматривать их письмо, они ему указали на подпись... И всё дали – рядом с Большим Театром.

8 февраля 2000 г. (вторник)

(~ 23:00) Позвонил Сергей Демидов – увидел в «Книжном обозрении» ругательную заметку на «Книгу вторую. Страну родную». Автор – Анна Зверева. Возможно, это псевдоним. Сергей в заметке не нашёл никакой критики, просто реплика: «Ну не нравишься ты мне!» Возможно, статья заказная, возможно, начинающего. Зато хорошая реклама в 11 тысяч экземпляров. Спасибо!

Сергей ходит на водительские курсы.

14 мая 2000 г. (воскресенье)

(~ 11:00) Вчера были на вечере Александра Ананичева в музее Алексея Толстого, посвящённом его творчеству, а заодно и 30-летию.

Сергей выступал в конце, читал стихи, которые написал уже этой весной: «Коту не ложится на месте с утра...», «Приметы весны – 2000», «Моя дорогая, апрель на дворе!..» и более раннее «По утренней прохладе, вдруг...»

Выступающих, кроме самого Саши, было на три часа... Запомнилось выступление Оскоцкого, который остался профессионалом (критиком) даже в поздравлении. Кроме пожеланий и перспектив Оскоцкий оставил на:

- форсировании Сашей патриотической, христианской темы. Что любовь к Родине – не крики на площади, а душевные слова;

- стихотворение о танке в Польше несколько не соответствует истории. Что Россия трижды подавляла национальные восстания, и хотя современный настрой может вызвать иные ассоциации, но всё надо рассматривать во времени.

Интересными показались исследования об Илье Муромце.

И, конечно, юмор. Редактор журнала «Ералаш» Сергей Георгиев читал короткие истории об орлах и воробьях, крокодилах и др. Первые рассказы особенно запомнились:

- орёл прибыл к месту службы, а ему говорят, что нет мест для орлов, и один день пусть поработает воробьём. Что делать? Просто сидеть на ветке и чирикать. Орёл подумал и согласился. Отработал день и пришёл проситься в орлы. А ему говорят: ну кто же теперь будет считать тебя орлом, после того как все видели, что ты сидел на ветке и чирикал;

- воробушек сказал родителям, что хочет быть орлом, за что родители его отшлёпали. Затем хочет быть филином – реакция та же. Тогда, успокоив-

шись, воробушек залезает под крыло мамы и говорит: я знаю, откуда берутся орлы и филины, просто их вовремя не отшлёпали;

– два крокодила хотели совершить кругосветное путешествие, но боялись, что всех распугают и ничего не увидят. Тогда они решили переодеться тушканчиками и, сделав это, пошли – и всё равно все кинулись врассыпную. «Я и не знал, что тушканчики такие злые и страшные», – сказал один крокодил.

Лола попросила нас проводить Оскоцкого до метро, когда мы собрались уходить после фуршета. Проходя коридорами музея А. Толстого, зашли в гостиную-столовую (где, кстати, висит натюрморт (!) Брейгеля). Осмотрели другие комнаты: портрет работы П. Корина «А. Толстой», шкафы с литературой XIX в., женские портреты и пр. Валентин Дмитриевич сознался, что здесь впервые – как и мы.

Очень симпатичный: глаза светятся, даже лучатся – живые; смеётся заразительно и от души, как ребёнок, с удовольствием. Свободное пальто с застёжками-петлями, палочка. Шли медленно. Первоначальное неловкое молчание прервал В. Д., спросив, не читали ли мы недавно в «Новом мире» рассказы Солженицына, в одном из которых явно просматривается фигура А. Толстого. Рассказ двойной. Первый этап: один читатель присылает А. Т. письмо, описывая свою жизнь, трудности, лагеря и прося денежную помощь. Второй этап: А. Т. на встрече с другим писателем восторгается мощным русским языком просителя. Собеседник интересуется: о чём просят-то? – А. Т.: Неважно! Какой язык! – Собеседник: ну и как, ты помог? – А. Т.: Неважно! Вот какому языку надо учиться!

Далее В. Д. и Сергей говорили о служении писателей властям, о продажности, о заказных работах. В. Д. сообщил, что вышло много архивных документов, в т. ч. и материалов по писателям, в двух томах.

Нужно выпросить у Демидова об этих книгах – это материалы для литератора.

В троллейбусе по дороге к «Кропоткинской» В. Д. спросил меня, чем я занимаюсь, имею ли отношение к литературе. Сергей же вспомнил о работе в «Литературных новостях» у Иодковского, где он участвовал в выпуске первых десяти номеров и, кажется, встречал В. Д. на совещаниях, как и Аннинского с А. Ивановым. На что В. Д. (уже в метро, при шуме поездов) рассказал Сергею – при этом азартно смеясь – детали я не слышала, но суть была такая: кто-то восторгался, что «с самим Александром Ивановым рядом сидел!»

Ранее В. Д. рассказал о драматурге Марке Розовском, который приглашает его на свою постановку «Истории лошади», а В. Д. боится сравнения с ГАБДТом Товстоногова и потому не идёт. Правда, Розовский утверждает, что у него есть моменты даже посильнее... В ответ я рассказала о работе комиссии по премиям, в которой принимает участие В. А. Кулаков: как их председатель, режиссёр театра Маяковского – Гончаров – во вступительном слове просил членов комиссии быть принципиальными и объективными. А на следующем заседании, в его отсутствие, заместительша выдвинула его на лауреатство. Прошёл. Хотя спектакли театра именно с постановочной точки зрения оставляют желать много лучшего: при хороших артистах – не захватывают. Дали ему премию за... вклад в искусство! В. Д. долго смеялся!

Ещё В. Д. говорил о нетерпимости А. Ананичева к католикам – он отказывался в Польше заходить в кос-

тёлы, на что В. Д. сказал, что «в костёле ещё находится и сердце Шопена!» Теперь Ананичев задумался и стал более мягок, хотя к А. Меню ещё не изменил своего отношения.

На «Парке культуры» мы расстались. В. Д. уехал в поезде до «Юго-Западной», где на лавочке у четвёртого вагона (на «нашей» лавочке, как он выразился) его ждали. Цветы В. Д. передал мне, я предлагала передать их супруге, но он сказал, что она на даче. Сейчас тюльпаны, крупные и ароматные, стоят в вазе. На прощанье В. Д. галантно поцеловал мне руку.

Вчера же была очередная попытка сдать на права. Но видно что-то не сработало в цепочке звонков и просьб, и хотя мы заплатили 150 \$ ещё 10 мая, пришлось сдавать со всеми. И после удачной эстакады – опять полоса разгона не дотянула на две секунды (а может и дотянула, но не докажешь...). Теперь очередные разговоры – через восемь дней, где-то 23 мая. Но 20 мая Серёжины родители хотели уехать на дачу, и всё опять усложняется с оформлением машины и доверенности.

12 апреля по приглашению Саши Фатюшина были на премьере спектакля «Дети Ванюшина». Саша играл главную роль.

Хотя спектакль разбавили степом, многого этим не достигли. Мы шли со спектакля по бульвару, и Сергей анализировал: кто виноват? Саша играл замечательно. Даже не нужна была попытка самоубийства, чтобы усилить трагизм его положения. Достаточно было «ухода» Ванюшина наверх, откуда он читал свой монолог.

Нет общей установки – то ли режиссёра, то ли постановщика. И ещё – увлечение костюмами и декора-

циями, что на примере театра на Юго-Западе вовсе не обязательно. Главное – создать атмосферу.

Вместе с Сашей была занята и его жена Елена Мольченко, исполнявшая роль дочери Ванюшина.

16 июня 2000 г. (пятница)

(~ 22:15) 30 мая Сергей получил права. В четверг поехали в Бутово за машиной. Она простояла в гараже с конца января, и аккумулятор сел. Серёжа с Юрием Пантелеймоновичем и соседом (не взяв, вернее, отправив меня домой) пошли в гараж. Через некоторое время, может, полчаса, может, час, подогнали «Святогор» к дому. Ю. П. поворчал, что Сергей ведёт неровно и рывками. Татьяна Алексеевна предложила оставить машину у них под окнами, т. к. было поздно – около 23:00. Но Сергей решил ехать. Я села рядом. На первом же светофоре заглохли, а на первом посту ГИБДД нас оштрафовали на 100 руб. за не прикрученные номера. Но потихоньку доехали. Всю пятницу я, Наташа (сестра Сергея) и Т. А. сомневались, сможет ли Сергей их отвезти. Но он сам не сомневался, и в субботу к 16:00 мы были опять в Бутово (заправившись накануне). Я взяла на себя роль штурмана: читала карту, знаки и т. п. Дважды (руководствуясь интуицией и наставлениями Вадима – мужа и штурмана Наташи) говорила вопреки советам Ю. П., и получалось верно. Трудно было ехать по просёлку с ямами и кочками. Да ещё и с грузом – TV, едой, рассадой и т. п. (даже черкнули днищем)...

Разгрузились, сели отмечать. На радостях Сергей с Ю. П. хватанули неразбавленного. Потом мы с Сергеем пошли прогуляться к его бывшему дому – навестить

каштанчик. Но там шёл ремонт, и деревце – уже с руку толщиной – сломали. Серёжа очень расстроился: кому помешал каштанчик у калитки? Когда уезжали утром, он специально ещё раз проехал мимо дома, чтобы убедиться, что действительно каштанчик сломан. Был мрачен.

Возвращались спокойнее.

А на следующие выходные была вылазка в Ильинский погост по Старо-Рязанскому шоссе вместе с Андреем, прихватили кое-что из вещей и стол. Чучу на поводке держал Андрей. Чуча забился в ноги и там дрожал. Возвращаясь, прихватили Апухтина.

У нас заканчивается очередная (четвёртая) выставка в ЦДХ. На этот раз – без детей. Очень интересная. Я выставила «Завтрак» (Сергей, я и Чуча на нашей кухне) + н-т + «Модель».

На открытии подошёл художник Александров и похвалил (за тон).

23 августа 2000 г. (среда)

Академию живописи перевели на «Белорусскую» (Электрический пер., 10А). Пытаюсь навести порядок и уют, но не дают плотников. Вот и сижу с разобранными шкафами.

Сергей пишет медленно, но верно. За две недели в Ильинке – три стихотворения, уже есть стихотворения и о предках, и о «сегодня».

Возможно (билеты есть, но задерживают зарплату и отпускные в НГУ Н. Нестеровой), поедem на слёт ДИМСИ в Туапсе с 31 августа по 15 сентября.

Мне не пишется. Заставляя себя, выдавила: композицию «На даче» и два этюда о Польше (с фото).

Сижу, читаю письма Ван Гога брату Тео. Нахожу подтверждение своим мыслям, что без натуры и рисунка – никуда: «... И с каждым днём я всё больше убеждаюсь, что люди, для которых борьба за овладение натурой – не главное, не достигают цели». А какая у меня цель? Если я начинала лишь с желанием писать «красивые» натюрморты, то теперь цели изменились: хочется писать хорошие вещи, а что именно – натюрморты, пейзажи, композиции, портреты – всё равно. Скорее всего, то, что волнует. Но надо учесть, что сейчас моя жизнь связана, а где-то и подчинена Серёжинным планам. Поэтому его так много в моих работах, и они, именно эти работы, получаются лучше. Может быть, смысл всего моего творчества – отражение жизни Сергея? Ван Гог назвал себя «крестьянским художником», т. к. чувствовал себя именно там «в своей тарелке». А я чувствую себя «в своей тарелке» дома. Значит, я «домашний художник»?

И далее: при равнодушии к моим работам, наверное, как когда-то чувства Ван Гога, так и мои чувства описаны одним словом – «вывернись». Главное – хватило бы выдержки и терпения. Хотя, как цитирует Ван Гог Милле: «В искусстве надо жертвовать своей школой!» – возможно, мне это недоступно.

День траура по 118 морякам атомной подлодки «Курск». По ТВ – клипы с «Любэ», о подводниках. Не могу смотреть, плачу и переключаю! Не по-людски с ними поступили... С утра идёт дождь. Пасмурно и тоскливо, как и на душе...

И ещё от Ван Гога: «... Будущее всегда не похоже на то, чего ожидаешь; поэтому не стоит загадывать наперёд. Обратная сторона живописи состоит в том, что художнику, даже если его картины не продаются, всё равно нужны деньги на краски и модели, для того чтобы двигаться вперёд. В этом-то вся беда.

Однако в остальном живопись и, на мой взгляд, особенно живописание сельской жизни приносит успокоение даже тогда, когда в жизни много неприятностей и огорчений.

Я хочу сказать, что живопись заменяет художнику родину и что, занимаясь ею, он не испытывает тоски по родине, того странного чувства, которое угнетало Эннебо».

Приходил Кулаков – обсудить расстановку мебели в мастерских. Наталья Михайловна (жена Алимова) сегодня сообщила ему о тяжёлом состоянии Приёмхова (в реанимации, рак). На даче Вадим Алексеевич будто чувствовал, что надо в Москву. Ожидают самое худшее со дня на день. Уже сделана операция, удалившая метастазы, но источник болезни, увы, не удалить...

Из Ван Гога: «В конце концов, человек живёт на свете не ради удовольствия, и вовсе не обязательно, чтобы тебе было лучше, чем другим».

Как меняются ощущения! В 1994 г., когда я начинала – сплошное ощущение неуверенности. В 1996 г., когда поступила в АЖ, на I курсе – усиление неуверенности. Но на II курсе – после «Ковчега», «Нов» и «Сергея» – что-то почувствовала, какую-то силу. Думала – поняла! Но не тут-то было! После III курса – неуверенность. После IV курса – ещё большая неуверенность! Даже ужас, что взялась за живопись! Пони-

мая теперь красоту настоящей живописи – ужасно от собственной слабости и бессилия... Что будет на V и VI курсах?

«Не стоит загадывать наперёд».

24 августа 2000 г. (четверг)

(~ 14:11) Из писем Ван Гога:

«... я видел два собрания современных картин... Многие я нахожу **очень красивыми**, и тут я имею в виду, прежде всего, работы колористов или тех, кто пытается таковым быть, кто ищет повсюду светлые, перламутровые сочетания. Но, на мой взгляд, это не всегда **настоящее**; это слишком желанно, и я предпочитаю видеть простой мазок и менее аффектированный, менее сложный цвет, одним словом, больше простоты, мудрой простоты, которая не боится смелой техники. Рубенса я нахожу красивым именно потому, что у него такая бесхитростная манера, именно потому, что он работает простейшими средствами...»

«Но фотография – это всегда неизменно условные глаза, носы, рты, восковые, гладкие, холодные. В них всегда есть что-то мёртвое.

А вот живописные портреты живут собственной жизнью, исходя непосредственно из души художника, чего не может дать никакая машина. Чем больше видишь фотографий, тем яснее это становится».

И ещё под моё настроение:

«Когда я не могу работать и двигаться вперёд, я ужасно огорчаюсь, и вынужденное бездействие прямо-таки душит меня».

Вчера Серёжа встречался с Оскоцким и отдал ему подборку последних стихов. Вечером Оскоцкий позвонил и сказал, что стихи ему очень понравились и что (кроме трёх: об Анне Зверевой, «Весна – 2000» и ...) все остальные подходят, что выделит для них целую полосу. Ура!

[Ван Гог: «чёрный вынужден составить = кармин + прусская синяя».]

9 ноября 2000 г. (четверг)

(~ 14:20) Уже ноябрь.

Чем больше событий, тем реже пишу, т. к. много дел и безделиц.

Перечитала последние записки.

Приёмыхов умер почти тогда же.

Я вот случайно дома – болит сердце.

Решила записать кое-что.

Вероника родила мальчика 7 ноября ~ в 23:00 – Серёжа стал дедушкой. Я его спрашиваю: как ты себя ощущаешь как дед? А он говорит, что и отцом ещё до конца себя не прочувствовал. Я же сказала, что уже устала быть матерью.

Имя внучку ещё не придумали, есть вариант – Владик, но не окончательный.

Летние стихи Сергея опубликовали в октябрьском номере «Литературных новостей», об этом Оскоцкий сообщил по телефону. Сергей обрадовался, и мы пообещали прийти на следующий день в ЦДЛ, на вечер Твардовского, который должен был вести Оскоцкий.

В фойе сразу увидели Валентина Дмитриевича. Ещё раз подтвердив, что Серёжины стихи ему нравятся, особо отметил про кота, что ему сейчас знакомо по дому. Предложил через полгода опять принести подборку.

Серёжа говорит, что он чувствует, как писать, и знает. Что у него уже совсем другое осознание стихов.

Последнее про ноябрь (про кавказца) понравилось Вадиму Григорьевичу Черняку.

Увлёкся «Знаками зодиака» венгра Белы Риго, переводит. Сначала хотел остановиться на «Льве» и «Рыбах». Теперь уже готов «Овен». Взялся за «Тельца». Подстрочники я переписала у Лолы Звонарёвой на «отдыхе» в Туапсе. В Туапсе, вернее, на Приморской базе Новомихайловска, мы оказались по зову Лолы и пробыли там с 29 августа по 15 сентября. Очень сумбурный отдых. Но он в некоторых отношениях полезен: интересные встречи-знакомства (Сергей Георгиев, челябинцы), не говоря уж об Аннинских, Воскобойникове и Анне Леонидовне Хорошевич (историк).

Очень обаятельная Лида Нагаева. Чудные Алеевы – Наташа и «маленький», как она назвала мужа.

Сергей организовал сбор средств Георгиеву, когда его обокрали, и собрал очень много (в нашем понятии).

Я ничего за лето не сделала, хотя и пыталась... Давно не отпускает угнетённое состояние, из которого нет выхода, может, поэтому и сердце болит.

Много и бестолково работаю: всякие переезды, мебель, проверки, расчёты зарплаты, натурщицы, ксероксы и пр.

Но работа сдвинулась. Новые хорошие преподаватели: Анатолий Владимирович Кузнецов и Юлия Германовна Суховецкая (живопись и рисунок).

18 февраля 2001 г. (воскресенье)

(~ 17:00) Сергей сегодня вторично (т. к. к пятнице – 16 февраля – ещё было не прочитано) созвонился с А. Вознесенским. Звонил ему в Переделкино. Оба раза подходила Зоя Борисовна.

В целом отзыв о вышедшей «Книге легенд» положительный: «Хорошо. Много новых имён и нужны примечания». Легенды ему понравились больше Венка сонетов. Сказал коротко, что они близки к постмодернизму.

Не имея энциклопедии искусства, мы предположили, что это новый виток классики, и оказались не так далеки от истины.

Рой заинтересовалась мнением Андрея Андреевича и предложила в «Истоках», дав первую страницу обложки, напечатать этот отзыв. Сергей загорелся ещё узнать мнения Оскоцкого, Ковальджи и Казаковой, Аннинского и Липатова («Юность»).

Когда я услышала, что Сергей разговаривает с Вознесенским, шепнула: «Спроси о картинках...» Вознесенский очень лаконичен в отзывах, я поняла, что в целом хорошо, «органично сочетаются с текстом».

За последние месяцы самым интересным был вечер Ани Гедымин в ноябре. Полный Малый зал. Было очень интересно, и поэтому ничего не писала, хотелось слушать. Новое для меня: детские стихи (особенно об ужастиках – вампирах, ...) и проза, а также её поэма «Косари». Всё так хорошо, на таком уровне, что дух захватывает. Даже стыдно её похвалам за мои рисунки, т. к. они сделаны не в полную силу, а бегом. Кажется, что ещё успею переделать, потом. А «ПОТОМ» не бывает. И надо делать всё как в последний раз в жизни.

Выступали: Ковальджи, Исаева, А. Поляков, кто-то из «Кольца А»... – многих не знаю. Затем сидели в кафе. Туда добрался и Евгений Рейн, «патриарх русской поэзии» (как его назвал один из лизоблюдов, предложивший чуть ли не первый тост на вечере за него, на что кафе возмущённо затихло, и послышались выкрики: «Пьём за Анну!» – А «патриарх», поддержав, сказал: «Сегодня пьём только за Анну»).

Я сидела за столиком вдвоём с Ирой Фировой, Сергей за соседним с Сергеем Георгиевым и Виктором Луниным (который тоже выступал на вечере), с его или не его дамой. Сергей (мой) принёс нам тарелку с бутербродами, а им – не досталось. Но им досталось много вина и водки, т. ч. Георгиев периодически подходил и подливал нам. Всё это закончилось плачевно для моего Серёжи – по дороге домой его стало развозить (я думала, что он дурачится, но ошиблась), а дома, бедный, вскакивал ночью и стремглав нёсся босиком в туалет – сильно мутило.

Были и другие события, но менее яркие. Вечер альманаха «Истоки» (№ 9) в декабре, где выступали «гости» из Долгопрудного и Лобни, после чего, когда мы шли домой от метро до дома, я всё грозилась больше не ходить на этот позор, где нечего слушать, и что Сергей не умеет вести, говорить и т. п.

Была выставка в ЦДХ к 2000-летию Христианства на двух этажах: второй этаж – живопись, третий этаж – графика, театр, монументальное искусство. Хотя я и записала 19 фамилий художников, которые мне понравились или которых я знаю, но сотни не записала. В целом винегрет из «Несения креста» и «Подвига священника». Без модерновых течений, только реализм. Живопись очень неоднородна – много «графоманов» в

художественном смысле. В погоне за литературой теряются все живописные средства. Почти нет композиций. Пейзаж ещё живёт, но в стандартном виде. Кое-что из портретов и натюрмортов.

В январе Лола Звонарёва вывезла всех в Сергиев Посад на творческий вечер Ананичева в библиотеке.

И ещё один вечер «Истоков» – десятый – вёл опять Сергей, но вместе с Александром Щупловым. Поживее: Егорова, Мирошников, Агринский, Райберг (с новой, молодой женой!), Капьяр...

Я записывала ляпсусы типа: «Невиноватый волк, что волком народился!», «Ты больше, чем Благая весть...», «И с влагалищем красным калоши...», «Увы, глаза обращены назад...».

Серёжа читал, как все, три стихотворения: «Моё» («Я, пожалуй, ещё ничего не забыл...»), «Кавказец, бедняга...», «Зима, зиме...»

И, конечно, Щуплов: «Вечность минус две зимы...», «Овруч», «Переворачиватель жизни».

25 февраля 2001 г. (воскресенье)

(~ 13:00) Сегодня конец масленицы – Прощёное воскресенье. Андрей с Танюхой вчера вечером уехали в Балашиху. Мы вдвоём, хотя нет – втроём, ещё Чуча. Посмотрели по каналу «Культура» программу, вернее, вторую часть вчерашней «Театральной летописи XX века. Евгений Весник». И я задумалась, что и нам уже есть кого вспоминать.

Серёжа сразу после просмотра первой части (вчера) позвонил Евгению Яковлевичу. Подошла его жена Нонна Гавриловна. Евгений Яковлевич был дома и то-

же смотрел TV. Серёжа передал ему благодарность, растроганность воспоминаниями о войне. И я увидела (впервые за девять лет), что, разговаривая по телефону, Серёжа прослезился. Вешая трубку, сказал, что Евгений Яковлевич смотрел фильм и растрогался, что так хорошо его «сделали», а он – вместе с ним...

И я вспомнила, как на дне рождения Евгения Яковлевича он рассказывал о поездках, театре, о походе Гриценко в «Анне Карениной» (Е. Я. коллекционирует походы). [Пишу лёжа, Чуча – под мышкой, поэтому неаккуратно.] Вот и первый рассказ о Е. Я. Веснике.

Другой – об А. А. Вознесенском. Я советую Сергею всё записывать для памяти. Например, как Сергей звонил Вознесенскому с просьбой разрешить опубликовать его реплику о «Книге легенд». Это интересно с психологической точки зрения. Сергей, ценя Вознесенского – поэта-новатора, профессионала, – и вручил ему на вечере «Истоков» только что привезённую из типографии «Книгу легенд» и услышал в ответ: «Позвони через неделю!» Это было в четверг.

Через неделю Сергей звонит. Подошла Зоя Борисовна и сказала (было ~ 9:20), что А. А. ещё не вставал (несмотря на распорядок – время утренней прогулки).

Сергей перезвонил в пятницу. А. А. сказал, что ещё не прочёл, просил перезвонить в воскресенье.

В воскресенье Сергей с робостью опять набрал номер А. А. И вот Вознесенский сказал, что здорово, познавательно, много имён, интересны примечания... И в таком духе.

Я подсказываю: «Спроси о Венке сонетов!» Сергей спросил. А. А. сказал, что Венок ему понравился меньше легенд.

Я опять: «Спроси про картинки!» Сергей спросил. Вроде бы хорошо, гармонируют с текстом...

Вот и всё.

Вечером Сергей говорил с Рой, заинтересовавшейся мнением А. А., и вот – новая проблема: опять звонить... Для Сергея – очередной «напряг», т. к. ему неудобно лишний раз беспокоить Вознесенского, но нужно просить разрешения на публикацию.

В понедельник Сергей набирал номер Вознесенского, но его не было, позже Зоя Борисовна ходила за А. А., но связь разомкнулась, и... Сергей постеснялся перезванивать. Переживал. И лишь во вторник, набрав номер, сразу попал на А. А., зачитал ему отзыв, который сформулировал по их предыдущему разговору – и А. А. сразу согласился!

Сергей вздохнул спокойно, как камень с души свалился! Вот и вторая зарисовка.

Третий рассказ, пожалуй, об Аннинском. Когда мы жили на турбазе под Туапсе в сентябре 2000-го в соседних домиках (был слёт ДИМСИ).

Домики фанерные: одна дверь (со стеклом), рядом окно, небольшое крылечко. В комнате две железные кровати с провисшими панцирными сетками. Ночью прохладно. Поэтому я укутывалась: купили тёплые пушистые носки, надевала халат и кофту – во всём этом забиралась под одеяло из фланели, а может, тонкой шерсти и ещё накрывалась сверху покрывалом. Долго не засыпала – пока не согрелась. Сергей – более стойкий к холоду – редко, по моему настоянию, надевал футболку (засыпал сразу).

Вечерами были мероприятия с детьми в зале, затем прогулка к морю и сон.

Вот уже погасили свет. Тихо, только редко вскрикивает филин. Народ далеко (ближе к морю) – наш дом почти в конце лагеря, и звуки сюда не долетают. Только фонарь освещает «улицу» между домиками, и тени

веток деревьев грецких орехов лежат на занавесках двери и окна. Сергей уже засопел, значит, спит. Я, натянув одеяло на нос, оставила только глаза. Скорее надыхаться, согреться и заснуть. Тревожно. [Мы же почти на границе с Чечнёй. Позже, уже в Москве, почти сразу по приезде слышали в новостях о случаях взятия заложников на Черноморском побережье Кавказа...]

Вдруг на дверной занавеске бесшумно возникает тень человека, которая растёт. За круглой головой уже вижу очертания рук, упёртых в бока – или что-то в руках? Оружие? Стук в дверь. Хочется кричать. Сергей спросонья спрашивает: «Кто?» И слышу в ответ голос Льва Александровича Аннинского: «Ребята! Вы спите? Я уху вам принёс!» Я вскакиваю и распахиваю дверь. На крыльце стоит Л. А. со здоровой кастрюлей в руках: «Нас угостили удивительной ухой из хариуса. (Правда Сергей говорит, что было сказано: из форели.) Мы ели, ели, и Александра Николаевна сказала, чтобы с вами поделиться!» Протягивает мне кастрюлю и удаляется.

Я, ошарашенная, стою с кастрюлей. Сергей садится в кровати, готовый есть. Но чем? Ложек и вилок нет. Я наливаю ему стакан бульона, и он с удовольствием его выпивает и просит второй. Руками вылавливаю со дна куски рыбы и делю на двоих, стряхивая с них картошку.

Сидим: я за столиком у окна, Сергей в кровати – обсасываем каждую косточку. Действительно вкусно, нежно.

Утром, вымыв кастрюлю, возвращаю её А. Н. Оказалось, их угостил местный поэт, который специально для них готовил уху.

Сейчас Сергей прочёл новое стихотворение о конце зимы. Короткая строка. Как будто я его уже слышала.

«Позвони Черняку, спроси». Сергей так и сделал. Вадим Григорьевич предложил поменять местами две последние строфы, а в целом – хорошо!

Вот это поэтический слух! Это врождённый главный редактор!

27 февраля 2001 г. (вторник)

(~ 9:20) Есть немного времени до работы. Вчера устала и не смогла записать яркие впечатления, хотя я была в двух мастерских. Утром – у Натальи Баженовой (матери Кости, нашего третьекурсника), которая приехала из Польши и привезла вызовы для студентов (Лены Косяченко и её подруги). Но главное – у Анатолия Владимировича КУЗНЕЦОВА. Его мастерская недалеко – на улице Вавилова, у рынка, куда мы с Ирой Фетисовой дошли пешком от метро «Профсоюзная».

На протяжении почти всего посещения я держала в руках и рассматривала дневники-зарисовки. Это собственноручно переплетённые А. В. тетради по 400 страниц (об увиденном, начиная со студенчества). Немного текста, порой даже не связанного с рисунками, как, например: «Сегодня болела голова» или «Снег этой зимой ещё не выпал» и т. п. Конечно, это просится в отдельное издание. Может, со временем так и будет. Первые рисунки ~ 1969–1973 гг. – более заштрихованные (всё выполнено пером и тушью), менее лаконичные, тоновые. Последние – силуэтные, многие без тона. Есть натурные рисунки, «один к одному» (как сказал А. В.: «В «натурных» одна цель – сделать «1:1»). Есть такие, в которых штриховка создаёт расплывчатость контура. А в некоторых глубокие тени, сделанные стократной штриховкой, становятся «бархатными». Темы разнообраз-

разные: Дагестанский дневник – которым А. В. гордится – с зарисовками деталей одежды, утвари, сторон быта (таких как укатывание женщинами круглым камнем-катком глиняных крыш после дождя), животных и, конечно, гор; Рязанские окрестности – откуда А. В. родом – где прошла юность и чувствуется радость воспоминаний о ней; все поездки, связанные со съёмками фильмов – «Экипаж» и др.

Смотрели живопись. На стенах – небольшие этюды Рязанщины, два автопортрета разных лет, портрет дочери и двойной портрет с ней же, недописанный портрет умершей жены с котом (на тёмном, почти чёрном фоне и с голубыми глазами кота)... На мольбертах – две большие, в разной стадии незаконченности, работы: 150 × 130 и 150 × 140 – любимые размеры А. В., почти квадраты: то ли упавшие, то ли падающие яблоки, летящие или квазиустойчивые женщины, лестницы, окна. Все картины А. В. называет «натюрмортами». Даже в названиях – например, «Натюрморт с девушкой». Фетисова пыталась возражать по поводу «неживой, мёртвой» натуры, но А. В. воспринимает натюрморт как расстановку по желанию художника всего чего угодно – людей, луны, предметов, т. е. создание из реальных вещей своего мира.

Из всего виденного сложно что-то выделить, всё сделано качественно, тонко, красиво (в художественном смысле, а не в смысле красоты), гармонично, порой неожиданно. Условно есть отдельные периоды, но они переплетаются между собой: тёмные – тональные натюрморты на лаке; падающие, неустойчивые натюрморты; летящие, бегущие, лежащие – с петухами, с орнаментами скатертей, платьев, занавесок, яблок, посуды...

А. В. показал часть своей коллекции драпировок – всяких тканей (даже изнанки с сочетанием цветов, тонов), которые он использует в работе. Ему их дарят, привозят, а бывает – выпрашивает у дочери. Всё это аккуратно поглажено и сложено в ящичке в шкафу.

Мебели в мастерской мало: большая массивная антресоль с работами разных размеров, в закутке за лестницей – диванчик для отдыха. С диванчика через красивое деревенское зеркало видно работы на мольберте. А. В. говорит, что иногда лежит и думает, как быть дальше с картиной. Длинный стол, надставленный с двух сторон для гостей, с ножками от этюдников...

Кроме размещённых на мольбертах, семь-восемь незаконченных работ стоят в стороне. А. В. их показал, начиная с самой последней – про карьер (кстати, в Дневнике была его зарисовка), далее – женщина, летящая над натюрмортом; осенняя листва с летящей или падающей женщиной...

Сначала он ярко «обозначает» композицию. Затем прописывает темнее, потом постепенно вытаскивает цвета, иногда затемняя снова, если выскакивает что-то (по его выражению – «лессируя»). О лессировке с Фетисовой возникли разногласия: Ира её понимает в более узком смысле, как послойную, мелкими мазками, прозрачную живопись, а А. В. – как подкладку под цвета, создание среды...

Подробно смотрели темперу: для создания среды – размывается водой. Его тётя, увидев несколько темперных работ о Рязанщине, назвала их «праздничными», что А. В. счёл за большую похвалу. Они действительно светлые (возможно, разбелённые): голубые, салатовые, желтоватые («сено с лошадкой»).

7 апреля 2001 г. (суббота)

(~ 19:00) Отхожу от вчерашнего стресса: стычка Сергея и Андрея. Сергей педант (в некоторых вопросах, в данном случае – порядка на кухне). Порядок был. Но стоял на плите сотейник с остывшей капустой и кофейник с остатками кофе. Сергей пошёл в комнату к ребятам (Андрею и Татьяне, которая у нас живёт уже с февраля месяца). Хотя Сергей убеждает себя, что был спокоен, я ему говорю: «Посмотри на своё лицо: губы сжаты, глаза – два буравчика, весь красный». Говорит – чеканит слова: «Убирать надо...» В ответ: «Когда захочу – уберу...» Далее: «Надо сразу...» – «Что ты меня учишь, как жить...» Андрей уходит. Сергей хватается за рыжий сотейник (который я успела убрать в холодильник) и несёт в комнату к ребятам. Я бегу за ним, пытаюсь схватить за коричневую рубашку, но не могу, он выскальзывает... Андрей несёт сотейник назад. Всё как в плохом фильме. Нет конфликта, но много шума. Я уговариваю Сергея быть выше, умнее, уступать. Сергей считает, что уступить нельзя, иначе всё загадят.

Сергей всех завёл: себя, меня и ребят. А ведь была пятница – предвкушала два дня отдыха. До сих пор внутри всё дрожь и всё из рук валится.

Я согласна на всё: обмен, разъезд... лишь бы было тихо и мирно.

Сергей договорился до того, что если так, то его здесь не будет.

Мне всех жалко. Себя – радовалась, что все скандалы с Андреем позади; Андрея – что он несобранный, и все его будут шпынять, как Сергей; Сергея – у него стала дёргаться голова, я думала, что он (сидит напротив)

читает стихи про себя и изредка дёргает головой вниз и вправо, а это оказался... нервный тик.

Ребята уехали на ночь к Татьяне в Балашиху. Сергей, чувствуя себя виноватым передо мной, вчера и сегодня пытается всё загладить добрыми словами, ласками. Но я чуть что – плачу... Маму вспоминала (как мы с ней дружно, хотя и немного, жили). Как она ждала меня с работы, приготовив «сюрприз» (это после операции): то раковину вымоет, то до магазина дойдёт и купит молока, то кашу сварит... По TV показали погибшую подлодку К-8 и фото моряков – я опять всплакнула... Вот такая суббота.

Вслед за А. В. Кузнецовым я всё-таки сделала книгу для рисунков (с обложкой из замши). Кое-что начала рисовать, но не каждый день, как он.

Ещё с Сергеем ходили на открытие Арт-салона, куда нас пригласил Кулаков. Были Нестерова, Звонарёва, Черецкая – от НГУ и все друзья Кулакова – художники, из которых я знала (кроме, конечно, Алимова и Кузнецова) Лукьянова, Медведева, Назаренко, сына (старшего) и жену (Галину Петровну), других в лицо не знала.

Кулаков был единственным, выставленным от МСХ, и – в самом центре зала основной экспозиции.

Побродили по всей выставке. Сергею понравились скульпторы: коты и ещё гимнастика с обручем.

Мне – Вайс (или Вейс).

Сегодня Сергей успел встретиться с Львом Александровичем Аннинским (у него день рождения – 67 лет!) и передать «птицу» (так мы называем ксилографию с обложки «Книги легенд»).

21 мая 2001 г. (понедельник)

(23:15) Уже и майские праздники прошли. Открыли дачный сезон 4–6 мая (посадили зелень да ведро картошки, которое дал Владимир Иванович). В. И. после операции на желудке: исхудал, но держится молодцом. По обыкновению угостил солёными огурцами.

Обновили био-туалет. Ничего. Посмотрим, что дальше. Как сказала тётя Ира (папина сестра), новостей в деревне много: сосед сзади отравился, сосед, кормивший собаку – сгорел... 4 и 5 мая не было электричества, пока Виктор, сын В. И., не нашёл окислившиеся контакты... На даче мне нравится!

Сергей побывал в Польше – в Варшаве – на Международном дне поэзии с Дударевым и Ананичевым.

Теперь я с фотоаппаратом. На выставке «Москва-Петербург» в Манеже отсняла 18 кадров с Кулаковым, Алимовым, Кузнецовым, Суховецкой, Медведевым, Максимовым, Суховецким.

1 мая съездили в Переделкино к Ане Гедымин. Погуляли. Опять не попали в музей Пастернака, но побывали на его могиле...

Я от НГУ плавала на теплоходе в Сосновый бор с Сергеем Александровичем Алимовым и Натальей Михайловной, Анатолием Владимировичем Кузнецовым и Ириной. После шашлыков из свинины и осетрины попили вина, поели. Хорошие фото. Познакомилась с Константином Кедровым.

Готовимся к V выставке Академии живописи НГУ в ЦДХ.

Я готовлю три работы: «Рекламная компания» (из Белорусского вокзала), портрет Шуры, «Двойная постановка» («Художник и модель, или Солнце в мастерской»).

Интересна реакция преподавателей: Кузнецов хвалит, а Кулаков требует дописать.

Графику по «Фаусту» – не успею. Попробую по Телюку – гравюры к «Легендам».

Волнуюсь за Андрееву защиту: филонит, ничего не делает.

Игра в семейную жизнь выйдет боком (и не с такими характерами ломались). Надо же за полгода до выпуска начать интересоваться кулинарными рецептами, заработками и чистотой в комнате...

Хотя и у Тани выпуск и экзамены в мединститут.

Испытываю внутренний дискомфорт: опять попала в колею (от чего я ушла из Министерства). Куча обязанностей и мало времени на своё творчество. Ужас! Мечтаю, что в 2002 году смогу всё или частично бросить.

Отмечали день рождения Кулакова в среду 16.V (т. к. 14 мая его не было в мастерской). Интересно. Кузнецов с Кулаковым сошлись во мнении, что мастерская может если не погубить, то и ничего не дать. Страшно одному сидеть в ней и не писать. Страшны одиночество и невостребованность.

Сейчас золотая пора: мы должны сделать много вещей и к выставке, и к просмотру! А писать «в стол», для себя, может не каждый!

29 июля 2001 г. (воскресенье)

(за 21:00)

Памяти Андрея Апухтина

Рой комаров, слепней...

*Июль. Деревня –
ни облачка над ней,*

*лишь голос певня
своим «ку-ка-ре-ку»*

*в жару тревожит,
вокзальному гудку
подобья множит...*

*От будущих потерь –
одна морока.*

*Куда ещё теперь
зовёшь, дорога?*

28–29 июля 2001 г. Сергей Телюк. Ильинский погост

Сегодня, когда мы ехали на «ласточке» из Ильинского погоста в Москву (Сергей, я, Наташа Шумянкова и Сергей Артамонов, двоюродный брат Андрея Апухтина) в 14:00 в Могилёве, так и не выйдя из комы (с 24–25 июля), умер в реанимации Андрей Апухтин.

Сообщил об этом Сергей Серебров, дозвонившийся до больницы в Могилёве, где лежал Андрей. И, по-видимому, ни дочь Андрея Юля, ни его жена Лена ещё ничего не знают...

Вчера вечером, разговаривая с Леной, мы всё надеялись на чудо. Не верилось, что может случиться самое плохое.

И только Сергей писал это стихотворение, у которого сегодня появилось название...

Коротко о:

– 24 мая Гриша Нестеров топал на меня ногами: «Вы лично у меня украли в прошлом месяце десять тысяч рублей». Поясняю: табели на Кулакова, Алимова – не по их фактическому приходу, а больше...

Г. Г. Нестеров и А. И. Кочума (кабинет на двоих – что-то новое!) ну никак не достанут Кулакова, последнего декана из всех факультетов Университета, который ещё ни разу не менялся! Они считают, что 22 академических часа по 150 руб. (проездной на метро, один килограмм колбасы, < 20 литров бензина), т. е. 3300 руб. (~ 110 \$) – много мастеру Кулакову за два рабочих дня в неделю. Да и народному художнику, академику РАЖ Алимову 12 ч. × 150 руб. = 1800 руб. (~ 64 \$) – многовато за один день, а это – 40 студентов (со всех курсов)!

Вероятно, и я знаю много лишнего, а именно:

– фиктивные данные при лицензировании и аккредитации Университета (даже есть копии некоторых документов – ну на всякий случай!).

И вообще неудобно, когда рядом люди умнее, талантливее, профессиональнее!

«Ушли»: троих из хозотдела (в один день); двоих из бухгалтерии (скромных, порядочных, воспитанных) – и всё около 24 мая.

Я с 25 мая слегла с давлением на больничном до выставки 31 мая. Кулаков говорил с Нестеровой: если уйдёт Телюк, то уйдём и мы все (это редко в НГУ, когда заступаются деканы, обычно «съедают» поодиночке, при всеобщем молчании).

В среду 31 мая состоялось открытие V выставки АЖ в ЦДХ (зал № 21). Были от нас: В. Оскоцкий, И. Нагаев, В. Лунин, родственники и друзья – Телюки: Татьяна

на Алексеевна и Юрий Пантелеймонович, тётя Нина, Н. Шумянкава, С. Довгер с Ю., Г. и С. Мозалёвы, И. Фирова.

От Кулакова: Лошаков и искусствовед...

Мои работы: четыре графики из «Книги легенд» и живопись («У метро «Белорусская», «В мастерской», «Девушка в костюме Коломбины»).

Сергей в четверг или пятницу, 26 или 27 июля, разговаривал по телефону с А. А. Вознесенским – поблагодарил за отзыв на «Книгу легенд», на что А. А. сказал: «Не стоит. Книга сильная (мощная) сама по себе».

Во вторник 31 июля едем в Гданьск через Калининград с Алеевыми, Аннинскими, Дударевым, Оскоцким...

1 сентября 2001 г. (суббота)

Прошёл месяц, но ушла жизнь:

20 августа в 15:00 умер Юрий Пантелеймонович, отец Сергея.

Последний раз мы виделись в воскресенье 12 августа – навещали в больнице, куда он попал, почувствовав себя плохо на даче. И вот уже три недели как врачи лечили его сердце, почти сняли отёк ног и живота.

Но в субботу 18 августа в 18:00 начался отёк лёгких, который невозможно было остановить.

В понедельник днём, часов в 14–15:00, к нам приехала на велосипеде Тоня и сообщила, что звонила Наташа – сестра Сергея – с известием, что всех родственников собирает врач, т. к. Ю. П. стало хуже. Мы начали собираться. И в Москве были к вечеру.

Но пока Сергей был в ванне, позвонила, рыдая, Татьяна Алексеевна с сообщением о смерти.

Когда Серёжа вошёл в комнату, я не знала, что и как передать: то ли попросить сесть и выслушать, то ли ещё что. И сказала: «Серёжа, как ты? Ничего? Серёжа, умер твой папа...» Сергей стоял у своей полки в «Хельге» и сразу напрягся. Далее – не помню последовательности. Но ночью Сергей шмыгал носом – плакал.

Похоронили Ю. П. рядом с его любимой Немчиновой, на церковном кладбище в Ромашково, в одной оградке с отцом и дедом.

Поминки прошли в кафе «Орнамент» (Люсиновская, 53), было 25 человек.

20 же августа вечером Андрей сказал мне, что они с Татьяной решили подать заявление, что и сделали 31 августа. Свадьба будет 5 октября, скорее всего, у нас.

Были в Польше: Гданьск, Сопот, Гдыня – с 31 июля (билет в Калининград) по 10 августа (отъезд из Калининграда). 11 августа – уже в Москве.

Все подробности на фото.

Но хочется отметить:

– что после чтения стихов в Ратуше Гданьска (где, кроме Сергея, ещё выступали Дударев, Ананичев и Паскаль) Л. Аннинский, сидя на прощальном банкете и рассказывая что-то по истории славян, обратился к Сергею: «Ну, ты знаешь!» – так по-дружески и серьёзно! Сергей считает это неким профессиональным признанием.

– Ю. Дружников (чьи произведения обсуждались на конференции) также хвалил Сергея и Валеру Дударева за стихи.

С 27 августа я вышла из отпуска. Г. Г. Нестеров сказал, что зал у нас забирают, но дают другую аудиторию (как оказалось – длинную и узкую, очень неудобную для мастерской).

Созвонилась с Кулаковым, он не возражал, т. к. на «Белорусской» всем очень удобно.

Также Кулаков сообщил, что ему дали премию мэрии за 2001 год и серебряную медаль Академии художеств.

Однако до сих пор зав. кафедрами НГУ не отвезла документы на Кулакова (которые мы за неё давно подготавливали) для присвоения ему звания народного художника. В общей сложности более полугода НГУ тянет с представлением, скорее это политика против Кулакова...

Я собираю материал для диплома. Тема – «Семья». Надо делать иллюстрации к «Знамкам зодиака». Но нет настроения.

23 октября 2001 г. (вторник)

(~ 21:00) В пятницу 19 октября ~ в 20:00 на 67 году жизни умер Саша Аронов.

Таня, его жена, сказала, что он не дошёл одного шага до своего кресла – обмяк, взгляд устремился в бесконечность. И умер.

18 ноября 2001 г. (воскресенье)

(~ 12:00) Я спросила Серёжу: чем поза отличается от индивидуальности, ведь и в том и в другом случае человек выдумывает.

Ответ был такой: темы все одни и те же. Новых тем практически нет. Человек, который не знает тему, встаёт в позу «знатока» и пишет не своим голосом (либо, передирая у кого-то, что чаще всего встречается, либо, подражая кому-то, иногда даже не зная об этом).

Индивидуальность – когда закрываешь автора, но по слогу, ритму, неким особенностям угадываешь, кто написал (Пастернак, Блок...). Он использует те же темы. Меняется только время. Пишет в том времени, когда живёт, и как сам его переживает.

Серёжа, среагировав на слова песни «Мне нравится, что вы больны не мной...», грустно заметил, что ему ещё не удалось так тонко передать любовные переживания, и процитировал: «... И не краснеть удушливой волной, слегка соприкоснувшись рукавами...»

1 февраля 2002 г. (пятница)

(12:20) Серёжа утром сказал: «Как летит время! Уже 1 февраля, скоро весна! Ещё недавно был ноябрь-декабрь. А тут грядёт весна – скоро дачный сезон откроем...»

На это я ответила: «В детстве дни были длинные. Месяцы и года тоже. А теперь – только мелькают».

Вчера в редакцию «Истоков» к Сергею заходил Щуплов – по поводу публикации одного талантливого парня из Крыма. Сергей рассказал Щуплову о своей идее: создать аналог Козьмы Пруtkова – образ некоего героя Андре Тёмoка (псевдоним), автора графоманистх, назидательных, ёрнических стихов... Щуплов подхватил идею и предложил добавить в биографию А.

Т. деталь, что он сын Фестиваля 1957 года в Москве, его отец француз. Щуплов сказал, что у него кое-что есть для этого героя, и он не прочь стать соавтором, а вариант русского имени предложил – взяв «Истоки» за январь 2002 года – Фёдор Экземпляров.

Сергей уже неделю с азартом «обкатывает» нового героя. Просеял свои стихи и отобрал из них те, которые после небольшой доработки войдут в первую подборку Андре: три стихотворения «Письма к писателю», «Намба сри», «Ожидание весны», со словами «... ляжки девиц, будто мелькают здесь и там...» (всё привожу по памяти, могу ошибиться), «Взять бы коня под уздцы...» и др.

Меня он подталкивает к рисункам: портрет героя, его дела, жизнь и всё-всё...

Я ещё «Зодиак» не закончила. 12 иллюстраций в основном готовы. Но их надо сравнить, обобщить + не начинала обложку. [Уже пропало три дня из-за болей в спине. Лежу. Что-то там защемило...] Надеюсь всё сделать за выходные дни (2–3 февраля).

На книгу переводов венгерского поэта Белы Риго «Знаки зодиака» автор прислал 250 \$ (по расчёту годичной давности), которые шли очень долго. В результате за 300 экз. придётся немного доплачивать вскладчину (~ 40 \$)...

Сергею всё равно приятно – это первая книга не за наш счёт, хоть и переводов. Пусть в ней ещё куча людей: два стихотворения переведённые Виктором Луниным, Саша Ананичев с интервью, две статьи – Лолы Звонарёвой и Наташи Алеевой, и даже – в последнем абзаце у Лолы – рязанцы в виде «композитора Ермакова» («С какой стати?» – спросил Сергей у Лолы. – «Б. Р. его любит и знает», – был ответ). Это всё можно стер-

петь, т. к. «паровоз» – переводы, точнее, вольные переводы «Знаков зодиака» – по сути, это стихи Сергея на заданную тему!! И он этому очень рад!

Я на «дурацком» дипломе. Пишу картину (120 × 200), которая мне самой не по душе, но сойдёт за диплом, и думаю, что вот-вот её закончу! А потом буду делать всё, что захочу... Благие намерения!

[Сижу на кровати. Болит спина. Хочется многое записать, но нет сил – попробую лёжа...]

Что нового за январь?

У Сергея. Был вечер «Истоков». Я не ходила, скучно там. Рой сдала позиции альманаха: больше всякой посредственности да по знакомству. Редко – интересный автор. Сергей на вечере прочитал два новых стихотворения.

По ошибке второй раз (до этого – летом) в «Литературных новостях» дали отзыв на «Книгу легенд». Тут уж прочли больше людей, и даже Наташа Рожкова позвонила и сказала об успехе, раз Лев Аннинский дал такой отзыв-эссе. Серёжа радовался.

Вообще он как ребёнок радуется всему хорошему, вернее, по-детски: повторяет, спрашивает, всё время говорит об этом и – ходит довольный. Это его стимулирует к работе. Подбадривает.

Во вторник 5 февраля в Музее Маяковского ему должны что-то вручать «по результатам Артиады 2001 года» – за «Книгу легенд».

Тут накладка. У меня в тот же день открытие выставки группы «Наши люди» в 17:00 (у него в – 18:00). Мы хотим успеть туда и туда.

«Наши люди»: Лена Акимова (IV курс), Лиза Колонова (уже закончила), Оля Самовская (ассистент), Нина

Чистякова с Ирой Фетисовой (V курс), Димон Урусов (III курс) и я. Всех объединяет мастерская Кулакова, Алимова и Кузнецова. В пресс-релизе каждому дали девиз (мне досталось «В тихом омуте черти водятся», а первоначальное «Старость в радость» – отметили). Основные принципы: не продажность; не салонность; пластика + композиция; красота обыденности, простоты.

Пригласить прессу дорого: 200–300 \$ (зал – 800 \$). Денег нет. Я понесу, вернее, Сергей – пять работ старья. Зато благодаря выставкам появился дополнительный стимул для работы.

У Андрея с Таней всё (тьфу-тьфу-тьфу) ничего. Таня ходит с округлившимся животиком. Сдала первую сессию. Ждём в апреле внука. С переездом – тихо.

7 февраля 2002 г. (четверг)

(13:30) Пока из-за болей в спине сижу дома, читаю: проглотила подсунутый Наташей Бесчеревных (сестрой Сергея) детектив Дарьи Донцовой «Сволочь ненаглядная», сейчас тружусь над книгой Юрия Дружникова «Дуэль с пушкинистами» (М., 2001). Последнее интереснее...

Вчитываюсь в «Дуэль...»:

«... Вся жизнь вольно или невольно наблюдая за многочисленными русскими писательскими жёнами, мы постепенно пришли к выводу, что они делятся (хотя, конечно, такое деление условно) на три категории.

Первая категория: жена-вдохновительница. Такая супруга – единомышленница, соавтор, первый читатель, советчик, стенографистка, машинистка, редактор,

корректор, менеджер, литературный агент, etc. Примеры: Софья Толстая, Анна Достоевская, Надежда Мандельштам, Вера Набокова, Мария Синявская, другая Наталья – Солженицына... Если присовокупить ныне здравствующих писателей, набирается не так уж мало подобных жён.

Вторая категория: нейтральная жена. Не мешает, но и не помогает, не препятствует, но и мало или из вежливости интересуется, мирится с писательством, как с инвалидностью. По-видимому, самая распространённая категория.

Третья категория: жена мешающая, отвлекающая от литературы, тянущая вниз, требующая заняться чем-то более практичным, дающим больше денег. В конце, если нельзя продать, выбрасывающая на помойку архив мужа и быстро выходящая замуж за положительного военного или чиновника. Нам кажется, такая крайность – довольно редкое явление».

Я задумалась, спросила Сергея о себе, в надежде, что он отнесёт меня к первой – и оказалась права. Но при этом он не стал продолжать тему. А я про себя подумала о других жёнах и нашла кандидаток в третью категорию, включая жену Андрея Апухтина (хотя после его смерти она опомнилась) и других.

Однако я знакома (и наслышана) с жёнами первой категории: с женой Евгения Весника Нонной Гавриловой и виденной неоднократно (но не общались) женой Андрея Вознесенского Зоей Богуславской...

Ещё: «А что оставила жена поэта о других, даже о близких ему и ей людях?..»

Вот ключевая фраза моих записок! Наверное, именно чувство ответственности (?) заставляет меня писать

эти строки о нас и нашей жизни. Возможно, для кого-то потом это будет важно и интересно. А может, и Сергей что-то использует в своих работах, будущих мемуарах и др.

Что же, мне хочется быть идеальной женой поэта? И да, и нет. Мне это всё самой ужасно интересно: наблюдать, анализировать и записывать (ведь память у меня плохая, а тут – будет к чему вернуться через годы).

Сергей всё созванивается с Лолой Звонарёвой по поводу вёрстки книги «Знаки зодиака». И Лола вдруг спросила, почему Валера Дударев читает одни и те же стихи. Сергей «мягко» объяснил это тем, что у него ещё мало житейского опыта, впечатлений, что он их скрупулёзно вынашивает.

Положив трубку, подошёл ко мне (я лежала в спальне с дружниковской «Дуэлью»). «Когда же Валера будет развиваться дальше? Почему он пишет-придумывает о старушках, деревнях и т. п.? Если так будет продолжаться, то он просто погибнет как поэт».

Сергея всегда раздражает поза, любая, какая бы она ни была – религиозная, деревенская...

5 февраля. В ЦДХ, в зале № 11, мы с Сергеем оказались лишь в 16:30, хотя я обещала прийти раньше, но задержалась «со спиной» у физиотерапевта. Этикетки ребята повесили, столы почти накрыли. Все авторы в сборе. Гости стали собираться к 17:00. Появилось ТВ с канала «Столица» – Анжелика Анжелевская. Стала меня спрашивать, что это за выставка.

Я пыталась объяснить, что выпускники и старшекурсники Академии живописи – семь человек – решили показать свои работы.

Она: те, у кого есть деньги?

Я: те, у кого есть что показать. Ну как импрессионисты в своё время объединились, чтобы показать свои работы. А у наших денег нет. Посмотрите на рамы – это не итальянский багет для продажи, как в соседних залах. У нас одни учителя (Кулаков, Алимов, Кузнецов), которые учат видеть красоту в обыденности и т. д. и т. п.

Познакомила с Кулаковым и Алимовым.

Вечером мне не удалось посмотреть репортаж, но утром в 10:00 по «Столице» было повторение.

И что я слышу: художники из Академии живописи Н. Нестеровой решили объединиться в группу «Наши люди» и как когда-то импрессионисты организовать выставку! Далее Самовская говорит два-три предложения о деревенской теме. Потом закадровый комментарий о красоте быта. Всё. Ни Кулакова, ни Алимова, ни наших фамилий – никого и ничего...

Очень трудно «чужому» (в смысле занятия) человеку, пусть даже хорошему журналисту, объяснить в двух словах о цели занятия живописью.

И приходится «цеплять на крючок», рассказывая о работах, сделанных не на продажу, об учителях (авторах-художниках «Бонифация», «Экипажа», «Сказке о царе Салтане»), об имеющемся уже высшем образовании (у пяти человек из семи), а также о потребности писать картины: у бывшего инженера – Оли Самовской; у кандидата медицинских наук, матери троих детей – Иры Фетисовой; у «качка», бойца без правил – Димы Урусова; у преподавателя истории в школе – Нины Чистяковой; у бывшего министерского работника – меня, любимой; у тусовщицы, фэнши современных групп – Лизы Колоновой; у преподавателя живописи и рисунка инвалидам (взрослым и детям) в спецшколе –

Лены Акимовой. И когда Анжела Анжелевская пытается понять поступок этих людей, она только может ахать и восклицать: «Неужели?!»

30 июня 2002 г. (воскресенье)

26 июня прошла защита дипломной работы.

Председатель ГАК – Евгений Николаевич Максимов, зав. каф. живописи Суриковского института, академик-секретарь Академии художеств, чл. правления МСХ (монументальная секция).

Члены комиссии: В. А. Кулаков – з. д. и., С. А. Алимов – н. х., А. В. Кузнецов – н. х., А. Б. Суворов, Л. У. Звонарёва – д. чл. РАЕН, А. Г. Лупандина – канд. искусствоведения.

Гости: студенты, Сергей, жена Кузнецова (Ирина).

Я шла первая (далее – Саша Власова, Ольга Александрова).

Кроме диплома «У моря», рядом на мольбертах стояли композиции, написанные в Академии живописи: «Ковчег», «Рождество», «Завтрак», «Серёжа и Чуча», «Автопортрет», «В мастерской», «У метро «Белорусская».

Каждый из чл. ГАК отмечал понравившуюся ему композицию. «Ковчег» очень понравился Кулакову (тёмный квадрат входа, закрученные фигуры зверей, облака и небо); «Завтрак», «Автопортрет» и «Серёжа и Чуча» – Суворову; «У метро», «В мастерской» – Кузнецову; Максимов отмечал профессионализм работ. Все говорили хорошо. Не повторить. Даже было неудобно присутствовать при этом.

В самом конце – слово выпускнику. Не зная, что говорить, рассказала о трудностях: как поставила новые для себя задачи – написать яркую работу «кисточкой».

И то и другое было ново + сложность с большим форматом. Помогали преподаватели: Кулаков с эскизом, Кузнецов с картиной (цвет платья бабушки – отблеск от земли – обобщающее красно-коричневое; а также руки правой группы и молодого человека), подсказывал, как сделать небо. Кстати, небо перекрашивали более всего – от серого до синего, бирюзового, с переходом от светлого с розовыми облаками на горизонте до насыщенного сине-фиолетового над головой. Конечно, картина получилась не до конца, но радость лета, жизни чувствуется: беззаботность отдыха, преемственность поколений, бесконечность природы, органичность человека и среды – это главное.

Объявили оценки: мне и Власовой – 5, Ольге – 4. Председатель комиссии – Максимов – хотел поставить всем «пятёрки», но преподаватели возразили, ведь в отличие от нас с Шурой, Ольга работала не сама, за неё практически всё написали Кулаков с Кузнецовым. И даже по завершении этого Вадим Алексеевич предупредил, чтобы Оля ничего не трогала – а то испортит!

После защиты – стол. Мы составили меню, разделили, кто что покупает и делает. Я – куриные ножки с картошкой, селёдка, мидии, солёные огурцы, оливки; Шура – оливье и овощи; Оля – салат из свежих овощей + питьё.

Ольга – отдельный разговор. Начиная с того, что она не писала дипломную работу, точно также со столом – постоянно ныла, что не хочет кормить весь Университет, что денег нет и т. д. и т. п. Я даже с ней поругалась перед защитой, примерно за неделю: можешь вообще не участвовать в «банкете». Кулаков всегда ожидал от неё чего угодно, называл сумасшедшей – очень переживал. Мне же она говорила, что, по её

мнению, защита нужна, прежде всего, для собственного престижа Кулакову, и что он всё равно напишет за неё дипломную работу, а я зря целый год надрывалась, переделывала по несколько раз. Она же ничего не делала и в последний момент, в мае, принесла холст и эскизы (жуткие – виды города без композиций – на I курсе студенты делают лучше).

И самое ужасное, что её наглые высказывания сбылись в той части, что ей и впрямь сделали дипломную работу. Я её презираю.

За столом выступали все: от Максимова до родственников.

Председатель – первым, поздравил всех. Далее – преподаватели. Называли нас коллегами, себя – старшими товарищами по профессии. Потом – дипломники: Шура, я.

Я никогда не выступала на сборах, а тут прорвало. Начала с доисторических времён: как я в Евпатории познакомилась с пенсионеркой, которая занималась живописью. И закончила Сергеем и общими тенденциями в искусстве: надо искать себя, свой язык (а не копировать) и свою тему – близкую, окружающую тебя, понятную тебе, создать свой мир.

Мне самой интересно, смогу ли я это сделать, и вообще – есть ли у меня этот мир. Это задача на сейчас и на потом.

Следующие события – два – произошли в один день, 17 апреля 2002 года:

- рождение внука, сына Андрея, которого назвали Александром;
- переезд на новые квартиры: я с Сергеем на ул. Михайлова, 49–1–30; Андрей с Таней – на ул. Юных

Ленинцев, 109–1–9 – практически одинаковые (однокомн., на третьем этаже пятиэтажек, с совм. с/у, тел., балк.). Различия: у нас дом кирпичный, у них – панельный, метраж соотв. 17 и 20, в середине (одно окно) и угловая (два окна в комнате), ходьбы от метро ~ 10 мин. и ~ 20 мин, у нас Кусковский парк в 20-ти минутах ходьбы, у них – Кузьминский парк в пяти...

Не хочу писать подробно об обмене, это сейчас несущественно. Единственный вывод, что, оказывается, есть люди, готовые обмануть всех (и друзей, и знакомых) ради 1 тыс. \$. Это и было проделано с нами соседкой по даче Сергея Демидова москвичкой Ириной Евгеньевной Лобзовой, вкрадчивой, тихой, елейной – как Иуда или Иудушка Головлёв, – считающей себя правой и обижающейся на то, что мы были недовольны (Сергей так прямо и сказал, что имеет к ней моральные претензии) тем, что она нас «кинула»...

26 сентября 2002 г. (четверг)

(~ 14:00) Заглядываю: когда писала последний раз? Почти три месяца назад! Так редко пишу. Лихорадочно вспоминаю события за эти три месяца.

17 сентября приём в МСХ, в секцию Монументально-декоративного искусства.

Накануне, в понедельник 16-го, – развеска. Дали стремянку и – вперёд.

Нас шесть человек: Лена Косяченко – диплом о неполном высшем (четыре курса) 2000 г.; Оля Самовская и Лиза Колонова – выпуск 2001 г.; я, Оля Александрова, Шура Власова – выпуск 2002 г. Кулаков с председа-

телем отбирали работы для развески, у меня четыре: «Ковчег», «Автопортрет», «Зелёный н-т», «У метро» + монументальный проект кафе «Ковчег» (четыре развёртки + две перспективы). Рекомендовали нас преподаватели: Кулаков, Алимов и Суворов. Кроме нас было ещё четыре человека. Но на секцию прошли девять человек, одну девочку (не нашу) сняли. Мы прошли единогласно.

Правление же было в четверг 19 сентября. Мы пришли к 15:00 (всё на Старосадском), как договаривались – резать колбасу. Если на секции было человек 15, то правление – человек ~ 50. Все смотрели работы, затем поднялись наверх совещаться и решать разные вопросы. За это время мы «накрывали поляну». Ольга Александрова – асс в этом.

16 декабря 2002 г. (понедельник)

Быстро сверну тему: в застольном разговоре два художника (рыжий и бородатый), хваля «Ковчег», пообещали: «Веселитесь пока («позвездите» – как сказала бы Вика), вот принесёте работы на выставку – тогда посмотрим!..»

Через месяц выкупила билет:

– взнос в секцию – 50 \$ и 100 руб.;

– взнос 1000 руб. + 200 руб. – лишь с полочки в ноябре, 17-го.

Щуплов отказался от участия в Экземплярове, мотивируя тем, что это (материал, который передал ему Сергей) не совсем то, что он хотел и как представлял (очень серьёзно).

Сергей отдал книгу на рецензию для послесловия В. Г. Черняку, а затем – Л. А. Аннинскому!!! Договорились, что за рецензией придём к Аннинским в гости и посидим, поговорим.

Далее Сергей хочет дать рукопись Лоле Звонарёвой.

9 декабря прошла отбор на ПЕРВОМ выставкоме!!! Приехали с Сергеем в Старосадский к 12:00 с пятью работами («Ковчег», «Белорусский вокзал», «Конкурс», «Домик в деревне», «Поутру»), показала четыре (Кулаков сказал: «Конкурс» – не показывать»), отобрали две: «Домик...» и «Поутру».

Выставка в Манеже посвящена 70-летию МСХ (~ с 20 декабря 2002 года). Радостно, что эти две работы самостоятельные.

16 мая 2003 г. (пятница)

(14:00) Впечатление, что время всё больше и больше сжималось. 14 и 15 мая был такой сгусток и плотность, что казалось, сейчас взорвётся. Сегодня уже 16 мая, но до сих пор его давление не уменьшилось.

Возможно, апогей был вчера. Но ощущение концентрированности не оставляет. ОН ведёт (а в этом я опять убеждаюсь). Случается, что ни по какой теории вероятности не должно произойти. Ловятся не единицы процентов, а десятые, сотые доли процента.

Но не всё дано и нам с Сергеем. Мы так до конца и не поняли речь А. А. Вознесенского, когда говорили с ним в ЦДЛ. Его глаза «говорили», руки писали, а звуки и, казалось бы, самые доступные для понимания слова оказались недостижимыми для восприятия – подвела болезнь. И, может быть, суждено остаться загадкой

надписи благодарности («Спасибо за Δ-ку») в его книге. За что? Почему нам?

Может, нужна была такая передача энергии как эстафеты. Должно было ЭТО произойти – и произошло. Возможно, понимание ещё впереди, и мы его ещё не стоим. Но есть ощущение, даже какая-то уверенность, что и А. А. это почувствовал, и сделал всё, что должен был сделать.

Выводы – впереди! Сначала факты.

Сергей купил два билета в Зал Чайковского на 14 мая 2003 года, на юбилейный вечер А. А. Вознесенского.

До этого Сергей, после выхода книги «Предначертание», через ЦДЛ передал А. А. два экземпляра. Через некоторое время пробовал звонить в Переделкино, но телефон не отвечал. Мы думали, что, может быть, после ограбления их дома они там не живут. Кто-то даже сказал, что А. А. болеет. И Сергей оставил попытки узнать, получили ли они (А. А. и З. Б.) книгу. Но где-то ~ в конце апреля по TV, в новостях культуры, мы увидели А. А., здравствующего и бодрого. Сергей снова позвонил 22 апреля. И – всё удалось.

А. А. сказал, что на неделю уезжает в Париж и чтобы Сергей перезвонил ему потом, через неделю.

«Потом», попадая на З. Б. и перезванивая в указанные часы, 30 апреля Сергей услышал от А. А. поздравление (!) с хорошей книгой и записал продиктованный отзыв (из-за нечёткой дикции переспрашивая слова по несколько раз).

Получилось вот что:

Мое отношение к «Предначертанию» было изначально трепетным, потому что по форме книга похожа на «Тре-

угольную грушу», но, слава Богу, это только внешнее сходство...

Сергей Телюк мастер интересный. В его книге скрыта лукавая современность, и вообще «Телюк» я бы читал как Телелоок, т. е. современное визуальное мышление. Дальше пойдут «глюки» – это не от Глюка, композитора былых времен, а современное видение молодёжи.

Что пожелать Сергею?

Не отказываться от звучания своего имени. Быть более визуальным. Желаю ему, технарю по образованию, продолжать быть геометром в блоковском смысле слова. Предначертательным геометром.

Оформив записанное, Сергей 1 мая ещё раз связался с А. А. по телефону – прочитал текст. А. А. «выловил» опущенные слова о ГЛЮКАХ: «А где же ГЛЮКИ?» Сергей тут же добавил их и, конечно же, поблагодарив за внимание, предложил свою помощь в чём-либо. На что А. А. пригласил нас 14 мая в Зал Чайковского!

Мы тогда ещё не представляли себе состояние Андрея Андреевича...

... И вот у нас два билета, самые дешёвые, по 60 руб., и букет цветов: три герберы с зеленью – за 200 руб., на все наши деньги.

Сергей, на занятые, будучи в Зале с 18:00 (за час), купил шеститомник и две книги «Треугольная груша»!!!

Поясняю. В первом разговоре с Сергеем по телефону А. А. спросил-сказал, что книга «Предначертание» такого же формата, как «Треугольная груша»(?!). Мы не знали формата. Поэтому стали искать книгу по знакомым интеллектуалам. Но у всех она была не отдельным изданием, а в сборниках. Видели только карикатуру на

неё – со скульптурой рабочего и колхозницы, выметающих книгу. И тут – такая удача! Конечно, строили планы, что сумеем, как на предыдущем концерте в Зале, подойти и подписать книги, а может, и отзыв, надеялись, что спустимся в партер на свободные места... Но этого в тот раз не должно было случиться.

К нам присоединилась Лола Звонарёва. Но даже её едкие замечания не испортили нашего ощущения праздника. Конечно, были и знакомые: Кирилл Ковальджи, Лена Исаева, Нина Краснова. Был бомонд: Рейн, Ахмадулина, Мессерер, Чурикова, Познер, Киселёв (ведущий, TV) и «все из телевизора», как выразился Сергей, рассказывая Ане Гедымин, что было на юбилее.

Выступали многие и многие, но не те, кого я ждала – поэтов со своими стихами и стихами А. А. (кроме Вишневского).

Общее впечатление: действо, длившееся без ведущего с 19 до 23:00, – затянуто... Но главное – щемящее чувство ПРОЩАНИЯ. В некоторые моменты, глядя на увеличительные экраны, я не понимала, улыбается или чуть ли не плачет А. А., окидывая взглядом зал.

Упрямо не сидел, упрямо двигался – неуклюже, медленно. Упрямо поднимал цветок, упавший к ногам, в замедленном движении, под аплодисменты – столь решительному действию (для его состояния). Упрямо складывал листки, тексты и двумя руками убирал в карман белого пиджака. Просто невыносимая музыка симфонического оркестра – как реквием по живому. Кто и зачем решил это играть!

Когда после П. П. Бородина к А. А. выстроилась очередь с цветами, мы отправили Сергея с цветами в партер (куда пересесть не представлялось возможным). Но Максим Галкин, как оказалось, шедший за Бороди-

ным, продолжил концерт после того, как А. А. увели под руки. Сергей «осел» в партере с дамой в красном. Мы же с Лолой пошли вниз и стояли в партере у левого бокового входа с сумками, набитыми книгами. Но в конце А. А. не вышел. И вся очередь понесла цветы З. Богуславской, в первый ряд. Сергей поступил так же и пришёл к нам расстроенным.

Мы спустились в метро. Лола поехала к себе – мы к себе.

Подспудно дошли до совпадений:

- у А. А. «Треугольная груша» – третья книга, у Сергея «Предначертание» – тоже третья;
- у Маяковского шесть томов сочинений, у А. А. – так же.

Лена Исаева перед началом вечера сказала, что завтра – 15 мая – в Малом зале ЦДЛ вручают премию «Венец» от Московского банка и СП Москвы, в т. ч. и Вознесенскому.

А ранее на 15 мая Краснова и Ковальджи пригласили нас в галерею «Кентавр» на презентации их книг в 19:00.

Мы решили, что после юбилея А. А. вряд ли в таком состоянии поедет в ЦДЛ, ведь только вечер шёл четверть часа! А подготовка, а волнения! Но вдруг... И если есть хотя бы один шанс из 1000, надо будет попробовать подписать отзыв о «Предначертании»...

Дома, разбирая тома А. А. и «Треугольную грушу», мы искали и читали стихи, услышанные на вечере. Сергей был счастлив, но со щемящим чувством приближающейся потери. Казалось, уже ничего не изменить. Всё так и останется.

15 мая мы с утра никуда не пошли, сидели дома и ждали вечера. Вручение «Венца», как было написано в программке ЦДЛ, в 17:00. Мы вышли в 15:45, чтобы приехать пораньше. В ЦДЛ же оказалось, что начало в 18:00. Мы сели на банкетке в холле. Постепенно стали появляться: Римма Казакова, Валентин Оскоцкий, Евгений Весник, позже – его жена с подругой. Мы сфотографировались с Весниками, поговорили с Оскоцким.

Все прошли в зал. В холле остались мы – смотрели на вход. Но А. А. нет!

Я оборачиваюсь и вдруг вижу... за спиной Сергея, у входа в зал ресторана, стоит А. А. в белом пиджаке, один. Я говорю Сергею, и мы идём к А. А. (первоначально Сергей, как он потом сказал, растерялся, да и я тоже).

Никого, кроме дежурных и продавцов книг.

А. А. надел очки, которые достал из большущей толстой коричнево-чёрной ручки. Движения осторожные, но спокойно-уверенные. Прочитал листок с отзывом о «Предначертании», поставил пропущенные кавычки на слове «Телюк». Я, чтобы не мешать, не быть назойливой, немного отошла и сфотографировала их в этот момент, потом ещё раз.

Когда Сергей убрал листок, мы стали говорить о вчерашнем вечере, о книгах – шеститомнике и «Треугольной груше». Как мы её искали у друзей и нашли... на вечере. И что теперь она у нас есть.

А. А. слушал и выразительно смотрел. Вдруг стал говорить. Тихо, с шипящими – я напрягла слух, но не могла различить слова в потоке звуков...

Сергей что-то отвечал, но я не помню, что.

А. А. подписывал книги. Глаза ужасно выразительные: большие, круглые, широко раскрытые, чуть уставшие – смотрели в упор, но с таким потоком энергии!

Как из-под земли возникла Римма Казакова, зацепилась лёгким белым шарфом за молнию моей сумки и сразу не отцепилась: «Отцепите меня!» Сергей стал отцеплять. Римма сказала А. А., что его пропустят вначале. Сергей – отцепил. Я, чтобы как-то сгладить неловкость, предложила сфотографировать её с А. А. Она ответила: «Не время!» И повела А. А. к Малому залу, но, не доходя, куда-то ушла. А. А. опять остался один, у ступенек Малого зала. Тут к нему подошёл молодой ~ 30–35 лет мужчина, думаю, поэт. Что-то говорил. Я отвернулась. Потом увидела их рукопожатие. А. А. пошёл в зал, где ждали камеры, корреспонденты, зрители...

Мы ещё стояли минут 20–25, смотрели само вручение: сначала Евгению Веснику, затем А. А. – после чего ушли.

Остальное в этот день было уже неважно. Мы были наполнены, как чаша, и боялись это в себе расплескать, хотя ужасно хотелось этим с кем-то поделиться, но так, чтобы этот кто-то нас понял. Поэтому мы молчали. Только подтвердили Лоле и Нине, что всё удалось. И это «всё» тоже не имело особого значения.

Что-то главное было уже в нас. Мы переглядывались и улыбались, зная общий секрет. Объяснить ничего нельзя. Всё было в нас. А что? Мы ещё сами не поняли.

1 сентября 2003 г. (понедельник)

Если раньше интервалы были три месяца, то теперь уже более восьми (не считая майских записей о Вознесенском)...

После выставки в Манеже были: выставка к 8 марта в Белом зале секции МСХ, книга «Предначертание» с рисунками, избрание (моё) в правление МСХ, поездка в Польшу (Гданьск-Сопот).

В Польше новые встречи и знакомства, по крайней мере, у меня: Наташа Стремитина (Австрия), Владимир Бондаренко («День литературы»), Лена Устинова («Москва»), Володя Березин и др. Были и старые знакомые: Щуплов, Воскобойниковы (из С.-Пб.) и ещё – Аннинские.

Уже после Польши были у Аннинских на даче в Переделкино, которую они только год как получили. Провели вместе один хороший день: разговаривали, гуляли, а уже ближе к вечеру заехал Бондаренко с женой.

На даче положили доски наверх – получилась мастерская. И так удобно и уютно работать: натянула три холста для композиций и написала три этюда из окон! Ходили в гости к Серебровым. Видели Лену и Юлю Апухтиных. Юля так ничего за год и не сделала. А пора участвовать в молодёжных выставках.

Пригласили участвовать в выставке «Москва глазами молодых». Отвезла две работы – «Гололёд» (х. м., 120 × 90) и «Поутру» (х. м., 65 × 90). В среду открытие в 15:00. Поеду, но могут и не повесить, т. к. «Москвы мало» в моих работах. Зато получу каталог прошлогодней выставки, где мой «Белорусский вокзал», точнее, «У метро».

Сергей в Польше выступал с докладом об... Ане Гедымин. Сказали, что опубликуют в материалах конференции.

В деревне он успел: а) написать отзыв на книгу Воскобойникова о С.-Пб.; б) истории Влодова переложить

на бумагу; г) прочёл «Изгоя» Александра Потёмкина и по заказу Игоря Михайлова, и пишет отзыв в объёме 12 страниц.

Очень понравилась атмосфера Переделкина, и мы хотим зимой поехать с Аней Гедымин на каникулы в Дом творчества. Вместе встретить Новый год.

А почему бы не подать заявление на дачу? Аннинские стояли восемь лет. Может, лет через десять (если союзы и дачи ещё будут существовать) что-нибудь и получится.

5 сентября 2003 г. (пятница)

(~ 21:00) На террасе за чаем, когда Лев Александрович и Сергей беседовали о своём, Александра Николаевна рассказала мне, почему у неё такое плохое зрение.

Во время войны в Москве было очень голодно. А. Н. болела и просила у мамы отдать ей крошки от полученного пайка хлеба (показала размер кусочка ~ 6 × 10 см). Но мама, оказывается, подъела крошки. Врач направил А. Н. «на подкормку» в бывшее здание библиотеки имени Некрасова (на улице Горького, в глубине Пушкинской площади) – там давали щи из крапивы и кашу на воде.

От плохого питания зрение упало.

Слышала по радио, что сегодня умер писатель-фантаст Кир Булычёв...

Как время всё меняет! Перечитывая начало этих записок, подумала:

1) я стала строже к Андрияке (прошёл восторг дилетанта?)...

2) Серёжа, наоборот, стал больше ценить Вознесенского, прочитав его в объёме и поняв, что мастера надо рассматривать в его эпохе (времени)...

3) не изменилось лишь то, как Серёжа пишет и читает мне новые стихи, всё так же спрашивая: «Ну как?»

Сейчас Серёжа увлёкся рассказчиками, вернее, пересказчиками историй Влодова. В данный момент сидит на кухне, редактируя последние, про Хрущёва, Пастернака и поэзию. Если вначале Серёжа несколько раз ездил к Влодову домой, то последнюю неделю они созваниваются вечером и с 21 до 22:00 Серёжа слушает Влодова, делая пометки (дома Влодов никакую запись вести не разрешает?!). Я его прошу ставить дату на записях, ведь я все черновики собираю.

Серёжа предложил Г. В. Рой в «Истоки» заметку о книге Воскобойникова (о С.-Пб.) и маленькую главку из неё. Вроде бы она согласилась, спросив: «А кто заплатит?» Серёжа успокоил, что главка маленькая и одной странички хватит. Кажется, убедил!

Зато сегодня она (Г. В. Р.) позвонила нам, не хотим ли мы пойти в сад «Эрмитаж» на юбилей – 50-летие Владимира Вишневого. Мы сначала думали поехать в деревню делать полы в домике (на первом этаже доски ещё не прибиты). Но погода дождливая, холодно. Решили пойти к Вишневскому...

Кстати, завтра, 6 сентября, у памятника Маяковскому будут с 16:00 читать стихи в честь дня города. Нам – к 17:00. И можно часик послушать Аню Гедымин, Шацкова, Краснову, Мнацаканяна и др. (Сергей не участвует, т. к. не вписался в тусовку «Лит. газеты»).

Ещё: обе мои работы повесили на выставке «Москва глазами молодых». Гостей на открытии было немного.

От союзов – никого. Выступали клерки: от мэра, правительства Москвы и т. п.

Только что Серёжа прочитал Влодову две новые зарисовки (о Хрущёве и «Лимоны е?»). Тот кое-что подправил, но Серёжа не всё принял.

Оказалось, что «лимоны» – это деньги, которые отбирали у писателей, а «предбанник» – пёстрый зал, где обдывали «писательские» дела. И, в принципе, эти две зарисовки связаны. Влодов сидел на бульваре у Лит. института, чтобы идти «трясти» студентов на переменах (отбирать деньги).

19 ноября 2003 г. (среда)

(22:55) Наши забили гол: сборная Уэльса – сборная России, **0:1!!!** Если мы выиграем, то попадём в финальный турнир чемпионата Европы по футболу, если нет, то – мимо!

Серёжа закончил рассказы о Влодове. Первый вариант отдал читать Аннинскому. Через неделю Л. А. позвонил сам и сказал, что в «Дружбу народов» этот материал не пойдёт, т. к. резковато, да и память ещё жива (в части Передреева!). Надо попробовать в «Литературные вести», «Московский литератор»...

Пока не знает, что делать с рассказами. (Наверное, придётся издавать за свой счёт.)

Аня Гедымин 6 ноября провела творческий вечер в Малом зале + фуршет в кафе (~ 500 \$).

Всё прошло спокойно и динамично одновременно. Сергей тоже выступил, рассказал о посвящённом Анне

докладе в Гданьске-Сопоте, который он прочёл летом на конференции.

Аня читала мои любимые стихи! Все! Жаль, что памяти у меня нет, а то бы я их все выучила.

Друзья и профи выступали много, но быстро.

На фуршете мы сидели с Виктором Луниным. Приятно беседовали, попивая красное вино и периодически чокаясь с Аней, которая обходила столы.

Рядом за столиками сидели: мама Ани с друзьями и родственниками; А. Добрынин с маньеристами; В. Оскоцкий со старшим поколением; Аня с Мнацаканяном и др.

7 декабря 2003 г. (воскресенье)

Во-первых, проголосовали...

Во-вторых, полчаса разговаривала с немного подвыпившим Влодовым по телефону (пока Сергей мылся).

Сначала обсуждали их Котю и нашего Чучу. Как Котя нападает на Влодова, как он ему много лет рассказывает одну и ту же сказочку про шубку, даже пропел: «Придёт серенький коток...»

Затем спросил, знаю ли я Липатова? (Я видела его в прошлом году: пожилой, высокий, сутулый.)

Влодов. – Я ему звоню. Сейчас обругал, что не берёт трубку. Берёт – жена. Я с ней не разговариваю. Вообще с жёнами не говорю. Липатов обижается, мол, она женщина хорошая. А мне то, что? Она кто: поэт, писатель, художник? На фига мне хорошая женщина? Сам не берёт трубку, скрывается. Я его отругал. Липатов передо мной заискивает. Я – гений, талант. Поэтому он меня не любит.

Я, вообще, из поэтов больше всех люблю – себя. Из прозы – «Дон Кихот» Сервантеса. Это как Библия: там всё есть. Из музыки – Вагнера. Из философов – Ницше. Из художников – Босха.

А что ты сейчас пишешь?

Я. – Улицу, людей.

Влодов. – Я как-то видел Крыса большого, с человека, и ангела на перекрёстке – разошлись. Это – картина. Сильно.

В молодости, как-то в Пушкинском, здоровая очередь на... как его... ну, девочка на шаре...

Я. – Пикассо?

Влодов. – Ну, да... Ну, что это – девочка на шаре. Это и я так смогу. Я ушёл в другой зал. И я попал в зал Рембрандта.

Стоял. Смотрел, как лицо написано. Краски светятся. Это – гений. А что Пикассо?

Из художников признаю Босха. На его одной картине видно очередь, выходящую из дома. У людей – хоботы, большие уши и т. д. И лишь один во фраке и цилиндре стоит, читает газету. Вот это да! Очень понравилось. А ты как считаешь?

Я. – В чём-то согласна, в чём-то нет. А вы Брейгеля любите?

Влодов. – Я сказал кого – Босха. Вообще я с жёнами не говорю, а с тобой – говорю...

Объявили итоги голосования на 21:00: 3,29 % от всего населения страны.

- 1) Единая Россия = 36,46 %;
- 2) ЛДПР = 15,61 %;
- 3) КПРФ = 13,26 %;
- 4) Родина = 7,27 %;
- 5) Яблоко = 3,91 %;

6) СПС = 3,60 %...

Против всех = 4,72 %.

2 января 2004 г. (пятница)

(10:15, «Переделкино») Мы добрались до «Переделкино». Ехали с Аней Гедымин, её сыном Даниилой (~ 3 класс) и Сашей Кормашовым на двух машинах: Аня с сыном в одной машине, а мы втроём в другой. Они заехали за нами 30 декабря часов в 19–20:00 на Михайлова. Наложив коту Чуче три миски «мокрой» (консервы) и одну миску сухой еды + миска воды + два лотка для туалета (с гранулами от запаха), мы с сумкой одежды, большим пакетом с едой и вином, маленьким пакетиком с тапочками и документами погрузились. Пока Серёжа закрывал квартиру, я сбегала за фотоплёнкой и «алка-зелтером».

На выезде из Москвы (у МКАД) нашу машину зажали два трейлера (взяли в коробочку) и поцарапали дверцы со стороны Саши. Остановились. Правый трейлер, подсёкший нас, уехал. И гаишники сказали, что «сами виноваты», и отпустили второй трейлер. Саша расстроился: первая авария за 20 лет. Это было первое приключение. Второе ждало нас уже в Доме творчества. Мы подъехали к корпусу в полной темноте. Пошли на разведку. Оказалось, что буквально за пять минут до нашего приезда выключили свет. Нам дали ключи: я и Сергей – № 28, у Ани – № 14, Саши – № 15. У нас путёвка была на три дня (до 2 января). У Ани – до 9 января. Наши номера – на втором этаже, справа и слева от лестницы, за ними туалеты и души. Комнаты несколько больше, чем другие: с маленьким настольным холодильником на журнальном столике, письменным столом и лампой на нём, диваном и полуторной кроват-

*Иллюстрация к трагедии И. В. Гёте «Фауст»
(студенческая работа)*

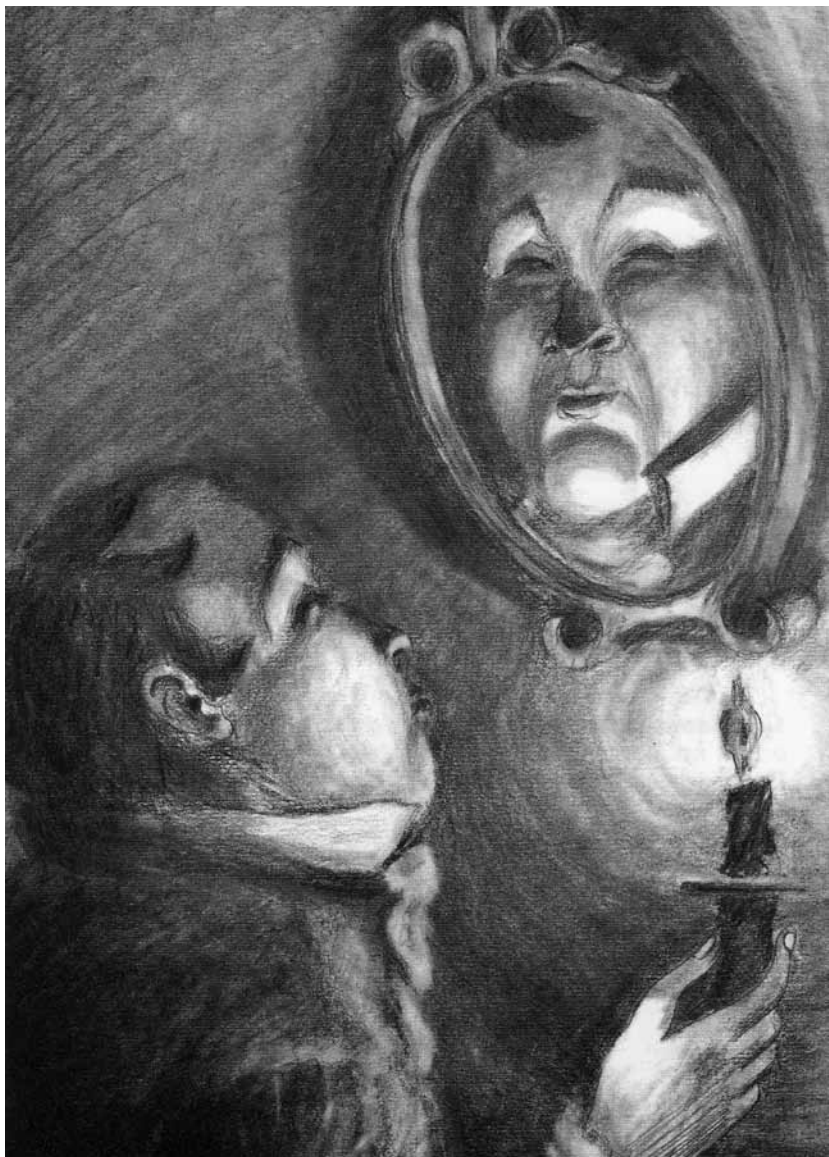

Иллюстрация к поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души»
(студенческая работа). У зеркала. Бумага, карандаш,
1997

Иллюстрация к поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души»
(студенческая работа). Коробочка. Бумага, карандаш,
1997

Иллюстрация к книге С. Телюка «Сказание о сколотах». 1996

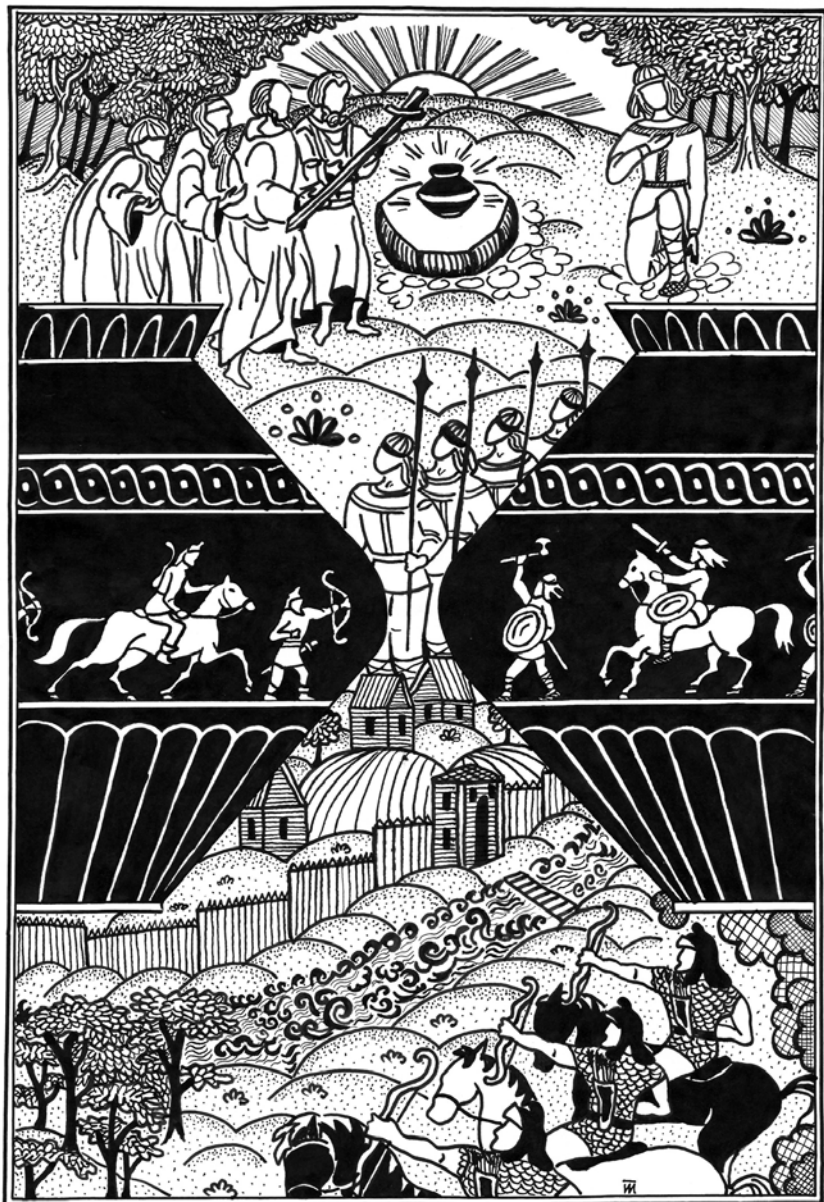

Иллюстрация к книге С. Телюка «Сказание о сколотах».
1996

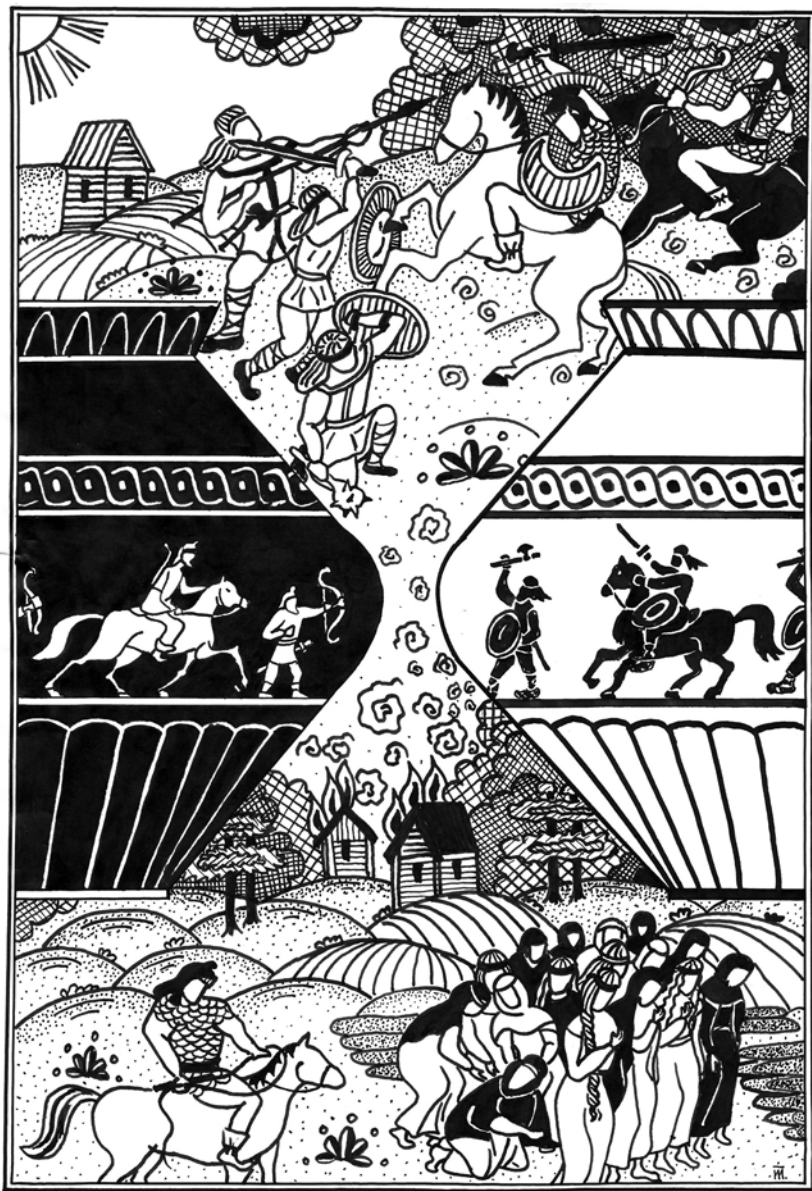

Иллюстрация к книге С. Телюка «Сказание о сколотах».
1996

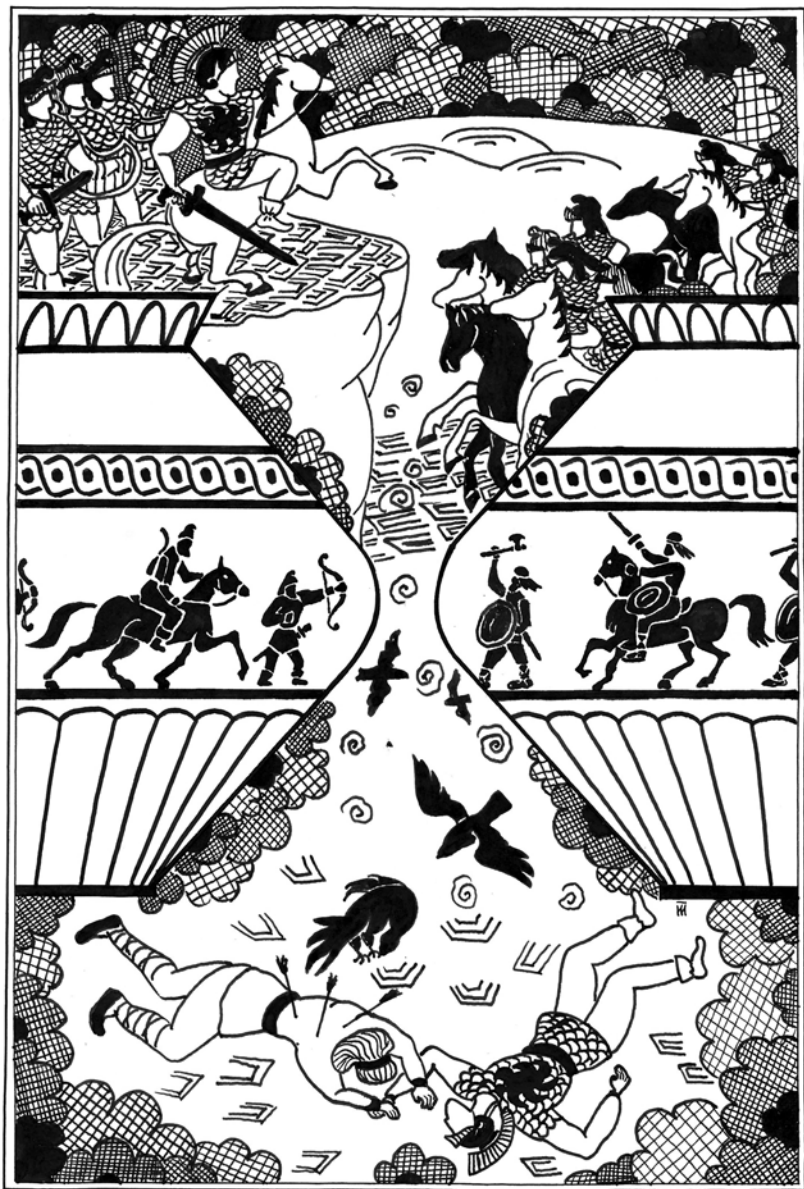

Иллюстрация к книге С. Телюка «Сказание о сколотах».
1996

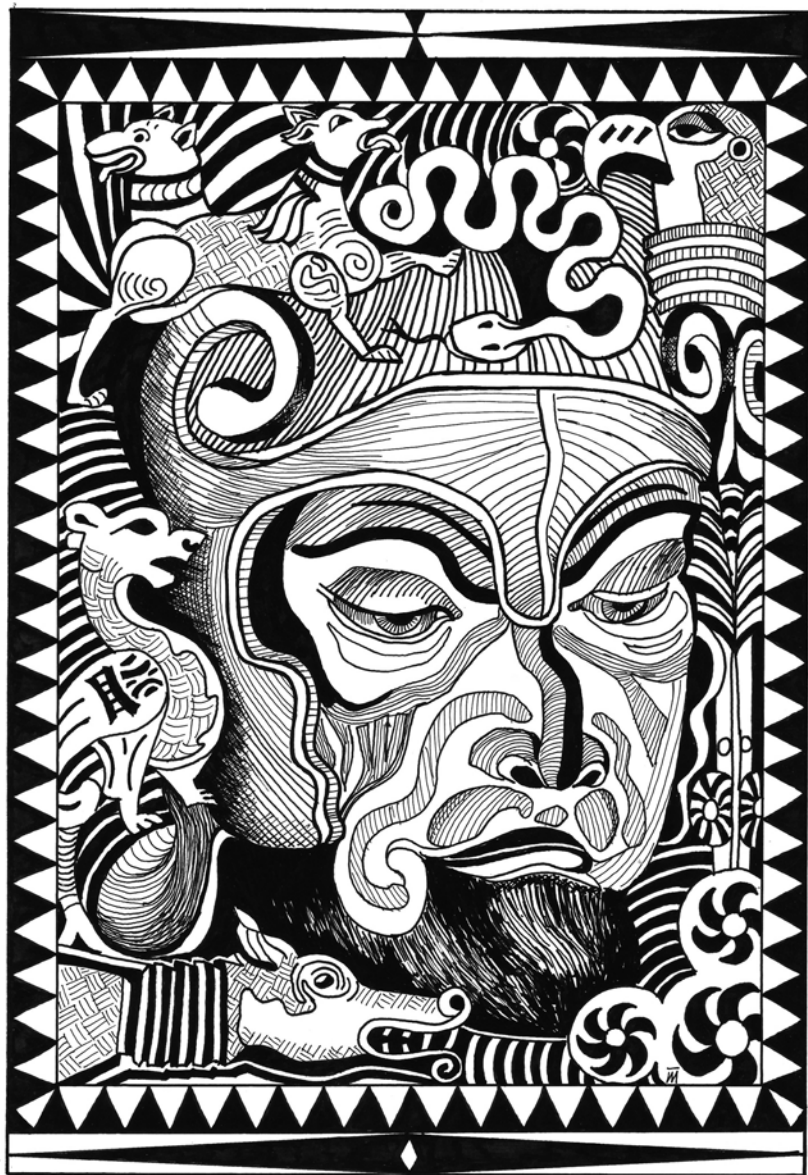

Иллюстрация к книге С. Телюка «Сказания о праславянах». 1997

Иллюстрация к книге С. Телюка «Сказания о праславянах». 1997

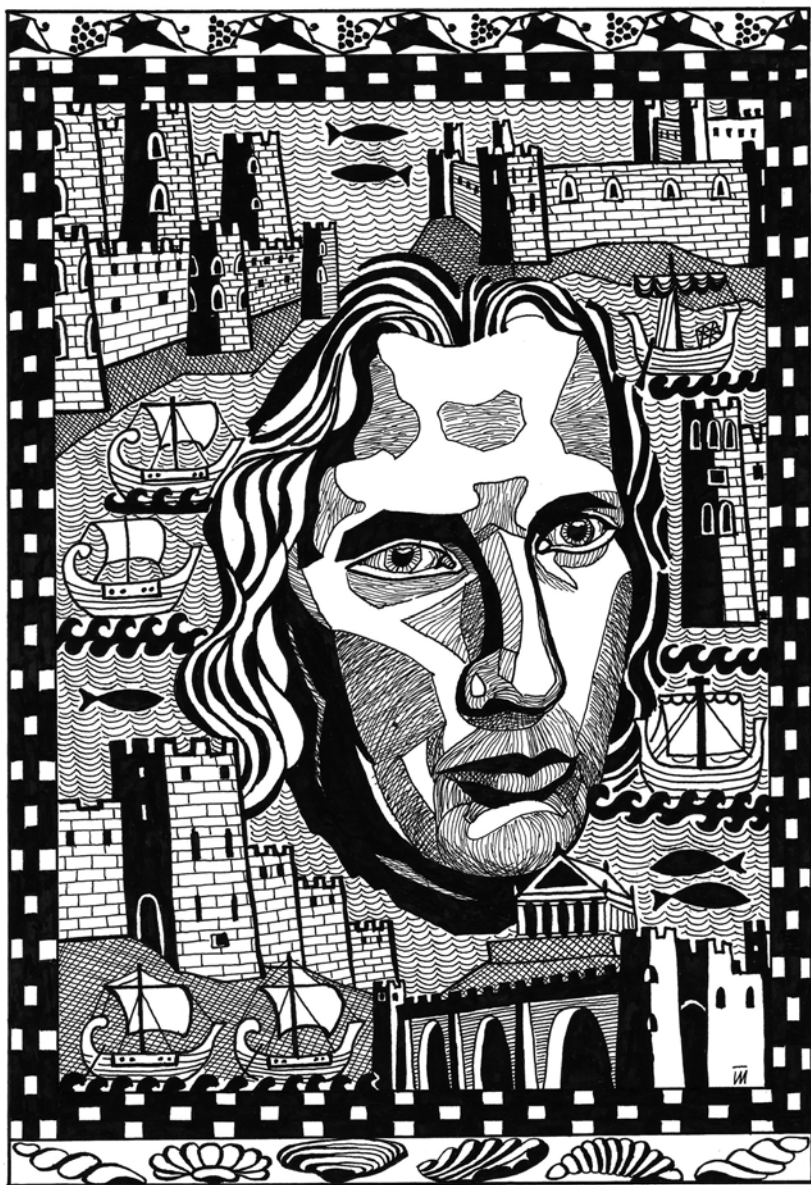

Иллюстрация к книге С. Телюка «Сказания о праславянах». 1997

Иллюстрация к книге С. Телюка «Сказания о праславянах». 1997

Иллюстрации к книге С. Телюка «Кое-что о Юливанне».
1998

КОЕ-ЧТО О ТОМ О СЕМ

(Из Бориса Заходера)

На днях, не помню сам зачем,
Забрел я к Юливанне в дом.
Мы пили чай и ели джем,
Болтали с ней о том о сем.

Мы обсудили, кто, когда,
И почему, зачем, на кой,
Откуда взялся, и куда,
И где теперь такой-сякой;

Что было раньше, что потом,
Как вышло так, что Боже ж мой,
И что мы думали о том,
Той, злополучною зимой!

Когда же мы доели джем
(Он был, мне помнится, неплох),
И не осталось больше тем —
Мы дружно выдохнули «ох».

Иллюстрированная страница книги С. Телюка
«Кое-что о Юливанне». 1998

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО?

(Из Владимира Маяковского)

К Юливанне
внук пришел,
и спросила кроха:
— Доллар — это
х о р о ш о,
или доллар —
п л о х о? —
Взяв на полке
абрикос —
угостить внучонка —
Юливанна
на вопрос
отвечала
звонко.

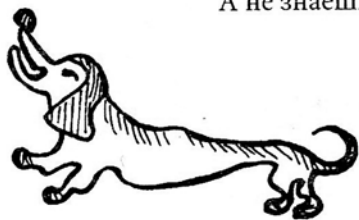
— Доллар?!
Если его нет,
или —
есть, но малость:
это — плохо.
Скажут вслед:
ах какая жалость!

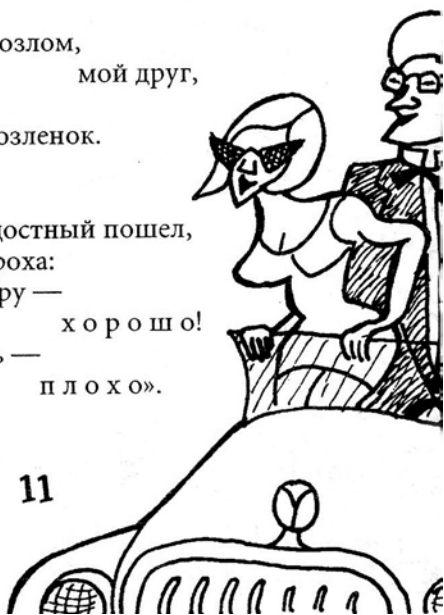
Если ж
долларовый вклад
в заграничном
банке —
скажут люди,
что ты гад:
жди от них подлянки.

Помни
это
каждый внук,
каждый
ребяенок:
вырастешь
козлом,
мой друг,
если ты —
козленок.

Мальчик
радостный пошел,
и решила кроха:
«Знаешь меру —
хорошо!
А не знаешь —
плохо».

11

Иллюстрированная страница книги С. Телюка
«Кое-что о Юливанне». 1998

Иллюстрации к книге С. Телюка «Книга вторая. Страна родная». 1999

Иллюстрации к книге С. Телюка «Книга вторая. Страна родная». 1999

Гравюра на дереве к «Книге легенд» С. Телюка. 2001

Гравюра на дереве к «Книге легенд» С. Телюка. 2001

Гравюра на дереве к «Книге легенд» С. Телюка. 2001

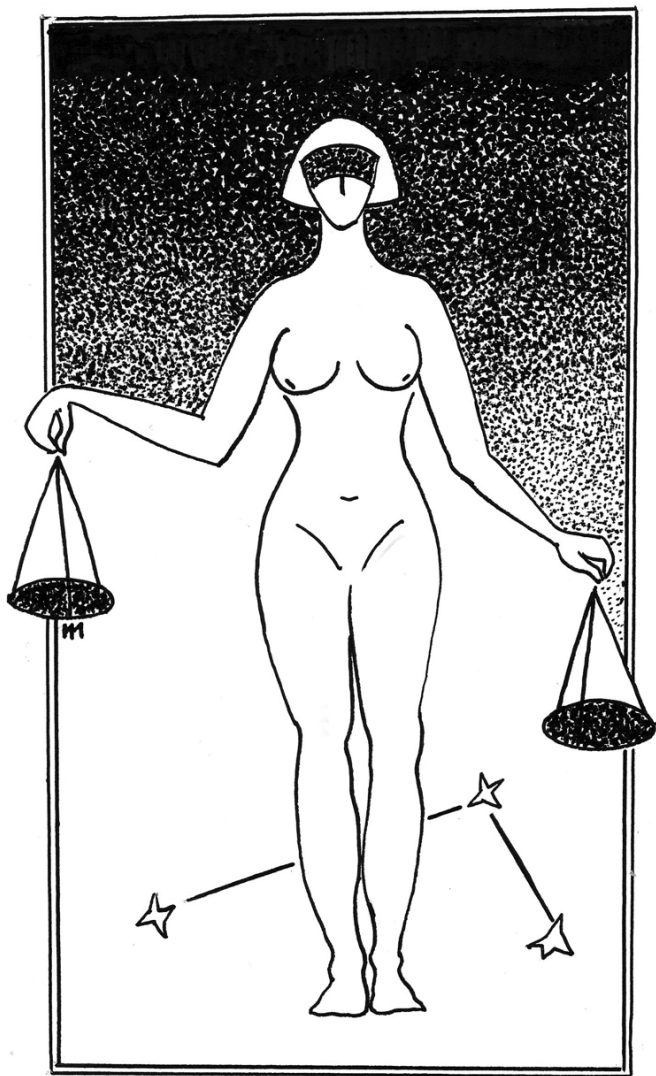

Иллюстрация к книге Б. Риго «Знаки зодиака». 2002

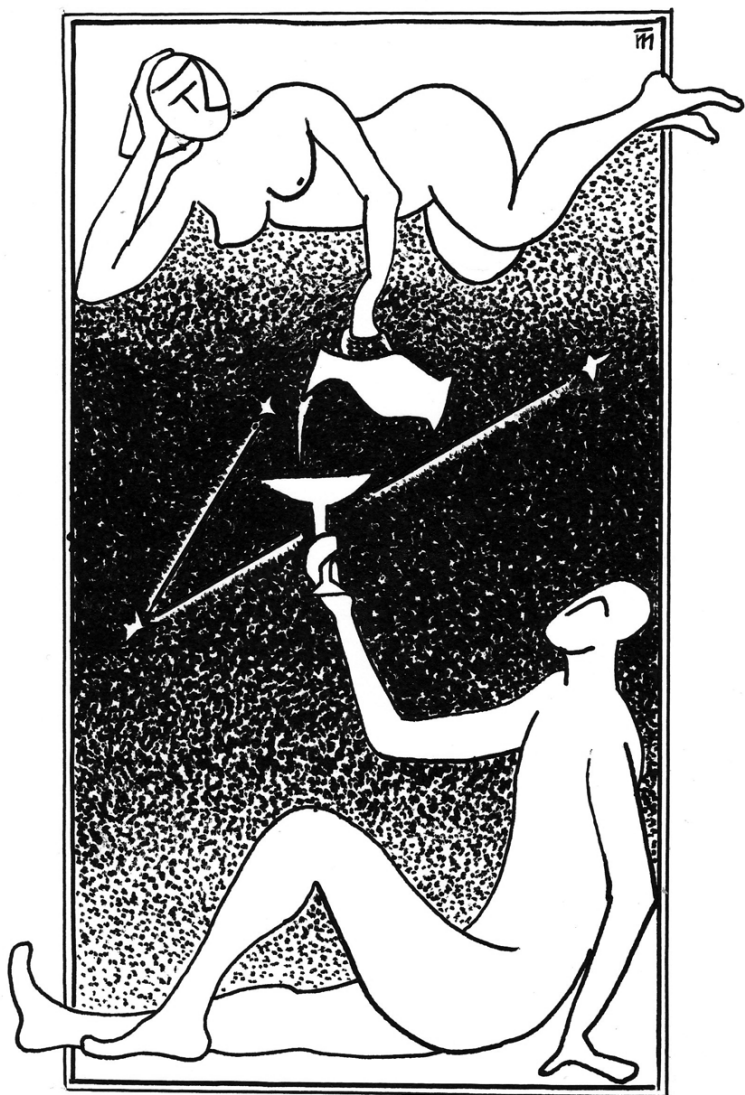

Иллюстрация к книге Б. Риго «Знаки зодиака». 2002

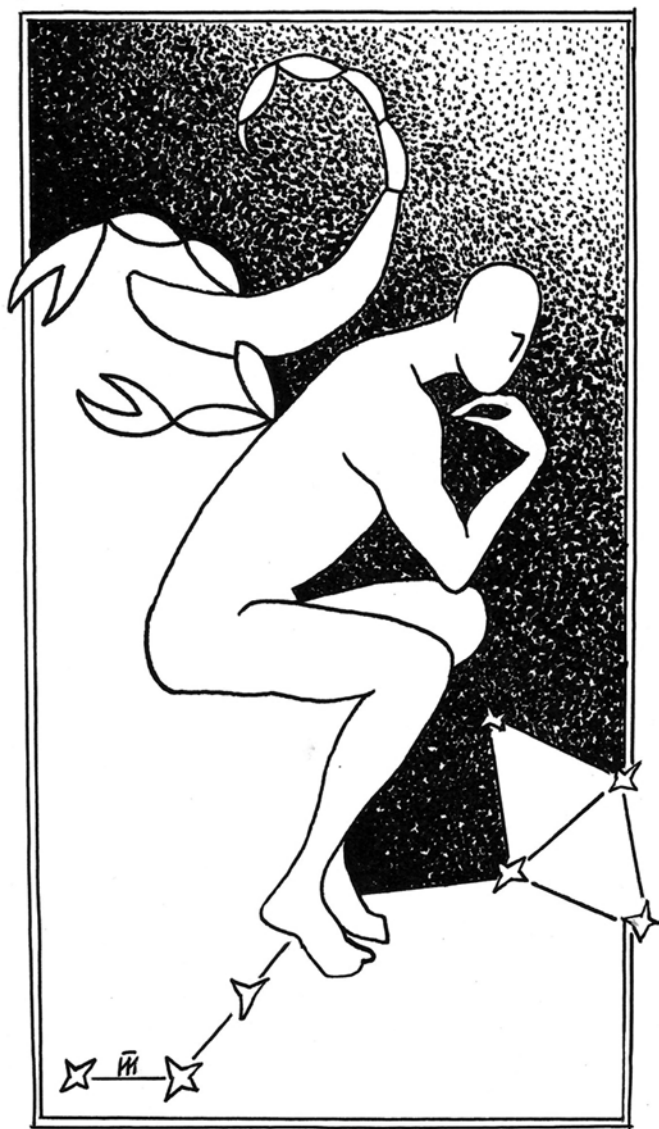

Иллюстрация к книге Б. Риго «Знаки зодиака». 2002

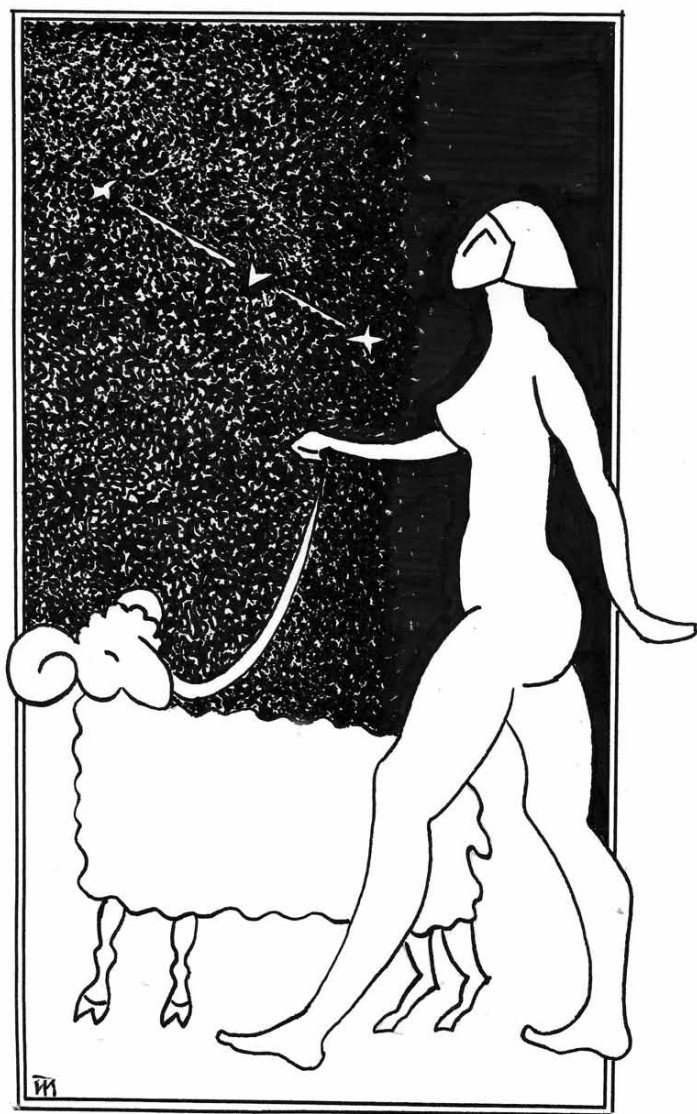
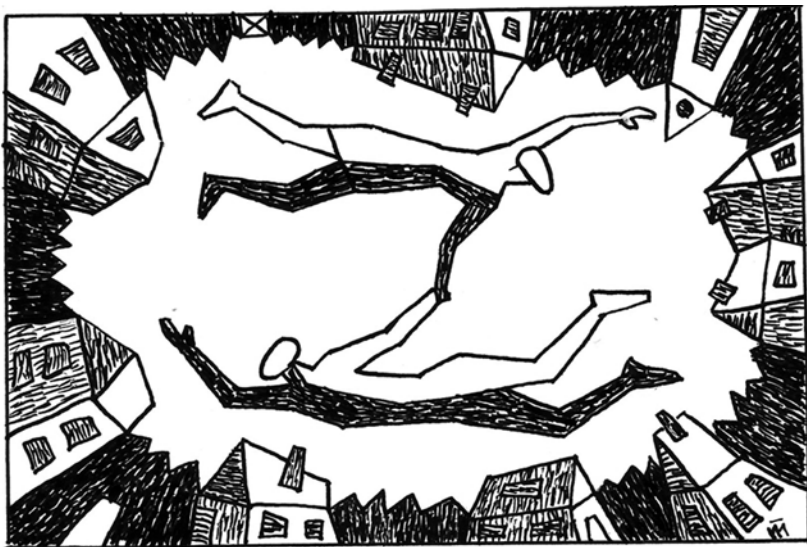
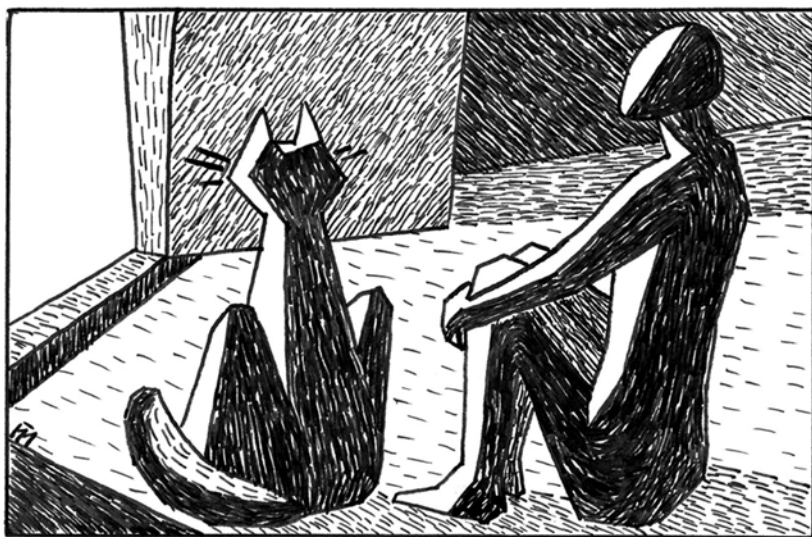
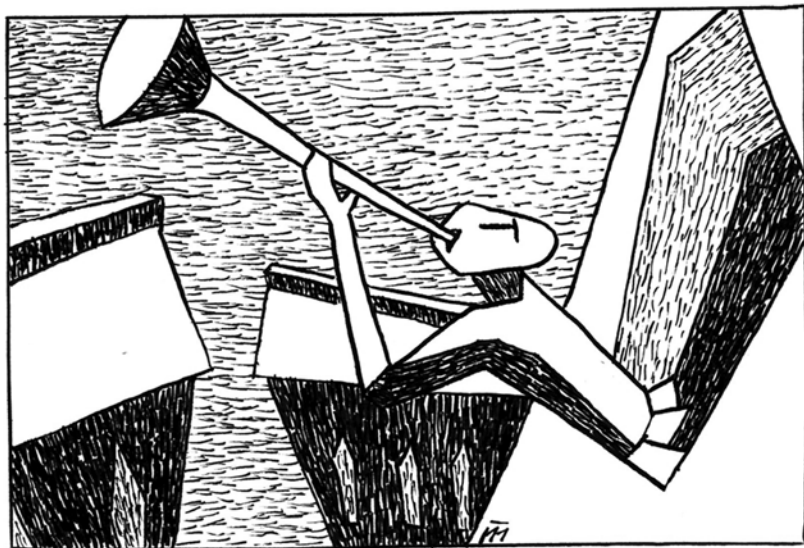

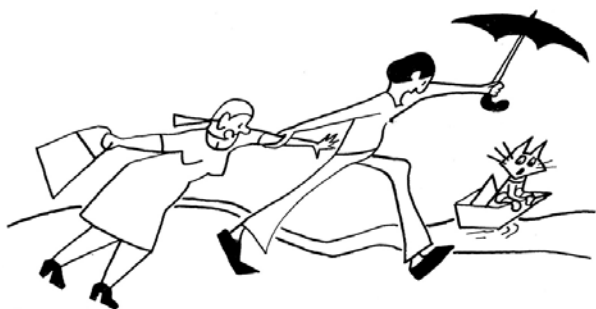
Иллюстрация к книге Б. Риго «Знаки зодиака». 2002

Иллюстрации к книге С. Телюка «Предначертание». 2003

Иллюстрации к книге С. Телюка «Предназначение». 2003

Иллюстрации к книге С. Телюка «И отчалит кораблик, привет!...». 2006

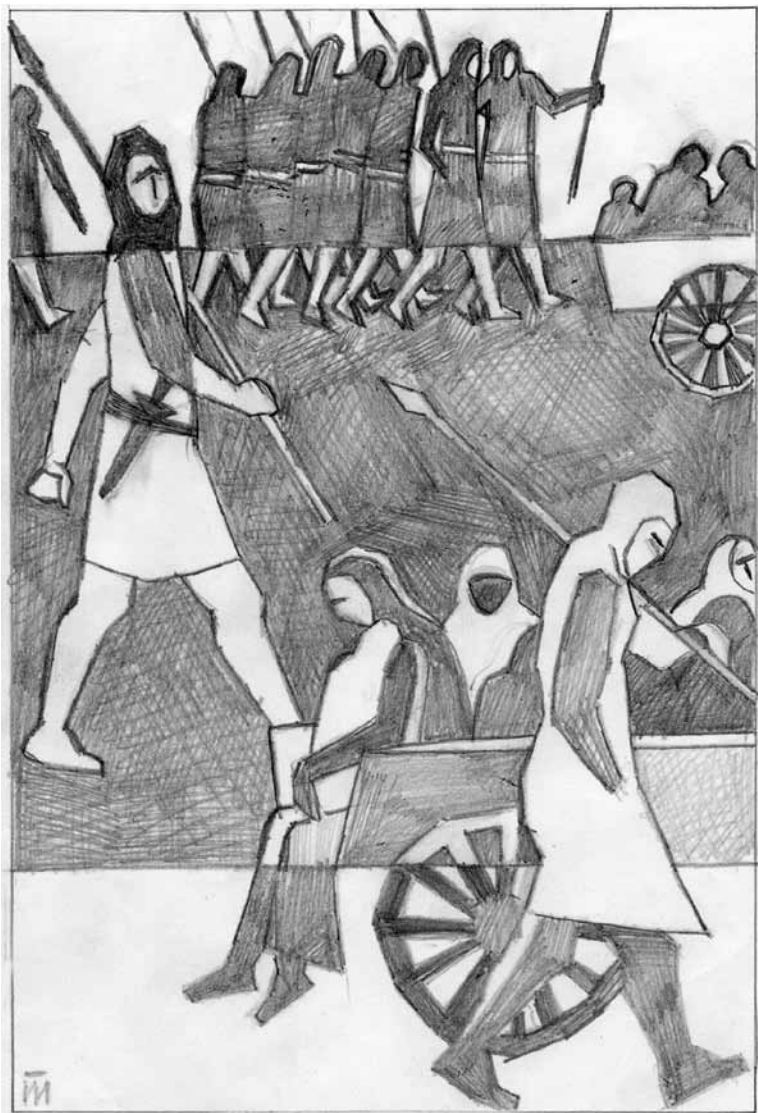
Иллюстрации к книге С. Телюка «И отчалит кораблик,
привет!...». 2006

Эскиз гравюры на дереве к книге С. Телюка «Предчувствие Руси» (2010)

Эскиз гравюры на дереве к книге С. Телюка «Предчувствие Руси» (2010)

Эскиз гравюры на дереве к книге С. Телюка «Предчувствие Руси» (2010)

тью, двустворчатым платяным шкафом, дорожкой посередине, в углу у двери – умывальник. Видела одного таракана. При свечах мы «освоили» пространство, я всё разложила, и пригласили к себе ребят «попить мускату» (благо мы взяли его целую трёхлитровую коробку). Аня с Данилой ушли спать раньше, выпив один стаканчик, я – пару, остальное Сергей с Сашей «добили».

Завтрак здесь с 9 до 10:00. Мы проснулись в 9:30. Бегом умылись и оделись. Кормят много: пшённая каша (я съела с удовольствием), запеканка с курагой (уже не смогла), кофе и паштет... После завтрака пошли гулять вдвоём.

Из ворот – налево. На другой стороне дороги – «поле Пастернака», над которым (Серёжа рассказал) по одной из версий развеяли прах Лили Брик. Сейчас его обнесли забором, бетонным снизу и металлическим сверху – говорят, землю купил сын Олега Табакова, провёл коммуникации и будет строить или продавать (кстати, за нашим столом пожилая писательница сообщила, что ресторан со столовой откупили Инна Чурикова с Глебом Панфиловым и назвали «Дети солнца»)... Перешли дорогу и пошли к ручью мимо дачи Вознесенского, дома-музея Пастернака. Периодически нас обгоняли легковушки – за водой, на ручей. Позже я видела объявление на дверях нового корпуса (мы жили в старом), что вода из ключа требует кипячения перед употреблением.

Было около 0°. Дорога в буграх и скользкая. Дошли до железных ступенек к ключу, но спускаться не стали. Внизу журчала незамёрзшая вода, мужчина наполнял пятилитровые пластиковые бутылки, подросток оттаскивал по две штуки вверх к машине. Мы постояли минут пять и пошли назад. Была среда 31 декабря 2003

года. Музей опять был закрыт: часы работы – с 10 до 16:00 (в четверг, пятницу, субботу и воскресенье). Но праздник, и неясно, как он работает в эти дни. Мы вернулись, перешли шоссе и направились по улице Серафимовича в сторону музея К. И. Чуковского, вдоль забора Дома творчества, с разрисованными столбиками (героями сказок К. И. Чуковского – крокодилами и прочее). Дошли до калитки к новому корпусу и повернули к себе.

С 14 до 15:00 обед. Готовят вкусно, порции большие и разнообразные. У столовой стоит бильярд с креслами и столиками, в углу – бар с караоке. Много молодёжи, студенческого возраста. В будни в столовой питалось всего шесть человек. К празднику и каникулам – почти всё занято, даже в две смены. Мы сидели за столиком № 2, места: Сергей – 1, писательница – 2, Саша – 3, Данила – 4, Аня – 5, я – 6. Аня ездит сюда уже десять лет по два раза в год и знает всех по именам: дежурных по корпусам, директора, официанток, постоянных жильцов...

Мы поздравляли наших официанток с Новым годом сувенирами.

День прошёл никак. Мы ожидали праздника в столовой, но оказалось, что ничего не будет. И всё равно мы решили надеть вечерние наряды: Аня – то, что было на ней на её вечере (до пола чёрная юбка и чёрная с вырезом блузка), я – новую чёрную миди юбку (годе) и блузку, которую прислала Таня Хохлова из Варшавы.

Договорились, что отмечать Новый год будем у Ани. Аня позвала меня как художника помочь нарядить гирляндами комнату. Мы лазили по столам, стульям, кроватям и цепляли, связывали, засовывали, забрасывали гирлянды. Я даже принесла наш подарок Даниле – светящуюся гирлянду – и раньше времени от-

дала, чтобы украсить комнату. Перламутровый «дождик» на люстре, гирлянды на окне, огоньки на стене, ёлочка на холодильнике, со свечами вокруг – вышло нарядно.

Пришёл Вадим Григорьевич Черняк – поздравил нас, мы – его. Он принёс в подарок Сергею ежедневник, а мне – набор открыток «Плёс», и по обезьянке, символу 2004 года. Мы – пряник.

По дороге на ужин встретили жену Ю. Влодова Людмилу. Она спросила, где мы встречаем Новый год, и решила к нам присоединиться. Устроили общий стол в № 14. В 23:45 поздравили Черняка с днём рождения. Аня всем подарила сувениры, нам – свечи. Сидели, фотографировались, гуляли, запускали петарды, ходили в гости в новый корпус. Там я общалась с Людой Влодовой. Она рассказывала о котах, о музее Дикого, где они жили, и пр. Спать легли после трёх ночи.

1 января проснулись в 9:30. Спать здесь здорово! И днём тоже! Мы после завтрака думали пойти к Аннинским, но, не дозвонившись 31-го и 1-го утром, не решились (как оказалось позже, Сергей перепутал цифры их телефона). Решили поспать и до обеда отсыпались. Кстати, Сергей и сейчас спит.

Всю ночь люди веселились, что-то взрывали, кричали, плясали, пили под лестницей и везде! Я старалась всё сфотографировать. Никого из известных писателей мы не видели. Только Аня показала какого-то «композитора», который здесь постоянно живёт и пишет песни. Все пожилые с ним заигрывают, чтобы он написал и на их стихи тоже. Фамилию не помню.

После обеда мы решили погулять. Взяли фотоаппарат и кошелёк. Дошли до конца улицы Серафимовича, на перекрёстке встретили двоих лыжников и спросили про музей Окуджавы (зная, что он находится напротив

дачи Аннинских). Нам сказали, что недалеко: идти по улице Маркса до «Кремлёвской стены» (дачи Церетели), вдоль неё направо, и – налево по указателю музея (улица Довженко). Там мы уже знали. У ворот Аннинских расчищен снег, позвонили, открыли крючок на калитке и по тропинке пошли к дому. Лев Александрович, открыв дверь, махал нам с крыльца.

Л. А. занимался: печатал на компьютере, а Александра Николаевна варила супчик и пюре из пакетика. Оказывается, у них в гостях были средняя дочь с подругой, которые гуляли в лесу. Они писали фэнтези (трёхтомник) и уже был заказчик.

Серёжа пошёл с Л. А. в магазин за едой и шампанским. Они ждали друзей к 19:00. Мы были ~ в 17:00. Посидели на кухне, попили шампанское, кагор с водой, чай – кто что хотел. Кагор с водой предложила А. Н.

Л. А. пошёл к компьютеру в кабинет, я в коридоре смотрела библиотеку, рассортированную А. Н. по темам: барды, кино, искусство, философия, история и т. д.

Я спросила Л. А. как пришла мысль написать книги о родителях. Он сказал, что уже 25 лет как готов материал. Его подтолкнула к этому А. Н. И он стал звонить родственникам родителей, записывал, спрашивал, составлял древо...

В военных архивах отказывали, говорили, что списки призывников с Мосфильма 1941 года секретны. Ему удалось уговорить офицера показать их. И он, переписав Ф. И. О., занялся розыском... Некоторые оказались в другом эшелоне. Но нашёлся и свидетель, который тоже попал под бомбёжку. И он рассказал (хотя дочь долго не пускала к старому отцу, боясь за его здоровье), что помнит солдата, описал его внешность и вспомнил частушку, довольно редкую, которую он пел. Именно такую пел отец Л. А....

Конечно, всё, что рассказывал Л. А., не опишешь. Надеюсь прочитать в книге, которую должны вот уже скоро привезти из типографии.

А. Н. рассказывала, как им досталась эта дача.

Они давно уже были первыми в очереди. И первый раз им, предложив, сказали, что позвонят позже, когда придёт время оформлять и переезжать... Но всё затихло. А через некоторое время они узнали, что дачу отдали более старшему (старому) писателю.

Второй раз дача ушла к Георгию Владимову, который уже жил в Германии. Но приехал в Россию за премией и стал просить дачу (от Союза, бесплатную). Ему помогали Л. А. и А. Н. В результате он получил дачу, которую обещали Аннинским. А. Н. до сих пор неизвестно, знал ли об этом Владимов.

Дача Луговского – уже третья обещанная... И Аннинские не стали ждать оформления, а сразу въехали...

3 марта 2004 г. (среда)

(~ 13:00) Я опять болею гриппом (на этот раз желудочным).

Закончу о Новомоднем празднике.

Мы просидели у Аннинских до ухода дочери с подругой, которых и проводили на станцию «Переделкино».

На следующий день 2 января мы с Серёжей гуляли вдоль «поля Пастернака» и обратили внимание, что из музея вышли молодые люди и бодрым шагом прошли мимо нас, причём говорили не по-русски (кажется, на французском).

Мы сразу свернули в музей! Нам очень обрадовались. Там, кроме нас, никого из посетителей не было, лишь чуть позже подошла пожилая пара, и мы все вместе прослушали экскурсовода. Купили фотографии интерьера (т. к. не взяли фотоаппарат).

Впечатление от музея: достаточно скромно. Уютно на террасе и «холодно» в рабочем кабинете. Может, так нужно для творчества или именно для Пастернака. А может быть, жена Пастернака не умела навести уют.

Уехали мы после обеда. К ужину были дома.

Чем больше событий – тем меньше времени писать о них.

21 января (в день 10-летия нашего венчания) в ЦДЛ был наш вечер по поводу выхода книги «Предназначение». Пригласили самых близких. Я сделала выставку графики к книгам Серёжи. Очень радовались, что вечер вёл Кирилл Ковальджи, что на вечере были и выступили «мои» художники – Сергей Александрович Алимов и Анатолий Владимирович Кузнецов, критик Лев Александрович Аннинский (жаль, что болела его жена Александра Николаевна!), поэты Саша Щуплов, Аня Гедымин, Нина Краснова, Витя Лунин, бард Вадим Егоров и другие. Устроили фуршет в подвале, где кафе-буфет. Много знакомых и друзей. Много цветов, слов... Хозяева ЦДЛ сказали, что это один из лучших вечеров.

У Сергея не взяли «Однажды в XX веке» в журнал, зато начали печатать в «Истоках». Сегодня он повёз Жуховицкому материал (свою статью о Саше Аронове, которая вышла у Оскоцкого) для Интернета.

А вообще – готовит следующую часть «Однажды...» для публикации.

Я жду выставки на Кузнецком мосту, 11 – к 50-летию нашей секции. Помогаю с организацией и готовлю свои работы.

Звонила Андрею. Конечно, он устаёт. Таня – молодец! Вышла учиться в медицинский. Саша приболел, сидит дома (хотя с октября 2003-го, т. е. с полутора лет, в садике, как и его отец – ведь и мы отдали Андрея в садик в таком же возрасте).

II. НЕОКОНЧЕННОЕ, ИЛИ ВСЁ, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ СКАЗКИ (9—20.07.2010. ИЛЬИНСКИЙ ПОГОСТ.)

План рассказа о жизни Ирины Телюк

I. Детство. 1952–1959

Рождение (Китай). Родители. На ул. Землячки. Переезд на Ленинский проспект (1959). Летом в деревне («помощники»: копка картошки). Одежда. Игры. Пчёлы. Животные. Магазины.

II. Школа. 1959–1966

В 1-й класс. Отъезд в Румынию. Отпуска в России. Возвращение на Ленинский из Румынии. Школа № 52.

III. Юность. 1966–1969

Переезд на ул. Телевидения. Вступление в ВЛКСМ (1966). Перевод в школу № 625. Учёба. Мат. олимп. в МГУ. Выпускные.

IV. Работа. 1969–1970

Попытки пост. в институты. Учёба на курсах машинописи при МИДе. Работа в ЦНИИИинформ на Фрунзенской. Подготовительные курсы.

V. Институт. 1970–1975

Поступление в МИЭМ.

Картошка на 1 курсе. Сессии. Олимп. по начерталке. Стройотряд под Лотошино. Знакомство с Владом. Концерты. Учёба. Сельхоз отр. 1972. 7 ноября. Замужество (III курс). Кастрополь (г. Ифигения). Беременность. Разъезд с родителями. Сессии. Рождение Андрея. Болезнь Влада.

VI. Молодой специалист. 1975–1980

Диплом. Распределение. Преддипл. практика. Защита и Госы. Работа в МИЭМ. Семья. Мама Мария и папа Геня. Рига. Ростов Великий (1979). Уход из МИРЭА в ХНО. Отдел АСУ.

VII. Развод. 1981

Олимпиада. Работа Влада в Райкоме ВЛКСМ. 7 ноября. День рождения Андрея 29/I. Развод. Вызов в Райком. Съезд Влада. Переезд в 2х-комн. кв. Помощь сослуживцев. Родители. Отношения с Владом.

VIII. Разведёнка. 1981–1992

Жизнь в отделе АСУ + командировки.

Ухажёры.

Летние отпуска в спортлагерях.

Смерть родителей. На Б. Черёмушкинскую, 2-1-159. Ильинский погост. Оформление наследства. Сестра (смерть Крайнева, ссоры). Отношения с Андреем. Перестройка – сэконд хэнд, книги...

IX. Любовь. 1992–н/вр.

Груша. Встреча Сергея. Старый Оскол. Свидания в Коломенском. Съезд и сдача квартиры Сергея. Стычки с Андреем. Домашнее хозяйство.

X. Творчество. 1994–н/в

Выступления и публикации Сергея. Новые друзья (Мозалёвы, Щетинин, ...). Крым. Учёба в ЗНУИ. Работа в НГУ Н. Нестеровой 1993–2008. Апухтин. Учёба в АЖ. Наставники-мэтры. Первые выставки (ЗНУИ, ...).

Книги Сергея, иллюстрации.

XI. Жизнь.

Вступление в МСХ. Член правления. Секр. выстав. ком. Монументалисты. Мастерская. Польша.

Домик в деревне. Родители и родня Сергея. Смерть родителей Сергея. Женитьба Андрея. Размен. Рождение Саши. Пожар в дер. и Андр. Сестра. Пенсия...

I. Детство. 1952–1959

1. Китай

1.1 – Два свидетельства о рождении:

1. г. Порт-Артур, Китай (1952–1968);

2. г. Москва (с 1968 г.).

1.2 – Командировка родителей в Китай (город – ?). Коммуналка. Ожидание сына Александра – в честь

Сашки Мусатова, а у Мусатовых сын Виктор – в честь моего папы (Вити Горячева). Обещание покупки (маме) платья и туфель.

1.3 – Рождение дочери. «Отказ» забирать из роддома. Агитация коммуналки. Выбор имени «Ольга» – оказалась «Ирина».

1.4 – Болезнь ушей. «Искусственница»: диспепсия, дизентерия. Кормление чечевицей. На память от врача: пагодка, божки (последних – сестра раздарила подругам). Отъезд из Китая. Происшествие на границе: нет билетов, голод...

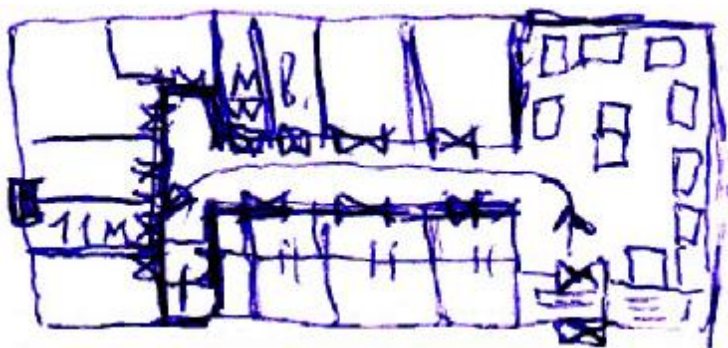
2. Ул. Землячки

2.1 – Первые воспоминания: коммуналка на ул. Землячки, д. 11, кв. 1. Деревянный двухэтажный дом: крыльцо, лавочка справа, деревянная лестница со скрипом и крутая, дверь, обитая ватином, куча звонков.

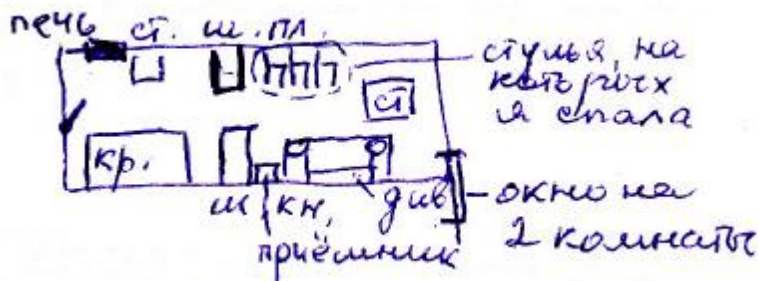
Кухня: кран с холодной водой, столы 10-ти семей, плита, керосинки, керогазы.

Коридор: комнаты, туалет и ванна справа, поперечный коридор к нам, налево ~ 3 семьи, направо ~ 3 семьи. Полуподвал. 2-й этаж татар.

2.2 – Комната: 11 кв. м, я спала на трёх стульях. Мылись в бане на набережной, с тазом.

2.3 – Соседи. Справа от нас дядя Стёпа, парикмахер в бане, и тётя Дуся, уборщица в бане. Наставницы – Варвара и Ольга Бесфамильные. (Мытьё расчёсок. Коллекция картинок с конвертов, в жестяных коробочках: цветы, города, портреты, праздники.)

2.4 – Папа слушает футбол: Понедельник. Болел за «Торпедо».

2.5 – Гости – к нам. Прунтовы Люба и Боря, выбор принцессы с накидушкой от подушек на голове, прятки.

2.6 – Мы – в гости: к Прунтовым – в подвале плохо помню, в пятиэтажке на Новый год срезали конфеты и мандарины ночью (родители подсматривали). Строи-

тельство из констр. домиков, крепостей, гаражей... Графин с вращающ. балеринкой из Германии. Походы на ВДНХ – бутерброд из булочки за 7 коп. с двумя горячими сосисками. Прогулки по павильонам и сбор реклам. В один из посл. раз (мне лет 13–14) в открытом кафе ели шашлыки с дядей Юрой и папой;

к Мусатовым – на Аэропорте (?). Овальная железная дорога с заводным механическим паровозиком и вагончиком;

(?) – стереокартинки городов др. стран, животных и пр.

2.7 – Двор. Барак для рабочих. Потом построили пятиэтажку и Госрадиоцентр, который горел, и мы выносили вещи. Сарай с дровами и погребам.

Игры: горка, залитая зимой. «Секреттики». Кораблики – спички по весне. Прогулки с сестрой в библиотеку и Третьяковку.

2.8 – Дом пионеров. Куда ходила Ната – не помню. «Ракушка» с лавочками, где были по праздникам концерты.

2.9 – В Ильинский погост. Рано утром папа впереди с чемоданом и сумкой, мама с нами на Казанский вокзал на метро. Много билетёрш: отрывали билетики и бросали в высокие урны, стоя на островках, отделённых перилами.

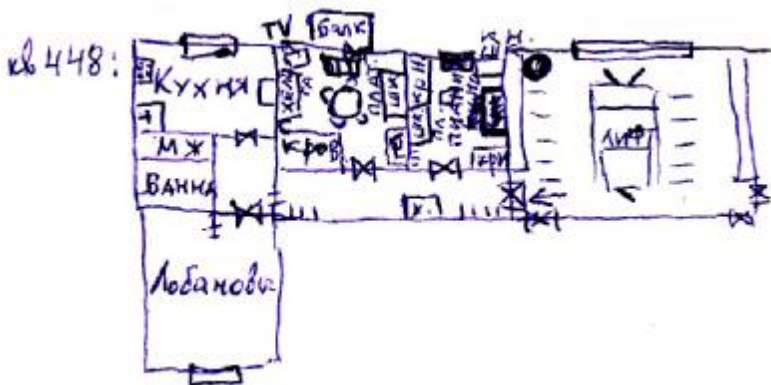
3. Ленинский проспект, д. 82,
кв. 448 (15 подъезд) и Ильин-
ский погост

3.1 – Как проходил переезд в 1959 г. с Землячки на Ленинский, не помню – скорее всего, я была в деревне, как всегда на всё лето. Папе в МИДе предлагали от-

дельную квартиру, но мама испугалась: «Как же без соседки?»

3.2 – В новой квартире были одни соседи! Лобановы Александр Петрович (МИД), Людмила Александровна (детсад), Зина и Саша – в одной комнате ~ 25–30 кв. м. У нас было две комнаты: детская, при входе справа, и родителей, за нашей. Большой коридор, где стояли холодильники, велосипед соседей и пр. Большая кухня. На кухне стояло два стола, над которыми висели полочки.

Когда у нас только что появилась полочка, Л. А., желая похвалить, сказала маме: «Какая у вас хорошая полочка». Мама не расслышала, кушая свежую булку, и ответила: «Да, хорошие булочки!»

3.3 – В детскую комнату перевезли всю старую мебель: железную кровать родителей (на которой стала спать Ната, а теперь она – в Ильинском погосте), платяной шкаф с зеркалом (выбросили при съезде родителей на Фили, когда я вышла замуж), книжный шкаф (в котором остались папины книги по истории, марксизму-ленинизму и журнал «Коммунист»), мне железную кровать купили ещё на Землячке, в угловом мебельном

на Павелецкой, у Зацепы (магазин снесли вслед за рынком, при реконструкции площади). Новыми были только квадратный стол и пианино, т. к. Ната стала учиться в музыкальной школе № 52, у метро «Университет».

В родительской появились: немецкая «Хельга», трёхстворчатый платяной шкаф, деревянная полуторная кровать, круглый стол с пятью стульями, с зелёными кожаными сидениями (теперь в деревне). Старыми остались: диван с валиками и сундуки с чемоданами. Главное – балкон, с которого мы пускали бумажные самолётики! Репродукция картины Шишкина «У истоков...», преподнесённая папе к 40-летию Октября. И ещё ч/б телевизор «Рубин» – на тумбе, с цветной плёнкой для цвета, голубая/зелёная.

3.4 – Игры.

Дома мы с соседом Сашей (моложе меня на 1–2 года) играли в танкистов, залезая под железные кровати. Взрослые нас выгоняли. Тогда мы переворачивали стулья на спинки и изображали машины.

На улице весной и осенью любимыми были в городе:

а). «Вышибалы». Когда двое вышибал пытались мячом выбить бегущих между ними ребят. Можно было поймать мяч

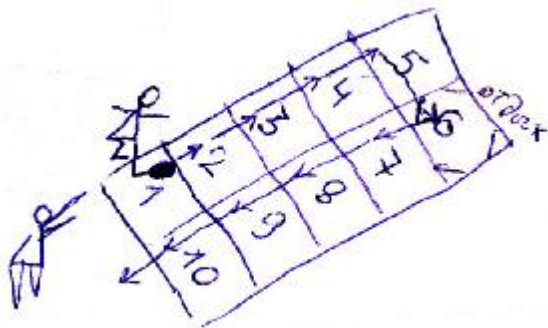
руками («свечу»), и у тебя появлялась защита на одно попадание.

б). «Козёл». Прыгать через отскакивающий мяч у стены дома.

в). «Классики». Игрок бросает битую (баночку из-под гуталина, заполненную для тяжести землёй) на клетку «1» и на одной ноге, не задевая линий клеток, гонит битую 1 → 10. Отдохнуть на двух ногах можно только на клетке «6».

Пройдя без нарушений: бросает на клетку «2» и т. д. При нарушении – прыгает другой игрок.

- г). Штандер.
- д). Лапта.
- е). Салочки.
- ж). Красное-чёрное.
- з). Прыгалки: нагонялы (поодиночке, групповые).
- и). Прятки.

Зимой в городе: лепка из снега крепости (для игры в снежки), бабы, горки. Каток во дворе на гагах (коньки надевали прямо в квартире), катание на санках, лыжи. Катки: в «Лужниках» и «Люкс» на Спортивной (на фигурах – в более старших классах, до 7 кл.).

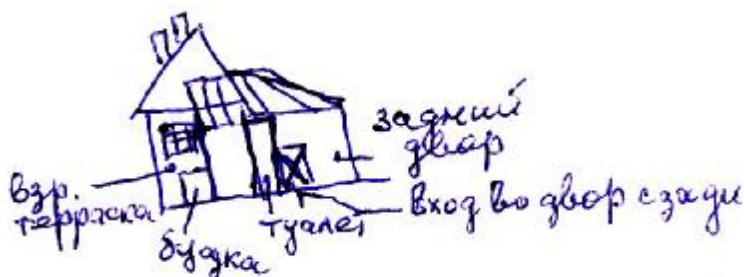
3.5 – TV: передачи «Спокойной ночи малыши», мультики (пока не купили телевизор – смотрели у Лобановых), КВН, «Голубой огонёк», «В мире животных», «Клуб кинопутешествий». В кинотеатры не ходила, за исключением единственного раза ~ на «Капитана Немо» в к/т «Прогресс» (1-я ул. Строителей, ныне театр Калягина – ?).

3.6 – В Ильинском погосте. На лето меня отправляли в деревню Ильинский погост (вернее, село, которое в разговорах мы всегда называли «деревней». Сейчас – это уже сельское поселение).

В Ильинку (так иногда папа говорил для краткости) ехали на поезде, с пересадкой в Куровской на другой поезд – по кольцевой Москвы, и через одну остановку, «Нерскую», был Ильинский погост. Паровоз дымил и тащил вагоны, в которых открывались двери и окна (снизу). Мы высовывали головы и часто в глаза попадали иголки. Нас почти всегда встречали наряженная бабушка Мария Ивановна (наряды, причёски, губки, сумочка, каблучки, всегда без платков) и дедушка Павел Васильевич (с палочкой, т. к. хроمال). Везли много еды: мясное, сладкое, крепкое, вкусенькое. Родители всю жизнь помогали, ежемесячно посылая деньги: от 10

руб. и более + на дрова + на краску и др. Папа очень любил и уважал родителей. Ему было интересно с ними. Привозил друзей.

3.6 А – Дом в деревне

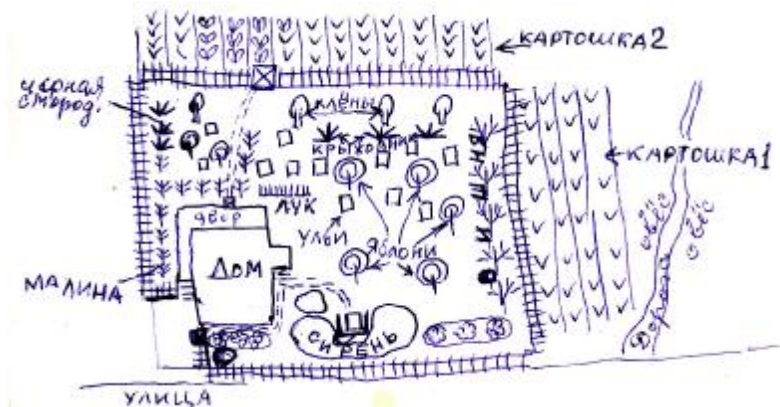

3.6 Б – Планировка дома

- I – Взрослая терраска.
- II – Детская терраска.
- III – Чулан.
- IV – Задняя комната.
- V – Передняя.
- VI – Двор.
- VII – Подклеть (под чуланом III).

3.6 В – Участок: палисадник, сад, огород

Огорода как такового в деревне не было. Была картошка. Сначала она росла справа от дома, за забором. Тогда наш дом был крайним на улице, за ним до ж/д было овсяное поле, через которое крест-накрест шли пыльные дороги, по ним ездила лошадь с телегой, возившая бидоны. Мы иногда катались, но телега ужасно тряслась.

С этой картошкой-1 связана история. Мы, дети, решили помочь взрослым и, взяв бельевые и двуручные корзины, пошли копать картошку. Грядки тянулись вдоль всего забора. Не помню, сколько грядок мы пе-

рекопали, но, собрав достаточное количество, понесли взрослым, которые, довольные, пели на взрослой терраске. Когда мы с корзинами подошли к крыльцу и взрослые поняли – случилась немая сцена. Был август, и картошка ещё не выросла, была мелкой – 4–5 см! Но нас не ругали за порыв – смеялись: «Помощники!»

Потом рядом построили дом, и картошку-2 стали сажать за садом. Окучивали все, и всегда по несколько раз за лето.

3.7 – В Ильинский погост съезжались родные. Кроме нас четверых, ещё сестра папы тётя Ира с мужем дядей Костей и двумя сыновьями – Лёшей и Шуриком (Скороходовы). Из Рязани брат дедушки – дядя Саша с женой тётей Наташей и внучкой Ирой. Кроме того, за-

езжали, приходили Прунтовы, Мусатовы, Крайневы, родные дяди Кости и др. Спали везде (даже на улице, когда без дождя и тепло).

Дети – на «детской терраске» на полу (теперь она у тёти Иры). Стелили два матраца к стене: посередине – либо тётя Ира, либо мама; а потом – девочки слева, мальчики справа (поперёк матрасов). Взрослые – на всех кроватях, на полу. Дедушка – на печке.

3.8 – Ели дети отдельно, как правило, утром – манную кашу, или на детской терраске, или в саду, за детскими столиками.

Взрослые ели на взрослой терраске или в беседке в сирени, где подставляли ещё маленький сервировочный столик для самовара, кастрюль и пр. При любой возможности вечерами взрослые сидели с гитарой и пели (с вином). На гитаре играли: дедушка (цыганочку, старинные песни, романсы – «Белая акация», «Едет ба-

рин с поля», «Летела сорока» и др.); папа (цыганочку, песни из к/ф); дядя Костя (романсы).

У деда был бас, у бабушки – высокий (?). Мама – второй голос, тётя Ира – первый-второй, папа – второй голос, дядя Костя (?). Раскладывали по голосам, со вступлениями и концовками. Бабушка в юности пела в церкви, на клиросе, и голос у неё был поставлен. Слух был у всех. Мы подпевали знакомые песни, когда нас не гнали спать.

3.9 – Была традиция ежегодно всей семьёй ходить в Поповский лес на «Ямку», устраивали пикник с гитарой. «Ямка» была постоянной. Все садились кружком, свесив ноги, дети бегали, бросали ножички, собирали грибы.

Однажды дядя Костя объявил: «Кто за полчаса найдёт самый большой белый гриб, тот получит столько денег, сколько уместится на его шляпке». Все дети разбежались. Лёша выиграл: принёс белый гриб (небольшой) и большой гриб белого цвета (!) со шляпкой-воронкой. Дядя Костя дал ему 10 рублей!

После посиделок под мох на дне ямки закапывали свежую газету, а предыдущего года – забирали.

3.10 – Я боялась дяди Кости, старалась обходить его и не оставаться в одной комнате, т. к. он щипался и делал этим больно. Но почему-то я стеснялась жаловаться.

3.11 – Иногда дети устраивали домашние концерты. Репертуар был постоянный:

а). Басня «Ворона (я – на стуле) и лисица (Ната)»;

б). Украинский танец (я и Ната) с веночками и лен-

тами на голове и в фартуках с настроенной тесьмой, сделанных вместе с мамой;

в). Татарский танец (я и Ната) под такой текст:

1 куплет (она):

Светит месяц, луна горит зарёй.

Где ты, где ты татарин молодой?

2 куплет (он):

Вот я, вот я, татарочка моя.

Давай с тобой станцуем, станцуем гопака.

3 куплет (она):

Нет, не буду с тобой я танцевать,

Нет, не буду с тобой я щеголять!

(Далее танцуют);

г). Матросский танец под «Яблочко» (па – присядка, обратная косичка...);

д). Сценка из деревенской жизни: охрана сада дедом.

(Яблоки в садах мало у кого были, в основном огорода. У нас всегда просили. Но некоторые воровали, в основном, дети. Поэтому дедушка в августе спал в саду, с ружьём-двустволкой.)

Лёша («дедушка») выходил в тулупе с ружьём, собакой и ложился спать. Храпел. Тут вылезали все мы и таскали яблоки. Когда Лёша-дед просыпался, то яблок уже не было. Играли в задней комнате, а за печкой были кулисы. Взрослые сидели на стульях и тахте.

I – Взрослая терраска (была пристроена после покупки дома в 19... г.).

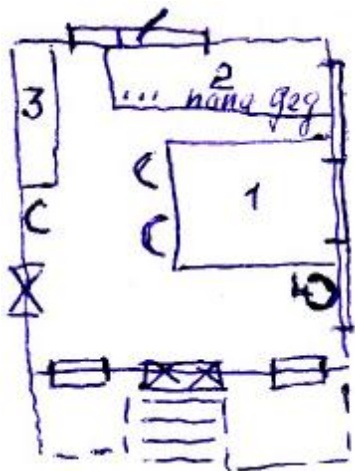
1 – большой массивный стол с фигурными ножками и массивной столешницей ~ 25 см, под которую не влезали колени;

2 – матрас на ножках, где сидели мужчины по старшинству (от окна): дед, папа и др.;

3 – полка для чайной посуды;

4 – стул бабушки М. И., рядом всегда ставили самовар, который она разливала сама, только в тонкие

круглые стаканы, сливая себе «первач» и разбавляя водой «другач» (для всех остальных).

Над – висели небольшие портреты Будённого, Ворошилова и «Ходоки у Ленина».

В единственную форточку на терраске, под которой была будка, где жили на цепи собаки (Алай, Берта, Белка, ...) мы (дети и мама) тайком от бабушки бросали сахар. Нам было их

жалко, т. к. собак держали в строгости: отпускали только с нами в лес по грибы, кормили остатками еды и мытьём от жирной посуды. Кстати, котам – Барсикам – везло не больше: гоняли со стульев, диванов, кроватей (не дай Бог!); самое вкусное – блюдце молока, а для того, чтобы они ловили мышей, по всему дому были вырезаны лазы (под дом, во двор, на улицу).

II и III – Детская терраска и чулан.

Детская терраска была пристроена позже взрослой, поэтому в ней сохранилось окно в переднюю комнату, через которое взрослые часто наблюдали за нами, особенно бабушка М. И. А мы – дети – использовали его иначе: помню, там между рам на вате жил стриж со сломанным крылом, которого кормили мухами.

1 – шкаф, пристроенный к стене, с крупами, банками и др.;

2 – канапе, короткое, на котором не умещались ноги;

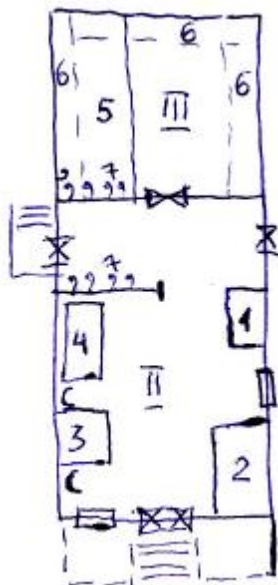
3 – квадратный раскладной стол, где мы рисовали, читали, играли;

4 – кровать (позже), где потом любила отдыхать бабушка М. И., а раньше стелили матрасы детям на полу.

На детской терраске отмечали 16-летие Наты – 7 августа 1962 г. Были приглашены друзья Лёши и Шурика: Коля Лопатников, Миша Цыбисов...

На стол разрешили купить сидр в больших бутылках, как шампанское 8–10° крепости. Я крутила патефонную ручку, заводила и меняла пластинки (мне было десять лет, и меня считали маленькой). После застолья – танцы перед домом, и мальчики, пришедшие в чёрных брюках и белых рубашках, сняли рубашки, т. к. стало жарко (это был вызов обществу!). Я тогда сестре к совершеннолетию подарила пластинку (78 оборотов): с одной стороны – песня «Чай вдвоём», а с другой – ? И ещё дарили книги, которые покупали в местном магазине детских товаров («канцтовары» ?).

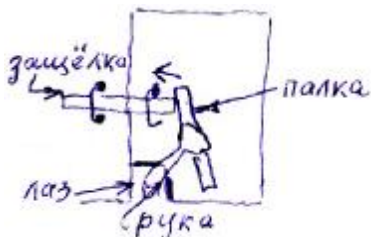
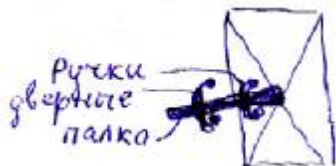
5 – лежанка из досок с матрасом, где любил спать дед. Под лежанкой стояли жбаны с мёдом, ящики с рамками, скарб для пчёл, чемоданы и пр.

6 – полки, где стояла старая обувь, мелочи...

7 – вешалки со старой одеждой.

На детскую терраску можно было попасть без ключей, зная хитрости, чем дети и пользовались, когда подросли и бегали на свидания:

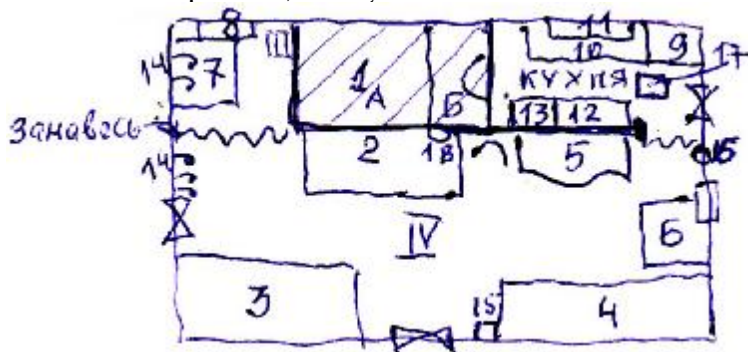
1) из сада, подойдя к задней двери двора (которая закрывалась на палку), надо было раскачивать дверь, пока палка под своей тяжестью не

выскальзывала на землю;

2) далее, пройдя двор, подняться на крылечко, и через лаз для кошки другой палкой отодвинуть деревянную защёлку – и ты дома!

IV – Задняя комната. Комнату называли то задней (т. к. она за передней), то кухней.

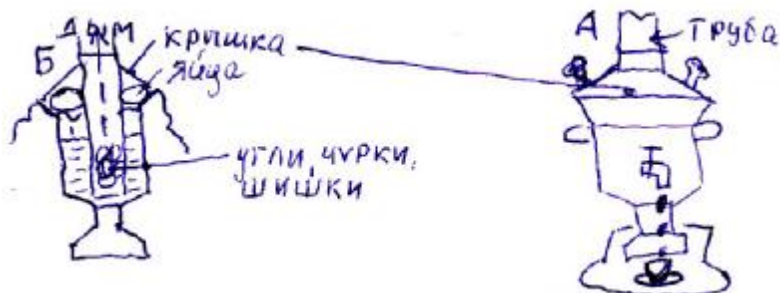

1 – главная печь, или русская печь с лежанкой (А) и горнилом (Б). Её перестроили в 19..., сделав под горнилом ещё и плиту (малую печь, на которой можно было готовить). Зимой это – «центр вселенной». Топили один раз в день, и в горниле готовили всё: томленое молоко, щи, пироги, сушили грибы и яблоки... Плиты и

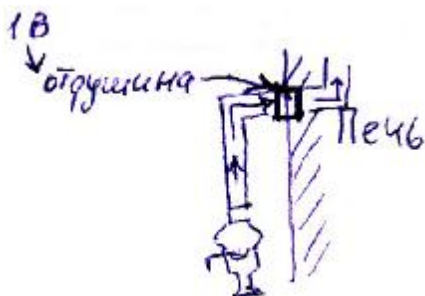
эл. плиток тогда не было. Для разогрева пользовались керогазом или примусом, для которых покупали керосин с привозных машин – в железные бидоны черпаком в один литр (машина приезжала раз в неделю, керосин экономили).

Подспорьем для разогрева еды были... самовары (не электрические). Бабушка варила яйца, разогревала пироги. Труба прикреплялась к круглой отдушине в печи (1В) для вывода дыма.

После того как самовар вскипал, под крышку клали яйца в марле, и они варились. У бабушки было несколько самоваров: ведёрный (10 литров) – для стирки, помывки; средний (5 литров) и маленький медный (2–3 литра) – для чая. За самоварами ухаживали и мы – надраивали их тёртым красным кирпичом до блеска. Ходили все мыться в общую баню на фабрику, в Митрохино. Жен-

щины – по субботам, мужчины – по воскресеньям (?). И вот однажды возвращаются все женщины с детьми и видят в саду картину (мужчины решили пошутить): от бочки на углу до ступенек взрослой терраски выстроены все самовары (а их тогда было штук семь), и все дымят! Пожалуйте к чаю! Где теперь эти самовары? Медный с подносом утащила в Москву Ната (на память), какие-то распаялись, и их выбросили, часть продал Лёша – может, у тёти Иры и пылится где-то один? С появлением электрических бабушка легко перешла на маленький эл. самовар, а также на эл. плитки, плиту с баллонами. Печь стали топить только для обогрева...

Вторая роль печи: лежанка с матрасиком, подушками – для сна и отдыха. Много вылечила она простуд, радикулитов и прочих болезней. Недаром дед обожал там спать и зимой, и летом. Ещё на лежанке был... клуб, где собирались до четырёх человек – поговорить, поиграть в шашки, карты, погадать, почитать... Недаром моим подругам, побывавшим в деревне – Вале Сидоровой и Наташе Петровой (Шумянской), – запомнилась печь да самовар с пирогами М. И. (мы ездили в зимние каникулы кататься на лыжах).

Ещё позади печи были печурки для сушки варежек и носок (но не мокрых, т. к. они «горели» и палились).

7' – за печкой был кованый сундук, на который можно было встать и залезть на печь или просто стоять, если все места заняты, и общаться у кафельной стенки (вертикальная деревянная лесенка на печь была не очень удобна).

2 – стоял посудный шкаф с полкой наверху, где валялись книги по садоводству, пчеловодству, старые журналы и газеты. Я имела глупость найденные на ней газеты 1812 года и журналы, кажется, «Огонёк» или «Нива», отдать в музей школы, где они и сгинули.

Много мебели было куплено у бежавшего в 1917 году француза (вместе с бельём) и перевезена из Москвы на телегах в деревню (куда из-за болезни деда тифом пришлось переехать в 1924 году – ?). Вся мебель была с «излишествами» (что сегодня опять в моде), окрашенная тёмной морилкой: посудный и платяной шкафы, комод, столы, диванчик, стулья, картины...

В посудном шкафу, внизу, аккуратно в полотняных мешочках лежали крупы и сахар, выше – тарелки и блюда, ещё выше – чашки, соусницы, сахарницы и др., совсем наверху – рюмки. На каждой полке – кружевные салфетки. Среди посуды была и Кузнецовская (блюда, на которых студили варенья, ещё что-то) – сейчас она у тёти Иры.

3 – платяной шкаф был с верхним пальто, платьями. Внизу два выдвижных ящика деда, с инструментами (у тёти Иры).

4 – матрас на ножках.

5 – «шкапчик» – так говорила бабушка и хранила в нём подсолнечное масло, уксус, горчицу, хрен, водочку, которая выпивалась перед едой умеренно, для аппетита. Причём бабушка обязательно в свою 50-граммовую рюмку клала одну чайную ложку мёда! Водочка покупалась чаще четвертинками. Даже когда их не было, попросив разлить, затыкали пробкой из скрученной газеты. Теперь он у нас (т. к. тётя Ира его выбросила), Андрей его частично подреставрировал. Над ним долго висели часы с кукушкой и гирьками в виде еловых шишек. На «шкапчике» стоял самовар, за ним – медный поднос.

6 – квадратный стол с откидными крыльями (у тёти Иры).

7" – сундук, в котором бабушка хранила одежду (наверное, у тёти Иры).

8 – полочка над сундуком, где всегда стояла заправленная керосиновая лампа (на случай отключения света, что периодически случалось).

14 – вешалки.

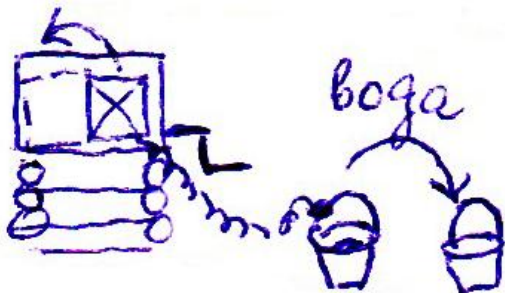
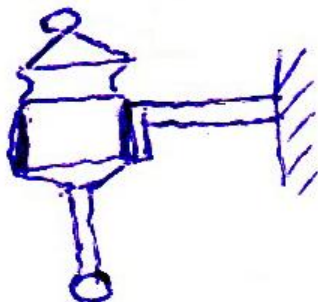
15 – радиотрансляция.

16 – маленькое зеркало (от француза) в тёмной деревянной раме. Оно у нас в домике на втором этаже.

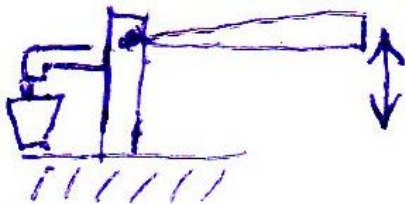
В отделинной перегородкой части комнаты была кухня с самым необходимым:

9 – маленьким ручным медным умывальником, который потом меняли несколько раз на большие металлические и пластмассовые.

10 – столом для готовки с полкой внизу, где всегда стоял большой жбан на три-четыре ведра с водой из колодца (пока в саду не было скважины, носили воду с уличного колодца рядом с Шибаевыми, которым и сейчас все пользуются).

Когда в саду у антоновки установили поршневой колодец с рычагом, чтобы налить ведро воды, надо было 10–12 раз нагнуться и качнуть. Потом сделали скважину у взрослой терраски и поставили на глубине ~ 2-метрового кирпичного колодца насос «Адыгель», и всё упростилось: включил в сеть – и потекло.

Качание воды поршнем было всеобщей обязанностью: кто сколько мог, особенно когда дело касалось полива. Мальчишки качали мышцы то левой, то правой рукой. Я висла на рычаге или наваливалась пузом, папа (как точный и рациональный человек) прокопал канавки по саду – оросительные каналы – и качал туда (но если честно, то вода, огибая две-три яблони, по дороге впитывалась...).

11 – полочка над столом – с мисками, кастрюлями и сковородами, горшки.

12 – столик с мраморной столешницей для керогаза или примуса.

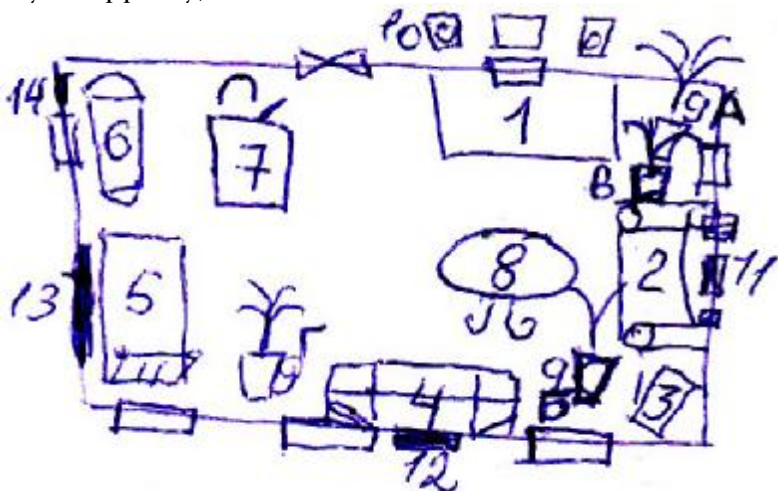
13 – газовая плита с баллоном (появилась позже).

17 – лаз в подпол, через который есть выход под терраску и в сад.

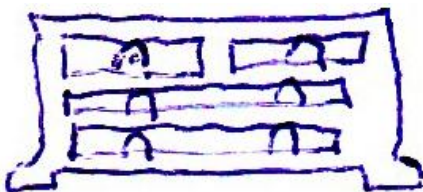
В углу у печи справа (под заслонками трубы) стояли ухваты для чугунов и горшков, кочерги разных размеров. На шостоке (столике) печки всегда стоял чугунок с тёплой водой, варёной картошкой (для собаки).

Проходы с кухни и за печку закрывали шторы. Лежали салфетки, скатерти. Стены обклеены обоями. Над диванчиком – две декоративные полочки, над «шкапчиком» – декоративная полочка для полотенца, они у нас в Москве.

V – Передняя комната (переднюю и заднюю комнаты разделяла бревенчатая стена, поэтому дом называли «пятистенок»). В ней было пять окон (одно – на детскую терраску).

Передняя – парадная комната, и бабушка М. И. её всегда выделяла и отличала. Это была её гордость, т. к. она была выдержана в городском духе, с хорошей мебелью, картинами, коврами, люстрой с драконами.

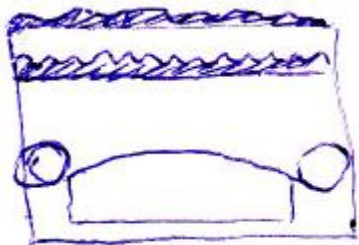
1 – комод с двумя большими и двумя маленькими ящиками – с бельём, покрывалами, скатертями...

В маленьком ящике лежала старинная шляпка бабушки, синяя, с сеточкой наверху и бантом сбоку – я её всегда с удовольствием мерила. На комод стояла большая фотография папы, мамы и Наты в красивой деревянной раме. Меня там ещё не было, но мама сказала, что я

была в проекте (она была беременная) – Ната это фото утащила к себе. Стояли две высокие вазочки, тонкие, салатные, с искусственными цветами. Лежала шитая ришелье скатерть-салфетка.

10 – над комодом – три фото: центральное – несколько молодых человек, в т. ч. дедушка в форме чиновника, бабушка и др.; два портрета молодых бабушки и дедушки в овальном паспарту.

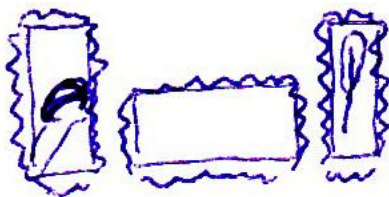

2 – диван с круглыми валиками по бокам и полочкой над спинкой.

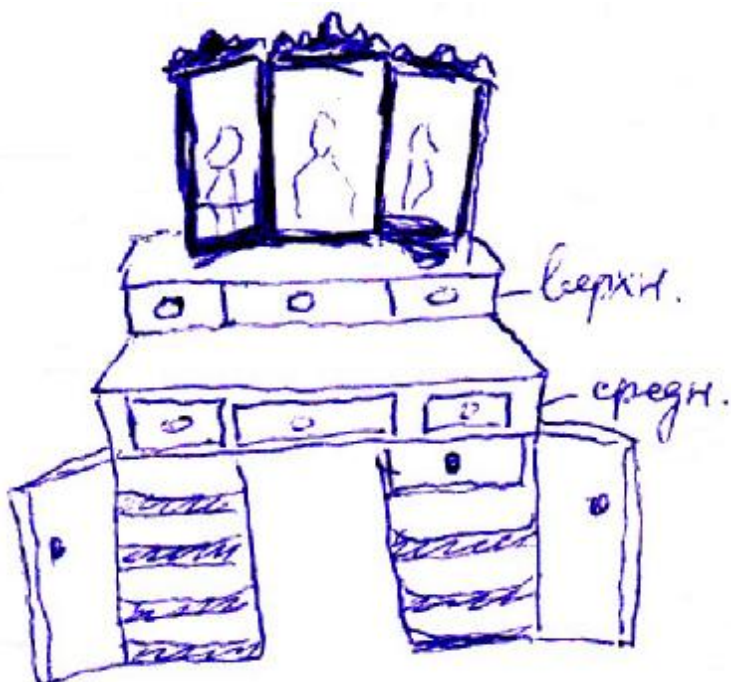
11 – над диваном висело три маленькие картины – пейзажи француза ~ 1903 года (фамилия неразборчива). Две вертикальные тётя

Ира отдала мне, когда я стала учиться живописи, а среднюю оставила себе.

3 – этажерка с Дулёвскими фарфоровыми фигурками, подаренными племянницей, которая там работала: белый медведь, две колхозницы на отдыхе, со снопами и крынкой молока.

4 – трюмо с тремя зеркалами и кучей ящичков. В верхних были расчёски, заколки, невидимки, гребешки и т. д. В средних – фотографии. В закрывающихся – документы. Наверху лежали дорожки с вышивкой ришелье и стояли одеколоны, духи, помады, пудры («Красная Москва», «Ландыш», «Красный мак» и др.).

12 – над трюмо висела графика: старая цыганка в чёрном гадает за столом молодой красавице, за ними – молодой кавалер в шляпе с пером и со шпагой (что-то испанское).

5 – железная полуторная кровать с шишечками и занавесочками на спинках.

13 – над железной полуторной кроватью висел ковёр с розами в центре.

6 – маленькая бабушкина железная кровать (за печкой), тоже с чехлами на спинках.

14 – над бабушкиной кроватью – картина ~ 60 × 80 см, в золотой раме, с видом Италии и прогуливающейся знатью. Бабушке кто-то сказал, что её надо чистить срезанной половинкой лука – от этого картина темнела с каждым годом всё больше.

8 – у дивана стоял овальный столик с причудливыми ножками, тётя Ира перенесла его в беседку, затем предложила нам – мы обрадовались. Теперь он в домике, и мы выносим его на веранду.

9 – цветы напольные.
Олеандр в кадке, который

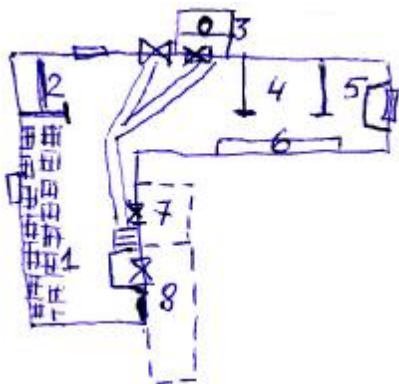
летом выносили на улицу и ставили у взрослой терраски, справа от лесенки, он вымахивал высотой 2–2,5 м, цвёл пышно, розовыми цветками. Фикус в кадке (Б) с рассечёнными большими листьями (говорят, вырос из косточки) доставал до потолка. Столетник (В), центральный ствол под два метра, с тьмой отростков у основания, использовался бабушкой в лекарствах от простуды (сало, столетник, какао, мёд). Фу! Я бегала от бабушки и пряталась под столы, кровати. Ёлочка (аспарагус?) в деревянной кадке, высотой ~ 2м, которую на Новый год наряжали флажками, ёлочными игрушками, бумажными куколками, мишками, хлопучками, обкладывали землю ватой и ставили деда Мороза и Снегурочку, а на «макушку» – палку-подпорку – надевали звезду.

На окнах цветов не было. Но за напольными надо было ухаживать еженедельно: протирать листья от пы-

ли (это мне приходилось делать по субботам, перед мытьём полов, ожидая папу – ведь тогда был один выходной).

Во всех комнатах были половики-дорожки, которые тоже приходилось вытрясать по субботам. Полы мыли двумя водами: черновой и начисто. Параллельно протиралась пыль, замачивались половички у дверей. На меня это легло, когда все старшие внуки, повзрослев, разъехались и не приезжали на каникулы, а я, младшая, продолжала ездить до 1968 года.

7 – печь голландка. Обогревала переднюю. В сильные морозы её нужно было топить дважды. Когда просыпались поутру, не хотелось вылезать из-под одеял – так было холодно. Мне нравилось сидеть во время вечерней топки с бабушкой или дедушкой при открытой дверце и смотреть на огонь. Иногда из печи выстреливали угольки (для чего возле дверцы на полу лежал лист железа), тогда бабушка или дедушка хватали его голыми руками (!) и быстро возвращали на место. Бабушка рассказывала мне сказку про гусей-лебедей, а дедушка больше молчал. Свет в комнате не жгли и было уютно и тихо.

VI и VII – Двор и

подклеть.

1 – дрова в один или два ряда складывали у стены до потолка. Заказывали их у лесника. Привозили частично распиленные брёвна, и надо было нанимать кого-то или самим пилить в размер и колоть. Когда в деревне было много

мужчин, это делалось собственными силами. Дед П. В. сам вставал у козел с двуручной пилой и звал кого-то из мальчиков – Лёшу или Шурика (они пилили по очереди, а когда подросли, обходились без деда). Папа тоже участвовал в этом. Мы же помогали таскать уже расколотые поленья на двор и укладывать их в штабеля то вдоль, то поперёк поленицы, чтобы она не развалилась.

То, что дрова лежали у стены, чуть не сыграло злую шутку в 2009 году, ведь у соседей двор почти примыкал к нашему, не доходя 1,5 м. И когда полыхнул соседний дом (В. И. Шумова) и загорелся двор с дровами и углём, огонь чудом не перекинулся на наш. И хотя прибежавшие люди, а затем пожарные поливали наш двор водой из бочек, уже дымились брёвна, а мы с Шуриком стояли и смотрели. Подошла какая-то женщина: «Кажется, ваш двор загорается!» А что мы могли? Но Бог миловал!

2 – насест для кур. В детстве у бабушки всегда было ~ 10 куриц и петух. Закупали маленьких цыплят на рынке копеек по 50, с учётом, что часть погибнет от жары, болезни или коршун унесёт. Их сажали днём в клетку и выставляли на улицу, накрыв марлей от солнца.

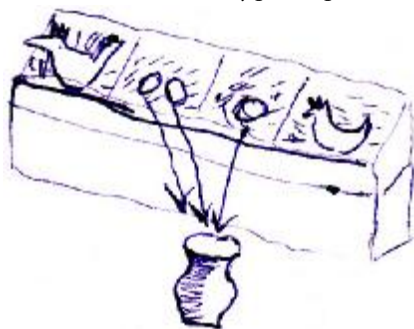
Мы тут же выбирали любимчика. Очень приятно было держать жёлтый комочек в ладонях. В клетку им ставили блюдце с водой, по которому они ходили и часто его опрокидывали, и надо было следить, чтобы они не остались без воды и не сдохли. Кормили их варёной пшённой кашкой. Подрастая, цыплята становились длинноногими, менялось оперение и терялись умильность и трогательность. Взрослые куры гуляли днём на улице у дома и щипали травку, так что возле дома всегда был куриный помёт, и надо было быть осторожным, чтобы не вляпаться. Куры и петухи сосе-

дей гуляли тут же по улице, и чтобы не путать, хозяйки метили их

краской на шее или спине: у кого синяя, у кого красная... Были и клевачие петухи, которые бросались на детей, и мы их боялись. К вечеру петух вёл кур во двор, на насест. Они взлетали сразу или постепенно поднимались по лесенке наверх (~ 2 м) – и сидели там всю ночь.

6 – нестись куры предпочитали на специальной за-

валянке во дворе, выложенной игольником и разделённой на отсеки, куда подкладывалось фальшивое яйцо из извести, чтобы лучше неслись. По утрам бабушка проверяла ячейки, складывая яйца в глиняную крынку, и

оставляла в кухне под столом. У нас всегда были свежие яйца.

В конце концов, после смерти деда бабушка сократила число кур и петухов до 3-х (да и внучата выросли и не приезжали). Почему 3-х? 1 курица + 1 петух + 1 гермафродит, который взлетал на забор, кукарекал, затем, вышагивая со шпорами на ногах, направлялся нести яйца. Их долго не резали (по-моему, они умерли естественной смертью).

3 – туалет с входом через двор был очень удобен тем, что не надо бежать через сад-огород под дождём, ночью, в холод. До него от крыльца лежали доски, и ноги оставались чистыми (если не вступить в помёт). Но и следить за ним требовалось лучше – чтобы был чист и без запаха. Чистили через дырку из сада холодной осенью, специальной лопатой – в ведро, и закапывали в ямах на огороде. Мыли его еженедельно по субботам, меняли газеты на сидении, полу.

4 – стойло для коровы (лошади) – не использовалось по назначению. Там хранился игольник, сено, корзины, ульи и т. д.

5 – мастерская деда П. В. Загадочное тёмное помещение с маленьким окошечком, у которого стоял стол-верстак. Кругом на полках лежали, висели, стояли железки. Под столом и рядом на полу, в деревянных ящиках размещались «нужные» вещи. Там было тихо и темно в любое время. Я даже побаивалась: в тёмных углах была паутина, а я страх как боюсь пауков (если я в туалете где-нибудь видела паука, то в него уже не заходила).

7 – подклеть. Ещё загадочнее для меня была подклеть: холодная комната, тёмная, сырая, с вырытыми в земле ямами – для льда или ещё чего-нибудь. Там хранили картошку и другие овощи, банки. Зимой антоновские яблоки, переложённые стружкой, лежали в деревянных ящиках в чулане, и там особо ими пахло – так они хранились до Нового года!

8 – под детской терраской находилось пыльное помещение, куда было не интересно лазить. Валялись доски, ящики...

Палисадник – клумба гладиолусов и один георгин перед окнами (и всё!). Перед домом было много сирени, которая разрослась в заслон, где и находилась беседка. Сирень трёх цветов: белая, сиреневая, тёмно-сиреневая махровая. В углу справа – флоксы и золотые шары.

О беседке – отдельно: деревянный, врытый в землю стол с лавками с трёх сторон (врытыми), с крышей из хмеля, на подпорках. В жару там спали бабушка и дедушка (для чего боковые лавки были широкими). Когда летом приезжали гости – обедали, вечером пили чай. Было тесно и весело. Щи наливались в большие глубокие тарелки для мужчин, для женщин и детей – в маленькие глубокие. Перед первым – по стопочке под селёдочку с лучком, яйцом, помидором, огурчиком в

подсолнечном масле. Второе – картошка с тушёной или макароны с котлетами, компот. Много укропа.

Вечером на приставном столике вместо большой кастрюли щей – самовар. На столе – варенье: яблочное, вишнёвое, крыжовниковое (малиновое берегли на зиму для лечения) и мёд. Для особого шика дед угощал мёдом с сотами. Я, объевшаяся мёда, его не ела. Конфеты (карамель), редко – пирог с яблоками; пряники, баранки, сушки – были всегда. Я обожала соевые конфеты по 1 руб. 50 коп. «Кавказские» или «Домино». Дедушка давал мне как любимой внучке 15 коп. тайком от других, и я бегала к клубу (старому), напротив которого был магазин. В бумажном газетном кульке я несла конфеты и прятала дома. Ещё любимым лакомством была варёная сгущёнка: нам каждому варили по банке, и потом кто как мог, ел. Лёша съедал быстро. Ната за ним. Шурик – по настроению: мог съесть быстро, как и брат, а мог тянуть. Я смаковала каждую чайную ложечку, беря понемногу и облизывая по десять раз. В результате у меня оставалось полбанки, когда все заканчивали есть. Я закрывала крышечку и убирала банку на полку, позже периодически возвращаясь к ней. Бывало, в ней сгущёнка уменьшалась до меня или Ната просила поделиться. Ритуальным было ежевечернее парное молоко. За ним ходили с бидончиком или трёхлитровой банкой: Шурик и Лёша ездили на велосипеде, я – пешком. Брали после вечерней дойки ~ в 21:00, сначала у соседей через дом – Никоновых, где тётя Валя держала корову, позже – у Лопатниковых и др. На терраске ставили на стол, доставали сушки, хлеб. Каждый пил сколько хотел: Лёша и Шурик по два-три стакана, мы по одному – больше не влезало. Сушки ломались в кулаке и бросались в молоко, где их внутренности размягчались при твёрдой корочке. Шли спать.

Остатки молока кипятились для манной каши или молочной вермишели (реже – гречки с молоком).

Ещё любили перекусить куском чёрного хлеба, намазанного маслом и посыпанного песком!

Сад. – Яблони: грушовка, коричневый, белый налив, апорт, антоновка – около десяти штук, разбросанных по саду. Яблоки до спелости рвать не разрешалось – только подбирать упавшие. Ранние сорта (коричневый, грушовка) брали в лес для перекусывания вместе с чёрным хлебом, зелёным луком, огурцами и солью. Под ними (яблонями) стояли ульи с пчёлами (о них позже). По правому краю была вишня, высокая, не допрыгнуть (были урожайные годы, и варенья всем хватало на зиму). По левому – малина, где жужжали пчёлы и было опасно, но она была такая высокая (~ 2 м), что я ходила внизу, пригибаясь, и высматривала ягоды. Малину собирали все. К кастрюлям за ручки привязывали верёвки, и их вешали на шею, а ягоды собирали двумя руками.

Собранную малину сушили, перебирали на столе взрослой терраски и варили в медном тазу, снимая пенки на блюдечко, которое подавали к ближайшему чаю. После того как капелька с ложки переставала стекать по блюду и получалась «пуговка», варенье для охлаждения разливалось по большим круглым и овальным блюдам, а уж потом, остывшее, аккуратно перекладывалось в баночки с указанием года и ягод. Сверху (закруч. крышек тогда не было) варенье закрывалось золотой фольгой на бумаге от заранее собранных пачек чая, и горлышко перевязывалось нитками.

Были кусты чёрной смородины и крыжовника, но мало. Для защиты от северного ветра сзади в саду росли четыре высоких и разветвлённых клёна (не канадских). Мы лазили по ним. На ветку прикручивалась

толстая резинка (5–8 см в диаметре), и мы прыгали вниз.

Пчёлы. Был случай, когда роившийся клубок пчёл «приземлился» наверху клёна. Что делать? Хромой дед забрался на ветку с палкой, а бабушка держала роёвню. При стряхивании пчёл рой упал не в роёвню, а деду на голову (притом он был без сетки на голове). Жалея пчёл, что они могут улететь, дед накрыл голову фартуком и вслепую спустился на землю, где бабушка и тётя Ира стряхнули рой с головы в роёвню куриным крылом.

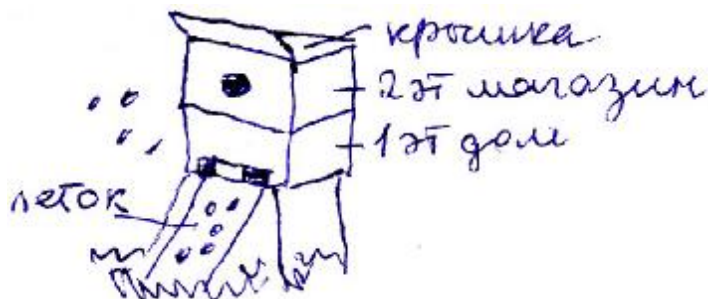

Конечно, деда искусаи сотни пчёл. Он выпил четвертинку и залез на печку, пролежав там до утра – остался цел.

В лучшие времена держали 20 ульев. Под яблонями мы пригибались, но иногда ловили пчелу волосами, тогда – писк и визг. Я очень боялась. Ульи были двухэтажные (первый этаж – дом, в нём зимовали, и для

этого оставляли рамы с вошиной; второй этаж – магазин, при заполнении рам изымали, и ставили пустой).

На леток плюхалась тяжёлая пчела с взятком (мёдом) и ползла в дом, где её встречали сторожа.

P.S.

ПРОЩАНИЕ

Бог прошептал: «Она нужнее мне...»

Не знаю, смогу ли я ёмко и одновременно в достаточной мере полно и внятно рассказать о том, что происходило в последние месяцы жизни Ирины.

Но попробую...

Новый 2010 год, как и предыдущий, мы встретили у моей сестры в подмосковном посёлке близ железнодорожной станции «Правда». Всё было по обыкновению мило, по-домашнему (именно это больше всего и нравилось Ирине при посещениях Наталии и Вадима).

Некая размеренность и приятная предсказуемость ощущались и в дальнейшем, ведь мы, заранее договорившись с Мозалёвыми и Щетиниными, забронировали на 6-8 января места в «Переделкино», где на само православное Рождество к нам присоединились отдыхавшие там же Аня Гедымин и Инна Кабыш, с мужем.

А между празднествами и по их завершении мы работали: Ирина в преддверии выставки «Мир живописи и скульптуры» (ЦДХ, Крымский вал) писала новые картины «Ночной дозор» и «Каштанчик», порой беря с собой в мастерскую внука Сашу; я же занимался составлением книги «Смещение времён».

У Ирины уже были сложности с проходимостью кишечника, но творчество и приятные встречи помогали отвлекаться от ожидания середины января, когда предстояло УЗИ...

В худшее не хотелось верить, хотя где-то в конце декабря Олег Агринский предупредил меня, что, возможно, это онкология...

И даже обнаруженная в результате УЗИ опухоль в сигмовидной кишке ещё не предвещала надвигавшегося кошмара, т. к. требовала дополнительных исследований, которые мы незамедлительно и сделали в Институте проктологии. После чего мне предстояло созвониться с лечащим врачом Ирины хирургом Назимом Абдулахаевичем Шодиевым, оказывается, работавшим, кроме районной поликлиники ещё и в вышеупомянутом Институте...

И вдруг: «У вашей жены рак», – донеслось из телефонной трубки.

Мы с Ириной находились в одной комнате, и, стараясь скрыть свою растерянность за непринуждённостью интонации, я закруглил разговор. Продолжился он на следующий день, в более-менее приемлемой обстановке.

Как оказалось в дальнейшем, предоставляемая информация выдавалась мне не сразу в полном объёме, а дозировано... Но независимо от этого я с самого начала предупреждал посвящённых о недопустимости извещения Ирины о настоящем диагнозе... С врачом же было условлено, что у неё запущенная доброкачественная опухоль, грозящая неминуемо скорой полной непроходимостью (как мне разъяснил Агринский – это сопровождается жуткими болями) и требующая хирургического вмешательства...

SMS (Кужеватовой): Оля, ты будешь на правлении сегодня? Ирина. 04.02.2010, 13:18:17.

Ирина решила лечь на операцию в начале февраля, после открытия выставки на Крымском валу (29 января). Именно к этому времени и готовились две последние картины. А также, в качестве члена правления, ей предстояло заниматься организацией этого мероприятия от МСХ. К тому же она заметно нервничала и перед госпитализацией сделала модную причёску...

В первые недели пребывания в Институте проктологии Ирину ожидала череда предоперационных обследований. Несмотря на больничное окружение, она держалась молодцом, сумев даже в такой обстановке найти себе «подружку», с её лёгкой руки заинтересовавшуюся живописью. А для меня именно тогда обозначилось начало кошмара, эхо которого неизменно звучит во мне до сих пор, ибо выяснилось, что Иринина опухоль давно «выстрелила» – и теперь печень обширно поражена метастазами, причём с низкой степенью дифференциации...

Хорошо, что мы не виделись каждодневно. За какие-то пару недель 20 килограммов моего «живого веса» – как корова языком слизала. Не желая верить в невозможность совместного продолжения наших жизней, я метался подобно дикому зверю, посаженному в клетку, но выхода не было. И даже Олежек Агринский, которому мы как врачу всецело доверяли, сказал: «Это конец, осталось шесть-восемь месяцев...»

*SMS: Меня отпускают завтра утром до вторника.
Ирина. 19.02.2010, 12:05:01.*

В субботу 20 февраля я приехал в больницу сразу после завтрака...

Дома Ирина, конечно, чувствовала себя комфортнее, спокойнее. К тому же в те дни по её предложению

мы взяли у кого-то из художников котёнка. Он, оказавшийся более крупным и подвижным, чем Чуча (проживший у нас около 15,5 лет, до кончины на исходе ноября 2008-го), всё равно был принят в члены нашей семьи под именем Чусик («Чу» – Чуча, «С» – Сергей, «И» – Ирина, «К» – кот). Никакие боли Ирину не беспокоили, и она удивлялась тому, что вторым этапом предстояло лечить печень. Однако, были поставлены свечи в церкви и именно тогда я услышал: «Если умру, то хоть Чусик останется...»

Состоявшаяся в пятницу 26 февраля операция прошла успешно. Профессор Александр Михайлович Кузьминов и ассистировавший ему знакомый нам Назим Абдулахаевич Шодиев сделали всё, что могли...

SMS: Спокойной ночи. Ирина. 04.03.2010, 20:54:47.

В тот момент Ирину больше всего радовало, что наружу из полости не вывели трубки (хотя у остальных прооперированных, которые лежали в палате, они были)...

Ей снова стали сниться сны. Первый насторожил меня: она видела себя на зелёной лужайке в деревне, играющей с нашим прежним котом Чучей. Второй – успокоил: в нём мы покупали абонементы в бассейн, куда обычно ходили с ноября по апрель...

Когда в один из приходов я, ухаживая, сменял ей носки, возникло ощущение, что только от одного этого она испытывала истинное удовольствие...

Ирину навещали и Света Довгер, и Таня (жена сына Андрея), я уж не говорю о художниках, беспрестанно звонивших по мобильнику...

На дворе стояла весна. Раннее утро её Дня рождения выдалось солнечным и безмятежным.

SMS: *Я тебя люблю. Ирина. 08.03.2010, 06:50:40.*

В этот вдвойне знаменательный день мы с Аней Гедымин навестили Ирину, и она даже «прогулялась» с нами по больничному коридору. Чуть позже к ней приезжали моя сестра Наталия с мужем Вадимом. Цветов с шоколадками оказалось столько, что досталось и соседкам по палате, и медперсоналу.

10 марта я, заранее договорившись с Сергеем Мозалёвым насчёт его служебной машины, приехал забирать Ирину из больницы. При этом ей на руки выдали липовую выписку, а мне – втихаря – фактическую...

Полостная операция и само нахождение в больнице не могли пройти бесследно. Чуть ли не на следующий день после возвращения домой, в гостях у живущей в соседнем подъезде Наталии Шумянской, Ирина поделилась с подругой: «Хорошо, что успели издать альбом...» (Живопись / Ирина Телюк. – М., Виртуальная галерея; 2009.) И до конца марта по собственной инициативе она рисовала графики наших ежедневных замеров температуры и давления, кроме того, мы взвешивались. Самое интересное, что в этот период её показатели были стабильно хорошими или улучшались, а мои оставляли желать лучшего (особенно по части веса)...

Заживление послеоперационного шва проходило нормально, но потихонечку начала беспокоить печень...

Ирина вошла в Интернет и, изучив и распечатав материалы по раку и циррозу печени, показала всю эту безнадегу мне. В ответ я сказал, учитывая творческую натуру Ирины и стараясь исключить всевозможные фантазии на заданную тему, что в её болезни врачи и

сами толком не могут разобраться. И что предстоят консультации...

В Институте проктологии и поликлинике (куда мы встали на учёт) предлагали самую жёсткую химиотерапию, при этом в разговорах с врачами явно звучало, что шансов практически нет (читай: всё в руках Всевышнего!). В итоге смысл был таким: первые два курса пробные (общая продолжительность – около месяца), а если лечение не пойдёт, то далее мы остаёмся один на один с прогрессирующей болезнью и неспособным к борьбе, полностью отравленным химией организмом. Это всё я уяснил главным образом из разговоров с Агринским, который вдруг (после ознакомления с последними УЗИ и анализами) согласился попробовать гомеопатию, впрочем, также с надеждой на Бога.

Приняв во внимание вышеизложенное, без права на пассивность, при полном доверии и нежелании Ирины быть подопытным животным, я отказался от «химии», решив продолжать обследования и консультации. Во-первых, это не «сидение на месте», а «поиски выхода», что важно в психологическом плане, во-вторых, мир – не без чудес... Ирине же я передал слова Олега: «Мы ещё поборемся!»

19 апреля она вышла на работу в МСХ, по сути, включившись в неё дома, почти сразу после выписки из больницы (тогда она ещё мечтала написать галерею портретов друзей).

До этого мы своим ходом уже ездили в гости к Лене и Сергею Серебровым (на Нагорную), на восьмилетие Ирининогo внука Саши (в Кузьминки) и несколько раз совершали двух-трёхчасовые прогулки в Кулково.

А на Первомайские праздники как обычно открыли дачный сезон в Ильинке, пробыв там полторы недели.

Но параллельно со всем этим во второй половине апреля мы два раза (я – четыре) побывали в Онкологическом центре на Каширке.

Операция оказалась невозможной. В правой (большей) доле печени количество метастаз не просчитывалось, а в левой их было больше десятка, разбросанных фактически равномерно...

И хотя Ирина не знала подробностей, в последней поездке, по дороге *туда*, она на какое-то время резко переменялась в лице, будто всё поняла. Было невыносимо больно смотреть на неё, но вопреки всему в ту самую секунду моё сердце не разорвалось, и я после паузы (по-моему, непродолжительной) постарался отвлечь её разговором...

В конце мая мы консультировались ещё один раз (опять-таки по моей инициативе и благодаря помощи Олега Агринского) – в Больнице имени Н. В. Склифосовского, насчёт пересадки печени. Несмотря на отрицательный результат, порадовало то, что явного прогресса в развитии болезни не обнаружили. С этого момента я, забросив все свои дела, не только сопровождал Ирину на работу, но и старался постоянно находиться рядом с ней.

Кроме работы в МСХ, Ирина занималась рисунками к «Сказаниям о праславянах». Дело в том, что у нас в это время шли предварительные переговоры с «Октопусом» об издании «Сказаний» и «Легенд» под одной обложкой. А так как иллюстративно эти книги оформлялись по-разному, Ирина решила первую часть переделывать под вторую, в технике ксилографии (восемь карт и восемь рисунков).

И ещё, хотя уже в начале июня Ирина стала терять силы и вес, мы до последнего лелеяли надежду на по-

ездку в Гданьск, на очередные литературные чтения. И только после фотографирования на визы, занявшего в общей сложности часа два и состоявшегося лишь благодаря Ирининым волевым качествам (для здорового человека фотомастерская находилась в десяти минутах ходьбы, у метро «Рязанский проспект»), стала ясна абсурдность этого намерения.

В конце июня очередное УЗИ показало начало распада метастаз. Олег подвёл итог: «Чудес не бывает. Теперь у неё всё в последний раз...»

К этому времени завершилась работа в МСХ, и Ирина, как обычно, взяла отпуск до конца лета (с заключительного мероприятия, открытия выставки на Старосадском, она смогла дойти лишь до «Китай-города», далее я поймал «частника»).

Наши двух-трёхчасовые прогулки в Кусково (последняя – 20 июня) и полуторачасовой круг по микрорайону постепенно уходили в туманное прошлое. Сил хватало только на «малый круг», блаженный часик сидения на скамеечке детской площадки соседнего двора, да и подниматься пешком на третий этаж становилось всё труднее.

Договор с «Октопусом» мы подписали 1 июля. Я специально привозил его домой, чтобы Ирина (по её предложению книгу назвали «Предчувствие Руси») это сделала собственноручно, ведь грядущее издание должно было стать результатом наших жизней в унисон. Она всегда говорила: «Мне нравится, что у меня муж – поэт»...

Тогда же, в церкви, в очередной раз обращаясь с мольбой к Небесам, я увидел, как мои свечи согнулись дугой, хотя со стоящими рядом, в основном более тонкими свечами, ничего подобного не происходило. Это был Знак...

Но, слава Богу, силы для поездки в обожаемый Ириной Ильинский погост оставались (о чём я ещё с февраля многократно просил Небеса): лето – её любимая пора...

«Боишься?» – спросил меня Олег, когда я попросил его осмотреть Ирину.

Естественно я боялся выезжать за город, не имея достаточного представления о её состоянии, ведь с нашим диагнозом мы были никому не нужны. Даже участковый терапевт, чья безалаберность и непрофессионализм привели к тому, что мы упустили начало болезни, как сквозь землю провалился (ни слуху, ни духу). Хотя он мог помочь морально своими редкими посещениями и советами, которые, возможно, ни для кого, кроме Ирины, не имели бы значения...

6 июля нас навестили Аня Гедымин и Олег Агринский. Олежек дал рекомендации, перечень необходимых лекарств и «добро» на поездку (на следующий день он мне сообщил, что ЭТО должно произойти в период с 12 по 19 августа)...

SMS (Тане, жене сына): *Счастливо. Мы едем в деревню. Ирина. 08.07.2010, 09:37:22.*

Первоначально в Ильинку собиралась в полном составе и семья Иринино сына Андрея (с её внуком Сашей), но в последний момент они передумали, решив вместо Подмосковья отдохнуть в Крыму. И, понимая ситуацию, с нами на четыре-пять дней вызвалась поехать Иринина подруга со студенческих времён Наталья Шумянкova.

В те дни, по-моему, уже установилась 40-градусная жара. И даже в пригороде ничего невозможно было делать часов с 11:00 до 20–21:00.

Утром Ирина с Наташей ещё могли чем-то заниматься, а потом переходили в специально затемнённую прохладную комнату в «старом» доме, где, проводя время в различных делах, беседах и отдыхе, оставались фактически до вечера (именно в этих условиях на следующий день после приезда Ирина начала вести записи воспоминаний о своей жизни). Когда жара немного спадала, я ставил раскладушку на пятачке между домами, в тени «старого» дома и яблонь, куда Ирина и перебиралась. Именно там у неё возник замысел картины, которую она уже не могла написать: дерево без листьев, а вместо плодов – облака. И вообще, после отъезда Наташи, когда темнело, она любила, лёжа в саду, считать звёзды в ночном небе. А где-нибудь в полночь мы выходили на улицу и прогуливались под руку метров 50 в сторону центра деревни и обратно.

Несколько разнообразили течение дней навещавшие нас Зоя с Сашей (Скороходовым, двоюродным братом Ирины), два Сергея (Артамонов и Серебров), соседи...

Кстати, Сергей Артамонов через знакомых помог найти телефон Александра (травника, друга Андрея Апухтина). Тот с радостью откликнулся на мой звонок, и 15 июля я съездил за ним на нашей «ласточке» в Давыдово. Саша был удивлён тонусом, в котором находилась Ирина. По его признанию, он впервые видел человека столь жизненно активного при таком положении дел (я считаю это главным результатом своих умолчаний о сути болезни). Да он и сам излучал энергию и уверенность, оставив множество трав и снадобий с подробным описанием очерёдности и схем их приёмов.

SMS: Таня, где вы? Ирина. 17.07.2010, 09:48:23.

SMS: Андрей, где вы? Мама. 17.07.2010, 09:51:23.

SMS: Мы едем в поезде. Завтра в 11 будем в Москве. Таня. 17.07.2010, 09:54:18.

Перед рассветом 21 июля у Ирины случился прострел, и мне пришлось делать инъекцию (впервые в жизни!) анальгина. Естественной ответственности сопутствовала боязнь своим неумением причинить боль любимому человеку, но на этот раз, слава Богу, обошлось.

Утром я позвонил Саше, и выяснилось, что его знакомые врачи в отпусках, хотя и так было ясно, что «все дороги ведут» в Москву.

Далее всё происходило с некой калейдоскопичностью. Наташа Шумякова по телефону заказала скорую помощь, с которой приехала (показывая дорогу) Аня Гедымин. Врачи, задав несколько вопросов, измерили давление и, посадив Ирину в специальное кресло, понесли в машину, где она легла и ей сделали укол, а рядом села Анечка...

Заперев дом и забрав Чусика, я отправился в Москву на «ласточке». Меня встретили три женщины: Ирина, Аня, Наташа. И почти одновременно с моим приходом раздался телефонный звонок Аннинского (оказалось, что ещё вчера он выслал по Интернету статью для «Предчувствия Руси», которую обещал написать две недели назад, перед нашим отъездом в деревню). Зная ситуацию, Лев Александрович боялся опоздать и потому раньше условленного срока выполнил обещанное – я передал трубку Ирине...

В тот же день нам доставили противопролежневый матрас, функциональную кровать, в собранном виде занявшую добрую половину свободного пространства

комнаты, и купленный в складчину с Натальей Шумянковой передвижной кондиционер, без которого никак нельзя было обойтись (в Москве стояла жара до 41° в тени).

В последующие две недели Ирина изредка вставала и самостоятельно передвигалась по квартире. Именно в это время она передала Ольге Кужеватовой все дела по МСХ и, предварительно договорившись о завершении работы, собственные рисунки к «Сказам», полностью подготовленные для ксилографий в «Предчувствии Руси».

В процессе ухода за Ириной я продолжал использовать мази для лечения её поясницы (осознавая, что тут дело не в простреле, а в метастазах) и уже начал колоть трамал...

Когда Ирина окончательно слегла, она как-то сказала: «Тебе тяжело, но и мне неприятно ощущать себя в таком положении». А в разговорах с подругами: «посмотри, как он похудел» (имея в виду меня) и «жаль, что я не сердечница». Но стоило мне однажды дать слабинку и проявить чрезмерную мягкость в интонации, как тут же последовало: «Почему ты разговариваешь со мной, как с ребёнком?»

Конечно, было бы туго без её подруг: по институту (Наталья Шумянкова), инженерной работе (Светлана Довгер и Ираида Фирова), НГУ Н. Нестеровой и МСХ (Ольга Самовская, Ольга Кужеватова и Ирина Фетисова). Приходя к нам пусть на непродолжительное время, они не только разнообразили течение Ирининых дней, но и мне давали возможность сделать что-то вне дома или просто отдохнуть, ведь самыми беспокойными были ночи, и поэтому накапливалась усталость. Со временем даже непродолжительная отлучка в продуктовый

магазин стала вызывать тревогу: «Ты куда? Будь осторожен! Если с тобой что-нибудь случится – я умру...»

Ирина: *Как похудели грудь и ноги!*

Ирина: *Да врачи сами не могут разобраться в моей болезни!*

Больше всех нам помогала Наташа Шумянкова, которая (она и сейчас живёт в соседнем подъезде) в экстренных ситуациях всегда приходила по первому зову Ирины, всё-таки боявшейся, что я могу растеряться.

И невозможно не сказать о профессиональном участии Олега Агринского и Ирининой невестки Тани (хотя была ещё одна Таня, племянница Ирины, оказывавшая посильную медицинскую помощь). Я считаю, что в первую очередь в результате их стараний Ирина до последнего, конечно, насколько это было возможно, находилась в контакте с окружающим миром (даже смотрела телевизор), общалась с подругами и вообще на два месяца дольше пожила на этом свете.

Благодаря советам и лекарствам Олега удалось избежать много больших мучений (например, сильного токсикоза), не прибегая к химиотерапии. И хотя наши «добрые» врачи после отказа от предлагаемого ими лечения предрекали, что Ирина скоро вся пожелтеет и долго не продержится – в лучшем случае до июня, – ничего подобного не случилось.

А Татьяна, к тому времени недавняя выпускница мединститута, помогала разнообразить схемы применения обезболивающих лекарств, дабы не привыкал организм. И в результате, когда однажды Ирина проспала сутки после приёма маленькой таблетки слабо действующего наркотика, она отказалась от его дальнейшего употребления...

Ирина: *Видно, моя программа закончилась...*

И всё-таки всему есть конец...

19 августа, в день, когда-то названный Олегом Агринским последним в жизни Ирины, она, зная, что я, подобно ей, вечерами, перед сном, мысленно молю Бога о чуде выздоровления, попросила меня: «Скажи Ему, что я устала».

Что я и сделал, обратившись: «Господи, если невозможно исцеление – не мучай её...»

И утром 20 августа услышал от Ирины: «Надоело лежать – пора вставать!»

Это означало, что в результате завершения распада метастаз боли в печени прекратились, и надо ждать внутреннего кровоизлияния.

В середине дня она говорила по телефону своему учителю Анатолию Владимировичу Кузнецову (давно болевшему и умершему от рака 26 августа): «Я вас очень люблю...»

А некоторое время спустя, в её последнем телефонном разговоре, когда позвонила секретарь МСХ Наталья Николаевна Крылова, я услышал: «Он рядом, не отходит от меня».

Ирина: *Я всегда хотела, чтобы моего второго мужа звали Серёжа. И вообще моя жизнь стала налаживаться только после того, как я крестилась – в связи со смертью родителей и желанием вновь встретиться с ними...*

В воскресенье 22 августа в 23:25, находясь во сне, Ирина скончалась.

В завершение я не могу не дать небольшую подборку из шести стихотворений, связанных с Ириной. Первые два, ранних, она называла: «мои». А два последних были написаны, когда её не стало...

1.

Ирине Телюк

*Интуитивно, по звуку, на говор,
 словно младенец, не знающий слов,
я уловлю позывные любимой
 из миллионов подобных миров.
Это несложно. Прислушаться надо.
 Тихо войти в приоткрытую дверь.
И ощутить за порогом тревогу
 и нестерпимость грядущих потерь.
И содрогнуться от невозможности
 в рьяных попытках себя оправдать
за безучастность, за невнимательность,
 за неуменье сопереживать.*

2.

Ирине Телюк

*Я, пожалуй, ещё ничего не забыл,
но ведь это – как будто из жизни иной:
нужен чувствам хотя бы малейший посыл –
и припомню тогда всё, что было со мной.*

*Где-то там, средь вокзалов моих городов,
средь походных палаток, сплетенья дорог,
средь занудных дождей и разгульных ветров –
я тебя повстречал и расстаться не смог.*

*Там призывно (ты слышишь?) гудят поезда.
И друзья на перроне нас преданно ждут...
Только грустное дело – уже никогда
мы с тобой не вернёмся на этот марширут.*

3.

*Нет, чудеса не обещались,
но пожелания сбылись –
два одиночества сошлись,
и до сих пор не разлучались.*

*Они песчинками Вселенной
соприкоснулись на века, –
по крайней мере, им пока
так верится в их жизни тленной.*

*Продолжить мне совсем несложно.
Представь себе, у них семья!
Допустим, это ты и я...
Смейшься?! А ведь всё возможно.*

4.

*От взгляда к слову трудно перейти
(что проку в подготовке к представленью?!),
подобие щенячьему скуленью –
желание любимых обрести.*

*Из немоты рванувшись, как из пут,
и слыша вместо говора мычанье,
я погружался в прежнее молчанье,
предпочитая этот атрибут.*

*Не самоедство, душу теребя,
а естество повторами глумилось,
когда однажды вдруг всё получилось...
И прозвучало: «Я нашёл тебя!»*

5.

Памяти Ирины...

*Но не спасёт вечерняя пора...
Всё ощутимей безысходный морок
(непросто жить, когда в тени за софок).
В Москве стояла дикая жара.*

*О, Небо, ты не терпишь болтовни!
Поэтому, сколь ни трудна дорога,
не торопи, продли ещё немного,
хоть на чуть-чуть её земные дни!*

*Потрескивая в смирной тишине,
свеча вдруг изогнулась перед ликом.
И в мареve священном, полудиком
Бог прошептал: «Она нужнее мне...»*

Памяти Ирины...

*Что за мороку мне придумал Бог?
Ведь с горем тут вовек не разминутся.
Ах, если бы уснуть и не проснуться!
Но путь змеится – катится клубок.*

*Нетленна отмеряющая нить.
Я помню, значит, ей не оборваться, –
в мечтах не раз придётся возвращаться
(без этого попробуй-ка прожить).*

*И явь, как сон. И лишь тебя всё нет,
хотя подчас блаженство может сниться...
Нет, нашей встрече больше не случиться.
Ты в прошлом. А на нём, увы, запрет.*

Сергей Телюк

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ВСПОМИНАЯ ИРИНУ ТЕЛЮК. – Альманах «Литературные знакомства», Москва, 2010, № 2–3

22 августа 2010 года ушла из жизни талантливая художница, замечательный друг, заботливая, любящая жена Ирина Телюк. Её любили, ценили, ею восхищались художники и поэты, студенты и академики. Без неё мир стал менее уютным и добрым. Но память о её особом таланте и мягком обаянии живёт в наших сердцах. Вспоминая Ирину Телюк, мы публикуем отзывы авторитетного живописца Вадима Кулакова (из предисловия к альбому «Ирина ТЕЛЮК. Живопись». – С. Т.), литературоведа и писателя Льва Аннинского (из предисловия к «Предчувствию Руси». – С. Т.), подборку стихов московского поэта Сергея Телюка, ещё при жизни высоко оценивших творческий и душевный дар этой замечательной женщины.

Лола Звонарёва

БЕЗ ЧЕГО НЕ ОБОЙДЁМСЯ? – Журнал «Дружба народов», Москва, 2010, № 12

...Я имею в виду художницу Ирину Телюк, недавно ушедшую из этой жизни и оставившую яркое живописное и графическое наследие. Её ксилографические иллюстрации к сказам и легендам о Руси Праславянской («Предчувствие Руси». – С. Т.) замечательно выявляют их дух и смысл со своей, изобразительной стороны. Мускулистый штрих. Мощные и вместе с тем по-своему изящные фигуры ритмично заполняют площадь листа. Динамика противоборства не разрушает, а, напротив, подкрепляет единую драму, единое действие, единый смысл происходящего. Независимо от того, сшибаются ли люди в смертном поединке или набегают (отбегают)

в дружном строю. Независимо от того, кто там «свой», а кто «чужой», ибо лица людей даны лаконично, и все они – участники единой драмы. Независимо от того, «чья возьмёт».

И если павшего погребают, – образ его, светящийся во мраке, отлетает ввысь, храня то «предоущение дороги», без которого в этой фатальной закольцованности судеб – *не обойтись*.

Лев Аннинский

УКАЗУЮЩИЙ ПЕРСТ. – Журнал «Вышгород»,
Таллинн, 2010, № 6

Сергей принёс книгу («Смещение времён». – С. Т.) на литературную встречу с журналом «Вышгород», которую организовала в Доме-музее М. Булгакова 13 сентября 2010 – сразу после Меневской конференции в Сергиевом посаде – Лола Звонарёва, тоже постоянный наш автор, доктор исторических наук, секретарь Союза писателей Москвы. Мы с Лолой чуть опаздывали и сразу же, разложив книги и журналы, начали вечер.

В заполненном до отказа небольшом полутёмном зальчике мне почему-то не попались на глаза давно знакомые лица, свои, «вышгородцы»: Татьяна Воронкина, Борис Евсеев, Сергей Телюк... Я «узнавала» их у микрофона. Сергей не выступал, он подошёл ко мне в самом конце. Я обрадовалась, спросила: «А Ирины нет?» Он протянул мне книгу и строго-печально сказал: «Ирины нет»...

И только через час я поняла смысл этих горьких слов, когда открыла книгу и прочла дарственную надпись: «на память об Ирине»... До этого я видела их только вместе. В Варшаве и Гданьске, на книжных яр-

марках в Москве, в Венгерском культурном центре... Сергей – прозаик (мы публиковали его пересказы устных миниатюр Юрия Влодова «Однажды в XX веке»: «Вышгород» 6, 2007; 1–2, 2009), поэт, переводчик (с венгерского у нас в № 3–4, 2008 стихотворений Домокоша Варги, которые вошли в книгу «Смещение времён»). Ирина – член Московского союза художников (живопись, графика). Она иллюстрировала и книги Сергея. В оформлении обложки его новой книги использован эскиз к холсту Ирины Телюк «У моря». В 2009 году в той же «Виртуальной галерее» издан её альбом «Живопись» и 4 декабря подарен мне – «с любовью от Ирины»...

Людмила Глушковская

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ (обзор периодики). – Журнал «Новый мир», Москва, 2011, № 3

Вослед за стихами московского поэта здесь (журнал «Вышгород», Таллинн, 2010, № 6. – С. Т.) помещён его маленький мемуар о покойной жене – редкого таланта художнице, изящно иллюстрировавшей – помимо прочего – прозаические и стихотворные книги Серёжи. Её не стало в прошлом году. Кончается этот этюд просто и тихо: «В начале следующего года (1994-го. – П. К.), сразу после Рождества, я женился на Ирине. А едваждавшись Крещения, двадцать первого января, мы обвенчались в Церкви Ризоположения на Донской, недалеко от метро «Шаболовская».

Господи, как же мало и как много им выпало быть вместе!

Павел Крючков

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН,

УПОМЯНУТЫХ В КНИГЕ

Абакумов Михаил 174
Августинович Наталья 235, 287, 337, 352
Агасси Андре 28
Агафья (Михайловна) 63, 64
Агринский Олег 301, 302, 306, 343, 432, 433, 436, 438, 439, 443, 444
Айвазовский Иван 145, 146
Акесоло-Алонсо Валерий 306
Акесоло-Алонсо Ольга 306
Акимова Елена 361, 365
Аксёнов Василий 327
Алеев Игорь 340, 356
Алеева Наталия 340, 356, 360
Александр (травник) 208, 223, 440, 441
Александров Александр 321
Александров Владимир 200, 230, 290
Александров Константин 273, 286, 335
Александрова (соседка Высоцких) 242
Александрова Ольга 366, 367, 369, 370
Алешковский Юз 141
Алёхин Алексей 181
Алимов Сергей 156, 158, 163, 184, 203–206, 221, 233, 235, 245, 259,
271–273, 279, 285–287, 290, 308, 328, 329, 337, 351, 352, 355, 362,
365, 366, 370, 390
Ананичев Александр 256, 322, 323, 329, 330, 332, 333, 352, 357, 360
Ананьев Андрей 306
Ананьева Елена 306
Андерсен Ханс 323
Андрияка 279
Андрияка Сергей 24, 25, 58, 65, 379
Анжелевская Анжелика 364, 366
Анненков Юрий 84
Анпилов Андрей 323

Анпилов Виктор 32
 Апухтин Андрей 23, 24, 27, 100, 113, 125, 133, 134, 138, 139, 143,
 148, 149, 153, 155, 159, 161, 164–167, 169, 171–174, 179, 185, 187,
 203, 208, 210, 223, 224, 231, 235, 236, 293, 354, 363, 394, 440
 Апухтина Елена 179, 354, 378
 Апухтина Юлия 354, 378
 Ардагаст 293
 Аронов Александр 14, 25, 35, 43, 130, 134, 136, 141, 146, 149, 152,
 155, 159, 160, 163, 176, 185, 189–193, 195–197, 202, 203, 205–207,
 210, 215, 216, 224, 226, 229, 233, 239, 240, 290, 303, 358, 390
 Артамонов Сергей 354, 440
 Артём 184
 Артёмов Владислав 167, 182, 193
 Арчил 221, 225
 Асиновский Олег 191
 Астафьев Виктор 287
 Атилла 224
 Ахмадулина Белла 374
 Ахматова Анна 35, 164, 209, 228, 239
 Бабенко Сергей 57
 Бабкина Наталья 54, 68, 99, 105, 109
 Базиль Фредерик 72
 Баженов Константин 347
 Баженова Наталья 347
 Байдуков Георгий 92
 Байрон Джордж 229
 Бакст Лев 271
 Балычев Иван 45–47
 Балычев Семён 9, 45
 Балычева (урождённая Павлова) Прасковья 45, 46
 Баранова-Гонченко Лариса 182
 Бардовский Владимир 246
 Баркашов Александр 254
 Бах Иоганн 214
 Башкирцева Мария 7
 Бегтров Александр 157
 Бедоев Шалва 174, 175
 Бек Татьяна 14, 128, 129, 167, 176, 180–182
 Белза Святослав 249
 Беличенко Юлия 109
 Белова Валентина 108, 194

Беляев Михаил 70
Беляков Александр 92
Беляков Алексей 235
Беляков Михаил 92
Белякова Мария 90, 91
Бенуа Александр 321
Бережков Владимир 302
Березин Владимир 378
Берестов Валентин 211, 215, 216
Берковский Виктор 211
Бернадский Валентин 321
Бесфамильная Варвара 396
Бесфамильная Ольга 396
Бесчеревных Вадим 149, 204, 301, 334, 431, 435
Бесчеревных Владик 204, 301
Бесчеревных (урождённая Телюк) Наталия 112, 147–149, 165, 166,
204, 301, 334, 356, 362, 431, 435
Бибаева Наталья 160
Билибин Иван 21
Блок Александр 359
Бобров Александр 180, 182, 197
Богаевский Константин 158
Богатова Наталья 40, 41, 43
Богачёв Пётр 161
Боголюбов Алексей 157
Богуславская Зоя 249, 250, 341, 344, 345, 363, 372, 375
Бойс Йозеф 326
Бондаренко Владимир 378
Бондаренко Сергей 167, 169
Бондарчук Сергей 143
Боннар Пьер 140
Борель Пётр 321
Борис 28, 44, 69
Борисов Олег 67
Борисов Юрий 281, 306, 356
Борисов-Мусатов Виктор 83
Боровой Константин 11, 28, 60
Бородин Павел 374, 375
Босх Иероним 102, 103, 383
Боткин Василий 85
Бочкарёв Сергей 20

Бояринов Владимир 205, 257
Брежнев Леонид 294
Брейгель Питер 331, 383
Брик Лиля 385
Бродский Иосиф 192
Брынцалов Владимир 137
Брынцалова Наталья 137
Брюллов Карл 101
Брюсов Валерий 283
Буанарроти Микеланджело 62
Будённый Семён 408
Булгаков Михаил 452
Булычев Иван 47
Булычёв Кир 379
Бунин Иван 209
Бутовецкий Давид 122
Бухаров Александр 44, 54, 56, 58, 80, 102, 103, 203
Быков Дмитрий 124, 126, 327, 328
Былинский Андрей 161
Вагнер Рихард 383
Вайнер Аркадий 298, 299
Вайс Юрий 351
Валентин 206
Валентина (Георгиевна) 287
Валерий 123
Валье 252
Ван Гог Винсент 140, 336–339
Ван Гог Тео 336
Ван Донген Кес 140
Ванина Елена 165, 169, 211, 214, 217, 281, 306, 431
Варга Домокош 453
Вартанян Наталья 124
Васильев Георгий 141
Васильев Фёдор 157, 321
Васин Вячеслав 37, 70, 77, 78, 81, 86, 87, 117, 124, 126, 129, 280
Васнецов Аполлинарий 321
Васнецов Виктор 37, 52, 321, 322, 326
Вацек Даниэль 39
Вашингтон Джордж 44, 80, 103
Вейдеманис Эгиль 161
Верейский Орест 84, 164

Весник Евгений 14, 260–267, 287, 303, 343, 344, 363, 376, 377
 Весник Нонна 260–267, 303, 343, 363
 Визбор Юрий 230
 Викторов Анатолий 43, 44, 117, 128, 129
 Викторов Павел 321
 Викторов Сергей 161
 Виктория (святая) 252
 Вишневский Владимир 374, 380
 Влади Марина 238
 Владимов Георгий 389
 Власов Юрий 137
 Власова Александра 184, 195, 225, 229, 270, 353, 366–369
 Влодов Юрий 378, 380–383, 387, 453
 Влодова (Осокина) Людмила 387
 Вожняк Веслав 317
 Вознесенский Андрей 14, 35, 115, 229–231, 234, 236, 237, 239–242,
 244, 247–250, 281, 286, 292, 303, 341, 344, 345, 356, 363, 371–377,
 380
 Волгин Игорь 232
 Волков Александр 39, 368, 391, 394, 431, 436, 439
 Волков Андрей 28, 32, 44, 47, 51, 59, 68, 77, 78, 80, 82–84, 86, 87, 92,
 96, 98, 100, 107, 109, 123, 127, 131–133, 135, 137, 142, 147, 150,
 168, 169, 172, 176–178, 189, 194, 198, 203, 211, 214, 215, 231, 245,
 258, 259, 279, 282, 284, 291, 304, 306–308, 319, 320, 335, 343, 350,
 353, 357, 362, 368, 391, 393, 394, 434, 439, 441
 Волков Владислав 282, 393
 Волков Геннадий 393
 Волкова Мария 393
 Волкова (урождённая Блинова) Татьяна 357, 362, 368, 391, 434,
 439–441, 443
 Володзько-Буткевич Алиция 313, 314
 Вольтер 98
 Воробьёв Константин 119
 Воробьёва Галина 21, 77, 91, 115, 126, 127, 165, 167, 169, 224
 Воронкина Татьяна 323, 452
 Воронкова Вера 258
 Ворошилов Климент 408
 Воскобойников Валерий 322, 323, 340, 378, 380
 Врубель Татьяна 267, 268
 Высоцкий Владимир 198, 199, 202, 207, 208, 230, 236–240, 242, 243,
 247, 250

Высоцкий Никита 199, 208, 230, 242
Выштынецкий 167
Вьюяр Эдуард 140
Габрилович Алексей 23
Гаврилин Виктор 197
Гавриляченко Сергей 270, 273
Гайдар Егор 11, 12, 14, 28, 60, 92, 100, 101, 104, 106, 107, 294
Галина 103
Галинская Татьяна 75
Галич Александр 254
Галкин Максим 374
Галушко Павел 210
Галушко Павлик 210
Галуцкий Александр 203, 225
Галя-«наймитка» 52
Ганнибал 287, 290
Гапоненко Тарас 161
Ге Николай 52, 78, 85
Гедьмин Анна 14, 15, 129, 212, 213, 215, 216, 228, 232, 242, 243, 246,
248, 251, 254, 255, 274, 280, 281, 289, 293, 297, 298, 301, 306, 309,
310, 319, 327, 341, 342, 352, 374, 378, 379, 380–382, 384–387, 390,
431, 435, 439, 441
Гедьмин Данила 384–386
Гейдель Ирина 209
Геннадий 185, 208
Георгиев Геннадий 226
Георгиев Сергей 330, 340, 342
Герасимов Сергей 253, 293
Германарих 200, 203, 224, 230
Гёте Иоганн 203
Гиленко Виктор 190, 191
Гладышев Александр 287, 288
Глазков Николай 190
Глазунов Илья 62, 326
Глинки 22
Глинская Людмила 165, 169, 172, 214, 281
Глинский Владимир 165, 169, 171, 214
Глоба Тамара 298, 300
Гловюк Сергей 40, 41, 43
Глоцер Владимир 295
Глушковская Людмила 453

Гобарев Виктор 20, 81, 143
Говорухин Станислав 93
Гоген Поль 125, 140
Гоголева (урождённая Степанова) Екатерина 226
Гоголь Николай 265
Годына Мария 235
Гойя Франсиско 68, 84, 249
Голицына Клара 235
Головин Александр 145
Гончаров Андрей 332
Гончаров Фёдор 321
Гончаров Юрий 68, 70, 81, 85
Гончарова Наталья 202, 324
Гопман Владимир 295
Горбачёв Михаил 137
Гордеева Екатерина 66
Гордин Жан 196
Горячев Александр 405
Горячев Павел 401, 421, 424
Горячев Виктор 46, 259, 395
Горячева Ирина 405
Горячева Мария 401, 408, 409, 416
Горячева Наталья 405
Горячева (урождённая Балычева) Анна 46, 259
Гоуман 289
Грачёв Павел 137
Грибина Мария 297
Грибоедов Александр 277
Гринеvский (Грин) Александр 322
Гриньков Сергей 66
Гришечкин Вячеслав 65
Гриценко Николай 344
Грозный Иван 322
Груздев Александр 258
Грымов Юрий 274
Губерман Игорь 136
Гусев Николай 203
Гусев Павел 267
Гусев Юрий 161
Гусман Юлий 100
Дагуров Владимир 126, 227

Даль Владимир 143
Дега Эдгар 72, 140
Дегтярёв Пётр 129, 135, 141, 149, 183, 184
Делакруа Эжен 62
Демидов Сергей 22, 68, 85, 126, 131, 141–144, 148, 165, 166, 169,
171, 172, 214, 215, 305, 319, 329, 332, 369
Демидова Елизавета 144
Демидова Марина 131, 165, 169
Дени Морис 140
Дидуров Алексей 195
Дикий Алексей 387
Дмитриев Николай 227
Добрицына Ольга 162
Добрынин Андрей 126, 129, 149, 212, 246, 382
Добужинский Мстислав 157
Довгер Светлана 60, 69, 90, 123, 126, 127, 131, 136, 142, 147,
166–168, 173, 174, 189, 194, 198, 206, 224, 225, 281, 304, 306, 307,
356, 434, 442
Довгер Сергей 136, 155
Довженко Александр 66, 388
Долгорукий Юрий 83, 290, 321
Долина Вероника 25
Донцова Дарья 362
Дорин Александр 227
Достоевская Анна 363
Достоевский Фёдор 232
Дружников Юрий 357, 362
Друнина Юлия 116, 121
Дубовский Николай 157
Дударев Валерий 184, 196, 197, 211, 215, 224, 228, 246, 254, 256,
276, 280, 352, 356, 357, 364
Дуся 396
Дьяконицын Лев 160, 161, 273
Дэвис Дуайт 78–80
Евангелист Марк 321
Евгения (Михайловна, ЗНУИ) 99
Евгения (Михайловна, соседка Высоцких) 242
Евграфова Екатерина 88, 89
Евсеев Борис 452
Евтушенко Дмитрий 140, 161
Евтушенко Евгений 35, 115, 163, 164, 175, 190, 264, 266

Егоров Вадим 215, 223, 226, 227, 230, 232, 280, 281, 300, 303, 390
 Егорова Ирина 343
 Егорова Татьяна 232
 Елена (Георгиевна) 199
 Ельцин Борис 66, 70, 93, 104, 137, 142, 234, 266, 294
 Ергольская Татьяна 64
 Ерёмина Елена 197
 Ермаков Александр 322, 323, 360
 Ермакова Ирина 40, 41
 Ерофеев Виктор 236
 Ерофеев О. 175, 236
 Ершова Елена 128, 129
 Есенин Сергей 35, 49, 229, 323
 Ефанов Василий 161
 Ефремов Олег 96
 Ёлкина 282
 Жириновский Владимир 93, 101, 104, 137, 280
 Жирмунская Тамара 246
 Жуков Александр 226
 Жутовский Борис 175
 Жуховицкий Леонид 189, 191, 211, 230, 390
 Завгаев Доку 70
 Заводовская Дарья 90, 100, 123, 125, 165, 169, 304, 306
 Заводовская Ольга 90–92
 Залепина Елизавета 140
 Зверев Анатолий 159
 Зверева Анна 329, 339
 Звёздкин Юрий 161
 Звонарёва Лола 14, 246, 254, 256, 258, 286, 294–296, 306, 323, 331,
 340, 343, 351, 360, 364, 366, 371, 374, 375, 377, 451, 452
 Зеленцов Павел 77, 109, 172, 203, 308
 Зигмунд III 311
 Зиновьев Александр 295
 Золотухин Валерий 276
 Золя Эмиль 71
 Зощенко Михаил 209
 Зоя 440
 Зубова Наталья 99, 225
 Зуев Владимир 238, 242
 Зуев Игорь 226, 288
 Зульфикаров Тимур 40

Зыбинов Юрий 91, 92
 Зыкина Людмила 238
 Зюганов Геннадий 14, 30, 32, 100, 101, 104, 137, 142, 264, 279, 282, 290, 294
 Ибнер Вера 120
 Иванов Александр 158, 332
 Иванов Геннадий 182
 Иванов Тимофей 140
 Иванов-Аннинский (Аннинский) Лев 6, 16, 320, 322, 332, 340, 341, 345, 346, 351, 356, 357, 361, 371, 378, 379, 381, 387–390, 441, 451, 452
 Иванова-Аннинская Александра 4, 7, 320, 322, 340, 346, 356, 371, 378, 379, 387–390
 Ивашкина (урождённая Деева) Татьяна 225
 Иващенко Алексей 141
 Иголкина Ирина 21, 91
 Идельсон Р. 253
 Иконников Василий 321
 Ильин Иван 93
 Ильф Илья 188
 Инна 284
 Инчин Василий 161
 Иодковский Эдмунд 332
 Иодловский Николай 281
 Иордан 200
 Исаева Елена 39, 41, 42, 114, 124, 126, 211, 212, 215, 257, 258, 281, 287, 342, 374
 Исхаков Роман 70, 123, 160
 Йоко 41
 Кабкова Елена 148, 149, 154, 156, 157, 184, 206, 223–225, 234, 246
 Кабыш Инна 126, 162, 211, 212, 215, 309, 310, 327, 328, 431
 Казаков Кирилл 246
 Казакова Римма 175, 197, 246, 296, 303, 341, 376, 377
 Казанцев Алексей 258
 Казанцев Евгений 185
 Кайдановский Александр 83
 Калугин Игорь 267, 268
 Калягин Александр 401
 Камбурова Елена 214, 302
 Каплан Фаня 161
 Капьяр Александр 343

Караулов Андрей 66
Кардовский Дмитрий 321
Карина 194
Карпов Владимир 176
Катанова Людмила 228, 257, 289
Катин Пётр 129, 183
Кафельников Евгений 39, 78, 80, 141
Кедрин Дмитрий 235
Кедров Константин 352
Кибрик Евгений 322
Ким Юлий 137, 298, 300
Кириенко Сергей 294
Кириллов Алексей 161
Кириллов Андрей 27, 31, 32, 186
Кириллов Виктор 32
Кириллова (урождённая Ильина) Татьяна 31, 32, 174, 186, 443
Киселёв Евгений 374
Кислицын Игорь 174, 175
Клементьева Ксения 321
Климов (Климов-Южин) Александр 37, 39–44, 58, 117, 123, 129, 138, 149, 162, 215, 216, 250, 255, 275, 280, 298, 306
Климова Татьяна 40
Клинт Густав 271
Клинг Иван 181
Клодт Николай 321
Ключевский Василий 52
Ковальджи Кирилл 296, 301, 341, 342, 374, 375, 390
Кодышинец Александр 227
Козаков Михаил 192
Козлинский Владимир 322
Козлов Алексей 107
Козловцев Александр 109, 203
Коковцев Владимир 52
Колаксар 19, 153
Колганов Леонид 117, 129
Колобова Ольга 142, 185, 307
Колонова Елизавета 225, 229, 270, 278, 324, 325, 328, 361, 365, 369
Кондратьева (урождённая Балычева) Татьяна 45, 50
Корень Василий 321, 322
Корин Павел 331
Коринт Ловис 52

Коркия Виктор 129, 160, 165, 169
 Кормашов Александр 384–386
 Корнетов Виктор 117
 Корнилов Борис 35
 Корнилов Владимир 181
 Коровин Константин 158
 Коровин Сергей 145
 Коротков Сергей 128, 129
 Короткова М. А. 161
 Короткова М. Д. 161
 Косенков Александр 39
 Костаки Георгий 175
 Косыгин Алексей 329
 Косяченко Елена 175, 184, 195, 221, 222, 297, 369
 Кочеткова Ирина 90, 104, 113, 138, 169, 242, 258, 259, 320
 Кочума А. И. 355
 Кравцов Альберт 116, 117
 Кравченко Алексей 321
 Крайнев 393
 Крайнева (урождённая Горячева) Наталья 32, 61, 76, 88, 89, 123,
 139, 186, 187, 397–399, 406, 407, 409, 425
 Крайневы 405
 Краснов Альберт 182
 Краснова Нина 123, 124, 181, 197, 211, 212, 229, 237, 240, 242, 243,
 246, 248, 249, 254–256, 276, 278, 280, 286, 292, 293, 296, 306, 374,
 375, 377, 380, 390
 Краснопёров Вячеслав 57
 Креститель Иоанн 272
 Крестовский Александр 140
 Кромина Наталья 282
 Кросс Эдмон 140
 Кругликова Елизавета 321
 Крылов Владимир 228
 Крылов Порфирий 161
 Крылова Наталья 444
 Крымов Николай 52
 Крючков Павел 453
 Кужеватова Ольга 432, 442
 Кузнецов Анатолий 270, 273, 286, 340, 347–349, 351–353, 362,
 365–367, 390, 444
 Кузнецов Николай 51

Кузнецов Юрий 289
Кузнецова Людмила 206
Кузнецова-Бенуа Мария 52
Кузьмин Валентин 44
Кузьминов Александр 434
Куксов Юрий 227
Кулаков Вадим 149, 153, 154, 156, 160, 163, 178, 195, 203, 205, 206,
221, 222, 225, 226, 233, 234, 245, 246, 248, 253, 269, 271–274, 278,
279, 283, 285–287, 290, 296, 324–327, 332, 337, 351–353, 355, 356,
358, 362, 365–371, 451
Кулакова Галина 269, 273, 286, 351
Куняев Станислав 197, 287–289
Купреянов Николай 158
Куприянов Михаил 161
Куприянова Татьяна 254
Куреева Нина 146
Курнакова 168
Курносова Евгения 238
Курье Джим 78, 80
Кустодиев Борис 101
Кушнер Александр 181
Кюри (Мария и Пьер) 193
Лавров Валентин 295
Лазорева Анна 123
Лансере Евгений 321
Ларионов Игорь 161
Ларионов Михаил 324
Лебедева Елена 159, 203
Лебедь Александр 137
Левин (Лунин) Виктор 310, 322, 323, 342, 355, 360, 382, 390
Левитан Исаак 24, 145
Ленин Владимир 277, 408
Ленникова Ирина 352, 366
Леннон Джон 82
Лентулов Аристарх 125
Леонардо да Винчи 84
Лермонтов Михаил 35, 117, 226, 239
Либерман Макс 53
Ливень Алёна 57
Лигачёв Егор 234
Липатов Виктор 341, 382

Лиховид Георгий 235
Лобанов Александр 398, 399
Лобанов Александр Петрович 398, 401
Лобанова Зинаида 398, 401
Лобанова Людмила 398
Лобозова Ирина 369
Лоза Юрий 184
Лолита 203
Лопатников Николай 409
Лопатниковы 425
Лоррен Клод 84
Лосев Сергей 123
Лошаков 356
Луговской Владимир 389
Лужков Юрий 70, 137, 202, 230, 231, 242, 294
Лукьянов Мирон 286, 297, 351
Лукьянов Степан 223, 271
Лупандина А. Г. 366
Любимова Татьяна 199
Людмила (подруга В. Рукиной) 123, 127, 211, 257, 304
Людмила (урождённая Кондратьева) 106
Люкшина Мария 247
Люся 186, 187
Люся (сослуживица С. Довгер) 167
Мадай 21, 153, 208
Макаревич Андрей 23
Макашов Альберт 264, 279
Маковский Владимир 321
Максимов Евгений 352, 366–368
Малевич Казимир 144, 175
Малютин Сергей 158
Мамыкин 238
Мандельштам Иосип 35
Мандельштам Надежда 363
Мане Эдуар 72, 73, 113
Марк 156
Марке Альбер 140
Маркс Карл 388
Мартов Владик 339
Мартова (урождённая Телюк) Вероника 28, 44, 53, 59, 69, 70, 90,
101, 111, 112, 125, 156, 173, 216, 220, 225, 250, 339

Маршак Самуил 295
Матвеева Новелла 298
Матисс Анри 140, 141
Матусовский Михаил 82
Матюхина Екатерина (Катя, сослуживица С. Довгер) 147, 166
Маяковский Владимир 122, 126, 130, 159, 284, 361, 380
Медведев Никита 270, 272, 273, 286, 297, 351, 352
Медведев Рой 295
Межиров Александр 181
Мень Александр 333
Мессерер Борис 374
Мещанинов Вадим 57
Милешникова Марина 235
Милле Жан 336
Милош Чеслав 267, 269
Миро Хоан 140
Мирошников Андрей 343
Митурич Пётр 322
Михаил 159
Михайлов Игорь 379
Михалков Никита 12, 14, 79, 92, 94, 274, 277
Михалков Сергей 175, 323
Мнацаканян Сергей 35, 127, 128, 130, 141, 160, 193, 380, 382
Модильяни Амедео 209
Мозалёв Сергей 36, 82, 123, 127, 173, 176, 217, 224, 281, 297, 306,
356, 394, 431, 435
Мозалёва Галина 217, 297, 356, 394, 431
Мозалёва Светлана 123, 217, 281
Молчанов 126
Мольер 102, 245
Мольченко Елена 334
Момот Евгений 203
Моне Клод 72, 140
Морозов Владимир 173
Морозова Ирина 289
Моцарт Вольфганг 32, 102
Муромец Илья 226, 330
Мусатов Александр 259, 395, 397, 405
Мусатова Мария 259, 260, 395, 397, 405
Мягков Андрей 96
Мятлев Инен 190

Набоков Владимир 14, 234, 285
Набокова Вера 363
Нагаев Игорь 320, 322, 323, 355
Нагаева Лидия 320, 340
Назаренко Татьяна 351
Назаров Юрий 286
Насадкина Ольга 91
Невинный Вячеслав 96
Некрасов Николай 69, 379
Некрасов Сергей 57, 102
Немцов Борис 11, 294
Нестеров Григорий 355, 358
Нестерова Наталья (НГУ) 21, 123, 142, 148, 154, 156, 184, 194, 223,
270–272, 283, 295, 306, 307, 335, 351, 355, 365, 394, 442
Нестерова Наталья (художница) 159, 286
Николай 44
Никоновы 425
Никитин Сергей 191, 300
Никитина Татьяна 300
Ниточкин Сергей 191
Ницше Фридрих 159, 383
Новикова (урождённая Цыганова) Надежда 69, 70, 167, 185
Новоголовский Ян 323
Новосельский Ежи 312, 313
Ной 6
Носик Борис 209
Образцов Сергей 290
Огнев Андрей 140
Одоевцева Ирина 209
Ожегов Сергей 143
Окуджава Булат 12, 230, 298, 299, 323, 387
Оленников Виктор 235
Ольга (сослуживица Н. Бесчеревных) 147, 149
Ольховский Андрей 39
Орлова Ольга 28, 44, 59, 68, 77, 92, 123, 133, 135, 147, 169, 172, 203,
211, 214, 245, 271, 282, 284, 304
Оскоцкий Валентин 330–333, 339–341, 355, 356, 376, 382, 390
Оссовский Пётр 174
Осьмёркин Александр 9, 49, 62
Ошанин Лев 82
Паладина Светлана 90–92

Панфилов Глеб 385
 Папанов Анатолий 264, 265
 Паскаль Константин 357
 Пастернак Борис 25, 35, 52, 126, 164, 193, 239, 244, 352, 359, 380, 385, 389, 390
 Пастернак Леонид 10, 24, 25, 37, 48, 51–53, 55, 61–63, 83, 97, 140, 141
 Пате 109
 Пашков Иван 21
 Пашков Николай 229
 Пензин Виктор 321
 Передреев Анатолий 381
 Петров Владимир 145
 Петров Олег 142, 198, 307
 Петрушкин Владимир 224
 Петрушкина Екатерина 174
 Пикассо Пабло 271, 383
 Пиков Михаил 322
 Писсарро Камиль 110, 140
 Пименов Юрий 24
 Пластов Аркадий 9, 49, 62
 Плисецкая Майя 79
 Поварова Юлия 244
 Познанская Наталья 229
 Познер Владимир 374
 Поленов Василий 37, 52, 101
 Поляков Анатолий 20, 37, 44, 114–119, 124, 126, 128, 129, 165, 306, 342
 Поляков Юрий 299, 303
 Понаровская Ирина 156
 Понедельник Виктор 396
 Попов Александр 193
 Попов Виктор 214, 228, 257, 281, 288, 289, 302, 306
 Попова (урождённая Прунтова) Клавдия 95
 Потёмкин Александр 379
 Приёмыхов Валерий 337, 339
 Примаков Евгений 244, 282
 Пронин Владимир 274
 Прунтов Борис 396
 Прунтов Юрий 259, 397, 405
 Прунтова Любовь 27, 32, 123, 126, 169, 172, 396

Прунтова Наталья 259, 405
Пуни Иван 175
Пуссен Никола 84
Пустовитовская Ирина 204
Пустовитовский Владимир 36, 37, 147, 160, 204, 228, 246, 287
Путин Владимир 294
Пушкин Александр 5, 15, 35, 38, 63–65, 193, 204, 239, 251, 286, 288–290, 323
Рабин Исхак 31
Рабин Оскар 31, 159
Радзинский Эдуард 181
Радонежский Сергей 21, 49
Райберг Владимир 159, 211, 214, 223–225, 228, 246, 254, 343
Ракина Ирина 39, 41
Распутина Маша 264
Рац Вера 155, 166
Рац Владимир 155, 166
Рац Наталья 155, 166
Ревалд Джон 73, 110, 113
Редон Одилон 140
Рейган Рональд 93
Рейн Евгений 42, 175, 181, 342, 374
Рембрандт ван Рейн 383
Ремизов Александр 256
Ремизов (Ре-Ми) Николай 321
Ремизова Александра 256
Ренуар Огюст 72, 110, 140
Репин Илья 37, 52, 83
Реформатская Мария 246
Риго Бела 322, 323, 340, 360
Рильке Мария 52
Ричард III 219
Ровенских Александр 258
Роден Огюст 52
Родионов Андрей 107, 168
Рожкова Наталья 215, 226, 227, 306, 361
Розанов Александр 256
Розовский Марк 332
Рой Галина 114, 115, 118, 119, 122, 124, 128, 137, 144, 165, 167, 173, 175, 176, 180, 182–184, 197, 207, 211, 214, 215, 225, 230, 246, 254, 256, 264, 280, 286, 301, 341, 345, 361, 380

Роксана (Павловна) 167
Романовы 22
Рост Юрий 175
Рошин Михаил 258
Рубенс Питер 338
Рублёв Андрей 22
Рудаков Константин 322
Рукина Виктория 44, 61, 123, 127, 206, 211, 257, 304, 370
Руссель Ксавье 140
Рыбаков Борис 143
Рыбалтовская Наталья 211, 225, 229, 257, 281, 304
Рыжков Владимир 280
Рюрик 22
Ряшенцев Юрий 327, 328
Саакян Ашот 233
Саврасов Алексей 145
Саед-Шах Анна 129
Сальери Антонио 32
Само 291
Самовская Ольга 225, 271, 297, 324, 325, 328, 329, 361, 365, 369, 442
Сампрас Пит 78, 80
Сарьян Мартирос 322
Сварожич 131
Светличная Светлана 246
Северный 323
Северянин Игорь 35
Сезанн (мадам) 251
Сезанн Поль 15, 71, 140, 251–253
Сенчева Галина 112, 130
Серафимович Александр 387
Сервантес Мигель 383
Серебров Сергей 354, 378, 436, 440
Сереброва Елена 378, 436
Серебрякова Зинаида 84
Серёгин Сергей 140
Серёжа 154
Серов Валентин 37, 145
Сёмина Людмила 323
Сидоров Валентин 174
Сидорова Валентина 20, 27, 31, 32, 35, 132, 133, 135, 151, 165, 291, 412

Сидорова Ксения 20, 32
Симановский Игорь 246
Симонова Майя 247
Синявская Мария 363
Скил 131
Склифосовский Николай 437
Скороходов Александр 244, 257, 405, 409, 421, 425, 440
Скороходов Алексей 27, 95, 134, 177, 244, 257, 259, 405–407, 409, 412, 421, 425
Скороходов Константин 405, 406
Скороходова Ираида 88, 94, 95, 123, 244, 257, 259, 352, 405, 406, 412, 413
Смирнов Александр 85
Смирнова Наталья 19, 21, 22, 26, 51, 76, 83, 99, 131, 133
Смогул Александр 162, 275, 281, 298, 299, 302
Смоктунский Иннокентий 143
Смыслов Сергей 204, 214, 308
Смылова Светлана 308
Соболев Борис 238
Соколов Леонид 139
Соколов Михаил 161
Сокольский Сергей 246, 257
Солженицын Александр 331
Солженицына Наталья 363
Соловьёв Владимир 52
Соловьёв Леонид 96, 99, 108
Сологуб Фёдор 98
Соломин Юрий 286
Солоухин Владимир 212
Сомов Константин 321
Сорин Игорь 246, 254–256
Сорокин Иван 161
Сорокина (урождённая Телюк) Анна 306
Сорокина Арина 256
Сполитак Екатерина 214
Сталин Иосиф 241
Станиславский Константин 185
Старовойтова Галина 254, 280
Старшинов Николай 14, 114, 116, 119–121, 124, 126, 162–164, 167, 175, 182, 204, 211, 212, 221, 271, 277, 278, 310
Степан 396

Степашин Сергей 282, 294
Стефан (ксѣндз) 313
Стожаров Владимир 161
Стрельцова Татьяна 87
Стремитина Наталья 137, 378
Строкань Сергей 40
Студит Фёдор 99
Суворов Александр 366, 370
Суворов Пётр 161
Суворова Анна 161
Судковский Руфин 157
Сумарокова Юлия 108
Суриков Василий 101
Суханов Максим 185
Суханова Татьяна 163, 185, 190, 192, 195, 196, 206, 290, 358
Суховецкая Юлия 340, 352
Суховецкий Алексей 161, 352
Сухотина-Толстая Татьяна 53, 58, 63, 64, 71, 76, 78, 79, 81, 85, 86, 94, 97
Сыркина Флора 146, 217–220
Сычёва Валерия 197
Табаков Олег 79, 96, 385
Таль Андрей 179, 180, 198, 199, 202, 203, 242, 246
Таль Римма 242
Танеев Сергей 97
Тарпищев Шамиль 66
Татьяна 194
Твардовский Александр 239, 339
Телюк Александр 112, 130
Телюк Надежда 130, 291
Телюк Нина 112, 123, 127, 211, 306, 356
Телюк Татьяна 32, 112, 195, 198, 204, 248, 291, 301, 306, 317, 334, 355–357
Телюк Юрий 32, 109, 112, 130, 175, 198, 204, 248, 291, 301, 317, 334, 356, 357
Темченко Александр 309, 313, 317, 318
Теплицкая Галина 206
Теплицкий Владимир 123, 126, 159, 206, 260, 306
Тепляков Владимир 255
Терешкова Валентина 188
Тёрнер Уильям 62, 63

Тимкина Татьяна 323
Тихомирова Галина 235
Тищенко Вячеслав 191
Ткаченко Александр 231
Товстоногов Георгий 332
Толстая (урождённая Берс) Софья 76, 97, 102, 363
Толстой Алексей 207, 329, 331
Толстой Иван 97
Толстой Лев 10, 51–53, 55, 58, 61, 63, 64, 75, 76, 85, 86, 97, 98, 227, 280
Толстой Сергей 98
Томилина Александра 324
Тризна Леонид 135, 136
Трифонов Юрий 181
Трунькин Дмитрий 59, 203
Тулеев Аман 137
Тургенев Иван 85
Тышлер Александр 145–147, 205, 217, 218, 220
Тютчев Фёдор 35
Тяжлов Анатолий 165
Угодник Николай 188
Угольников Игорь 59
Уланова Галина 15, 209
Урусов Дмитрий 362, 365
Усанов Евгений 323
Усанова Елизавета 247
Усачёва Марина 117
Устинова Елена 378
Утрилло Морис 140
Фаворский Владимир 21, 26, 131, 321
Фадеев Александр 144
Фальк Роберт 253
Фатюшин Александр 276–278, 284, 303, 333, 334
Федюхина Елена 167
Федяева Татьяна 156
Феликс 144
Феллини Федерико 274
Фет Афанасий 35, 63
Фетисова Ирина 270, 272, 273, 297, 328, 329, 347–349, 362, 365, 442
Фёдоров Иван 321
Фёдоров Николай 52

Фёдоров Святослав 137
Фирова Ираида 21, 91, 123, 143, 148, 165, 166, 169, 171, 211, 214,
225, 257, 302, 306, 319, 342, 356, 442
Фирсов Владимир 182, 183, 207, 226, 257, 287, 288, 292, 303
Флоренский Павел 247
Фоменко Николай 65
Фомин Сергей 138, 147, 241, 242, 304, 308, 319
Фомина Ирина 136, 138, 147, 241, 242, 304, 308, 319
Фурцева Екатерина 329
Хаберманн Гуго 200
Хакамада Ирина 294
Харитонов Андрей 57
Харламов Алексей 322
Харламов Сергей 49
Хармс Даниил 244, 245, 295
Хасбулатов Руслан 70
Хигер Борис 295
Хитрук Фёдор 271, 279
Хлебников Велимир 190
Хлебников Павел 235
Ходасевич Валентина 200, 202
Ходасевич Владислав 159
Хомчик Галина 298, 300
Хорошевич Анна 340
Хохлов Александр 307, 312, 317
Хохлова Татьяна 307, 309, 310, 312, 314, 319, 386
Христос Иисус 42, 95, 140, 245, 248
Хрущёв Никита 175, 380, 381
Хрящёв Илья 233
Цапин Владимир 211, 248, 276
Цветаева Марина 35, 164
Цепаева Наталья 167
Церетели Зураб 250, 388
Цибирняк 103
Цыбин Владимир 183
Цыбисов Михаил 409
Чайковский Пётр 249, 372, 373
Чапаев Василий 219
Чарушин Евгений 322
Чельшев Евгений 295
Чепурию Константин 258

Черецкая 351
 Черномырдин Виктор 11, 12, 28, 60, 92, 93, 100, 101, 104
 Чернышевский Николай 63, 69
 Черняк Алексей 172
 Черняк Вадим 165, 167, 169–173, 232, 258–260, 303, 340, 347, 371, 387
 Чертков Владимир 97
 Чесноков Андрей 39, 78, 80
 Чехов Антон 96
 Чехонин Сергей 321
 Чёрный Саша 323
 Чикин Павел 245, 257, 286, 303
 Чикина Ирина 245, 257, 303
 Чирков Андрей 66, 229
 Чистякова Нина 221, 233, 273, 361, 362, 365
 Чичёв Виктор 226
 Чичибабин Борис 126
 Чкалов Валерий 92
 Чубайс Анатолий 300
 Чуковский Корней 244, 295, 386
 Чулович Виктор 161
 Чупров Александр 52
 Чурикова Инна 374, 385
 Чухонцев Олег 181, 328
 Шагал Марк 250
 Шагаров Андрей 23, 24, 27, 113, 133, 148, 166, 167
 Шакурн 137
 Шаляпин Фёдор 323
 Шамардин Анатолий 211, 229
 Шаров Владимир 189
 Шаталов Александр 180–182
 Шахотько Евгения 195, 233, 273
 Шацков Андрей 114, 116, 117, 119, 124, 165, 176, 180, 182, 183, 191, 193, 194, 211, 213, 215, 216, 228, 254, 255, 257, 275, 281, 288, 289, 292, 303, 304, 306, 380
 Шверник Николай 81, 87, 88, 180, 198, 199, 202, 207, 224, 229–231, 237, 239, 241, 243, 247, 250
 Шевандронова Ирина 161
 Шевцов Игорь 139
 Шекспир Уильям 219, 220, 246
 Шемякин Михаил 235, 274

Шехтер 283
 Шибаевы 414
 Шилов Александр 62
 Шишкин Иван 24, 52, 139, 145, 399
 Шишков Юрий 273
 Шифрин Ефим 79
 Шмидт Мария 94
 Шодиев Назим 432, 434
 Шопен Фредерик 311, 319, 333
 Шотов Михаил 226
 Штыров Сергей 210
 Шумов Виктор 231, 352
 Шумов Владимир 208, 231, 293, 352, 421
 Шумова Антонина 356
 Шумянкова (урождённая Петрова) Наталья 27, 108, 109, 138, 165,
 169, 172, 206, 225, 229, 281, 293, 294, 354, 356, 412, 435, 439–443
 Шумянкова Татьяна 27, 225, 281, 294
 Щедрин Валерий 187
 Щепотьева Елена 289
 Щепкин Михаил 90
 Щетинин Владимир 21, 29, 36, 75, 76, 82, 84, 90, 124, 127, 133, 165,
 169, 173, 211, 214, 217, 281, 306, 394, 431
 Щуплов Александр 228, 310, 320, 343, 359, 360, 370, 378, 390
 Эйк Ян 84
 Энгр Жан-Огюст 62
 Эренбург Илья 188
 Юдифь 257
 Юсипов Анатолий 184, 195, 225, 229, 282–284
 Явлинский Григорий 11, 12, 28, 60, 92, 93, 101, 104, 137, 280, 294
 Яковлев Евгений 123
 Яковлев Павел 188
 Яковлева Елена 188
 Якушева Валентина 129
 Якушин Сергей 126
 Ярмольник Леонид 65

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Аннинский. Защитница</i>	4
--------------------------------------	---

ИРИЗДАТ

I. Дневник (3.11.1995–3.03.2004)	19
II. Неоконченное, или всё, что осталось от сказки (9–20.07.2010. Ильинский Погост.)	392

P.S.

<i>С. Телюк. Прощание</i>	431
---------------------------------	-----

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

<i>Л. Звонарёва</i>	451
<i>Л. Аннинский</i>	451
<i>Л. Глушковская</i>	452
<i>П. Крючков</i>	453

Алфавитный указатель имён, упомянутых в книге	454
--	-----

Ирина Викторовна Телюк

ВСЁ, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ СКАЗКИ

Общая редакция
и компьютерная вёрстка *Сергей Телюк*
Редактор *Анна Гедымин*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 40.
Тираж I з-д 50 экз.
II з-д 20 экз.

ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга»

Тел.: (495) 739–5680

<http://www.raduga-print.ru>

<http://www.radugaprint.ru>

Телюк Ирина Викторовна

(1952–2010)

Окончила Московский институт электронного машиностроения (1975), Заочный народный университет искусств (1996) и Академию живописи Университета

Наталии Нестеровой, мастерские народных художников РФ Кулакова В. А., Кузнецова А. В. и Алимова С. А. (2002).

Была членом Московского союза художников с 2002 г. (секция монументально-декоративного искусства).

Начала выставляться с 1995 г. Участница ряда выставок в ЦВЗ «Манеж» (2002, 2007), МГВЗ «Новый Манеж» (2002), ЦДХ на Крымском валу (2002–2010), МДХ на Кузнецком мосту, 11 (1999, 2004, 2006, 2009) и некоторых других выставочных залах и музеях Москвы. Персональные выставки прошли в Сероцке (Польша, 1999), ЦДЛ (Москва, 2003) и выставочном зале МСХ на Старосадском, 5 (Москва, 2007).

Работала в области живописи, станковой и книжной графики, мозаики. Ею выполнены иллюстрации к поэтическим книгам Сергея Телюка: «Сказание о сколотах» (1996), «Сказания о праславянах» (1997), «Кое-что о Юливане» (1998), «Книга вторая. Страна родная» (1999), «Книга легенд» (2001), «Предначертание» (2004), «И отчалит кораблик, привет...» (2006); а также к «Знакам зодиака» (2002) Белы Риго (перевод с венгерского С. Телюка).

Награждена дипломом МСХ (2004), лауреат VIII Артиады народов России за графические циклы последних лет (2006).

Получила благодарность от Министра культуры и массовых коммуникаций РФ за большой вклад в развитие и сохранение культуры и искусства (2008).